АКАДЕМИЯ НАУК СССР

С. Б. Бернштейн

ОЧЕРК СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

С. Б. Бернштейн

ОЧЕРК СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1961

inslav

inslav

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный „Очерк“ представляет собою обработанную стенограмму общего курса сравнительной грамматики славянских языков, читавшегося в Московском университете. Мы поставили перед собою задачу дать студентам учебник, который в систематизированном виде содержал бы историю праславянского языка и важнейших общеславянских процессов. В книге уделяется внимание отдельным вопросам методологии и методики сравнительно-исторических изучений групп родственных языков.

Настоящая работа состоит из двух разделов: „Введение“ и „Фонетика“. Вопросам словообразования и морфологии будет посвящена отдельная книга.

Ни в лекциях, ни в данном „Очерке“ мы не даем истории изучения каждой проблемы. Наша задача — дать изложение современного состояния науки. В ряде случаев мы предлагаем собственное решение некоторых вопросов. В книге указывается литература, самостоятельное изучение которой поможет студентам познакомиться с проблемами, по различным причинам не затронутыми в нашем „Очерке“. Кроме того, ознакомление с рядом новых трудов введет читателя в круг тех проблем, которые интенсивно обсуждаются в современной науке, но освещенных в нашем „Очерке“ традиционно, так как дискуссия по этим проблемам еще не может считаться законченной.

Сравнительная грамматика славянских языков читается студентам четвертого курса филологических факультетов университетов. Поэтому слушатели должны знать старославянский язык, историческую грамматику русского языка, украинский или белорусский языки, один из зарубежных славянских языков и иметь необходимые сведения из области физиологии и акустики звуков, основных вопросов фонологической теории. Это необходимо помнить читателям „Очерка“, так как отбор материала и вся система доказательств предполагают определенный уровень подготовки.

После ознакомления с вводными разделами курса целесообразно ознакомиться с графикой и правописанием современных славянских языков, так как примеры нередко будут приводиться из тех языков, которые читатель может не знать. Для этой цели рекомендуем восполь-

inslav

зоваться текстом из „Как закалялась сталь“ Н. А. Островского на различных славянских языках (кроме македонского и сербо-лужицких), опубликованным нами в „Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР“ (вып. 18, стр. 15—18).

Все примеры из родственных индоевропейских языков обычно снабжены русским переводом в том случае, если их значение не соответствует значению славянского примера. Все гипотетически восстанавливаемые слова и формы родственных индоевропейских языков даются под звездочкой.

Наш курс сравнительной грамматики славянских языков складывался в течение многих лет. Текст данной книги представляет собою стенограмму курсов, читанных в 1952/53 и 1953/54 учебных годах. Однако при подготовке книги к печати были учтены некоторые более поздние публикации.

При изучении сравнительной грамматики славянских языков можно рекомендовать широко известную книгу Мейе „Общеславянский язык“ (М., 1951), пособия Селищева „Славянское языкознание“ (ч. I, М., 1941) и „Старославянский язык“ (ч. I, М., 1951; ч. II, М., 1952), коллективный труд польских славистов Лер-Сплавинского, Курашкевича и Славского „Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich“ (Warszawa, 1954), пособие Нахтигала „Slovanski jeziki“ (Ljubljana, 1952) и руководство чешского слависта Горалка „Úvod do studia slovanských jazyků“ (Praha, 1955). Также могут оказать помощь небольшая, но очень содержательная книжка Гуйера „Введение в историю чешского языка“ (М., 1953) и ценный труд Ван-Вейка „История старославянского языка“ (М., 1957).

Для большей наглядности в „Очерке“ даются карты, на которых в самой общей форме показаны древнейшая территория праславянского языка, некоторые изоглоссы, относящиеся к различным периодам истории славянских языков. Карты выполнены Г. П. Клепиковой. Все указатели составлены М. И. Ермаковой. В подготовке рукописи к набору принимали участие А. М. Булыгина-Шейнкерман, В. А. Дыбо, М. И. Ермакова и Л. С. Малаховская. В. А. Дыбо и В. М. Иллич-Свитыч прочитали первую корректуру книги. Считаю приятным долгом выразить всем названным лицам свою благодарность.

inslav

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЯЗЫКОВ

ав. — авестийский
алб. — албанский
англ. — английский
арм. — армянский
блр. — белорусский
болг. — болгарский
в.-луж. — верхнелужицкий
гот. — готский
греч. — греческий
дат. — датский
двн. — древневерхненемецкий
дор. — дорийский
др. — древний
др.-инд. — древнеиндийский
и.-е. — индоевропейский
ирл. — ирландский
кашубск. — кашубский
кельт. — кельтский
кимр. — кимрский
корн. — корнуэльский
лат. — латинский
лит. — литовский
латш. — латышский
мак. — македонский
нем. — немецкий
н.-луж. — нижнелужицкий
осет. — осетинский
оскс. — оскский
полаб. — полабский
польск. — польский
прус. — прусский
псл. — праславянский
рум. — румынский
русск. — русский
сакс. — саксонский
свн. — средневерхненемецкий
скд. — скандинавский
слвц. — словацкий
слов. — словенский
ст.-сл. — старославянский
схр. — сербохорватский
тох. А. — тохарский А.
тох. В. — тохарский В.
укр. — украинский
фин. — финский
хет. — хеттский
чак. — чакавский
чешск. — чешский
шток. — штокавский

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ СЛОВАРЕЙ И ЖУРНАЛОВ

BMSS — „Beogradski međunarodni slavistički sastanak"
BrES — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego.
IF — „Indogermanische Forschungen"
JФ — „Јужнословенски филолог"
KZ — „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen"
LP — „Lingua Posnaniensis"
PF — „Prace filologiczne"
RÉSl — „Revue des études slaves"

inslav

RS — „Rocznik slawistyczny“
SEJP — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego
SPAU — „Sprawozdania z czynnosci i posiedzeń“
СМБД — „Статьи и материалы по болгарской диалектологии“
СДПСЭИВ — „Сборник документов по социально-экономической истории Византии“
TCLP — „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“
VEW — M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch
ZfPh — „Zeitschrift für Phonetik und Allgemeine Sprachwissenschaft“
ZfslPh — „Zeitschrift für slavische Philologie“

inslav

ВВЕДЕНИЕ

inslav

inslav

§ 1. Сравнительная грамматика славянских языков — важнейшая дисциплина в системе высшего лингвистического образования. Значение ее гораздо шире, нежели обычно думают люди, лишь приступающие к изучению ее основ. Она является продолжением таких дисциплин, как старославянский язык и историческая грамматика русского языка. Сравнительно-историческое изучение славянских языков дает возможность глубже изучить историю русского языка, историю дописьменного периода отдельных славянских языков, историю праславянского языка. Сравнительная грамматика славянских языков имеет и большое общетеоретическое значение. Она тесно связана с введением в языкознание и общим языкознанием. Здесь можно познакомиться с важнейшими приемами сравнительно-исторического изучения родственных языков, с методами реконструкции, с принципами этимологического анализа и другими важными вопросами теоретического языкознания.

Сравнительная грамматика славянских языков — наука относительно молодая. Она сформировалась лишь в XIX в. Отсюда, однако, не следует делать заключений, что до XIX в. ученые не сравнивали славянских языков между собою. И прежде сравнивали различные славянские слова, но сравнивали произвольно, по внешнему сходству. Однако уже в XVIII в. начали понимать, что сравнение родственных слов должно опираться на какие-то научные основы. „Знаю, — писал Тредьяковский, — что произведение имен есть такой довод, который опасно и благоразумно приводить должно: ибо оно сходственным звоном, в самом чуждом языке изобретаемым, способно и прельстить и обольстить может. Но ежели такое произведение законам своим правильно следует; то едва ль сего доказательства, в сем случае, возможет быть другое вероятнее“ (Булич. Очерк..., 207[1]). Однако, несмотря на это, сам же Тредьяковский прославился необыкновенно фантастическими сопоставлениями (ср. „Италия“ — „Удалия“, „Норвегия“ — „Наверхия“ и т. д.). Следует указать на то, что различного рода антинаучные сопоставления языков, опирающиеся на ложные этимологии, часто встречались и в XIX в. (ср., например, различные толкования слов

[1] В этом и других аналогичных случаях полное название книги и выходные данные см. в Библиографическом указателе.

inslav

в лекциях по славянским литературам Мицкевича), встречаются и в настоящее время (например, сопоставления и этимологии в книге Яковлева „Холопство и холопы в Московском государстве XVII века“, 1943).

Создание научной базы для сравнения родственных языков в первой половине XIX в. привело к формированию новой и очень важной отрасли языкознания. Усложнялись и задачи, которые ставили перед собою ученые. Прежде они сравнивали только для того, чтобы установить этимологию слова. Теперь сравнительный метод дал им возможность исследовать историю языков, реконструировать слова и их формы, утраченные задолго до появления первых памятников письменности. Этот метод сделал сравнительное языкознание точной наукой. Известны случаи, когда реконструируемые формы и слова позже были обнаружены во вновь найденных текстах и надписях.

§ 2. Сравнительная грамматика и родство языков. До возникновения сравнительного языкознания не было ясного представления о родстве языков. Прежде оно устанавливалось чисто эмпирически. Поэтому здесь допускались грубые ошибки. Научными методами родство языков могло быть установлено лишь на основе сравнительно-исторического их изучения. Были установлены группы или семьи родственных языков (например, индоевропейская семья языков, финно-угорская семья языков, тюркская семья языков и т. д.). Сравнительно-историческое изучение языков опирается на изучение родственных языков, т. е. языков, восходящих к одному источнику, к одной основе. Однако часто языковеды для различных целей сравнивают и языки неродственные. Но такое изучение будет уже сопоставительным. Очень часто пользуются этим приемом при изучении типологии языков, синтаксических явлений, а также при изучении семасиологических процессов. В настоящее время широкое развитие в языкознании получило типологическое изучение различных фонологических систем. Фонологическая типология помогла решить ряд важных задач реконструкции индоевропейского праязыка.

Между родственными языками существует различная степень родства. Есть близкородственные языки (например, шведский и норвежский, финский и эстонский, турецкий и туркменский) и языки, родство которых можно установить в результате сложных изучений, опирающихся на глубокий этимологический анализ (например, армянский и латинский). Вот почему, кроме, например, общей сравнительной грамматики индоевропейских языков, задача которой состоит в реконструкции индоевропейского праязыка и его истории, существуют еще сравнительные грамматики отдельных групп или ветвей индоевропейских языков (сравнительная грамматика германских языков, кельтских языков, славянских языков и т. д.). Сравнительная грамматика индоевропейских языков широко использует те данные, которые дают сравнительные грамматики отдельных групп индоевропейских языков.

inslav

Следует, однако, знать, что сравнительная грамматика индоевропейских языков имеет и свой материал. Не все факты, отраженные, например, в славянских языках, могут быть объяснены специалистом по сравнительной грамматике славянских языков. Праславянский язык пережил очень сложную и очень длительную историю после выделения его из индоевропейского праязыка. Эта история исследуется славистом. Но во многих случаях праславянский язык содержал следы очень старых процессов, происходивших еще в индоевропейский период или в самые начальные эпохи праславянского языка, когда он был лишь диалектом индоевропейского праязыка. Эти процессы оживают только в том случае, если они исследуются на материале родственных индоевропейских языков. Славист имеет возможность изучать историю праславянского языка после выделения его из индоевропейского, но он лишен возможности интерпретировать те факты праславянского языка, которые отражают процессы более древние. Вот почему многие крупнейшие открытия на материале праславянского языка были сделаны не славистами, а специалистами по сравнительной грамматике индоевропейских языков (например, Шлейхером, Фортунатовым, Куриловичем и др.). Очень часто славянские языки не дают возможности проанализировать факты праславянского языка в историческом аспекте. Эти факты изучаются индоевропеистами. Естественно, что слависты не могут принимать участия в обсуждении теории индоевропейского корня, происхождения падежной системы, несмотря на то, что при решении всех этих вопросов славянский языковой материал занимает не последнее место.

Сравнительно-историческое изучение родственных языков строится на основе разработанной методики, которая определяется методологическими принципами нашей науки. Не может быть подлинной сравнительной грамматики, скажем, русского и осетинского языков, несмотря на то, что эти два языка родственны. Сравнение двух языков вне истории даст очень мало для решения задач, стоящих перед специалистом в области сравнительной грамматики индоевропейских языков. Основной методический принцип сравнения в данном случае требует восстановления фактов праславянского и праиранского языков. Лишь после этого сравнение славянских и иранских языков может быть подлинно сравнительно-историческим. Этот важный методический принцип нашей науки очень часто нарушался в XIX в., а в области синтаксических исследований нередко нарушается и теперь.

Практически праязыковая форма одной ветви языков обычно сравнивается не с праязыковой формой другой, а с реально существующей или существовавшей формой в одном из родственных языков. Так, псл. *osa* мы обычно сравниваем не с прабалтийской формой, а с лит. *vapsà*, не с прагерманской, а с двн. *wafsa*. Но это мы делаем только в том случае, если знаем историю данного слова в балтийских и германских языках. Это сравнение дает нам возможность восстановить

inslav

праславянское *wopsa*, откуда затем *wosa* и, наконец, *osa*. Мы уверенно сопоставляем праславянскую морфему *gen-* 'жена' с гот. *qinô*, так как знаем, что индоевропейский [g^w] в прагерманском изменился в [k^w], а гласный [e] изменился в [i].

Носовой гласный в праславянском *pǫtь* мы сравниваем не с близким ему носовым во французском *pont*, а с сочетанием [on] в латинском *pons*, (род. п.) *pontis*. Сравнение с латинским дает возможность в данном случае определить исходную позицию морфемы. Материал французского находится вне сравнительной грамматики славянских языков.

Следует указать, что и сравнение близких языков не всегда будет отвечать требованиям сравнительно-исторического языкознания. У нас имеется книжка Бодуэна де Куртенэ „Польский язык сравнительно с русским и древнецерковнославянским" (СПб., 1912). Сам автор предназначал ее для практических занятий по сравнительной грамматике славянских языков, хотя и отмечал, что она лишена систематичности. В книге находим отрывочные сопоставления польского языка с русским и старославянским (по старой терминологии древнецерковнославянским), что, очевидно, не имеет никакого отношения к сравнительному изучению этих языков. Из фонетики автор совершенно произвольно на двух страничках текста указывает на некоторые соответствия между данными языками. Аналогичные внешние сопоставления находим и в разделе, посвященном морфологии. Автор из всех этих случайных сопоставлений не выводит никакой теории, игнорирует не только проблему реконструкции, но и собственной истории отдельных явлений польского, русского и старославянского языков. Очевидно, что подобные сопоставления, помогающие в ряде случаев практическому усвоению языков, не являются сравнительно-историческими.

§ 3. Сравнительная грамматика и теория субстрата. Итак, необходимо различать языки родственные и неродственные. Родственные языки восходят к одному источнику, который принято в науке называть праязыком. Из индоевропейского праязыка в результате длительной эволюции возникли современные индоевропейские языки, представляющие много общего как в корнеслове, так и в формативах. Однако сходство между языками может определяться не только общностью их происхождения из одного языка, но влиянием, воздействием одного языка на другой. Формы воздействия бывают различные. Особенно часто мы имеем дело с обычными лексическими заимствованиями (например, татарские слова в русском, турецкие в болгарском, итальянские в словенском и т. д.). Влияют языки и близкородственные. Так, в белорусском найдем не мало заимствований из польского, в болгарском из русского, в польском из чешского и т. д. Необходимым условием сравнительно-исторических исследований является последовательное отделение заимствованной лексики от исконной. Реконструкции древнейших прототипов осуществляются обычно на основе исконных

inslav

морфем. Однако в сравнительно-исторических исследованиях нельзя пренебрегать и древнейшими заимствованиями. Как мы увидим дальше, именно с помощью заимствованной лексики удалось установить хронологию многих важных процессов дописьменной эпохи.

Приходится иметь дело языковедам еще и с так называемыми языковыми союзами. В „языковой союз" могут входить как родственные, так и неродственные языки. Так, в „балканский языковой союз" входят индоевропейские языки: новогреческий, албанский, румынский с его различными диалектами, болгарский, македонский, частично сербохорватский. В „поволжский языковой союз" входят некоторые тюркские и финно-угорские языки. В результате различных историко-культурных и этногенетических причин в определенной группе языков, связанных между собою территориально, возникают многочисленные фонетические, грамматические и лексические изоглоссы. Эти изоглоссы могут характеризовать материальное тожество. В таком случае мы обычно будем иметь дело с заимствованиями, о которых мы говорили выше. Но изоглоссы могут характеризовать и структурное сходство. Именно эти последние и дают основания для установления „языковых союзов".

В указанных выше балканских языках широкое развитие получил конъюнктив, утрачена инфинитивная форма, в ряде языков употребляется постпозитивная членная форма, развилось двойное приглагольное дополнение и ряд других черт. Все эти особенности балканских языков генетически связаны между собою, так как они возникли под влиянием общего для них древнего субстрата. Историк, например, болгарского языка не может пройти мимо указанных черт, так как они принадлежат к важнейшим элементам структуры этого языка. Однако так называемые балканизмы болгарского языка не могут изучаться в плане сравнительной грамматики славянских языков, так как они коренным образом отличают болгарский язык от славянских.

Нельзя создать сравнительной грамматики языков „балканского языкового союза", так как на основании сравнения, скажем, аналогичной конструкции болг. *да*, греч. *να*, алб. *të* рум. *să* и личных форм глагола нельзя реально реконструировать ту исходную конструкцию языка балканского этнического субстрата, которая обусловила возникновение указанного „балканизма". В данном случае мы можем говорить только о структуре данной конструкции в языке субстрата.

Отсюда нельзя делать вывод, что специалист по сравнительной грамматике всегда проходит мимо фактов, возникших под воздействием субстрата. Отнюдь нет. Весь вопрос заключается в том, когда эти явления возникли и в какой степени они характеризуют данную группу языков. В славянских языках мы можем отыскать следы влияний различных субстратов, относящихся к разным эпохам. Наиболее древние относятся к эпохе „балто-славянской сообщности". Возможно, что именно тогда под влиянием субстрата в балтийских и славянских языках

inslav

возникла новая синтаксическая конструкция — родительный отрицания. Эта конструкция прочно вошла в праславянский язык, из него перешла в современные славянские языки. У нас нет никаких оснований это важное явление исключать из сравнительного синтаксиса славянских языков. Другое дело, например, явление цоканья в русском языке, которое имеет некоторые аналогии в польском, полабском, нижнелужицком и в сербохорватском языках. Оно возникло поздно, носит локальный характер. Нет сомнения, что цоканье находится вне проблематики сравнительной грамматики славянских языков. То же самое можно сказать и о польском мазурении и сербохорватском цакавизме.

Большое место факты субстратного характера занимают в сравнительной грамматике германских языков. Объясняется это тем, что германские языки сформировались в результате усвоения одного из диалектов индоевропейского языка неиндоевропейским населением. „Германский язык, — писал Мейе, — столь резко порвавший с индоевропейскими навыками, является индоевропейским языком, на котором говорит новая народность, принявшая индоевропейский, но произносившая его на новый лад; завоеватели, принесшие с собой индоевропейский язык, не были ни достаточно многочисленны, ни достаточно могущественны, чтобы навязать свой способ произношения; население, покоренное ими и принявшее их язык, способствовало распространению типа произношения, отличного от старого, и новых тенденций“ („Основные особенности...“, 31—32). В последнее время наметилась тенденция ограничить роль неиндоевропейского субстрата в формировании прагерманского языка. Однако это привело к тому, что вместо простых и убедительных объяснений причин древнейших фонетических процессов получили некоторое распространение объяснения сложные и мало убедительные.

Без учета роли кавказского неиндоевропейского субстрата невозможно понять возникновение смычно-гортанных согласных в осетинском языке, которые его отличают от родственных иранских языков и сближают с неродственными кавказскими языками. Конечно, эта особенность осетинского языка находится вне сравнительной грамматики иранских языков.

Индоевропейский субстрат мог играть большую роль и в формировании некоторых индоевропейских языков. К таким языкам относятся романские языки, которые возникли, как правило, в результате усвоения народной разговорной латыни кельтами. Ряд важнейших особенностей французского языка объясняется именно кельтским субстратом (например, изменение [u] в [ü]). Думаю, что и древний субстрат румынского языка был также кельтским.

В истории праславянского языка, а также и большинства отдельных славянских языков субстрат существенной роли не играл. Праславянский язык не пережил глубоких и коренных изменений, как, например, прагерманский. Да и сам темп праславянских изменений был более

inslav

медленным, нежели прагерманских. Объясняется это тем, что носители праславянского языка, в отличие, например, от прагерманского, были индоевропейцами. Коренных этнических изменений на территории распространения праславянского языка не было. Именно поэтому праславянский, как верно отметил Мейе, „продолжает... без какого-либо перерыва развитие общеиндоевропейского языка; в нем нельзя заметить тех внезапных изменений, которые придают столь характерный вид языкам греческому, италийским (особенно латинскому), кельтским, германским“ („Общеславянский язык“, 14).

Иначе шло развитие болгарского языка. Здесь роль неславянского субстрата очень велика. Историк болгарского языка должен учитывать ее постоянно. Важную роль в истории польского и белорусского языков сыграл балтийский субстрат.

Сходства различного рода между языками земного шара могут определяться причинами, выходящими за границы генетических или территориальных связей. Они могут быть вызваны не историческими, а собственно языковыми, структурными причинами. Это — сходства типологические. Их можно обнаружить между языками, которые никогда не находились в родстве, никогда не вступали в непосредственный контакт друг с другом. Проблемами типологических структур языков земного шара языковеды интересуются уже давно. Здесь можно упомянуть имена Габеленца, Финка, Тромбетти, Уленбека, Сепира, Ван-Гиннекена, Мещанинова, Гринберга, Скалички и многих других. Однако исследования в этой области до последнего времени шли параллельно и независимо от сравнительно-исторических изучений, так как казалось, что генетические и типологические связи являются принципиально различными категориями. В настоящее время делаются попытки увязать изучение типологии со сравнительной грамматикой (Якобсон).

§ 4. Предмет сравнительной грамматики. Каков предмет сравнительной грамматики славянских языков? Какие вопросы будут рассмотрены в нашем курсе? Сравнительная грамматика славянских языков должна содержать историю праславянского языка и историю общеславянских процессов в отдельных славянских языках. Здесь должны быть определены родственные отношения праславянского к другим индоевропейским языкам, охарактеризованы древнейшие заимствования из родственных и неродственных языков. Источниками сравнительной грамматики являются памятники письменности, народные говоры, тексты на литературных языках, топонимия, славянские заимствования в соседних языках и заимствования из родственных и неродственных языков в славянских. В плане сравнительно-исторических исследований тексты на литературных языках не имеют никаких особых преимуществ перед другими источниками. Значение литературной языковой нормы здесь сведено к нулю. Для специалиста по сравнительной грамматике она

inslav

не имеет никакого значения. В ряде случаев использование фактов литературных языков таит в себе большую опасность, так как в любом славянском литературном языке много инославянских заимствованных элементов, которые не всегда легко выделить. В последние годы делается попытка создать сравнительную грамматику славянских литературных языков. Но это совершенно особый отдел языкознания со своим материалом, со своей проблематикой и со своим методом.

Полный курс сравнительной грамматики славянских языков должен содержать фонетику, словообразование, морфологию, синтаксис и лексикологию. Нет сомнения в том, что в нем даже фразеология должна занять определенное место. Однако приемы изучения, например, фонетики и синтаксиса разные. Одни из них лучше разработаны, другие — хуже. Вот почему при современном состоянии науки невозможно все отделы сравнительной грамматики изложить в одинаковой степени полно и на одинаковом научном уровне. Так, фонетика разработана гораздо полнее и глубже, нежели синтаксис. В области синтаксических исследований до сих пор приходится сталкиваться с такими приемами изучения, которые в фонетике давно отвергнуты. Причина этого станет ясной после характеристики методов, которыми пользуются специалисты по сравнительной грамматике.

Университетский курс сравнительной грамматики славянских языков не может по чисто техническим причинам в полном виде содержать весь материал. Для этого пришлось бы читать лекции несколько лет. Да в этом и нет нужды, так как университетский курс должен подготовить почву для дальнейших самостоятельных занятий.

В данном курсе мы ставили перед собою следующие задачи:

а) изложить историю праславянского языка;

б) проследить на материале славянских языков важнейшие общеславянские процессы;

в) расширить представление студентов о сравнительно-историческом методе, о принципах реконструкции утраченных форм, о методах установления соотносительной хронологии, о принципах этимологического анализа.

Следует ли разграничивать сравнительную грамматику славянских языков и историческую грамматику отдельного славянского языка (например, историческую грамматику русского языка)? Безусловно, да, несмотря на то, что многие проблемы будут рассматриваться в обеих дисциплинах, несмотря на то, что и историк одного славянского языка широко пользуется сравнительно-историческим методом и материалом других славянских языков. В плане сравнительной грамматики изучение истории звукового и грамматического строя отдельных славянских языков представляет интерес только с точки зрения общеславянской. История редуцированных гласных, история категории твердости—мягкости согласных, история количества и ударения, история типов склонения, история глагольных времен и многое другое займет важное место

inslav

в сравнительной грамматике славянских языков. Процессы локальные, вызванные частными причинами, находятся вне сравнительной грамматики славянских языков. Конечно, между сравнительной грамматикой и историей отдельного языка нет резкой грани. Ее легче провести в элементарных курсах, труднее в больших и специальных исследованиях.

Существует еще дисциплина, которая занимает промежуточное положение между сравнительной грамматикой славянских языков и исторической грамматикой отдельного славянского языка. Речь идет о сравнительной грамматике отдельных групп славянских языков (например, о сравнительной грамматике восточнославянских языков). Сравнительная грамматика восточнославянских языков ближе к исторической грамматике русского языка, нежели к сравнительной грамматике славянских языков. Возможна сравнительная грамматика, опирающаяся только на часть языков отдельной группы славянских языков (например, на польско-поморско-полабскую группу диалектов).

При определении задач курса сравнительной грамматики, его содержания и объема необходимо учитывать также и конкретные условия: от какого времени идут памятники письменности, каковы возможности реконструкции праязыка и т. д. Так, сравнительные грамматики славянских, романских и кельтских языков будут существенным образом различаться по своему построению и даже по некоторым принципам, так как романский праязык зафиксирован в многочисленных текстах, славянский праязык сравнительно легко поддается реконструкции, а пракельтский язык восстановить невозможно, так как большинство кельтских языков бесследно исчезло.

§ 5. Метод сравнительной грамматики. Различные отделы языкознания имеют свои специфические приемы исследования. Основным приемом исследования в сравнительной грамматике является сравнительно-исторический метод. Суть его состоит в сравнении родственных морфем, в установлении определенных закономерностей в развитии данных морфем, в реконструкции на этой основе древнейшего прототипа.

Единицей, с которой имеет дело сравнительно-исторический метод, бесспорно, является морфема. Сравнение отдельных звуков в родственных языках, очень важное в ряде случаев, не имеет отношения к сравнительно-исторической грамматике. Сравнение немецкого [t] и английского [t] вне определенных морфем ничего не даст специалисту по сравнительной грамматике германских языков. Важнее оказывается то, что в определенных морфемах английский [t] соответствует немецкому [z]: ср. англ. *tell* — нем. *zählen*, англ. *to* — нем. *zu*, англ. *tide* — нем. *Zeit*, англ. *tongue* — нем. *Zunge*. Сравнение родственных морфем с учетом их истории дает возможность изучить основные закономерности фонетической эволюции в данных языках, вскрыть природу мно-

inslav

гих морфологических процессов. Нельзя установить соотношение праславянских звуков [k], [č], [c] вне определенных морфем. Зато сравнительно-историческое изучение морфемы *lik-* и ее фонетических вариантов *lič-* и *lic-* в различных позициях дает ключ к изучению важнейших фонетических процессов праславянского языка. Все сказанное не относится к тому случаю, когда звук и морфема совпадают. В таком случае практически речь будет идти о сравнении отдельных звуков.

Перед нами, бесспорно, родственные морфемы в словах русск. *рáло*, польск. *radło*, чешск. *rádlo*, болг. *рáло*, схр. *рȁло*. Легко заметить, что эти слова выделяют две морфемы: корневую морфему **ra-** и суффиксальную **-dlo (-lo)**. Славянская корневая морфема **ra-** в данном случае соответствует в других индоевропейских языках морфеме **ar-** (ср. греч. ἄροτρον лат. *ărātrum*, др.-ирл. *arathar*, арм. *araur*, свн. *arl* из **artlā*, лит. *árklas*). Расширение сферы сравнения на материале славянских языков дает нам вариант **or-**, именно когда данная морфема находится в положении перед гласным: *or-ati*, *or-ačь*, *or-alo*. Легко заметить, что морфема **or-** употребляется перед гласным, а морфема **ra-** перед согласным. Какой из двух вариантов следует признать исконным, первичным? Нет сомнения, что следует дать предпочтение варианту **or-**. Как мы видели выше, он подтверждается родственными индоевропейскими языками. Зная закономерность праславянского языка (в частности, процесс утраты закрытых слогов), можно легко объяснить изменение морфемы **or-** перед согласным в **ra-**, но невозможно объяснить изменение морфемы **ra-** в **or-**. Все это дает нам основание восстановить для праславянского языка (точнее, для эпохи до утраты закрытых слогов) форму *ordlo-*. Мы можем даже восстановить характер интонации в *ordlo-*. Здесь была акутовая (восходящая) интонация, что подтверждается схр. *рȁло*, чешск. *rádlo*, польск. *radło*, русск. *рáло* (подробнее см. § 22). В свою очередь, наличие акутовой интонации на слоге с дифтонгическим сочетанием свидетельствует, что после **or-** находился „ларингал" [ə][1]: *orədlo-* (из и.-е. *arətro-*). Только в этом случае дифтонгическое сочетание могло иметь акутовую интонацию (ср. еще *ȍrəmo* 'плечо'). При отсутствии [ə] здесь должна была быть циркумфлексная (нисходящая) интонация. На акутовую интонацию указывает также лит. *árklas*.

На разобранном примере мы хорошо видим принципы сравнительно-исторического метода: сравниваются родственные морфемы и на основе известных нам закономерностей устанавливается их история и реконструируется их древнейший прототип. Не всегда это возможно, так как до сих пор многие закономерности еще не вскрыты. Иногда мы вынуждены останавливаться на половине дороги, так как приходится решать уравнение с очень многими неизвестными.

Таким образом, сравнительно-исторический метод является ретроспективным методом. Исследователь идет от сравнения реально

[1] В настоящее время нет общепринятого обозначения „ларингала"; вслед за многими лингвистами, мы для этого воспользуемся знаком [ə].

inslav

существующих или засвидетельствованных в текстах форм к общему прототипу. „Ретроспективный метод, — писал Соссюр, — дает нам возможность проникнуть в прошлое языка глубже самых древних документов“ („Курс...“, 193).

Перед изучающим сравнительную грамматику много трудностей и соблазнов. При недостаточном знакомстве с фонетическими соответствиями между родственными языками легко поддаться внешнему сходству и видеть родство там, где его в действительности нет.

Как близки во всех отношениях лат. *habere* и нем. *haben*! Конечно, здесь родственные морфемы, думает неискушенный в сравнительной грамматике человек. В действительности же немецкое *haben* родственно латинскому *capio* 'беру' (ср. лат. *canis* — нем. *Hund*, лат. *cor* — нем. *Herz* и др.).

Однако возможны неоправданные сопоставления при сравнении действительно родственных морфем, переживших тожественные процессы. Сочетание [*ps*] изменилось в [*s*] в праславянском и в некоторых кельтских языках (например, в ирландском). Вот почему в соответствии праславянскому *ūpso-* (> *vyso-*) в ирландском найдем *ós*, *uas* (< *aups-*) 'над, сверху'. Однако этот внешне сходный процесс был следствием совершенно различных закономерностей. Привлечение в данном случае ирландского материала может только помешать слависту распознать природу и характер этой закономерности в славянских языках. Для уяснения данного процесса в праславянском дают гораздо больше такие праславянские процессы, как монофтонгизация дифтонгических сочетаний, нежели внешне сходный процесс в ирландском.

При сравнении морфем возможны ошибки в связи с неверным членением слов на морфемы. Вот почему всякое сравнительно-историческое исследование начинается с этимологического анализа. С помощью этимологии мы устанавливаем древнейший состав морфем, которые затем подлежат всестороннему исследованию. Успех исследования в значительной своей части будет зависеть от этимологического анализа. Ошибка в этимологии толкнет исследователя по ложному пути. Так, если мы будем членить русское слово *подушка* на *под/уш/к/а*, то сравнение будет вращаться в кругу одних морфем, а если *по/душ/к/а*, то — других. Таким образом, прежде необходимо установить этимологию данного слова, а уже затем включать его в цепь сравнений. Конечно, этимология, в свою очередь, зависит от сравнительно-исторического исследования. Последнее проверяет надежность этимологии, принимает ее или отвергает.

Прежде ученым казалось, что в сравнительно-историческом методе самое главное — это сравнение родственных элементов в различных языках. Вот почему вся система доказательств строилась на внешнем сравнении, на сравнении разных (конечно, родственных) языков. Так, наличие носовых гласных в определенный период во всех славянских языках доказывалось наличием носовых в старославянском, в совре-

inslav

менном польском языке, и оставлялись в стороне те факты других славянских языков, которые это подтверждают не менее убедительно. Дело в том, что анализируя родственные морфемы в любом современном славянском языке, мы можем доказать наличие в прошлом носовых гласных без ссылки на аналогичный факт в родственном языке. О наличии в древнерусском языке носовых прежде всего и лучше всего свидетельствуют такие факты современного русского языка, как *взять—возьму*, *начать—начну*, *имя—имена*, *запутывать—запонка* и многие другие.

Некоторые языковеды различают метод сравнения родственных морфем в различных языках и метод сравнения родственных морфем в одном языке. По их мнению, первое сравнение опирается на сравнительно-исторический метод, второе на так называемый фономорфологический метод. «Можно, следовательно, говорить о „методе фономорфологического анализа“ как другом приеме восстановления, существующем наряду со сравнительно-историческим методом, — пишет Смирницкий. — Основным различием между обоими методами является то, что при сравнительно-историческом методе сравниваются факты разных языков, тогда как при „методе фономорфологического анализа“ сопоставляются факты в пределах одного языка, почему здесь говорят о „внутренней реконструкции“» („Сравнительно-исторический метод...“, 39—40). Это, конечно, неверно. Различия в методах определяются не материалом, а приемами изучения. Не что́ изучается, а ка́к изучается. Ведь в том и в другом случае мы имеем дело с родственной морфемой. Сравнительно-исторический метод будет применяться при сравнении родственных морфем внутри языка или диалекта, родственных морфем разных диалектов одного языка или, наконец, родственных морфем в разных языках. „Фономорфологический анализ“ как особый прием изучения в сравнительном языкознании отсутствует. Это научная фикция. Отсюда, конечно, нельзя делать заключений, что не следует различать „внутреннюю“ и „внешнюю“ реконструкцию. Различать их необходимо. Граница, однако, между внутренней и внешней реконструкцией должна идти не по линии: сравнение внутри одного языка — сравнение разных языков. Сравнение родственных морфем в различных диалектах одного языка также является по существу внешним сравнением. Ведь мы, историки языка, очень хорошо знаем, какими случайными и внешними обстоятельствами определялось в период формирования национальных языков объединение различных диалектов в один язык. Всякая внутренняя реконструкция возможна лишь внутри единой языковой системы (литературного языка или диалекта).

В конце XIX в. в нашей науке начали раздаваться голоса против „наивного“ преклонения перед фонетическими законами, высказывались скептические суждения о достоверности праязыковых реконструкций. На Западе в этом духе много писал Шухардт, у нас Бодуэн де Куртенэ. Эти настроения получили широкое распространение в XX в., и

inslav

им отдал некоторую дань даже такой крупный представитель сравнительного языкознания, как Мейе, который постоянно писал, что главной задачей сравнительной грамматики является не реконструкция прототипов, а установление соответствий между родственными языками. Именно это заставило ученых при различных реконструкциях особое внимание обратить на сравнение родственных морфем внутри одного языка. Эти реконструкции казались надежнее, убедительнее, точнее. Их было труднее опровергнуть различными скептическими рассуждениями о праязыках. Однако, может быть, неожиданно, внутренние реконструкции не только подтвердили научность и точность основных принципов, но и открыли новые и соблазнительные перспективы. Особенно выиграла от этого сравнительная грамматика индоевропейских языков. Именно здесь на основе углубленного анализа родственных морфем удалось произвести ряд важных и совершенно новых внутренних реконструкций.

Интерес к внутренним реконструкциям вызван был, конечно, не только недоверием к внешним. Была и другая причина, может быть, самая главная. В этом новом подходе нашла отражение тенденция рассматривать язык как систему. Получившая прежде всего распространение среди специалистов в области описательной грамматики и фонетики, она постепенно захватила и область сравнительно-исторических изучений.

Итак, сравнительно-исторический метод опирается на изучение родственных морфем. Главная задача метода — исследовать историю этих морфем и восстановить их древнейший прототип. Эта задача решается путем сложного комбинирования разнородных данных, полного учета этимологии, так как в отличие от анализа морфем в современном языке, где мы имеем дело с тожеством синхронического порядка, здесь все затемнено в результате длительной эволюции. Специалист по сравнительной грамматике славянских языков имеет дело с тожеством диахроническим, с тожеством, восходящим к древнейшим эпохам истории славянских языков. Так, в русских словах *конец* и *начало* представлено только диахроническое тожество корневых морфем (*kon-*, *kьn-*). Оно устанавливается в результате всестороннего изучения истории данных слов, учета всех фонетических закономерностей. Поэтому в сравнительном языкознании получила особое развитие именно фонетика, так как изучение различных позиций одной морфемы обнаруживало закономерность фонетических изменений. Гораздо сложнее решается проблема реконструкций в области морфологии и словообразования. Сравнительно-историческое изучение морфем (прежде всего корневых) еще не дает вполне надежных оснований для реконструкции грамматической категории. Мы без особого труда выделяем для праславянского периода все морфемы в имперфекте. Однако это не дает нам ответа на вопросы, которые уже давно волнуют языковедов: из каких элементов и когда сформировался славянский

inslav

имперфект. Для фонетических исследований необходимо установить диахроническое тожество морфем. В исследованиях грамматических категорий это лишь самый первый шаг. Здесь нужно понять внутреннюю закономерность формирования грамматической категории, причины использования данных формативов. Это гораздо труднее, нежели изучение фонетической эволюции.

Применение новых принципов внутренней реконструкции особенно плодотворным оказалось именно в области морфологии. Прежние исследования морфологического строя индоевропейского праязыка, построенные на основе внешней реконструкции, теперь уже безнадежно устарели. Индоевропейская морфология в трудах Бругмана, Фортунатова, Хирта не представляла собою существенных, качественных отличий от морфологии древнеиндийского, древнегреческого и других языков. Предполагалось, что основные грамматические категории этих языков были уже в индоевропейском праязыке. Без всяких оснований в морфологическом строе древнеиндийского языка видели наиболее древний индоевропейский тип, который стал просто эталоном для решения вопроса о судьбах, например, праславянской морфологии. Открытие хеттского языка с очень своеобразной морфологической структурой и разработка принципов внутренней реконструкции внесли в наши знания индоевропейской морфологии в последние годы капитальные изменения. Проникновение историзма в наши представления о судьбах индоевропейской морфологии является важнейшим завоеванием современной лингвистики. „Попытки проникнуть вглубь более ранних стадий развития индоевропейского языка являются наиболее характерной чертой современного исследования“ (Пизани. Общее и индоевропейское языкознание, 128—129).

Иначе обстоит дело с синтаксисом (структура предложений, синтаксис частей речи). Задача реконструкции здесь еще сложнее, и обычными приемами она решена быть не может. Это прежде всего связано с тем, что в области синтаксиса принципиально иной характер носит сама эволюция. Здесь закономерность другого характера. В области фонетической структуры действие закона универсально. В определенных позициях данный звук переходит в другой звук. В области синтаксической структуры возможно длительное сосуществование старого и нового, которые вступают в сложные взаимодействия. Новая синтаксическая конструкция развивается медленно. Обычно легко определить, какой вариант морфемы отражает более древнюю стадию. В области синтаксиса это сделать часто очень трудно. Вот почему до сих пор в синтаксических исследованиях встречаем много произвольного.

Любое сравнительно-историческое исследование в области синтаксиса должно опираться на тщательное исследование истории данной синтаксической конструкции в каждом из языков. Лишь после этого можно будет установить общее и отличное в истории изучаемого явления и на основании этого можно будет высказать предположение о его

inslav

характере в праязыке. Но это все очень далеко от подлинно научной реконструкции, с которой мы имеем дело в фонетике.

Строгая закономерность фонетических эволюций дает исследователю возможность установить точную хронологическую последовательность изменений языковой системы дописьменного периода. В области синтаксиса это удается установить в самой общей форме. Зная, что предложно-падежные конструкции сменяют собою беспредложные, мы можем, конечно, высказать предположение, что предложный творительный социативный сменил беспредложный (*ходил братом* изменилось в *ходил с братом*). Это предположение мы можем сделать с тем бо́льшим основанием, что следы творительного социативного беспредложного сохранились. Однако мы не можем сказать, когда произошла эта смена конструкций. Дело в том, что в течение длительного времени предложная и беспредложная конструкция сосуществовали. Старая конструкция уступала свои позиции медленно. Наша наука не выработала еще строгой методики изучения истории синтаксических явлений. Именно поэтому очень часто в этой области слависты уверенно решают такие вопросы, которые не подлежат их компетенции (например, некоторые синтаксисты пытаются установить исходные значения славянских падежей, тогда как уже в индоевропейском падежи были многозначны).

§ 6. Тожество материальное, структурное и функциональное. При сравнительном изучении языков мы можем наблюдать тожество материальное, структурное (типологическое) и функциональное. Сравнение др.-инд. *duhitar-*, ав. *dugədar-*, арм. *dustr*, греч. θυγάτηρ, гот. *daúhtar*, лит. *duktẽ*, псл. *dъkti* дает наглядный пример материального тожества. Именно в этом случае мы говорим о генетическом родстве языков, о том, что они происходят от одного источника. Конечно, к такому выводу можно прийти только в том случае, если рассматриваемые слова не являются заимствованными. На основании вышеприведенных примеров мы реконструируем и.-е. *dhug(h)əter-*. Собственно, любая сравнительная грамматика имеет дело с материальным тожеством. С материальным родством тесно связано функциональное тожество. Славянские падежи близки не только со стороны формы, но и в отношении значения. Однако материальное и функциональное тожества всегда следует строго различать. С подобными различиями особенно часто встречается специалист по сравнительной грамматике индоевропейских языков.

Во всех славянских языках императив имеет один источник. В данном случае хорошо представлено как материальное, так и функциональное тожество. Однако сравнение славянского императива в кругу индоевропейских языков существенно меняет картину. Выясняется, что славянский императив генетически восходит к индоевропейскому оптативу. Стало быть, праславянский сохранил индоевропейский оптатив, но изменил его функцию в связи с утратой старого императива.

inslav

Как сказано было выше, сравнительно-исторический метод опирается на изучение родственных морфем. Таким образом, он имеет дело только с материальным тожеством. Сравниваемые родственные морфемы могут различаться функционально, могут иметь различные грамматические значения. Это обстоятельство не может служить основанием против их сравнительно-исторического изучения и на этой основе реконструкций древнейшего прототипа. Конечно, историк языка обязан объяснить указанные различия, так как без этого у нас не будет полной уверенности, что мы имеем дело именно с родственными морфемами.

В различных языках мы можем наблюдать структурное тожество при отсутствии материального. Структурное тожество наблюдается очень часто. Многие из структурных тожеств возникают в связи с воздействием субстрата. Как мы уже указывали, ярким примером структурного тожества могут служить балканизмы. Они возникли на общей основе балканского субстрата. Сравнение их, однако, не дает нам возможности восстановить реальный прототип балканского субстрата, так как в данном случае мы имеем дело с различным языковым материалом. Вот почему балкановед лишен возможности пользоваться сравнительно-историческим методом. В его распоряжении имеется лишь сопоставительный метод, на основе которого реконструкция прототипов невозможна.

§ 7. Индоевропейские языки. Индоевропейский праязык. Славянские языки входят в состав большой семьи родственных языков, известной под наименованием индоевропейской. Индоевропейские языки в настоящее время представлены на обширной территории не только Европы и Азии, но Африки, Америки и Австралии. Еще в античный период индоевропейские языки были известны в северной Африке. Теперь они распространены на всей ее территории. Эта значительная территория индоевропейских языков — результат экспансии. Так, в Америке до конца XV в. индоевропейские языки не были известны. Языки коренного населения Америки принадлежат к языкам иной структуры.

Надо думать, что индоевропейский праязык, из которого позже развились так называемые индоевропейские языки, занимал первоначально сравнительно незначительную территорию. Он дал основание многим родственным языкам, известным теперь во всех частях света в связи с историческими судьбами их носителей. Можно привести много примеров, когда язык, распространенный первоначально на небольшой территории, затем становится мировым языком, на основе которого может развиться новая группа родственных языков. Классический пример в этом отношении дает латинский язык. Первоначально он был одним из италийских диалектов, на нем говорили жители Лациума. Впоследствии в связи с судьбами Римской империи латинский ассимилировал многие языки Европы. На основе народной латыни в различных об-

inslav

ластях Европы возникла новая группа родственных языков, известная под названием романской группы (языки итальянский, испанский, французский, румынский и др.). Теперь на романских языках говорят в различных частях света.

К индоевропейским языкам относятся языки индийские, иранские, армянский, греческий, хеттский клинописный (так называемый неситский), хеттский иероглифический, албанский, италийские, кельтские, германские, балтийские, славянские, тохарский А, тохарский В. К индоевропейским языкам принадлежали также языки фракийский, иллирийский, венетский, пеласгский, древнемакедонский, фригийский, лувийский, палайский, ликийский, лидийский, мессапский и некоторые другие. Об этих языках мы знаем очень мало. На примере этих языков (а также хеттских, тохарских, отчасти кельтских) мы видим, что распространение многих индоевропейских языков шло не только за счет неиндоевропейских. Бесследно исчезли также многие индоевропейские языки.

До сих пор среди ученых нет единства во взглядах по вопросу о территории индоевропейского праязыка. По этому поводу высказывались в разное время крайние точки зрения. В настоящее время большинство специалистов по сравнительной грамматике индоевропейских языков, археологи склонны искать эту территорию в Европе (в средней, восточной и юго-восточной Европе). Нет сомнений, что в западной и юго-западной Европе индоевропейские языки появились позже. Следует исключить из древнего индоевропейского ареала и Скандинавию.

Новейшие исследования в области индоевропейского языкознания убедительно свидетельствуют, что уже с середины II тысячелетия до н. э. существовали различные и сравнительно далекие друг от друга индоевропейские языки (например, хеттский, греческий и индоиранский). Процесс распада индоевропейского праязыка был очень длительным и сложным. Он шел в связи с расселением людей в послеледниковый период, которое стало особенно интенсивным в эпоху неолита (после VI тысячелетия до н. э.). В III тысячелетии до н. э. индоевропейского праязыка уже не существовало. На обширной территории представлены были диалекты, во многом уже различавшиеся между собою.

Шлейхер в свое время излагал этот процесс очень прямолинейно и схематично. Он считал, что все время шел процесс дробления языков на более мелкие единицы. Индоевропейский праязык распался на два праязыка: славяно-балто-германский (по терминологии Шлейхера — славо-германский) и арио-греко-итало-кельтский. Первый в свою очередь распался на прагерманский и прабалтославянский (по терминологии Шлейхера — славо-литовский), из которого позже выделились прабалтийский и праславянский языки. Второй праязык выделил из себя арийский, давший начало праиранскому и праиндийскому языкам. Из греко-итало-кельтского развились праязыки: греческий и итало-кельтский. Последний позже распался на праиталийский

inslav

и пракельтский. Несмотря на то, что еще в 1872 г. Шмидт в известной работе „Die Verwandschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen“ подверг серьезной критике „теорию родословного древа“ Шлейхера, во многом эта теория живет еще до сих пор. Я бы даже сказал, что в последние годы усилилось влияние старых идей Шлейхера. И это вопреки „волновой теории“ Шмидта, достижениям лингвистической географии и теории субстрата. Одним из проявлений такой тенденции следует считать увеличение числа сторонников теории балто-славянского праязыка, которая, однако, оказала и продолжает оказывать отрицательное влияние на развитие как балтийского, так и славянского языкознания.

Расселение из „индоевропейской прародины“ приводило не только к распаду языков на отдельные диалекты, но и к концентрации отдельных диалектов. В результате такой концентрации возникал единый диалект, который позже мог дать начало новой группе родственных диалектов. Праязыки не только распадались, но и формировались.

Кроме того, нужно всегда допускать возможность длительного контакта между праязыками или их отдельными диалектами в определенный исторический период. Это могло привести к формированию некоторых общих особенностей не только в период контакта, но и позже, когда контакта уже не существовало. Об этом свидетельствуют многие общие изоглоссы в различных индоевропейских языках, отнюдь не восходящие к эпохе индоевропейского единства.

Общепринятой классификации индоевропейских языков не существует. Некоторые языковеды классифицируют их по территориальному признаку (например, Георгиев). Выделяют северноиндоевропейскую группу (германский, славянский, балтийский, тохарский), центральноиндоевропейскую группу (кельтский, италийский, иллирийский, венетский, греческий, древнемакедонский, фракийский, фригийский, армянский, индоиранский) и южноиндоевропейскую группу (хеттский клинописный, хеттский иероглифический, лувийский, ликийский, лидийский, палайский). Все индоевропейские реконструкции сделаны пока без достаточного учета данных именно южноиндоевропейских языков.

В сравнительном языкознании долго господствовала классификация индоевропейских языков на две группы: западную и восточную. В основе этой классификации лежал фонетический признак: судьба [k'], [g']. В западных языках эти согласные были отражены в виде [k], [g], в восточных они изменились в зубные и передненебные: псл. [s], [z], лит. [š], [ž], др.-инд. [ś], [j], ав. [s], [z] (псл. *sъto*, лит. *šimtas*, ав. *satəm*, др.-инд. *śatám*; ср. лат. *centum*, греч. ἑ-κατόν; псл. *mʷlzǫ* 'дою', лит. *mélžu*; ср. лат. *mulgeo*, греч. ²ἀμέλγω). Западная группа была названа „centum-языки“, восточная — "satəm-языки“.

В настоящее время этой классификации не придается большого значения. Дело в том, что „восточные“ тохарские языки принадлежат по

inslav

этому признаку к западной группе. К этой же группе относится и хеттский клинописный, тогда как хеттский иероглифический принадлежит к группе языков satəm. Однако в последнее время некоторые языковеды коренным образом пересматривают вопрос о взаимоотношении хеттского клинописного и хеттского иероглифического. Слова, характеризующие хеттский иероглифический как язык satəm, ими теперь признаются заимствованными. Имеются попытки коренным образом пересмотреть вопрос о принадлежности тохарских языков к группе centum (Георгиев, Мартине).

Нет сомнения в том, что все диалекты индоевропейского праязыка первоначально имели [kʾ], [gʾ]. Позже в одних диалектах они изменились в задненебные [k], [g], в других — в свистящие и шипящие согласные. Процессы эти происходили уже после распада индоевропейского праязыка в разное время. Таким образом, судьба [kʾ], [gʾ] никак не может свидетельствовать об исконном различии „западных" и „восточных" индоевропейских языков.

Можно предполагать, что [kʾ], [gʾ] в индоевропейском в какой-то период его истории не были самостоятельными фонемами: они являлись позиционными вариантами задненебных. Вот почему даже в языках группы satəm мы в ряде морфем находим на месте [kʾ] [gʾ] задненебные [k], [g], а некоторые морфемы представляют колебания в различных условиях (ср. лит. *akmuõ* 'камень', но *aštrùs* 'острый'). Обнаруживается это явление и в праславянском (см. § 24).

Попытку возродить старую теорию о разделении индоевропейских языков на западные и восточные сравнительно недавно предпринял Порциг. В книге „Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets" (1954) он предложил новую систему доказательств, используя широко методы лингвистической географии. Однако автор на этом пути встретил значительные трудности, которые ему не удалось преодолеть.

§ 8. Балто-славянские языковые отношения. Как уже говорилось выше, между различными группами (ветвями) индоевропейских языков наблюдаются разные отношения. Так, между греческим и армянским больше сходства, больше точек соприкосновения, нежели между греческим и, скажем, германским. Еще на заре сравнительного языкознания ученые заметили, что между иранскими и индийскими языками существовали в прошлом очень близкие отношения. То же самое было отмечено и в отношении славянских и балтийских языков, италийских и кельтских. Именно все эти факты и дали основания в свое время Шлейхеру рассматривать историю индоевропейских языков как процесс постоянного членения „праязыков". Постепенно оформились теории „индоиранского праязыка", „балто-славянского праязыка", „итало-кельтского праязыка".

Конечно, нельзя принципиально отрицать существования различных переходных праязыков. Больше того, о некоторых мы можем говорить

inslav

совершенно уверенно. Отрицать их существование по принципиальным соображениям может лишь тот ученый, который вообще отрицает теорию праязыков. Большинство специалистов не сомневается в существовании индоиранского праязыка. Однако теория итало-кельтского праязыка, особенно же теория балто-славянского праязыка очень рано начали вызывать к себе скептическое отношение. Многие крупные представители сравнительной грамматики XIX в. не разделяли теории балто-славянского праязыка. Вызывала эта теория скептические суждения и в более позднее время. Так, еще Бодуэн де Куртенэ в статье „Лингвистические заметки и афоризмы" (ЖМНП, 1903, апрель) высказал сомнение по поводу существования балто-славянского праязыка. Много споров велось и по вопросу об „итало-кельтском" праязыке. Сильный удар этой теории нанес Вальде.

Балтийские языки имеют первостепенное значение для сравнительной грамматики славянских языков. Это в одинаковой степени признают как сторонники теории балто-славянского праязыка, так и ее противники. Это заставляет нас отнестись с особым вниманием к проблеме балто-славянских языковых отношений, которая вот уже больше ста лет приковывает внимание языковедов.

В XIX в. теория балто-славянского праязыка нашла наиболее авторитетного защитника в лице Шлейхера и была поддержана Бругманом. Бругман эту теорию обосновывал следующими восемью положениями.

1. Индоевропейский [r̥] в праславянском и прабалтийском утратил слоговость и изменился в [ir], [ur].

2. Упростились двойные согласные.

3. Причастия на **-nt** из основ на согласный перешли в склонение основ на **-jo** (муж. и ср. р.).

4. Путем слияния именных прилагательных и указательных местоимений возникли новые местоименные прилагательные, которые в прабалтийском и праславянском выполняли одинаковую функцию.

5. Многие имена с основой на согласный перешли в склонение на **-i**.

6. Старые индоевропейские местоименные основы *so* заменены основами *to*.

7. В прабалтийском и праславянском языках форма дат. ед. личного местоимения 1 л. образована от основы род. ед.

8. Старая падежная форма род. ед. в **o**-основах заменена индоевропейской формой аблатива.

Позже языковеды дополнили этот перечень еще рядом признаков.

Приводимые Бругманом доказательства принимались безоговорочно многими лингвистами. Из русских ученых эту теорию полностью принимали Шахматов и Поржезинский. Обоим этим лингвистам пришлось писать в тот период, когда теория балто-славянского праязыка начала подвергаться нападкам со стороны многих крупных лингвистов. Шах-

inslav

матов дополнил аргументацию Бругмана фактами из области акцентологии.

Последовательно защищая теорию балто-славянского праязыка, Шахматов, однако, так же последовательно обходил этот вопрос в плане этногенетическом. Так, он пишет: „Едва ли может подлежать сомнению особая близость между собой славянского и балтийского праязыка. Близость эта не может быть случайною и не может зависеть только от общего их происхождения из индоевропейского праязыка; и в балтийских, и в славянских языках замечается ряд общих отклонений от исконных отношений, и эти общие отклонения свидетельствуют об общей их жизни в такую эпоху, когда они уже отделились от остальных индоевропейских языков. Следовательно приходится допустить происхождение славян и балтийцев от одного общего родоначальника, по языку уже отличного от племени, говорившего индоевропейским праязыком: родоначальником славянских и балтийских языков, который можно назвать балтийско-славянским праязыком, был язык того индоевропейского племени, которое, выделившись из индоевропейской семьи, только впоследствии разбилось на две семьи: славянскую и балтийскую“ („Очерк...,“ IX). Однако, говоря о племенах, Шахматов всегда говорит о славянских и балтийских как о родственных, но различных этнических группах. „Ряд данных позволяет думать, что первоначальная территория балтийского племени близко подходила своими границами к территории современных балтийских племен (литовского и латышского); она лежала в северо-западной России и на значительном протяжении граничила с территорией финских племен...“ („Очерк...,“IX). Автор никогда не говорит о балто-славянском племени и о территории его поселения.

В XX в. многие крупные лингвисты решительно выступили против теории балто-славянского праязыка (Бодуэн де Куртенэ, Мейе).

В книге „Les dialectes indo-européennes“ (первое издание 1908 г.) Мейе пытался опровергнуть все восемь пунктов Бругмана. Он утверждал, что общие черты в обеих группах языков являются результатом независимого и параллельного развития. Позже во „Введении в сравнительное изучение индоевропейских языков“ он писал: „Многочисленные черты сходства между ними (балтийскими и славянскими языками. — *С. Б.*) вызваны не столько поздним отделением этих языков, сколько параллелизмом их дальнейшего развития, ибо наблюдаемые в них новшества скорее сходного, чем тожественного характера“ (101). Скептически к этой теории стали относиться Эндзелин, Ильинский и др. Это связано было с тем, что лингвисты глубже проникли в изучение истории праславянского языка, научились точнее определять соотносительную хронологию явлений. Многие общие явления возникли в славянских и балтийских языках в поздние эпохи дописьменного периода. Существенно подорвала кредит теории балто-славянского праязыка лингвистическая география. Много нового внесла теория субстрата.

inslav

Некоторые лингвисты попытались спасти старую теорию. Розвадовский (RS, V) утверждал, что балто-славянский праязык существовал в глубокой древности (III тысячелетие до н. э.). Распадение праязыка произошло во II тысячелетии до н. э., после чего в течение длительного времени прабалтийский и праславянский языки развивались независимо один от другого. В начале н. э. возникает вновь сближение между этими языками, и они прошли ряд новообразований. Эту теорию, во многом совершенно необоснованную, приняли некоторые лингвисты, а, например, Гуйер признал даже „выводы Розвадовского... вполне правдоподобными" („Введение...", 42).

Крупным событием в истории изучения балто-славянской проблемы явилась монография Эндзелина „Славяно-балтийские этюды" (1911). Данное исследование интересно тем, что его автор подошел к изучению вопроса с установившимся уже взглядом на балто-славянские языковые отношения. Он был сторонником теории славяно-балтийского праязыка. Однако вопреки этому сам материал исследования в конце концов привел Эндзелина к выводу, противоположному взглядам Бругмана и его последователей. Это противоречие сказалось и на самой книге. В рецензии на эту книгу Шахматов прежде всего обратил внимание на внутреннюю противоречивость „Этюдов": „Проф. Эндзелин заявляет в предисловии к своему труду, что он с выводами А. Мелье не вполне согласен, признавая, подобно большинству языковедов, предположение общей славяно-балтийской эпохи не только возможным, но даже правдоподобным. В конце труда автор подводит итоги своему исследованию. Из них видно, что в сущности он пришел к двойному выводу и эта двойственность представляется значительной уступкой тем языковедам, которые отрицают славяно-балтийское единство" (ИОРЯС, XVII, 281). В результате всестороннего изучения материала Эндзелин пришел к очень важному выводу, что говорить о „славяно-балтийском праязыке" нельзя. Можно и нужно говорить о периоде длительной совместной жизни славянских и балтийских племен, в результате чего праславянский и прабалтийский языки пережили много общих процессов, многое заимствовали друг у друга. „Можно, значит на мой взгляд, — пишет Эндзелин, — говорить о „славяно-балтийской эпохе"; термином же „славяно-балтийский праязык" лучше будет не пользоваться, так как это выражение легко порождает мысль о полном единстве в лингвистическом отношении" („Славяно-балтийские этюды", 201).

Эндзелин на большом материале хорошо показал, что многие факты праславянского и прабалтийского языков не сводимы к одному источнику. Многие важнейшие процессы древнейшей поры в этих языках дали различные результаты.

Однако, несмотря на исследование Эндзелина, а также и других противников теории балто-славянского праязыка, многие крупные языковеды XX в. продолжают защищать эту теорию, внося в нее отдельные исправления и дополнения (Брюкнер, Педерсен, Хирт, Агрель, Шпехт

inslav

и др.). Некоторые языковеды, выступая сперва против данной теории, позже становились ее сторонниками (например, Отрембский).

В исследованиях, посвященных балто-славянским языковым отношениям, языковеды широко пользуются терминами единство (Einheit), общность (Gemeinschaft), контакт (Kontakt). Ни один из этих терминов для уяснения характера балто-славянских языковых отношений не годится. Языковая общность может быть результатом общего происхождения, но может быть следствием длительных связей в определенный исторический период. Если это разграничение представляется принципиально важным, термин „общность" не может быть использован. Термин „единство" очень неопределенный и собственно ничего не выражает. Единство может быть результатом общего происхождения, может быть вызвано воздействием общего субстрата, может, наконец, явиться следствием независимого и параллельного развития. Мало пригоден и термин „контакт", так как контакт языков не всегда приводит к общности.

Некоторые современные ученые последовательно различают термины Gemeinschaft и Verkehrsgemeinschaft. Под термином Verkehrsgemeinschaft понимается языковая общность, которая устанавливается в результате длительного общения, тесных связей носителей языков. В нашем курсе речь будет идти именно о Verkehrsgemeinschaft, т. е. об общности балтийских и славянских языков, возникшей не в результате их общего происхождения от индоевропейского праязыка, а вследствие длительного контакта, наступившего гораздо позже индоевропейской эпохи и закончившегося задолго до нашей эры. Термин Verkehrsgemeinschaft мы переводим термином сообщность.

Балтийские и славянские языки имеют много общего между собою. Характер этого сходства таков, что его нельзя объяснить только единством происхождения (балтийские и славянские языки принадлежат к семье индоевропейских языков). Вот почему и была создана теория балто-славянского праязыка, которая и в настоящее время имеет много авторитетных защитников. Имеются, как я уже говорил, и серьезные противники этой теории.

В настоящее время балто-славянские языковые связи объясняются различно.

Сходство между балтийскими и славянскими языками одними объясняется независимым и параллельным их развитием, — не существовало ни балто-славянского праязыка, ни балто-славянской сообщности. В настоящее время этот взгляд наиболее последовательно защищает Зенн. Зенн полностью отрицает не только существование балто-славянского праязыка, но и балто-славянскую языковую сообщность. Нет ничего удивительного в том, что Зенну в связи с этим приходится часто бороться с фактами, создавать сложные и совершенно невероятные гипотезы (например, гипотезу о том, что славянская видовая глагольная система была заимствована славянами у германцев). В ра-

inslav

ботах Зенна легко обнаружить тенденциозность, ложную предвзятость в вопросах балто-славянских языковых отношений. К языковым фактам он подходит с готовой схемой, с которой не может согласиться, в частности, специалист по сравнительной грамматике славянских языков. Не находят серьезной поддержки работы Зенна и у специалистов по балтийским языкам, по сравнительной грамматике индоевропейских языков. В настоящее время уже мало кто вместе с Зенном идет в решении балто-славянских языковых проблем за Мейе.

Почему нельзя принять взгляды Мейе? Не только потому, что между балтийскими и славянскими языками обнаруживается много общего в области фонетики, морфологии, словообразования, синтаксиса и лексики. Ведь одновременно с общим, сходным наблюдается очень много существенных и коренных различий, уходящих в глубокую древность. Самое главное состоит в том, что в определенный период жизни праславянского и прабалтийского языков они оба пережили много существенных процессов, дававших часто разные результаты, но происходивших в совершенно идентичных или сходных условиях. Исследуя историю славянских и балтийских языков, языковед легко устанавливает определенную общую изоглоссную область, идущую через границы славянских и балтийских языков. Наконец, в славянских и балтийских языках обнаруживаются сходные черты, возникшие на основе общего субстрата (например, родительный падеж отрицания). Все это не могло развиться в славянских и балтийских языках независимо. Так думает огромное большинство современных языковедов.

Сходство между балтийскими и славянскими языками объясняют тем, что они восходят к общему балто-славянскому праязыку. В настоящее время этот взгляд наиболее упорно и решительно защищается Вайаном, Отрембским, Георгиевым, Семереньи. Из этой концепции исходят в какой-то степени Лер-Сплавинский и Курилович.

Почему нельзя принять теорию балто-славянского праязыка? Для этого есть ряд оснований.

а) Многие древнейшие процессы в славянских и балтийских языках имели разную судьбу. В этом отношении весьма показательна история гласных [ă], [ŏ], [ā], [ō]. Сторонники балто-славянского праязыка сделали много усилий, чтобы отвести этот аргумент, но успели в этом мало, так как они вынуждены были бороться с фактами (подробнее см. § 23).

б) Многие важнейшие процессы праславянского языка, имевшие место в наиболее древние периоды его существования, не были известны прабалтийскому языку совсем или были отражены слабо в отдельных его диалектах. В этом отношении очень показательна судьба [s] в этих языках.

Как известно, [s] в праславянском изменилось в [x] в определенных фонетических условиях: после гласных [ĭ], [ī], [ŭ], [ū], сонантов [i̯],

inslav

[u̯], [r], согласного [k] в положении перед гласными. Это фонетическое изменение произошло в древний период истории праславянского языка.

Латышский и древнепрусский языки не отражают этого процесса, так как здесь [š] (<[s]) снова изменился в [s]. О существовании данного процесса в этих языках можно высказывать лишь предположения. Миккола в свое время указал лишь несколько примеров из древнепрусского с переходом [rs] в [rš]. Частично этот процесс отражен в литовском, так как здесь после сонанта [r] и согласного [k] [s] изменился в [š]. Следует согласиться с теми учеными, которые полагают, что после [r] и [k] прабалтийский [s] изменился в [š], а затем в ряде диалектов новый [š] вновь изменился в [s].

Таким образом, славянские и балтийские языки в отношении судьбы [s] представляют некоторое сходство, но наблюдаем и глубокое различие. Так, в балтийских [s] сохранялся после гласных ряда [i] и [u] (подробнее см. § 27).

в) В прошлом вся система доказательств сторонников теории балто-славянского праязыка (Бругмана, Фортунатова, Шахматова и др.) строилась на сопоставлении фактов праславянского и литовского. Очень часто факты литовского языка просто подменяли факты прабалтийского. Доказательств можно привести очень много. Могу, например, указать на ценную монографию Ульянова „Значения глагольных основ в литовско-славянском языке“ (ч. I, 1891; ч. II, 1895). В своей первой монографии „Основы настоящего времени в старославянском и литовском языках“ (1888) Ульянов исследует образование основ настоящего времени в двух родственных языках. Во второй монографии речь идет уже о значении глагольных основ в „литовско-славянском языке“, по современной терминологии — в балто-славянском праязыке. Однако дело не только в терминологических отличиях. Ульянов интерпретирует факты литовского языка (главным образом современного) как факты прабалтийского. Лишь изредка он приводит материал из латышского. Древнепрусский язык автор не привлекает. Проблема реконструкции прабалтийских форм решается им примитивно. Приведу пример: „... для языков литовского и латышского и, следовательно (разрядка наша. — *С. Б.*), для языка общебалтийского мы должны принять следующее положение: основы на **i:ē:ā** являются словообразовательными формами, различающими глаголы состояния от глаголов действия“ („Значения глагольных основ...“, I, 35). Фортунатов, как известно, посвятил книге Ульянова специальное исследование, обнаружившее много спорного в этой книге. Однако рецензент прошел мимо указанного нами недостатка, так как в данном случае расхождений между автором и рецензентом не было. Оба они переоценили древность литовского языка и его факты просто переносили в прабалтийскую эпоху. А между тем прабалтийский язык еще в очень глубокой древности распался на два основных праязыка. К одному из них восходят языки

inslav

литовский и латышский, к другому — древнепрусский. Первый, в свою очередь, очень рано распался на две самостоятельные группы диалектов.

Еще Шлейхер, а за ним Бругман обратили внимание на то, что замена старого генетива основ на **-о** формой аблатива в славянских и балтийских языках указывает на существование общего праязыка. Однако эта черта не является чертой общебалтийской. Она отсутствовала в древнепрусском, который сохранял старую форму генетива. Возможно, что она отсутствовала также в некоторых других вымерших балтийских языках (например, в ятвяжском). На этом примере мы хорошо видим существенный недостаток теории балто-славянского праязыка. Создатели этой теории не учитывали древней балтийской дихотомии и произвольно сравнивали факты праславянского языка с отдельными балтийскими языками (обычно с литовским). Преимущественное сравнение с литовским языком вызывает тем бо́льшие возражения, что праславянские племена находились в тесном общении прежде всего с прусскими и ятвяжскими племенами, а не с литовскими. Нет сомнения в том, что балто-славянская сообщность охватила прежде всего праславянский, прусский и ятвяжский языки.

Значительно дальше от праславянского отстоит литовский и в отношении новообразований периода балто-славянской сообщности. Это касается развития интонации, судьбы согласных перед [j]. Ср., например, судьбу губных перед [j]: лит. *spiáuti* 'плевать', лтш. *spļaũt*, *spļaũ dît*; лит. *biaurùs* 'гадкий', лтш. *bļaũrs*. В период балто-славянской сообщности литовский язык находился на самой периферии балтийских языков. Он испытал тогда наименьшее воздействие тех сил, которые определили формирование балто-славянских изоглосс. Литовский язык сблизился тесно с некоторыми славянскими языками в более позднее время.

Переоценивают значение литовского языка и многие современные языковеды. Георгиев в этом направлении идет очень далеко. Он пишет, что „между балтийским и славянским существует настолько большая близость, что консервативный литовский язык может в известной мере заменить незасвидетельствованный праславянский язык“ („Slavia“, XXVIII, 1).

История праславянского языка свидетельствует, что в период тесного контакта славянских и балтийских племен единого балтийского праязыка собственно уже не было. Поэтому не случайно важнейшие новообразования этой эпохи по-разному связывают праславянский язык с отдельными балтийскими языками. При наличии единого балто-славянского праязыка отношения между славянскими и балтийскими языками должны были бы сложиться иначе.

г) Сторонники теории балто-славянского праязыка не могут решить задачу балто-славянских реконструкций.

inslav

У нас не может быть никаких сомнений в существовании праславянского языка. Наша уверенность зиждется на прочном фундаменте совершенно надежных реконструкций. Вероятно, существовал и прабалтийский язык, несмотря на то, что здесь проблема праязыковых реконструкций встречает очень часто непреодолимые трудности. Уверены мы и в существовании индоевропейского праязыка. Отсюда никак нельзя делать заключений, что общие черты в родственных языках всегда предполагают наличие в прошлом праязыка. Отнюдь нет. Общие черты, возникшие в результате влияния субстрата, длительного контакта и пр., не могут послужить основой для реконструкции прототипов. Сравнительное изучение балканизмов никогда не даст нам средств, чтобы восстановить реальные черты балканского субстрата. При наличии „языкового союза" мы имеем дело не с „праязыком", а с „изоглоссной областью".

Естественно, что сторонники теории балто-славянского праязыка пытались решать проблемы реконструкции этого праязыка. Без этого их теория не имела бы почвы. Большое внимание этому уделяет Вайан в „Grammaire comparée des langues slaves" (1950). Французский славист указывает, что в реконструкциях необходимо различать три эпохи: индоевропейскую, балто-славянскую и праславянскую. Однако реализовать это требование автор не сумел. Найдя серьезную опору в праславянском и индоевропейском языках, Вайан не смог промежуточную эпоху (балто-славянский праязык) представить реально. Здесь обычно речь идет о сходных или аналогичных новообразованиях, а не о реальных прототипах.

Наиболее тесные связи славянских и балтийских языков обнаруживаются не в общих прототипах, а в ряде важнейших процессов, имевших место значительно позднее распада индоевропейского праязыка, Здесь можно указать на возникновение балто-славянской интонации и на ряд других языковых особенностей.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Дело в том, что реконструкции прабалтийского языка в значительной своей части является неразрешимой. Многие балтийские языки исчезли бесследно. Сохранившиеся же не дают возможности во многих случаях восстановить явления прабалтийского языка. Это признают многие сторонники теории балто-славянского праязыка. Они не видят, что это признание наносит серьезный удар по самой теории, так как нельзя убедительно доказать существование балто-славянского праязыка, если мы знаем недостаточно один основной компонент этого языка. С аналогичным положением мы сталкиваемся и в теории итало-кельтского праязыка. Известно, что от большинства кельтских языков не сохранилось почти никаких следов и реконструкция пракельтского языка в значительной своей части является невозможной.

д) Теория балто-славянского праязыка не подтверждается данными археологической науки. Наиболее авторитетные представители совре-

inslav

менной славянской археологии (например, Костшевский) выступают против теории балто-славянского праязыка, предполагающей наличие в прошлом единого балто-славянского племени (см. § 11).

Сторонники теории балто-славянского праязыка часто указывают на глубокие лексические связи между славянскими и балтийскими языками. Действительно, в этих языках находим много общих лексических элементов (см. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923). Следует, однако, указать на то, что очень трудно для древнего периода отделить исконное и заимствованное в этих языках. Нет сомнения, что славяне заимствовали много слов у балтов, последние в свою очередь много взяли у славян.

Теория балто-славянского праязыка принесла большой вред сравнительной грамматике славянских языков. Она толкала исследователей на путь смешения явлений разных эпох, приводила их к искусственным построениям, гипотезам, которые тормозили изучение истории праславянского языка.

По пути, намеченному в свое время Эндзелином, в настоящее время идут многие исследователи. Именно их труды содержат наиболее значительные результаты изучения балто-славянских языковых отношений. Здесь следует указать на работы Френкеля, Станга и многих других. Следует признать верными основные положения Френкеля, высказанные им в книге „Die baltischen Sprachen...“ (1950). Автор в течение многих лет успешно разрабатывал вопросы истории балтийских и славянских языков. Френкель убедительно показал, что факты говорят против теории балто-славянского праязыка. Обеими группами языков было пережито много общего, в течение длительного времени между славянскими и балтийскими языками был тесный контакт, который вызвал появление ряда общих изоглосс, но балто-славянского праязыка не существовало. Слишком велики различия в области словаря и синтаксиса, да и в области фонетики наблюдаем глубокие отличия, касающиеся прежде всего древнейших эпох. Много справедливого о характере древних отношений славянских и балтийских языков было высказано Стангом.

Сходство между балтийскими и славянскими языками объясняется длительным контактом балтийских и славянских племен, который привел к формированию балто-славянской сообщности. Эта сообщность подтверждается наличием определенной изоглоссной области. Задача исследователя состоит в том, чтобы установить характер балто-славянских изоглосс, их территорию и время их появления.

Балто-славянские изоглоссы возникли в разное время и имели неодинаковое распространение. Наиболее древние из них образовались в период сообщности. В более позднее время появились новые изоглоссы, однако вследствие этой сообщности. Еще позже фор-

inslav

мировались различные балто-славянские локальные изоглоссы, возникшие уже в результате взаимодействий отдельных балтийских и славянских диалектов.

В результате каких-то исторических событий произошел распад балто-славянской сообщности. Это имело место еще в тот период, когда внутри праславянского языка не обнаружилось каких-либо существенных диалектных различий. Что касается прабалтийского, то распадение его на две группы диалектов наметилось очень рано. Это объясняет, почему уже многие самые древние балто-славянские изоглоссы не охватывают всех балтийских языков.

Факты балтийских языков чрезвычайно важны для изучения истории праславянского языка. Но это совершенно не связано с признанием пресловутой теории балто-славянского праязыка. Данными балтийских языков широко пользуются все языковеды. Значение данных балтийских языков для слависта определяется также необыкновенной архаичностью этих языков.

§ 9. Славянские языки. Их классификация. Итак, славянские языки представляют особую ветвь индоевропейских языков. Они гораздо ближе друг к другу и по своему грамматическому строю, и по словарю, нежели, скажем, германские языки. В настоящее время представлены следующие славянские языки: восточнославянские (русский, белорусский, украинский), южнославянские (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский) и западнославянские (чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий и польский).

В средние века славянские языки были известны также на территории, на которой позже они были ассимилированы другими языками. Сохранились следы этих языков. Так, часть современной Германии в прошлом была заселена различными славянскими племенами. В XVII и XVIII вв. были сделаны записи их речи и составлены небольшие словарики. Благодаря этому мы знаем важнейшие особенности языка этих славян (так называемый полабский язык). Этот язык дает очень ценный материал для сравнительной грамматики славянских языков. Много важного содержится в славянской топонимии Саксонии, Бранденбурга, Мекленбурга и других областей.

Был распространен славянский язык на территории Румынии, Венгрии, Албании и Греции. Славянские племена на этой территории говорили на различных южнославянских диалектах. Следы этих диалектов сохраняются в славянской топонимике, а также в румынском, венгерском, албанском и новогреческом языках.

В славянском языкознании велись горячие споры о соотношении между отдельными славянскими языками. Очень часто найти верный путь в решении вопросов мешали многие предрассудки, а также антиисторический подход к данной проблеме. В прошлом много писали о македонских говорах. Большинство ученых считало их говорами бол-

inslav

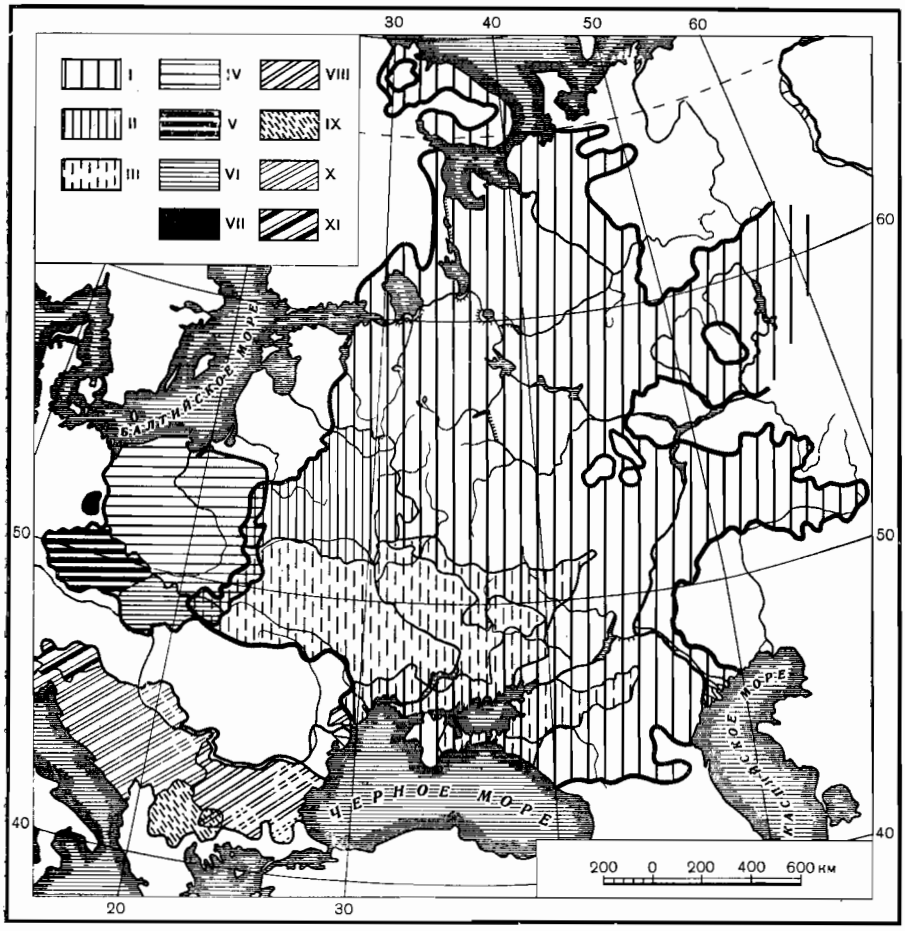
гарского языка, некоторая часть относила их к сербохорватскому языку. Именно поэтому те и другие, исходя, однако, из разных посылок, отрицали право на самостоятельное существование македонского литературного языка. Однако он возник. Сегодня македонский язык равноправный член славянской группы языков. Но современные отношения между болгарским и македонским языками нельзя переносить в прошлое. В прошлом болгарские и македонские говоры были говорами одного языка. В плане задач сравнительной грамматики славянских языков противопоставлять болгарский язык македонскому нет оснований.

Совершенно иначе складывались отношения между польским и кашубским языками. И по этому вопросу высказывались крайние точки зрения, часто без учета истории. Правы те лингвисты, которые думают, что в прошлом кашубские говоры, находившиеся в близких отношениях к польской группе говоров, представляли, однако, по отношению к ним известную самостоятельность. Кашубские и словинские говоры — остатки языка многочисленных поморских славян. При иных обстоятельствах на территории Поморья могли бы сформироваться различные западнославянские национальные языки. Но этого не случилось. Большинство местного населения забыло родную речь. Словинский диалект исчез на наших глазах. Кашубы тесно связали свою судьбу с поляками, а их язык испытал глубокое влияние польского. Думаю, что для настоящего времени нет оснований говорить о самостоятельном национальном кашубском языке. „В настоящее время кашубские говоры так сблизились с польскими, — писал Бодуэн де Куртенэ, — что из обеих групп следует собственно составить одну общую, кашубско-польскую, распадающуюся на частную группу говоров кашубских и частную группу говоров польских“ (ЖМНП, 1903, апрель, 290). Однако это никак не противоречит тому, что в нашем „Очерке“ мы будем говорить именно о кашубском языке. Ведь речь у нас будет идти о далеком прошлом.

Современные границы славянских языков являются результатом исторического развития. Между многими славянскими языками вследствие длительного соседства возникли переходные говоры, которые часто трудно отнести к тому или иному языку (на этой почве возникали споры, к сожалению, очень часто не носившие характера научных дискуссий). Так, между болгарским и сербохорватским языками находим широкий пояс переходных говоров, которые нельзя считать ни чисто болгарскими, ни чисто сербохорватскими. Кайкавские говоры сербохорватского языка также являются переходными (словенско-сербохорватскими). Современные западнословацкие говоры генетически относятся к чешским (моравским) говорам. Восточнословацкие говоры частично польского происхождения (Шариш, Спиш), частично украинского (Земплин).

Общепринятая классификация славянских языков на восточные, южные и западные в какой-то степени строится на языковых критериях.

inslav



Карта 1. Славянские языки

I — русский; II — белорусский; III — украинский; IV — польский; V — чешский; VI — словацкий; VII — лужицкие; VIII — болгарский; IX — македонский; X — сербохорватский; XI — словенский.

Чешский и польский языки ближе друг к другу, нежели каждый из них к сербохорватскому или русскому. Легко заметить, что между сербохорватским и болгарским языками имеется много общих черт, которые определяют особую близость этих двух языков. Близкое родство русского, белорусского и украинского языков в кругу славянских никогда не вызывало сомнений. И тем не менее, строго говоря, эта классификация скорее историко-культурная или территориальная, нежели собственно лингвистическая. Знакомясь с историей праславянского языка позднего периода, мы увидим, что соотношения между различными племенными диалектами в древности часто менялись. Легко установить для праславянского периода различные изоглоссные области, которые по различным языковым признакам по-разному объединяли диалекты праславянского языка.

inslav

Современные славянские группы сформировались относительно поздно. Чешский и польский языки теперь очень близки между собою. Но эта близость не является результатом развития только каких-то особо родственных праславянских диалектов. Наоборот, у нас есть все основания полагать, что чешский в определенный период истории относительно не был так близок польскому. „Подобным образом я, — писал Дурново, — напр., думаю также, что говоры, из которых образовался чешско-словацкий язык, некогда стояли ближе к ю.-слав. языкам, чем к сев.-зап. слав. языкам, что не помешало им в другую эпоху и притом неодновременно примкнуть к зап.-слав. группе“ („Slavia“, IV, 584—585). Я бы не согласился полностью со столь категорическим утверждением Дурново, так как по ряду древнейших особенностей (например, история [kv], [gv], [tl], [dl], [tj], [dj]) чешский и словацкий языки разделяют судьбу всех западнославянских языков. Однако очень многое тесно объединяет чешско-словацкую группу именно с южной группой языков, и эти черты формировались еще на праславянской почве. Позже чешский и словацкий языки вновь тесно сблизились с северо-западной (лехитской) группой. Таким образом, особая близость чешского и польского языков определялась историческими судьбами польского и чешского народов.

Обычно мы чаще говорим о процессах дивергентных в истории славянских языков. Часто пишут, что в прошлом славянские языки были ближе друг к другу, нежели в настоящее время. Это в общем верно. Но необходимо также учитывать и конвергентные процессы. Различия между сербохорватским и болгарским языками своими корнями во многом уходят в праславянский период (ср., например, судьбу [tj], [dj]). На Балканском полуострове эти языки в результате длительного соседства во многом сблизились (в частности, в области словаря), хотя следует признать справедливым старое мнение Лескина, что сближение это не привело к созданию подлинной южнославянской языковой общности.

Особое положение занимают восточнославянские языки. Здесь, действительно, мы имеем дело не только с историко-культурным и территориальным единством, но и языковым. Единство этой группы своими корнями уходит в праславянскую эпоху (судьба [tj], [dj], **tort** и др.). Общей у всех восточных славян была судьба сверхкратких в „сильной“ позиции, носовых гласных, [ě] и др. В нашем распоряжении нет фактов, которые бы говорили о существенном и глубоком членении внутри восточнославянских диалектов до утраты сверхкратких в „слабой“ позиции (т. е. до XII в.). Все основные диалектные различия в какой-то степени связаны именно с указанным процессом. Диалектные различия, конечно, были и до XII в. (например, различия во флексии 1 л. мн. наст. вр.), но в основном они были вызваны внешним влиянием (например, цоканье и скандинавизмы в лексике древнего новгородского диалекта). „Можно сказать, — писал Ляпунов, — что по XI столетие

inslav

существовал единый общерусский праязык с незначительными диалектными вариациями" („Единство русского языка в его наречиях", 5). Следует полагать, что существенные различия в географических условиях должны были соответственно вызвать различия в лексике, в значении многих слов.

Если утрата сверхкратких в XII в. дала толчок для возникновения ряда весьма существенных различий внутри древнерусских говоров, то трагические события XIII в. привели к распаду в дальнейшем единого древнерусского языка на три самостоятельных языка: на язык русской (великорусской) народности, украинской народности и белорусской народности. Позже на их основе возникли три самостоятельных национальных языка.

В истории нашей науки мы знаем немало попыток обособить украинский язык от других восточнославянских и связать его генетически с другими славянскими языковыми группами. Эта тенденция питалась известными политическими настроениями, далекими от науки. Иной характер носит, конечно, попытка установить определенные изоглоссы, которые связывают украинский язык с западнославянскими или южнославянскими языками. Лер-Сплавинский правильно указывает, что по признаку заместительной долготы украинский язык объединяется с западнославянскими языками. Флексия 1 л. мн. наст. вр. объединяет украинский язык с сербохорватским и словенским.

Начиная с Добровского, слависты большое внимание уделяли вопросу классификации славянских языков. Сам Добровский все славянские языки делил на две группы. В одну вошли все западнославянские, в другую — восточные и южные. Однако в XIX в. утвердилась современная трехчленная группировка. Тем не менее всегда подчеркивалась особая близость восточных и южных языков (по судьбе эпентетического [l], групп [tl], [dl], групп [kv], [gv]). Как уже указывалось выше, отношения между славянскими языками гораздо сложнее. Сложнее была картина в праславянский период, сложной она была и в более позднее время. Наметить верный путь в решении данного вопроса помог метод изоглосс. В этом отношении очень важными представляются нам работы Теньера, Чекановского, Исаченко, Копечного и ряда других ученых. Задача исследователя состоит в том, чтобы установить характер и направление важнейших изоглосс (фонетических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, лексических и фразеологических), определить их хронологию. Этот метод дает возможность установить общие и частные признаки, которые связывают и разделяют языки, входящие в общие группы, которые объединяют отдельные языки или диалекты, входящие в различные группы.

Все современные славянские языки представляют более или менее глубокие диалектные различия. Диалекты славянских языков содержат богатейший материал для изучения истории славянских языков, истории праславянского языка. Общеславянский лингвистический атлас, созда-

inslav

ние которого является очередной задачей славянского языкознания, даст ценный материал для сравнительной грамматики славянских языков, так как обнаружит характер и направление основных изоглосс. Только после завершения общеславянского атласа можно будет окончательно решить проблему классификации славянских языков.

Различия между диалектами в славянских языках неодинаковы. Если обратиться к русским диалектам, то следует сказать, что различия, в основном, сводятся к звуковому строю и мало в общем затрагивают грамматический строй. Напротив, различия между штокавскими и чакавскими диалектами сербохорватского языка относятся к важнейшим сторонам морфологии. Эти диалекты в ряде случаев различаются между собою больше, нежели, скажем, русский и белорусский языки. Это возможно потому, что возникновение национальных языков определяется прежде всего историческими условиями, а не близостью или отдаленностью диалектов. Так, северные немецкие диалекты (так называемые нижненемецкие) ближе к голландскому языку, нежели к верхненемецким диалектам. И тем не менее это диалекты немецкого языка, а не голландского. Во многих отношениях македонские говоры ближе к западным болгарским, нежели родопские. И тем не менее македонские говоры в настоящее время относятся к македонскому национальному языку, а родопские говоры являются говорами болгарского языка. И таких примеров можно привести много. Современная группировка славянских языков отражает новую эпоху, связанную с формированием наций и национальных языков. В нашем же курсе мы будем иметь дело с периодом доклассового общества (эпоха племенных языков) и с периодом феодализма (эпоха языков народностей). Для нас будет существенно важным не определение точных границ между современными славянскими языками, которые часто изменялись коренным образом, не установление генезиса многих переходных говоров, а изучение общих тенденций в развитии славянских языков, изучение изоглосс, в совокупности определяющих основные изоглоссные области. Установление этих областей является важнейшей задачей сравнительной грамматики славянских языков.

§ 10. Праславянский язык. Методы его изучения. Периодизация истории праславянского языка. Все славянские языки генетически восходят к одному языку, который принято в нашей науке называть праславянским языком. Ученые фортунатовской школы предпочитали термин общеславянский. Именно этот термин получил широкое распространение у нас после лингвистической дискуссии 1950 г. Однако пользоваться этим термином неудобно. Термин праславянский имеет существенное преимущество, так как он определяет генетические отношения: праславянский язык — родоначальник современных славянских языков. Термин „общеславянский“ лишен этого.

inslav

При пользовании термином „общеславянский язык“ или даже „общеславянский праязык“ затруднительно использовать термин „общеславянские процессы“. Мы строго различаем „праславянские процессы“ (процессы, происходившие в праславянскую эпоху) и „общеславянские процессы“ (общие процессы, происходившие в отдельных славянских языках после распада праславянского языка). Для нас такое разграничение принципиально важно. Мы будем лишены возможности ему следовать, если отбросим термин „праславянский язык“ и вслед за лингвистами фортунатовской школы будем употреблять термин „общеславянский праязык“.

Праславянский язык пережил длительную и очень сложную эволюцию от выделения его из индоевропейского языка и до распада на самостоятельные диалекты. Период существования праславянского языка был более длительным, нежели период, охватывающий историю отдельных славянских языков. Даже некоторые сторонники теории балто-славянского праязыка должны отдать праславянскому языку свыше двух тысяч лет. Однако нет сомнения в том, что праславянский период был более длительным.

Конечно, все специалисты по сравнительной грамматике славянских языков прекрасно всегда понимали, что праславянский язык пережил длительную историю. Однако практически в большинстве руководств по праславянскому языку (например, Ильинского, Микколы и др.) вопросы грамматического строя праславянского языка трактуются статично, без учета его длительной истории. Часто ставится вопрос: существовало ли данное явление или категория в праславянском языке? Отвечают — да или нет, забывая при этом, что праславянский язык начальных и поздних эпох различался гораздо сильнее, нежели, скажем, русский язык XIII и XX вв. В этом отношении показательна книга Мейе „Общеславянский язык“ — до сих пор лучшее руководство по праславянскому языку. Примечательно, что сам автор главную свою задачу видит в том, чтобы описать „систему“ праславянского языка. Нечего и говорить о том, что единой системы у праславянского языка быть не могло. В различные периоды его существования она была разной. Историк немецкого языка не будет писать, что главную свою задачу он видит в описании системы немецкого языка. Однако историк прагерманского языка (Urgermanisch) так написать может. Объясняется это тем, что дописьменные эпохи в истории языков часто рассматриваются стяженно, сознательно или бессознательно смешиваются процессы, происходившие в разные периоды. Это относится как к индоевропейскому праязыку, так и к праязыкам отдельных индоевропейских ветвей. „Большинство рассмотренных до сих пор исследований страдает одним пороком: они все исходят из такого восстановленного „индоевропейского языка“, который по характеру представления авторов о нем напоминает латинский язык учебника для средней школы: он не имеет развития и не обладает никакими разновидностями“ (Пизани. Общее и

inslav

индоевропейское языкознание, 165). Может быть, в несколько ослабленной степени этот упрек итальянского языковеда можно повторить и по адресу многих славистов. Дурново справедливо писал: „Метод воссоздания такого праязыка был очень прост. Если черте $\mathbf{a}_1$ одного языка в родственных языках соответствуют черты $\mathbf{a}_2$, $\mathbf{a}_3$, $\mathbf{a}_4$ и т. д., позволяющие восстановить для праязыка черту **a**, черте $\mathbf{b}_1$ того же языка соответствуют черты $\mathbf{b}_2$, $\mathbf{b}_3$, $\mathbf{b}_4$ и т. д., восходящие к черте **b** праязыка, и черте $\mathbf{c}_1$ — черты $\mathbf{c}_2$, $\mathbf{c}_3$, $\mathbf{c}_4$ и т. д., восходящие к черте **c** праязыка, то самый праязык восстанавливался, как сумма этих восстановленных черт: **a+b+c** и т. д. Такой язык был, конечно, фикцией, хотя бы все его черты были восстановлены правильно. Могло быть, что в то время, когда существовала черта **a**, черты **b** еще не существовало, или, что по отношению к этой черте та дифференциация, которую мы наблюдаем в языках потомков, уже произошла и т. д.“ („Sborník prací...“ II, 514).

До сих пор широкое хождение имеет термин „доисторический“ („доисторический период“, „доисторические процессы“). Не следует думать, что это просто анахронизм. Для многих этот термин полон внутреннего значения. Конечно, этот термин должен быть отброшен и заменен термином „дописьменный“ („дописьменный период“, „дописьменные процессы“).

Язык развивается во все периоды своей истории. Нельзя сказать, что он развивается более медленно в догосударственный период, когда еще не было письменности, государства, церкви. Действительно, язык развивается неравномерно. Неравномерно развиваются отдельные элементы его структуры. Но это не связано с наличием государства, с письменностью. Праславянский язык после I в. н. э. за три—четыре столетия пережил в области звукового строя более глубокие изменения, чем русский язык с XIII в. (т. е. за семь столетий). Периоды глубоких и интенсивных преобразований сменяются периодами относительного затишья. В праславянский период глубокие преобразования вызваны были процессом утраты закрытых слогов. В истории отдельных славянских языков большую роль сыграла утрата сверхкратких гласных в „слабой“ позиции. Фонологический строй русского языка XIV в. гораздо ближе к современному, нежели к строю XI в.

Изучение истории дописьменного периода представляет значительные трудности. Крупнейшим завоеванием сравнительного языкознания XX в. является тщательная разработка приемов изучения этой истории. Важнейшими из них являются следующие.

а) Разработка принципов соотносительной хронологии. Обращено внимание не только на последовательность процессов, но и на их иерархию. Устанавливаются общие причины различных процессов, определяется их внутренняя связь. Здесь находят свое отражение достижения теоретической грамматики нашего времени.

inslav

б) Разработка принципов внутренней реконструкции. Они дали много для изучения истории индоевропейского праязыка. Широко пользуемся ими и мы, слависты.

в) Использование заимствований для установления абсолютной и соотносительной хронологии. На этот источник языковеды обратили внимание уже давно. Однако слависты прежде недостаточно при этом учитывали историю неславянских языков.

Лингвистическая интерпретация славянских заимствований в неславянских языках, славянской топонимии на неславянской территории представляет значительные трудности. Прежде исследователи не видели этих трудностей. Очень показательны в этом отношении исследования Миклошича, Цонева и многих других исследователей. Они свободно привлекали для сравнения и доказательства славянские слова из финских языков, славянскую топонимию на территории Греции, не считаясь с тем, что эти славянские элементы дошли до наших дней в устах неславянских народов. Очевидно, что нужно было при этом хорошо знать и всесторонне учитывать историю неславянских языков. Языковеды XX в. в своем большинстве поняли этот существенный методологический промах и стали учитывать закономерности исторического развития неславянских языков. Это дало положительные результаты. Так, например, нельзя делать никаких выводов о произношении начальных [xv] в древнерусском языке на том основании, что древнерусское *хвост* в значении 'банный веник' в финском дало *vasta*. Известно, что в прибалтийских финских языках нет сочетаний двух согласных в начале слова (см. Ниеминен. LP, IV, 228). Однако общее решение данной проблемы не всегда давало возможность ученым найти верный путь. Дело в том, что нужно было постоянно учитывать не только закономерности неславянских языков, но и возможности различных фонетических субституций, которые нередко „возвращали" заимствованное славянское слово к исходной позиции. Это обычно не учитывалось. В связи с этим создавалась почва для ошибочной хронологии.

Как известно, славянские заимствования в финском *karsta* 'короста', *varpinen* 'воробей', славянская топонимия в Греции типа Γαρδενίκια (ст.-сл. **Градинкъ**), передача славянских имен в византийских хрониках (например, Δαργομιρος ср. **Драгомиръ**) давали основания многим исследователям утверждать, что финны и греки познакомились с этими славянскими словами в тот период, когда праславянские дифтонгические сочетания **tort, tolt, tert, telt** еще не пережили коренных изменений. В действительности же дело обстоит гораздо сложнее.

Тесные связи между болгарами и албанцами относятся к сравнительно позднему времени. По компетентному разъяснению Селищева, древнейшие славянские заимствования в албанском могут идти от XI в. Интенсивное проникновение славянских слов в албанский начинается только в XIV в. И тем не менее в албанском находим *gardinë* (болг *градина*), *daltë* (болг. *длето*) и др. Не может быть никаких сомнений

inslav

что во время проникновения этих слов в албанский метатеза давно уже завершилась. Таким образом, *gardinë*, *daltë* возникли на албанской почве. Селищев обратил внимание на то, что в албанском аналогичный процесс пережили слова типа *трупъ* (в алб. *turp*). Широко представлено в греческих говорах колебание позиции гласных при плавных сонорных: σκόρφα—σκρόφα 'свинья', 'αδρέφια—'αδέρφια 'брат', τορπάδ—τροπάδ 'задача'. На основании всех этих данных Селищев справедливо писал: „Мы не можем согласиться с таким объяснением, по которому славянские заимствованные слова у греков и албанцев, представляющие **ar, al**, указывают на такие же сочетания (с **ar, al**) в языке славян" („Славянское население в Албании", 319).

Небезынтересно отметить, что число слов без метатезы невелико и они одни и те же во всех балканских языках. В румынском это пресловутые *gard*, *baltă*, *daltă*, их же находим в албанском и новогреческом. Росетти допускал, что румынское *daltă* могло возникнуть из южнославянского *dlato* („Influenţa limbilor slave meridionale asupra limbii române" [б. м. и г.] 71). Он обратил внимание на то, что народным говорам не свойственна группа [dl] (например, *povidlă* произносят *povirlă*). Славянское *lata*, *latъka* (ср. русск. *лáтка*, польск. *łata*, чешск. *látka*, схр. *лàтица*) представлено в числе многочисленных славянских заимствований в румынском языке. В румынском оно представлено в виде *altiţă* 'вышитый наплечник, вставка на крестьянской рубахе'. Славянское *lata* восходит не к **olta*, а к **lata*. Таким образом, слово *altiţă* сформировалось в румынском из *latica*. Этот пример очень убедительно показывает, что случаи типа *baltă* и подобные возникли на румынской почве и не могут служить основой для датировки изменений праславянских сочетаний гласных с сонантами. Уже давно показано, что финское *palttina* могло возникнуть на финской почве из *полотно* (см. Селищев. ИОРЯС, XXXII, 306—307). Многие исследователи до сих пор не достаточно учитывают подобные факты. Именно поэтому и возможно появление теорий, согласно которым, например, метатезы в группах **tort** и **ort** происходили не в праславянском языке, а в IX—X вв. (см. Schwarz. ZfslPh, IV, 361—369).

Таким образом, в нашем распоряжении нет убедительных данных, свидетельствующих о том, что метатеза в группах **tort... ort...** проходила очень поздно. Это не подтверждают ни отсутствие метатезы в заимствованиях, ни передача собственного имени *Karl*. Во всех этих случаях также необходимо учитывать возможность субституции. Собственное имя *Карл* могло пережить известные изменения по славянским языкам уже после завершения фонетического процесса в группе **tort**.

г) Последовательное разграничение звуковых позиционных изменений и непозиционных чередований. Изучение перехода звуковых изменений в чередования.

д) Последовательное разграничение фонетической эволюции и фонетической субституции (см. выше).

inslav

е) Изучение фонологических последствий фонетических процессов. В этом отношении большое значение имеют труды Ван-Вейка, Трубецкого, Якобсона и многих других.

ж) Применение методов лингвистической географии к изучению диалектных различий праславянского языка. Здесь особое внимание должно быть уделено изучению лексических изоглосс (изолексем), которые приоткрывают завесу над историей взаимоотношений славянских племенных диалектов в различные периоды истории праславянского языка. Исследования в этом направлении только еще начинаются.

Конечно, и теперь многое в истории праславянского языка остается неясным и неустановленным. Многие решения вызывают сомнения и требуют в дальнейшем основательной проверки. Отдельные факты невозможно будет установить, так как некоторые древние славянские диалекты, как указывалось выше, исчезли в результате ассимиляции их носителей. Это касается, например, некоторых языков северно-западной группы (так называемый лехитской). Это же относится и к тем праславянским диалектам, которые были ассимилированы на территории Венгрии и Румынии. Изучение славянских элементов в венгерском и румынском языках не даст, конечно, полного представления об особенностях древних славянских диалектов Паннонии и Дакии.

Естественно, что при старых методах изучения праславянского языка ученых не могли интересовать вопросы периодизации его истории. Они закономерно возникли в 20-х годах XX столетия. С этого времени слависты много писали о принципах его периодизации, о взаимоотношении его диалектов, о критериях, на основе которых можно определить завершение праславянского периода.

Трубецкой в статье „Éssai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun“ (RÉSl, II) устанавливает три этапа в праславянском языке:

а) Протославянский. В этот период праславянский язык еще является диалектом индоевропейского праязыка. Он тесно связан с соседними диалектами, с которыми переживает много общего.

б) Ранний период самостоятельного развития праславянского языка. В этот период отсутствует диалектное членение.

в) Период диалектной дифференциации праславянского языка. Здесь нужно различать две эпохи: раннюю, когда диалектные особенности выявлены еще слабо, превалирует общее, и позднюю, когда сильное развитие получают праславянские диалекты.

Существенным недостатком этой периодизации является ее абстрактность. Она, собственно, мало что дает историку праславянского языка, так как почти не опирается на конкретные языковые факты. Нельзя принять и термин протославянский, уместный лишь тогда, когда речь идет о субстрате.

Более тщательно и более конкретно вопросы истории праславянского языка исследовал Ван-Вейк. Много важных и интересных соображений

inslav

им было высказано в книге „Geschichte der altkirchenslavischen Sprache“ (1931) и особенно в лекциях „Les langues slaves. De l'unité à la pluralité“ (1937) и в ряде статей.

Еще в 20-х годах справедливо указывалось, что важнейшим явлением в истории праславянского языка был „закон открытых слогов“. В определенный период истории праславянского языка слог стал характеризоваться неуклонным возрастанием звучности. В связи с этим все закрытые слоги должны были различными путями перейти в открытые. Это и определило ряд существенных процессов праславянского языка. В рецензии на книгу Гуйера „Úvod do dějin jazyka českého“ (1924) Ильинский упрекнул чешского слависта за то, что тот не показал важного значения „закона открытых слогов“, который, по мнению Ильинского, был „движущим нервом“ праславянского языка. Впервые серьезное внимание этому вопросу уделил Ван-Вейк. Позже об этом писали и другие ученые (например, Нахтигал).

Структура слога претерпела существенные изменения в праславянском языке. Утрата закрытых слогов и вызванные ею процессы коренным образом изменили облик праславянского языка. Преобразовались все дифтонгические сочетания. На их месте возникли долгие монофтонги, слоговые плавные. Изменился слогораздел, что в свою очередь вызвало существенные изменения в группах согласных. Утратились конечные согласные. Чтобы избежать зияния, возникли протезы.

Указанные процессы в свою очередь вызвали новые преобразования в области интонационно-количественной, в области задненебных согласных и другие процессы.

Тенденция утраты закрытых слогов была актуальной в течение длительного времени. Древнейшие германские заимствования в праславянском свидетельствуют, что эта тенденция действовала уже в первые века н. э.

В результате всех указанных процессов коренным образом изменился облик праславянского языка. Праславянский язык поздних эпох ближе к современному или древнерусскому языку, нежели к праславянскому языку периода до утраты закрытых слогов. Вот почему мы можем с полным основанием принять этот признак для периодизации праславянского языка: ранний период до утраты закрытых слогов — поздний период после утраты закрытых слогов.

Праславянский язык пережил еще очень важный процесс, который не был связан с утратой закрытых слогов. Речь идет об ассимиляционном смягчении согласных перед йотом. Этот процесс начался задолго до утраты закрытых слогов (в период балто-славянской сообщности), продолжался весь поздний период, захватив частично эпоху уже самостоятельной жизни отдельных славянских языков. Этот процесс существенно изменил консонантизм, структуру слога, отразился на словообразовании.

Тесно связан с этим был переход лабиализованных гласных заднего ряда после йота в гласные переднего ряда (**jъ > jь, jo > je, jū > jī**).

inslav

Он существенно преобразовал между прочим систему флексий. Можно еще указать на некоторые процессы праславянской эпохи, которые не были связаны с утратой закрытых слогов, но которые играли важную роль (например, переход [ē] в [ě], частично в [ā]). Несмотря на это, мы в своей периодизации праславянского языка исходим прежде всего из тенденции утраты закрытых слогов. Эта тенденция определила весь характер развития праславянского языка в I тысячелетие н. э.

Ряд скептических замечаний о „законе утраты закрытых слогов" высказал в свое время Трубецкой. И в последнее время раздаются голоса, предостерегающие против переоценки этого „закона". Пишут, что это вовсе не закон, а тенденция (Мартине), что действовала она очень медленно и постепенно (Кузнецов). Все это не может изменить нашего отношения к данному явлению. Действительно, утрата закрытых слогов существенно отличалась от обычных фонетических законов. Это была тенденция, которая медленно, но неуклонно подчинила себе весь строй праславянского языка и вызвала в нем коренные преобразования. Важно то, что мы не знаем позиции, в которой бы эта тенденция в конце концов не была реализована.

Отдельные случаи нарушения указанной тенденции обнаруживаются лишь на периферии славянского языкового мира. Так, в солунском говоре Кирилла и Мефодия не всегда начальные группы **ort, olt** отражали влияние тенденции открытых слогов. Аналогичное явление в группах **tort...** находим на северо-западе (область Поморья). Видимо, и здесь не во всех случаях была реализована тенденция перехода закрытых слогов в открытые (см. Лампрехт. „Sborník prací..." V, 21).

Когда закончился праславянский период? В прошлом многие языковеды связывали его завершение с событиями великого переселения народов. В V—VI вв. славянские племена занимали настолько значительную территорию, что праславянская языковая общность должна была быть нарушена. Однако против такого взгляда выступил ряд языковедов.

В первую половину I тысячелетия н. э. говоры праславянского языка во многом уже существенно различались между собою. Различно произносились носовые гласные, [ě], неодинаковой по говорам была судьба [tj], [dj], групп [tl], [dl], смягченных губных согласных, смягченного [x], во многих говорах праславянского языка [ʒ'] изменился в [z']. Были отличия и в области морфологии. Говоры различались флексиями род. ед. и им.-вин. мн. жен. р. и вин. мн. муж. р. основ на **-ja** и **-jo**, дат.-мест. личного и возвратного местоимений (*tebě*, *sebě*, но *tobě*, *sobě*), дат. ед. личного местоимения первого лица (*mene*, но *mъně*). Возможно, что существовали отличия и в области образования местоименных прилагательных. Нет сомнений, что говоры праславянского языка в это время отличались значительным лексическим своеобразием. Это был длительный период распада праславянского языка, но праславянский

inslav

язык еще существовал. Диалектные различия касались частностей, превалировало общее.

Именно поэтому Мейе пытался продлить праславянский период до IX в. Это вызвало возражение Белича, который заметил, что общность многих процессов в IX в. не может свидетельствовать в пользу Мейе. „Например, в сербохорватском языке на Далматинском побережье, — пишет Белич, — романские **san** — **sant** давали прямо **сѫ**, **сѫт**; *су*, *сут* (*Супетар*, *Сушћепан*, *Сукошан*) и т. д.); или же в сербохорватском романское **ar-** давало во многих местах еще долго **pa-** (*Мрата* — *Martinus*, *Скрадин* — *Scardona* и др.). Для меня ни одно, ни другое не свидетельствует, что их нужно приписать праславянскому языку...“ („Slavia“, I, 9). Из каждого славянского языка, продолжает Белич, можно привести немало примеров от более позднего периода, которые свидетельствуют об актуальности ряда праславянских процессов. В отличие от Мейе Белич отодвигает праславянский язык в глубь веков, так как праславянское единство, по его мнению, утратилось в связи с формированием основных диалектных групп.

В противоположность Беличу Трубецкой, а за ним Дурново пошли еще дальше Мейе. Оба они считали, что праславянский период продолжался до утраты сверхкратких в „слабой“ позиции. Дурново называл „падение“ сверхкратких эпохой распада праславянского языка. Таким образом, для русского языка праславянский период продолжался до XII в. Праславянский период закончился в X—XII вв. С этого времени начинается история самостоятельных славянских языков.

Как будто мы должны принять теорию Трубецкого — Дурново, так как „падение“ сверхкратких действительно ознаменовало собою новую эпоху. Утрата сверхкратких в „слабой“ позиции привела к тому, что вновь в славянских языках возникли закрытые слоги. Эта утрата привела не только к коренной перестройке структуры слога, но и вызвала закономерности, которые определили глубокий рубеж в истории всех славянских языков.

Однако, несмотря на то, что мы придаем большое значение истории структуры слога, мы не можем принять теорию Трубецкого — Дурново.

Вопрос о завершении праязыкового периода решался просто тогда, когда он связывался с наличием или отсутствием глубоких диалектных различий. Именно так решает вопрос Белич. Для него эпоха диалектного членения — уже не праславянский период. Теория Трубецкого — Дурново — это своеобразная реакция на подобный взгляд. Они обращают внимание не на наличие диалектизмов, а на закономерности языкового развития. Утрата сверхкратких привела к коренным преобразованиям структуры слога, фонологической системы славянских языков. Этот процесс определил глубокий рубеж в истории славянских языков. Его и надо признать границей праславянского языка.

Можно ли сказать, что данный процесс отразился на всей структуре языка? Нет, этого сказать нельзя. Этого нельзя сказать даже в отно-

inslav

шении звукового строя. Почему не положить в основу периодизации развитие количественных и интонационных отношений? В этом случае периодизация будет иной. И так далее. У исследователя никогда не может быть уверенности, что избранный им признак является тем, который может быть положен в основу всеобщей периодизации истории языка. Вероятно, имеются признаки, на основе которых и наше время можно отнести к праславянскому периоду.

Принять периодизацию Трубецкого — Дурново мешает и судьба [ъ] и [ь] в отдельных славянских языках. Дело в том, например, что в языке полабских славян сверхкраткие гласные в „слабой" позиции в ряде случаев оказались очень устойчивыми, а стало быть, для полабского языка — в соответствии с этим принципом — праславянский период должен быть продлен еще на несколько столетий.

При определении границ праславянщины нужно обратить внимание не только на диалектизмы, на внутренние закономерности языкового развития, но и на историческую обстановку, в которой развивался праславянский язык. Нельзя относить к праславянскому периоду эпоху развитых славянских феодальных государств X—XII вв., когда получила широкое развитие письменность.

Я думаю, что невозможно установить границу между праславянским языком, с одной стороны, и самостоятельными славянскими языками с другой, опираясь только на изучение их внутренних закономерностей Суть дела, конечно, в том, насколько глубоки диалектные различия насколько тесны этнические, политические и культурные связи между славянами, насколько сильны черты старого племенного быта, насколько велика территория, на которой живут славяне, и многое другое.

Праславянский период уходил в прошлое очень медленно. Начался этот процесс очень давно. Появление диалектных особенностей явилось внешним его выражением. Особенно сильно он шел в середине I тысячелетия н. э. в связи с известными историческими событиями. Установить дату завершения праславянского периода в истории славянского языка невозможно (даже в пределах двух столетий). Вторая половина I тысячелетия н. э. — время распада праславянского языкового единства.

Историю праславянского языка мы делим на две большие эпохи: эпоху до утраты закрытых слогов и эпоху, когда закрытые слоги утратились. В свою очередь, первую эпоху мы делим на три периода: период после распада индоевропейского языка, период балто-славянской сообщности и период, продолжавшийся после распада этой сообщности до эпохи утраты закрытых слогов. В первую эпоху истории праславянского языка этот язык не знал диалектных членений и развивался как единый диалект.

Вторая эпоха подразделяется на два периода. Первый период — период утраты закрытых слогов, период, когда в языке происходили глубокие преобразования. В это время наметились некоторые сущест-

inslav

венные диалектные различия в праславянском языке, происходили значительные территориальные перемещения. Второй период — период распада праславянского языка, период формирования языков славянских народностей.

Изучая историю праславянского языка ранней эпохи, мы не будем говорить о диалектном членении, об изоглоссах, так как тогда их еще не существовало. Все наше внимание будет обращено на изучение истории звукового строя. При рассмотрении истории праславянского языка поздней эпохи задачи наши усложнятся. Здесь мы должны сказать не только об основных чертах фонетической эволюции, но одновременно с большим вниманием должны отнестись к истории диалектного членения праславянского языка.

Нужно, конечно, ясно себе отдавать отчет в том, что предлагаемая нами периодизация не является универсальной. Многие важнейшие явления праславянского языка не укладываются в рамки данной периодизации. Развитие важнейших грамматических категорий совсем не было связано со структурой слога. Для историка славянской глагольной системы наша периодизация ничего не дает. Однако для истории праславянской фонетической системы она является наиболее удобной, так как позволяет четко выделить поздний период истории праславянского языка и ранние эпохи истории отдельных славянских языков. Как всякая периодизация, она является, конечно, условной.

§ 11. Древнейшая территория праславянского языка. Языковеды занимались не только вопросами праславянского языка. История науки сложилась так, что в прошлом именно языковеды, а не историки выступали в роли исследователей древнейших судеб славян (передвижение славянских племен, взаимоотношения их с неславянскими народами, формирование крупных племенных союзов и др.). Это, вероятно, явилось причиной того, что невольно смешивались две проблемы, относящиеся к различным явлениям: история праславянского языка и история носителей этого языка. Это смешение мы находим в очень многих исследованиях. А между тем, если термин „праславянский язык“ является совершенно точным и вполне научным, без которого не может обойтись историк древнейших судеб славянских языков, то термины праславяне, праславянский народ, праславянские племена отличаются крайней неопределенностью. Не случайно, современные историки славянства предпочитают не пользоваться этими терминами, а говорят просто о славянских племенах определенного периода. Термины „праславяне“, „прагерманцы“, „праиндоевропейцы“ родились в лоне лингвистической науки и часто являлись простыми синонимами понятий „праславянский язык“, „прагерманский язык“, „индоевропейский праязык“. Трубецкой писал, что понятие „индоевропейцы“ является чисто лингвистическим, — в такой же мере, как понятие „синтаксис“, „родительный падеж“ или „ударение“.

inslav

Если историк остается на почве фактов, то для него древнейшая история славян охватывает самый конец дохристианской эры и первое тысячелетие н. э. Все гипотезы о более древних временах являются лишь догадками и предположениями. Для языковедов происхождение праславянского языка — это выделение его из индоевропейского и формирование его важнейших особенностей. Хронологически это совершенно иная эпоха. Исследуя историю формирования праславянского языка и славянских грамматических категорий, мы имеем дело с таким периодом, о котором историки ничего конкретного не могут сказать. Но глубоко заблуждаются языковеды, полагающие, что только на основании данных своей науки они могут решать вопросы собственно исторические. Наглядным примером могут служить работы Шахматова, посвященные древнейшей истории славян.

Шахматов сделал много усилий, чтобы исследовать древнейшие судьбы славян. Он создал несколько гипотез о прародинах славян, которые, однако, не опирались на факты, а носили характер отвлеченных рассуждений. Труды Шахматова на эту тему наглядно демонстрируют все слабые стороны этногенетических построений языковедов.

Шахматов решительно выступил против карпатской теории, в свое время очень популярной. Он утверждал, что первоначальной родиной славян была территория, расположенная в районе устья Западной Двины, где славяне были знакомы с тисом, грабом и омелой-плющом, что подтверждается ботаническими и лингвистическими данными. К югу от них жили племена, говорившие на прабалтийском языке. К юго-востоку находились финские племена. Отсюда праславяне пошли на юг и заселили среднее и южное Повисленье, прежде занятое бастарнами. Освободившуюся территорию Западной Двины заняли финские племена.

На территории своей второй прародины праславяне познакомились с буком. Здесь они заимствовали его германское наименование. Здесь же, в Повисленье, начался распад славян на отдельные самостоятельные группы. По мнению Шахматова, здесь образовалось две группы: западная, которая лежит в основании современных западных славянских народов, и южная, из которой впоследствии возникли южные и восточные славянские народы. Это подтверждается судьбой групп [tl], [dl], изменениями групп [kv], [gv] и судьбой эпентетического [l] в различных позициях слова.

Западная группа славян продвинулась далеко на запад, вступив в непосредственные отношения с германскими племенами. Южная группа вынуждена была задержаться в Повисленье, так как в среднем течении Дуная господствовали гунны. Только с середины V в. н. э. южная группа получила возможность продвижения на юг. В результате этого движения единая группа распалась на две: словен и антов. Первые двинулись на Балканский полуостров и положили начало южным славянским народам. Анты — предки восточных славян — двинулись на юго-восток, где заняли территорию Поднестровья и частично Подне-

inslav

провья, которая и является восточнославянской прародиной. После ухода южной группы из Повисленья и усилившегося напора германцев с запада западнославянские племена вынуждены были продвинуться далеко на восток. В связи с этим ляшские племена заселили верхние течения Оки и Волги. Восточнославянские племена в дальнейшем образовали три группы племен: южнорусскую, восточнорусскую, севернорусскую. Из смешения севернорусской и восточной части восточнорусской группы возникла великорусская народность, из смешения южнорусской группы и западной части восточнорусской группы и частично ляшских племен сформировались белорусы. Прямыми потомками южнорусской группы являются украинцы.

Следует обратить внимание на то, что Шахматов в своих построениях игнорировал собственно исторический (археологический) материал. А материал этот, как свидетельствуют археологи, во многом противоречит схеме Шахматова. Эта схема не имеет почвы и в нашей науке. Совсем мало использовал Шахматов топонимический материал. При более внимательном отношении к этому ценнейшему источнику Шахматов не смог бы утверждать, что первой прародиной славян была область Западной Двины. Иногда Шахматов привлекал топонимию, но не всегда при этом проявлял достаточную критичность. Так, он говорил о движении славян вверх по Днепру только на том основании, что левый приток Днепра носит название *Десна*, т. е. „правая". В действительности же этимология Десны не славянская (не славянскими, кстати, являются этимологии названия рек *Цна*, *Сосна* и др.). Следует думать, что восточные славяне вообще не имели прилагательного *десьнъ* и образований от него. Соответствующие слова в древнерусском литературном языке были взяты из старославянского языка. Нужно сказать, что сам Шахматов чувствовал шаткость и бездоказательность многих своих этногенетических построений. Вот почему так часто и легко он отказывался от своих гипотез. В последнем труде „Древнейшие судьбы русского племени" (1919) Шахматов писал, что вопрос о первой прародине славян для него остается нерешенным.

Как мы видели, Шахматов большое внимание в решении этногенетических вопросов уделял ботанической терминологии. В системе его доказательств анализ ботанической терминологии занимает важное место. Исключая бассейн Припяти из праславянской территории, Шахматов говорит: „...тис неизвестен в бассейне Припяти, нет там и плюща; между тем, общеславянский праязык знал слова для тиса и плюща" („Введение...", 36). Здесь следует обратить внимание на существенные методологические промахи Шахматова. Они встречаются часто и в исследованиях современных авторов.

При решении этногенетических вопросов исследователи уделяют большое внимание тем элементам словаря, которые связаны с географическими условиями, со средой, с животным и растительным миром. Эта лексика может дать ценные факты для локализации наиболее древ-

inslav

них поселений определенной этнической группы. Для решения вопроса о древнейшей славянской территории большое значение имели труды польского ботаника Ростафинского, посвященные славянским названиям деревьев („O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach", 1908 и др.). Как я уже сказал, ботанической терминологией для решения вопросов о прародине славян широко пользовался Шахматов. И значительная часть новой монографии Мошинского „Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego" (1957) также посвящена анализу славянских названий деревьев. Отрицать значение зоологической и, особенно, ботанической терминологии для решения проблем этногенеза нельзя. Однако на этом пути исследователя ждут многие опасности. Нет прямой и постоянной связи между словом и предметом.

Ход мысли исследователя обычно таков. Данную породу дерева все славяне называют одинаково. Этимология слова славянская. Следовательно, на территории праславянского языка росло это дерево. Во всех славянских языках находим слово *береза* (русск. *берёза*, укр. *бере́за*, блр. *бяро́за*, болг. *бреза*, схр. *брѐза*, слов. *bre̥za*, чешск. *bříza*, слвц. *breza*, польск. *brzoza*, в.-луж. *brěza*, н.-луж. *brjaza*). Для позднего праславянского периода можно реконструировать форму *bérza*, для более раннего — *berəẓā*. Это праславянское слово индоевропейского происхождения — *bherəg'ā* 'светлое дерево' (ср. ав. *brāz-* 'сиять'). Следовательно, на древнейшей славянской территории росли березы. Иное положение со словом *бук*. И это слово встречается во всех славянских языках (русск. *бук*, болг. *бук*, схр. *бȕк*, западнославянское *buk*). Однако слово *бук* не является исконнославянским. Отсюда делается заключение, что на древнейшей славянской территории бук не рос. Современная крайняя восточная граница распространения бука идет от Калининграда через Кременец до Одессы. Следовательно, славянская прародина находилась к востоку от этой линии. Такова система доказательств Ростафинского, Шахматова и многих современных исследователей. Она требует серьезной критики. Основания для этого следующие.

а) Ботанические и зоологические зоны меняются сравнительно быстро. Необходимо постоянно учитывать данные палеоботаники и палеозоологии. В этом отношении очень показателен случай с буком. На основании анализа пыльцы растений в торфяных болотах было высказано предположение, что 2500 лет тому назад восточная граница распространения бука шла значительно западнее (в районе Эльбы). В период неолита граница бука шла еще западнее. В этот период бук не был известен на территории Шлезвиг-Гольштейна и соседних областей. Таким образом, на основании современной зоны распространения бука в Восточной Европе нельзя устанавливать территорию праславянского языка. Это относится к тису и омеле-плющу. Еще быстрее изменяются зоологические зоны.

inslav

б) Древнейшая славянская территория не является исконной территорией, т. е. территорией, на которой произошло выделение праславянского диалекта из индоевропейского праязыка. Локализуемая нами праславянская территория (см. ниже) находилась за пределами распространения индоевропейского праязыка. Таким образом, многие зоологические и ботанические термины существовали у предков славян еще тогда, когда они жили в иных географических условиях. В дальнейшем шел длительный процесс приспособления старой терминологии к новым условиям. В связи с этим постоянно менялись значения старых терминов. И это можно хорошо показать на примере бука.

Славянское *buzъ* (ср. *бузина*) генетически родственно двн. *buohha*. Нет сомнения, что славянское слово *бук* заимствовано из германского. Но это же индоевропейское слово было известно и славянам (*buz-*). „Правда, последние имена обозначают не бук, а другое растение („sambucus"), но, как известно, ничто так часто не меняет своего значения, как ботанические термины... А если так, то весьма правдоподобно предположение, что славяне на своей прародине знали и самое дерево бук и его исконное назв. *buzъ*, но с течением времени перенесли его на бузину. И можно даже догадаться, почему это произошло. Согласно остроумной гипотезе Брюкнера (KZ, XLVI, стр. 193) славяне на своей прародине знали ... белый бук (Caprinus), который они называли *grab(r)ъ*, т. е. грабом; по мере своего распространения в области красного бука, они перенесли название первого на второй... Впоследствии, по образцу *grabъ* было составлено к *buky* новое имя *bukъ*. Это обстоятельство — ... и послужило причиной того, что исконное слав. название красного бука *buzъ* в одних говорах прасл. языка исчезло совсем, а в других было перенесено на „бузину", имя которой, поэтому, вряд ли случайно оказывается в исконном родстве с лат. назв. красного бука *fagus*" (Ильинский, ИОРЯС, XXV, 429—430).

в) Исследователям все время необходимо учитывать случаи табу. Древние народы, в том числе и славяне, поклонялись различным животным и растениям. Эти животные и растения были священными, называть их прямо было нельзя. На них переносили названия других животных и растений или чаще называли описательно. Примеров можно привести очень много. Священным животным у славян был медведь. Вот почему в славянских языках бесследно исчезло старое индоевропейское название данного животного и сохранилось новое 'кто ест мед', 'любитель меда', 'медоед'. Отсутствует старое индоевропейское название медведя и в балтийских и германских языках. Балтийцы его называют 'косматым', а германцы 'бурым'. В противоположность славянам, балтийцам и германцам кельты и иранцы сохранили старое индоевропейское слово (ср. ирл. *art*, ав. *arəša-*, осет. *ars*). Было бы грубой ошибкой, если бы мы на этом основании стали утверждать, что предки славян, балтийцев и германцев жили на территории, где медведь не был известен.

inslav

У многих индоевропейских народов предметом поклонения был дуб. Это сказалось на названии дуба. Старое индоевропейское слово, восходящее к морфеме *per(k)-*, сохранилось в латинском *quercus* и ряде других индоевропейских языков. У греков существовал культ дуба. Вот почему старое название дуба в греческом языке утрачено. На дуб перешло название бука (ср. греч. дор. φᾱγός). Не сохранил старого индоевропейского названия дуба и праславянский язык. Это дерево стало называться *dǫbъ*. Этимология слова до сих пор окончательно еще не установлена (см. Sławski. SEJP, 139; VEM, I, 376). Наиболее удачная, как нам кажется, принадлежит Фальку, который полагает, что *dǫbъ* (<*dumbos*) означал первоначально 'дуплистое дерево' („Scando-Slavica", IV, 266). Однако следы старого корня *per-* сохранились в имени славянского бога *Перуна* (см. Иванов. ВСЯ, 1958, № 3, 101—111).

г) Славяне уже в очень древние времена находились в общении с различными народами. Никогда не следует забывать, что совсем близко проходил путь к Балтийскому морю за янтарем. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они рано узнали о многих животных и растениях, которых они не могли видеть. Слова *slonъ*, *lьvъ*, *osьlъ*, *velьbǫdъ* и многие другие были известны праславянскому языку. Однако трудно предполагать, что славяне в то время имели ясное представление о соответствующих животных. Значит, могли существовать в языке названия тех животных и растений, с которыми само население не сталкивалось. Особенное распространение это получило позже, когда появилась письменность и когда получили широкое распространение книжные слова. Вот почему показательность многих общих слов в славянских языках разная и в настоящее время. Так, слово *бук* в русском языке только книжное. На территории распространения русского языка бук не растет. Не знаком русский человек с тисом и грабом, все соответствующие слова в русском также книжного происхождения.

д) Иногда одно и то же животное или растение называется в славянских языках по-разному. Часто это трудно объяснить и еще труднее установить, какое из этих названий является первичным, исконным. Дерево *pinus silvestris* в русском и польском называется *сосна*, *sosna*, в болгарском *бор*. Южнославянским языкам слово *сосна* не известно. Чешский и словацкий языки знают оба названия для *pinus silvestris*. В современном русском слово *бор* имеет другое значение: 'хвойный лес'. Это же значение слово *bór* имеет в польском 'las sosnowy, las drzew żywicznych i iglastych; las gęsty, ciemny'. Возможно, что слово *borъ* в праславянском имело два значения: 'сосна' и 'сосновый лес'. Но в таком случае возникают вопросы: что означало слово *сосна* и почему это слово утратилось в южнославянских языках? Прежде всего следует обратиться к этимологии данного слова. Мошинский обратил внимание на то, что в Полесье дерево *pinus silvestris* называют сосной только в том случае, если в нем имеется улей. В Беловежской пуще стволы

inslav

сосен, пригодных для бортничества, называют *sosnowatymi*. Слово *sosna* (точнее *sosnь*) Мошинский возводит к забытому глаголу *sojiti* 'колоть' и под. Однако эта этимология вызывает возражение. В положении перед согласным на месте дифтонгического сочетания [oi̯] возник бы [ě], т. е. вместо *sosna* было бы слово **sěsna*. Трубачев сопоставляет *sosna*, *sosnь* с *sopěti*, с русским *сопло* и предлагает реконструкцию *sopsna*, *sopsnь* 'дуплистое дерево'. Прототип *sopsna* предполагается и другими этимологами, но на основе других сопоставлений и с другим значением. Таким образом, общим названием данного дерева в праславянском следует считать *borъ*. *Sosnь* (< *sopsnь*) или *sosna* (< *sopsna*) являлось специальным названием: так называли те деревья, которые служили для бортничества. Бортничество особенное развитие получило у северных славян. Здесь основным напитком был мед. Южные славяне очень рано познакомились с виноградной лозой и с виноделием. Виноградное вино получило у них большее распространение, чем мед. Правда, продолжалось и бортничество. Но техника его сильно изменилась. Появились плетеные ульи-корзины: *кош* — *кошница* — *кошер*. Вместе с этим было забыто и слово *sosna*.

Шахматов не видел всех тех трудностей, которые должен преодолеть исследователь, поставивший перед собой задачу решения этногенетических проблем на основе ботанической или зоологической терминологии. Упрощенно эти вопросы решаются и некоторыми современными языковедами.

Необыкновенно произвольны толкования Шахматовым дошедших до нас исторических свидетельств. Передвижения славянских племен Шахматов рисует вне конкретной исторической обстановки. Он не ставит перед собою вопроса об общественной организации славян. Прямолинейно и схематично решаются им вопросы генетических связей отдельных групп славянства. Современные отношения механически переносятся в глубокую древность. Решая чисто исторические проблемы, Шахматов полностью игнорировал богатейший археологический материал.

Решительно отвергается в современной науке учение Шахматова о ляшских чертах в белорусской фонетике. А вместе с тем рушится и его учение о роли западных славянских этнических элементов в формировании белорусского народа.

Гораздо основательнее подошел к решению этногенеза славян Лер-Сплавинский. Не будучи историком, он, однако, всесторонне учел новейшие данные археологической науки. Его труд „O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian" (1946) — крупнейший вклад в изучение древнейшей истории славян. Следует, однако, указать, что и этот труд встретил много возражений у историков, которые выступили против многих привычных для языковеда понятий и категорий.

Лер-Сплавинский полагает, что этнические образования современной восточной и средней Европы моложе неолита. В конце неолита эти

inslav

области были заселены племенами так называемой гребенчатой керамики, которые говорили, как думает большинство ученых, на угрофинском языке. Эти племена двигались с востока и достигли на западе Одера. На рубеже III и II тысячелетия это был господствующий здесь этнический элемент. Позже началась экспансия с запада. Археологическим признаком этой новой западной культуры является шнуровая керамика. Это были индоевропейцы, говорившие на различных индоевропейских диалектах. Одним из таких диалектов был, как думает Лер-Сплавинский, протобалтийский. Он занимал территорию между Одером и бассейном Оки, где новые пришельцы подчинили себе финские племена. Финский язык здесь был ассимилирован. Однако следы финского субстрата сохранились в протобалтийском языке.

В первые века бронзы (середина II тысячелетия до н. э.) началась новая экспансия индоевропейских племен с запада, которая охватила территорию Саксонии, Силезии, Лужиц, юго-западной Великопольши, позже — бассейн реки Вислы, Западного Буга, Судеты, северную Чехию, Моравию и Словакию. Культура новых пришельцев известна в археологии под наименованием лужицкой. Лер-Сплавинский называет ее венетской. Следствием экспансии носителей этой культуры на востоке был распад единой этнической и языковой протобалтийской общности на две: праславянскую и прабалтийскую. Польский языковед решительно возражает археологам, которые лужицкую культуру считают праславянской, хотя и соглашается с тем, что носители этой культуры сыграли важную роль в формировании праславян. Западные лужицкие племена были предками кельтов и иллирийцев.

Как видим, Лер-Сплавинский касается таких периодов в истории этнических групп, о которых Шахматов не мог говорить, так как он не опирался на данные археологии. Следует, однако, заметить, что яркая картина, нарисованная Лер-Сплавинским, очень гипотетична и во многих своих частях спорна. Уж слишком много здесь нужно принять на веру. Построения Лер-Сплавинского не нашли полной поддержки у археологов. Наиболее авторитетные специалисты в области славянской и балтийской археологии считают, что единой балто-славянской археологической культуры не существовало.

Давно уже вопросами балто-славянских отношений специально занимается крупный польский археолог Костшевский. На эту тему он опубликовал ряд исследований. Последнее — „Stosunki między kulturą łużycką i bałtycką a zagadnienie wspólnoty językowej bałto-słowiańskiej" („Slavia Antiqua", V. 1956). В этом большом исследовании Костшевский подводит итоги своим многолетним наблюдениям.

В результате изучения богатого археологического материала Костшевский приходит к заключению, что археолог может говорить только о длительном контакте, соседстве праславянских и прабалтийских племен. „Какую культуру мы можем связать с балто-славянским пра-

inslav

языком?" — спрашивает Костшевский и отвечает: „Такой культуры мы, однако, не знаем". В отличие от Лер-Сплавинского Костшевский считает, что лужицкая культура была именно праславянской. Культура древних прабалтов существенно отличается от лужицкой культуры Нельзя связывать со славянами и балтами долужицкую культуру, так как она не представляет никаких различий на огромной территории. Кроме того, следы этой культуры отсутствуют как раз на той территории (Восточная Пруссия), где, как думает Костшевский, сформировалась древняя прабалтийскся культура

Основные положения Костшевского согласуются с данными языка. Как мы видели выше, и у языковеда нет данных, дающих основание уверенно утверждать, что существовал единый балто-славянский праязык. Близость славян и балтов возникла в результате тесного и длительного соседства балтийских и славянских племен, которое, однако, не привело ни к созданию единой культуры, ни к формированию общего языка.

Древнейшей и устойчивой границей между славянскими и балтийскими племенами являлась Припять. К югу от Припяти жили славяне, к северу — балтийские племена (в ближайшем соседстве к славянам — пруссы и ятвяги). Конечно, возможно, что незначительные группы славян жили и к северу от Припяти, так же как балтийцы могли проникать и в более южные районы. Обилие рек (Стоход, Стырь, Горынь, Уборт, Уж, Ясельда, Лань, Случь, Птичь) способствовало тесному общению этих племен. Менее определенной была граница к западу от истоков Припяти. Она шла севернее среднего течения Западного Буга до Вислы. Непосредственного общения между славянскими племенами, с одной стороны, и литовско-латышскими, с другой, в период балто-славянской сообщности не было, так как предки литовцев и латышей в это время жили к северу-востоку от пруссов и ятвягов.

Очень трудно определить хронологические границы балто-славянской сообщности. Началась она значительно позже распада индоевропейского праязыка. Конец ее все исследователи объясняют экспансией чужих племен, но, говоря о различных племенах, они связывают этот процесс с различными периодами. Всеми отвергнута хронология Вайана, который утверждал, что балта-славянская эпоха продолжалась до первых веков христианской эры. Конец этой эпохи Вайан связывал с экспансией германских племен. Польский лингвист Сафаревич считает, что распад балто-славянского единства произошел гораздо раньше и вызван был вторжением на северо-запад иранских племен, что, однако, не привело к географическому разобщению славян и балтов. Лер-Сплавинский этот процесс объясняет нашествием с запада племен лужицкой культуры (вторая половина II тысячелетия до н. э.). В противоположность Лер-Сплавинскому я думаю, что в это время (вторая половина II тысячелетия до н. э.) только начался контакт между праславянскими и прабалтийскими племенами, который, надо думать, продолжался

inslav

длительный период (может быть, до середины I тысячелетия до н. э.). Следует обратить внимание на то, что древнейшие иранские заимствования в праславянском (*bogъ*, *toporъ* и др.) отсутствуют в балтийских языках. Отсюда можно сделать заключение, что к середине I тысячелетия до н. э. балто-славянская сообщность уже распалась (см. Милевский. RS, XVIII, cz. I, 44).

Пока решение всех этих вопросов носит очень гипотетический характер. Не было недостатка в различных предположениях, но очень мало было сделано положительного. А между тем материалы для решения многих вопросов, связанных с историей взаимоотношений славянских и балтийских племен, имеются. Это прежде всего те элементы славянского и балтийского словаря, которые возникли, сформировались в период общей жизни славян и балтов. Здесь важно отделить общий индоевропейский лексический фонд от общих лексических новообразований периода балто-славянской сообщности. Этого не сделал в свое время Траутман, и это является существенным недостатком его „Baltisch-slavisches Wörterbuch“ (1923). Общие новообразования должны быть подвергнуты строгому этимологическому анализу в связи с данными археологической науки. Это единственное средство установить, хотя бы приблизительно, период балто-славянской сообщности.

В период балто-славянской сообщности возникли и развились некоторые важные общие особенности звукового и грамматического строя. Как указывалось выше, это прежде всего возникновение балто-славянской интонации. Следует еще указать на судьбу индоевропейских слоговых сонантов. Под воздействием неиндоевропейского субстрата еще в период сообщности при отрицании стал употребляться родительный падеж. Этот же субстрат оказал сильное влияние на словообразование. Однако общие черты возникли не только в период сообщности. Сообщность определила возникновение ряда общих черт в славянских и балтийских языках в поздний период, когда, например, распадался праславянский язык, а прабалтийского языка уже давно не было. Конечно, сообщность не может определить в такой степени параллелизм будущих процессов, как это способен сделать праязык.

Опыт Лер-Сплавинского показал, что решение проблемы происхождения и прародины славян нельзя смешивать с проблемой происхождения славянских языков. Для нас, языковедов, имеет, однако, большое значение данное исследование и ряд других специальных работ польского лингвиста, в которых он высказывает много важных соображений о взаимоотношениях групп славян по данным языка. Его лингвистическая аргументация гораздо глубже и интереснее, нежели аргументация Шахматова.

В отличие от большинства языковедов Лер-Сплавинский уделяет много внимания конвергентным процессам в праславянскую эпоху. Он справедливо указывает на то, что отдельные праславянские диалекты не только распадались, но и объединялись. В различные эпохи

inslav

создавались новые группы, которые существенно видоизменяли отношения между диалектами.

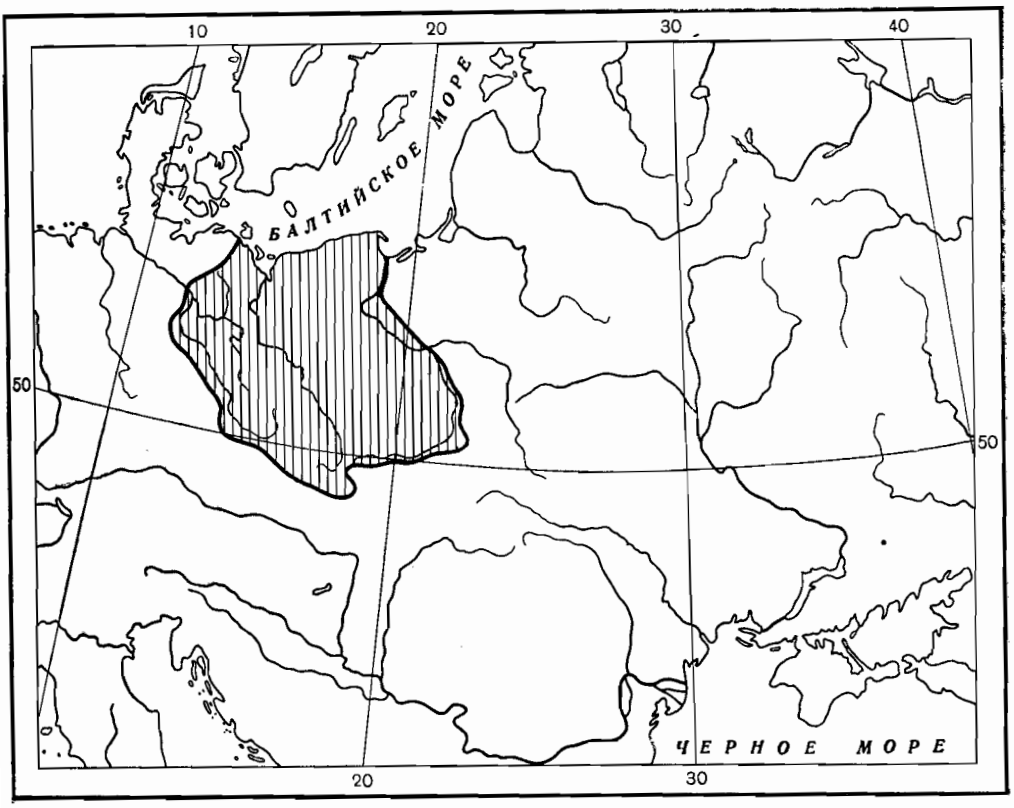
Споры о древнейшей территории праславянского языка продолжаются и в настоящее время. Выдвигаются новые гипотезы, привлекается новый материал. Следует, однако, сказать, что многое уже установлено окончательно. Легко заметить, что точек соприкосновения у исследователей теперь гораздо больше, нежели пятьдесят лет тому назад. Окончательно оставлена карпатская теория. Теперь для всех ясно, что на Карпатах славяне появились не раньше первых веков н. э. Полностью отвергнута теория Шахматова о так называемой первой прародине славян. Можно считать окончательно установленным, что к северу от Припяти славянская речь не звучала до середины I тысячелетия н. э. Припять была одной из устойчивых границ праславянского языка. Споры в настоящее время в основном идут о западной и восточной границах праславянского языка.

Большинство польских ученых считает, что древнейшая праславянская территория на западе доходила до Одера, а на северо-западе до побережья Балтийского моря. Некоторые исследователи (например, Лябуда и др.) доводят западную границу до Эльбы. Соответственно эти ученые передвигают далеко на запад восточную границу (до Западного Буга). Так себе представляет территорию праславянского языка в конце II тысячелетия до н. э. Яжджевский. Однако никаких убедительных доказательств у этих ученых нет. Мы знаем, что до IV—III вв. до н. э. вся территория к западу от Вислы была заселена племенами лужицкой культуры. Носителями этой культуры были, главным образом, венетские племена, которые заселяли всю Польшу до Вислы. „Это приводит нас к заключению, — писал Лер-Сплавинский, — что название „венеты“ было, вероятно, этническим наименованием того народа, который создал и распространил в Центральной Европе лужицкую культуру. В связи с этим последнюю следовало бы назвать венетской культурой...“ („Польский язык“, 23). Восточнее Вислы носители лужицкой культуры были известны лишь на самом севере, где они соприкасались с балтийскими племенами. В течение длительного времени среднее течение Вислы являлось рубежом двух различных этнических образований.

У нас нет никаких данных, что славяне в I тысячелетии до н. э. жили на берегу Балтийского моря. Нет сомнения в том, что если бы Великий путь за янтарем пролегал по славянской территории, влияние античных языков и античной культуры на славян было бы гораздо глубже и древнее. Основным доказательством древности поселений славян на Балтийском побережье у историков является наличие слова *mor'e* в славянских языках, сомневаться в древности которого нет оснований. На этом аргументе следует специально остановиться.

Данное слово известно языкам славянским, балтийским, германским, кельтским и италийским (ср. лат. *mĕre*, др.-ирл. *muir*, гот. *marei*,

inslav



Карта 2. Территория праславянского языка конца II тысячелетия до н. э. (по Яжджевскому)

лит. *mãrės*, прус. *mary*). Возможно, что это слово существовало и в других индоевропейских языках, но позже было забыто, Так, именно к этому слову Тиме возводит др.-инд. *marut* 'ветры, боги ветра'. Рудницкий полагает, что утрата своего слова в греческом и замена его неиндоевропейским θάλασσα можно легко объяснить историческими условиями.

Однако есть существенное различие в значении этих слов. „...В балтийских языках соответствующий корень (*marės*) означает о з е р о и только в частности — Рижский залив, для обозначения же моря имеется другое слово (*jūrės*, *jūrios*). Это, мне кажется, — пишет Шахматов, — указывает на то, что было время, когда славяне оставались у моря, между тем как литовцы были оттиснуты от него на восток" („Введение...", 29). В настоящее время эти соображения Шахматова не могут быть приняты во внимание. Дело в том, что балтийское значение слова *marės* (лит. *mãrės*, прус. *mary*) более древнее, нежели современное значение славянского слова *mor'e*. Древнейшим значением данного слова в указанных индоевропейских языках было 'стоячая вода, болото'. Буга полагал, что предки славян, балтийцев и германцев этим

inslav

словом обозначали обширные заболоченные пространства Припятской низменности. Следы этого значения сохранились в языках, в том числе, и славянских. Исаченко справедливо недавно писал, что слово *mor'e* возникло в праславянском языке до знакомства славян с открытым морем („Езиковедски изследвания...", 314).

Следует, однако, сказать, что не все польские ученые считают территорию Польши наиболее древней славянской территорией. Розвадовский передвигал ее далеко на восток. Резко полемично недавно выступил против принятого в польской исторической науке тезиса Мошинский, который считает древнейшей славянской территорией только Поднепровье. С этим нельзя согласиться. Так далеко на восток передвигать всю праславянскую территорию невозможно. Все данные археологической науки, известное нам распределение на соседних территориях иных этнических групп — все это говорит о том, что западной границей праславянского языка в IV—III вв. до н. э. было среднее течение реки Вислы (до устья Западного Буга). К западу от Вислы в это время находилась территория венетского языка. Висла в течение многих веков была устойчивой границей праславянского и венетского языков.

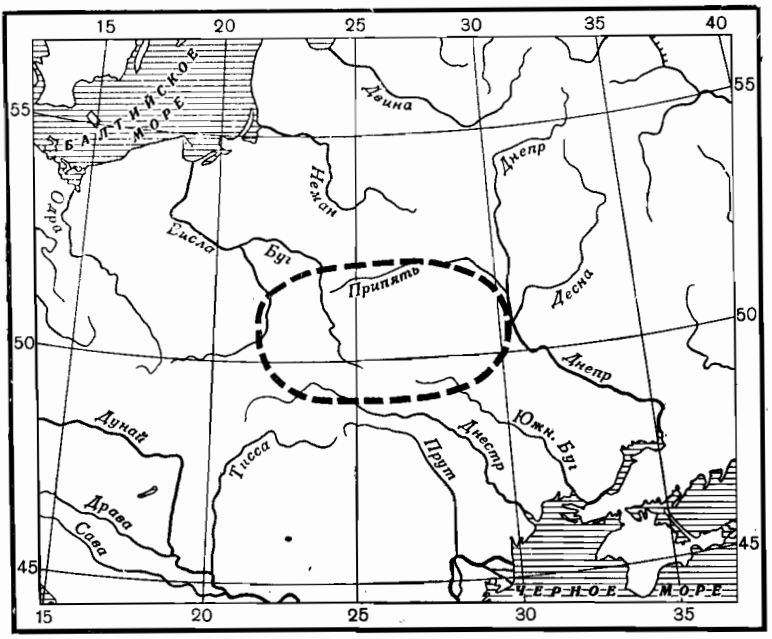
Также не может быть сомнений в том, что правобережье среднего Днепра в последние века дохристианской эры было заселено племенами, говорившими на праславянском языке. На востоке граница праславянского языка шла по среднему течению Днепра (от устья Припяти до Сулы). Бассейны Тетерева, Ирпеня (так называемое Киевское Полесье) должны быть включены в древнейшую территорию праславянского языка.

Итак, территорию праславянского языка к IV—III вв. до н. э. можно представить следующим образом (см. карту № 3).

Наиболее убедительно данная территория устанавливается методом исключения. Мы не знаем иных этнических групп, которые с полной уверенностью можно было бы поселить здесь. Балтийские племена жили к северу от Припяти. Венеты обитали к западу от данной территории. Никогда не жили на этой территории кельты, фракийцы и иранцы — юго-западные, южные и юго-восточные соседи славян, не было на этой территории в I тысячелетии до н. э. и финнов.

Против нашего предположения в какой-то степени может свидетельствовать лишь топонимический материал, которому в решении праславянской проблемы решающую роль отводил Розвадовский. На основании всестороннего и углубленного лингвистического анализа названий водных бассейнов и рек Восточной Европы он пришел к заключению, что наиболее древнюю славянскую территорию следует искать к востоку от верхнего течения Днепра до Десны. По гипотезе Розвадовского, междуречье Днепра и Десны нужно считать древнейшей славянской территорией. Действительно, процент славянских названий рек на указанной территории высок. Это нужно признать, несмотря на то, что

inslav



Карта 3. Основная территория праславянского языка к III в. до н. э.

многие этимологии Розвадовского являются ошибочными. Однако данный топонимический материал не может играть определяющей роли в решении всей проблемы. Как показано современной археологической наукой, территория между верховьями Днепра и Десны до появления здесь славян была свободной. Неславянского населения здесь не было. Именно поэтому заселение данной территории шло легко и быстро. Всем небольшим речкам и водоемам пришедшее славянское население давало свои славянские наименования. Именно эти наименования сохранились до наших дней. На территории к югу от Припяти и к западу от среднего Днепра много неславянской топонимии. Объясняется это тем, что пришедшие сюда предки славян застали здесь более древнее население, которое было ими ассимилировано. Именно от более древнего населения и сохранилась неславянская топонимия на этой территории. На территории Советского Союза имеются области очень поздней русской колонизации с богатой славянской топонимией.

На указанной нами древнейшей территории славяне жили в течение весьма длительного времени. Именно здесь они стали заниматься земледелием, познакомились с гончарным кругом, железом. Важную роль в их жизни играли охота и рыболовство. Всестороннюю характеристику жизни и быта древних славян можно найти в известной книге Нидерле „Славянские древности“.

Местное славянское население общалось с соседями, с неславянскими племенами. Наиболее тесными и постоянными связи были с

inslav

северными соседями — балтийскими племенами. Следует думать, что некоторая часть славян в той или иной степени была знакома отдельными балтийскими диалектами (прежде всего диалектами пруссов и ятвягов). Имела место и взаимная ассимиляция части населения. Быт, производство, общественная организация славян и балтов были очень близки друг другу.

Несмотря на сравнительно большую территорию праславянского языка, в этот период существенных диалектных различий внутри языка не было. Во всяком случае о диалектных различиях мы ничего не знаем. А ведь в этот период в системе праславянского языка произошли многие важные изменения. Все это может свидетельствовать о тесных взаимосвязях славянского населения от Вислы до Днепра. Этому способствовало обилие удобных водных путей на всей территории и ее равнинный характер. С горным ландшафтом славяне познакомились позже.

§ 12. Древнейшие праславянские диалекты. На рубеже IV—III вв. до н. э. на территории Восточной и Средней Европы происходили глубокие этногенетические процессы, которые за сравнительно короткий срок существенно преобразовали этническую карту данного района. Происходит резкая смена археологических культур. В районе Вислы—Одера лужицкая культура сменяется пшеворской, которая существенно отличается от лужицкой культуры. Имеются, однако, и общие элементы (например, обряд трупосожжения).

Венетские племена, которые были носителями лужицкой культуры, занимали между XII—IV вв. до н. э. огромную территорию к западу от Вислы. Они заселяли все пространство между Вислой и Одером, южное побережье Балтийского моря. Западная граница венетов доходила до верхнего течения Эльбы. На юге венеты соприкасались с племенами кельтскими и иллирийскими.

Благодаря многочисленным раскопкам в настоящее время хорошо известна материальная культура венетов. Они знали земледелие и скотоводство, кузнечное дело, гончарное производство. Лужицкая культура в различных районах представляет некоторые варианты. В IV—III вв. до н. э. наступает быстрый упадок лужицкой культуры, а затем она исчезает.

В последние десятилетия выдвигалось много гипотез о принадлежности различных археологических культур славянам. Однако почти все эти гипотезы опирались на очень шаткие основания: данная культура обнаружена на той территории, где славяне известны со времени древнейших исторических свидетельств. Так, многие археологи упорно в течение длительного времени пытались доказать, что носители трипольской культуры, распространенной в III—II тысячелетиях до н. э. на огромной территории Правобережной Украины и восточной Румынии, были славяне. В настоящее время защитников этого взгляда уже нет.

inslav

Ряд авторитетных славянских археологов лужицкую культуру считает славянской. Однако эта гипотеза ставит перед исследователем древнейших судеб славянства много трудных загадок.

Из всех нам известных древних археологических культур бесспорно славянскими были пшеворская культура и очень близкая и синхронная ей культура зарубинецкая. Пшеворская культура охватывает пять—семь веков (III—II вв. до н. э. — III—IV вв. н. э.) Памятники этой культуры находим в основном на территории между Одером и Западным Бугом. Носители пшеворской культуры хорошо знали земледелие, скотоводство. Они не только знали железные орудия, но умели их изготовлять. Найдены следы железоплавильных печей. Было развито гончарное дело. В могильниках сохранилось много оружия (например, обоюдоострые длинные мечи). Встречаются щиты, шпоры, остатки конской упряжи. Находят археологи бронзовые фибулы, пряжки, ножи, глиняные пряслицы, костяные гребни, большие железные ножницы для стрижки овец. Был широко распространен обряд трупосожжения. Носители пшеворской культуры селились на возвышенных местах. Они строили прямоугольные дома. Стены были из плетня и обмазывались глиной (подробнее см. в книге Третьякова „Восточнославянские племена“, 131—136).

На территории между Западным Бугом и Днепром параллельно с пшеворской культурой была распространена зарубинецкая культура.

Таким образом, граница между этими двумя культурами шла по Бугу. Различия между пшеворской и зарубинецкой культурами касаются деталей, однако очень важных для археолога.

Итак, на основании данных археологической науки мы уверенно можем говорить, что на рубеже нашей эры славяне занимали значительную территорию. Славянские поселения заходили к западу от верхнего и среднего течения Одера. На северо-западе славяне вышли к побережью Балтийского моря. Распространение на запад праславянского языка вызвано было не только колонизацией новых областей славянами, но и ассимиляцией местного неславянского населения (венетов). Можно думать, что к I в. н. э. венеты уже забыли свой родной язык и говорили только по-славянски. Германцы, с которыми славяне вошли в контакт во II в. н. э., называли славян уже венетами. Под этим же названием славяне были известны финнам. Готский историк VI в. н. э. Иордан точно свидетельствует, что в его время под венетами понимали славян. Следует, однако, обратить внимание на то, что этот этноним никогда не служил у славян самоназванием. Так стали называть славян соседи после того, как славяне ассимилировали венетов.

Одновременно с движением на запад началось движение славянских племен на восток и северо-восток. Славяне перешли Днепр и двинулись дальше по бассейнам рек. Особенно интенсивным движение их было по рекам Сожу и Десне. В первые века нашей эры славяне уже

inslav

заселили значительную часть левобережья до среднего течения Десны и Сожа. Примечательно, что в этот период значительных передвижений населения в северном и южном направлениях еще не было. Таким образом, к I—II вв. н. э. территория праславянского языка простиралась от левого побережья Одера на западе до среднего течения Десны, на востоке, от побережья Балтийского моря на северо-западе до предгорий Карпат на юге. В определении данной территорин между большинством исследователей в настоящее время существуют сравнительно незначительные разногласия.

Движение славянских племен в западном и восточном направлениях вызвало значительное уменьшение коренного славянского населения в центре. Есть основание думать, что в районе Западного Буга возник новый рубеж. Таким образом, прежде единая этническая группа в этот период распалась на две подгруппы: западную и восточную. Возможно, что на какой-то срок ослабло общение между западной и восточной группами славян. К северу от Бреста четкой границы между западной и восточной группой не было.

В этот период праславянский язык пережил много коренных преобразований. Именно в это время, на рубеже двух эпох, в праславянском языке обнаружилась тенденция к утрате закрытых слогов, которая в конце концов существенным образом изменила сам праславянский язык. В это же время обнаруживаются и первые диалектные особенности внутри праславянского языка. К этому периоду следует отнести и формирование первых изоглоссных областей. Появляются новые слова, возникают новые значения у старых слов в связи с развитием общественной организации, новыми географическими условиями. Впервые заимствуются отдельные слова от германцев.

Перечислим древнейшие западные и восточные диалектные особенности праславянского языка этого периода.

а) Судьба [t'], [d̄']. В западном диалекте долгота утрачена путем развития свистящего призвука, в восточном — шипящего (см. § 49).

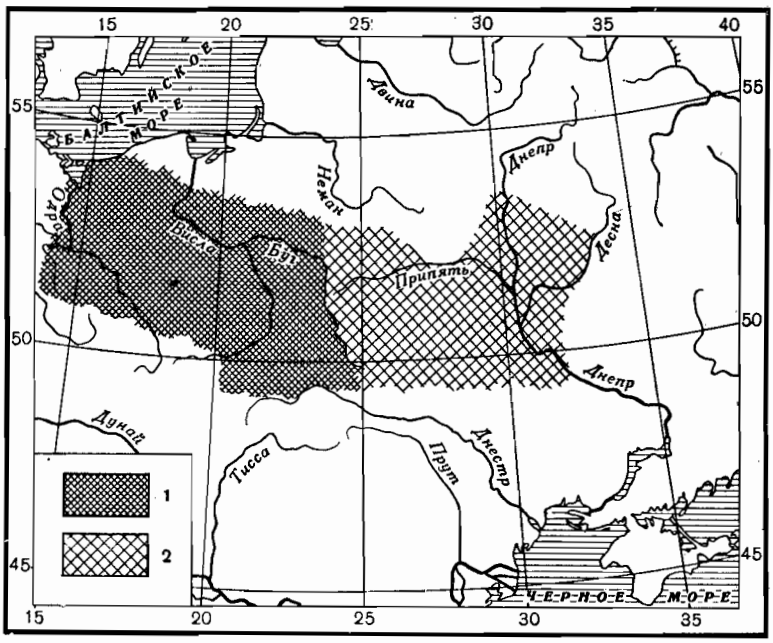
б) Судьба [p$^{l'}$], [b$^{l'}$], [m$^{l'}$]. В западном диалекте призвук развивается в самостоятельную артикуляцию (l-epentheticum) только внутри морфемы; на стыке морфем призвук утрачивается. В восточном диалекте призвук во всех позициях развивается в самостоятельную артикуляцию (см. § 45).

в) Судьба [tl], [dl]. В западном диалекте взрывной согласный сохраняется, в восточном — взрывной согласный утрачивается (см. § 38).

г) Судьба [x]. В западном диалекте [x] по условиям второй и третьей палатализации изменяется в [š], в восточном диалекте — в [s] (см. § 41).

д) Судьба [kv], [gv]. В западном диалекте [k], [g] в данных группах никогда не изменяются. В восточном в период второй палатализации перед гласными переднего ряда [kv] > [c'v], [gv] > [ʒ'v] > [z'v] (см. § 41). Перед гласными заднего ряда [kv], [gv] сохраняются во всех славянских языках (ср. русск. *квас*).

inslav



Карта 4. Территория праславянского языка к I—II вв. н. э.

1 — западный диалект; *2* — восточный диалект

Западный диалект лежит в основе западнославянских языков, восточный — в основе восточных и южных славянских языков.

Некоторые перечисленные выше диалектные особенности праславянского языка (см. пп. в, г, д) возникли в связи с начавшей действовать тенденцией к утрате закрытых слогов.

Можно ли говорить для этого периода о диалектном членении внутри западного и восточного диалекта? Да, можно. Западный диалект уже в этот период делился на два поддиалекта: северный и южный. Они различались рядом существенных фонетических признаков. В северном поддиалекте [ĕ$_1$] и [ĕ$_2$] объединились в одном [ĕ$_1$], т. е. в [ä], в южном — в [ĕ$_2$], т. е. в [ê]. В северном сохранялась аффриката [ʒ'], тогда как в южном она очень рано изменилась в [z']. В северном носовой гласный заднего ряда произносился как [ą°], в южном — как [ụ]. Северный поддиалект является пралехитским, южный — прачешско-словацким. Таким образом, у нас нет оснований говорить об едином западнославянском праязыке. Одновременно с выделением западной группы наметилось ее членение на северную и южную.

Еще более глубокими диалектными различиями характеризовался восточный диалект. Здесь четко выделялись два поддиалекта: центральный и восточный. Можно предполагать, что первый нахо-

inslav

дился между Западным Бугом и рекой Горынь. Второй занимал всю территорию к востоку от Горыни и истоков Днестра.

Объединенные указанными выше признаками, поддиалекты восточного диалекта сильнее различались между собою, нежели поддиалекты западного.

Восточный поддиалект в данный период никаких говоров не имел. Он представлял поразительное диалектное единство. Лишь на юго-западе, в районе к северу от истоков Южного Буга и Днестра, развились некоторые языковые особенности, которые в целом были восточному поддиалекту чужды (например, окончание **-mo** в 1 л. мн. настоящего времени под ударением). На основе восточного поддиалекта в дальнейшем развилась восточнославянская группа языков. Таким образом, его можно считать восточнославянским праязыком.

Центральный поддиалект отличался наибольшей диалектной дробностью. Здесь мы можем говорить уже о говорах. Во всяком случае следует различать две группы говоров: северную и южную. Северная группа говоров центрального поддиалекта тесно соприкасалась с северным поддиалектом (пралехитским) западного диалекта. Именно в связи с этим здесь сформировалась одна из древнейших праславянских изоглоссных областей. На севере северная группа говоров центрального поддиалекта граничила с балтийскими диалектами.

Южная группа говоров центрального поддиалекта занимала территорию к югу, между Западным Бугом и Горынью. В этот период она не имела связей с западным диалектом, но она была связана с восточным поддиалектом. Это привело к формированию другой древнейшей изоглоссной области.

Северная группа центрального поддиалекта лежит в основе болгарского и македонского языков, южная группа — в основе сербохорватского и словенского. Несмотря на значительные диалектные отличия северного и южного говоров, существовали общие языковые признаки центрального поддиалекта, которые отличали его уже в этот период как от восточного поддиалекта, так и от всего западного диалекта. Среди них можно указать на [ę] из **-jons**, местоимения *tebě*, *sebě* и некоторые другие черты.

Обычно прародину южнославянских языков ищут на юге-западе восточного поддиалекта праславянского языка. Кажется естественным, что современные южнославянские языки всегда занимали южные области. Однако против этого можно выдвинуть ряд аргументов. Наиболее важными являются два: распределение древнейших изоглоссных областей и современные балто-славянские изоглоссы.

Рассмотрим подробнее первый аргумент. Прежде всего определим важное для нас понятие изоглоссной области. Изолированные изоглоссы не создают еще изоглоссной области. Изоглоссная область может быть установлена лишь на основе пучка изоглосс.

inslav

В восточном поддиалекте праславянского языка из групп **tort...** развилось полногласие. Этот фонетический признак объединяет все восточнославянские языки. Однако это не дает нам никаких оснований говорить о восточнославянской изоглоссной области. Такой изоглоссной области не существовало. Нельзя и на основании общности изменения **tort** в **trot** говорить о лехитской изоглоссной области, несмотря на то, что лехитская группа объединяет также различные славянские языки. Однако на основании общности судьбы групп **tort...** в южнославянских, в чешском и словацком языках мы уже можем говорить о южнославяно-чешско-словацкой изоглоссной области. До определенной стадии группы **tort...** развивались одинаково в пралехитском и восточном поддиалектах. И это может свидетельствовать о наличии лехитско-восточнославянской изоглоссной области. В отношении судьбы группы **telt** можно даже говорить о полабско-поморско-восточнославянской изоглоссной области.

Сходство между языками и общность языковых процессов могут определяться генетическими причинами и сообщностью. В первом случае мы имеем дело прежде всего с родством языков или диалектов. Именно оно определяет общность процессов. Здесь мы пользуемся понятиями славянские языки, восточнославянские языки, лехитские языки. Но одновременно с этим нам приходится иметь дело с многочисленными фактами, которые нарушают строгую последовательность процессов, определяющихся только генетическими факторами. Здесь мы имеем дело уже с сообщностью, т. е. с изоглоссами (изофонами, изофонемами, изоморфемами, изолексемами, изосемами и т. д.), которые возникают в результате конвергентных процессов, вторичного сближения отдельных диалектов. Как мы говорили выше, праславянские диалекты и отдельные славянские языки вступали в разные эпохи в разнообразные взаимоотношения друг с другом. В некоторых случаях это накладывало глубокий отпечаток на языки, что приводило к созданию изоглоссных областей. Изоглоссные области могут быть внутри восточнославянских языков, внутри языков лехитской группы в связи с различными процессами внутридиалектного развития в этих языках.

Следует, конечно, допускать возможность параллельного возникновения отдельных изоглосс, которые не могут свидетельствовать о сообщности. Изоглоссы могут возникать на разной территории славянского языкового мира в результате лишь реализации некоторых общих тенденций. Но такие изоглоссы обычно являются изолированными. Нельзя говорить о южновеликорусско-белорусско-украинско-словацко-чешско-верхнелужицко-западнословенской изоглоссной области на основании изоглоссы [h], [γ] вм. [g]. Такой изоглоссной области не было. Утрата результатов второй палатализации в склонении является одной из изоглосс, характеризующей словенско-словацкую изоглоссную область. Русский язык в эту изоглоссную область не входит, несмотря

inslav

на то, что данный признак русский и словенский языки связывает теснее, нежели словенский и словацкий.

Украинский язык принадлежит к восточнославянским языкам. Это его генетическая характеристика. Однако украинский язык по одним признакам входит в украинско-сербохорватско-словенскую изоглоссную область, по другим в украинско-словацко-чешско-польскую изоглоссную область, наконец, можно говорить об украинско-северновеликорусской изоглоссной области. Конечно, все указанные изоглоссные области формировались в различные исторические периоды.

Изоглоссы могут быть различного характера. Наибольший интерес для нас представляют общие новообразования, возникшие в период сообщности. Именно эти признаки являются самыми существенными при определении изоглоссных областей. Однако в ряде случаев к изоглоссам мы относим специфические архаизмы, объединяющие различные диалекты. Так, одним из характерных признаков лехитско-болгарской изоглоссной области следует считать сохранение [ʒ'] из [g]. Во всех других праславянских диалектах аффриката [ʒ'] очень рано изменилась в [z']. Данный архаизм представляет важную характеристику при определении изоглоссной области, так как он нарушает последовательную фонетическую закономерность, существовавшую в определенный период истории праславянского языка. Дело в том, что аффрикаты утрачивали первый взрывной звонкий элемент (ср. последовательно проведенный процесс изменения аффрикаты [ǯ'] в [ž']).

Необходимо различать изоглоссы-новообразования, восходящие к периоду сообщности, от тех общих новообразований, которые возникли гораздо позже сообщности. Так, среди признаков словенско-словацкой изоглоссной области мы указываем изоглоссы периода сообщности и поздние изоглоссы. Как мы уже видели на примере балто-славянских языковых отношений, сообщность может определить возникновение общих черт спустя длительный период времени после распада сообщности.

Уже давно многие специалисты по сравнительной грамматике славянских языков обратили внимание на близость в ряде случаев польского и болгарского языков. Цонев справедливо писал, что она не может быть случайной, а является результатом „древнего близкого соседства этих двух языков“ („История...“, I, 38). Мы можем уверенно говорить о длительном контакте между носителями пралехитского поддиалекта и праболгарского говора, который привел к формированию изоглоссной области. Интересно, что данная изоглоссная область отмечена изоглоссами различного характера: изоглоссами общими и изоглоссами локальными. Среди тех и других можно указать на изоглоссы-архаизмы и изоглоссы-новообразования. К общим изоглоссам-архаизмам следует отнести сохранение аффрикаты [ʒ'], к новообразованиям — объединение [ě₁], [ě₂] в гласном [ä], утрату призвука у губных на стыке морфем: [p'']>[p'] и др. К локальным изоглоссам-архаизмам можно причислить

inslav

отсутствие метатезы в **ort, olt** (не имеет значения, что данная метатеза происходила вообще в более поздний период), к новообразованим — ударение на предпоследнем слоге. Ценный материал для характеристики лехитско-болгарских лексических изоглосс содержит этимологический словарь польского языка Славского.

Гораздо меньше в нашем распоряжении данных, которые характеризуют украинско-сербохорватскую изоглоссную область. Здесь надежный материал дают лексические изоглоссы. О фонетических изоглоссах говорить трудно. Из морфологических следует указать на общую флексию в 1 л. мн. настоящего времени. Не могу согласиться с Булаховским, который, указывая на наличие многих вариантов данной формы, пишет, что в определении связей между славянскими языками этим формам не следует придавать большого значения („Питання...", 21). Из всех вариантов наиболее древними были **-mus (-mъ)** и **-mos (-mo)**. Последняя флексия первоначально известна была только под ударением. Она утвердилась в южном говоре центрального поддиалекта и в соседних юго-западных областях восточного поддиалекта. Наряду в другими признаками эта изоглосса является важным признаком данной изоглоссной области. Гораздо позже это окончание проникло в некоторые области словацкого языка. Совсем иной характер носит окончание **-me**, которое возникло поздно и независимо в ряде славянских языков (например, в болгарском и в чешском).

Перейдем теперь к рассмотрению балто-славянских изоглосс.

Исследователи славяно-балтийских языковых отношений меньше всего обращали внимания на южнославянские языки. Казалось, что они, сформировавшиеся на южной территории праславянского языка, ничего интересного и нового для решения поставленной задачи дать не могут. Поэтому важный и ценный материал оставался вне поля зрения исследователей, несмотря на то, что в этимологическом словаре болгарского языка Младенова имеются очень интересные сопоставления отдельных болгарских слов с балтийскими словами. Следует сказать, что сам автор словаря из этих ценных наблюдений не сделал никаких выводов. В последнее время все чаще и чаще в отдельных этимологических работах встречаем сопоставления балтийских языков именно с южнославянскими. Обнаружилось, что в ряде случаев аналогию балтийским языкам находим прежде всего в южнославянских языках или даже только в болгарском языке. Приведу некоторый материал, воспользовавшись словарем Младенова и наблюдениями Иллича-Свитыча.

Фонетические варианты. Растение pirus и плод pirum в восточных и западных славянских языках называется груша (ср. русск. *гру́ша*, укр. *гру́ша*, польск. *grusza*, полаб. *gräusói*, чешск. *hruška* и т. д.). Однако в диалектах польского языка известно еще *kruša*, в кашубск. *kreša*, н.-луж. *kruša*, *kšuša*, в.-луж. *krušva*. Таким образом, в северо-восточных лехитских и в сербо-лужицких говорах находим

inslav

в начале слова [k]. Бесспорно, это явление тесно связано с аналогичным фактом в балтийских языках (ср. лит. *kriáušė*, др.-прус. *crausios*, *crausy*). Здесь мы имеем дело с общей изоглоссой. Болгарский и сербохорватский языки последовательно представляют [k]: болг. *кру́ша*, схр. *кру̏шка*. По этому признаку они тесно примыкают к балтийским языкам. Интересно, что данное слово по словообразовательному признаку представляет иную изоглоссу: *груша* (*круша*, *gruša*, *kruša*) — *грушка* (*gruška*, *kruška*). К первой группе относятся языки русский, украинский, белорусский, болгарский, польский, кашубский, полабский, сербо-лужицкие. Ко второй — принадлежат языки сербохорватский, словенский, словацкий и чешский. По признаку *grušva* (*krušva*) объединяются языки полабский, верхне-лужицкий и чакавские говоры сербохорватского языка.

Лит. *ožkà* 'коза', *ožíena* 'козлятина' представляет аналогию старославянскому азно (< *azьno*). Правда, в родственном слове *jazь* (название рыбы idus leuciscus) начальный [k] отсутствует во всех славянских языках (ср. русск. *язь*, схр. *jâz*, польск. *jaź* и др.). В немецких диалектах эту рыбу называют *Ziege*, т. е. 'коза'.

Словообразовательные варианты. Болгарское *гръклян*, сербохорватское *гр̀кљан* стоят особняком среди славянских языков, но имеют аналогию в литовском *gerklė* 'горло', *gurklỹs* 'зоб', 'адамово яблоко', в прусском *gurcle*.

Старославянское овьнъ, болгарское *овéн*, сербохорватское *óван*, словенское *óvən* представляют общую изоглоссу с балтийскими языками (ср. лит. *ãvinas*, лтш. *àuns*, др.-прус. *awins*). Сюда же примыкает др.-польск. *owien*. Русское *овéн* старославянского происхождения.

Глагола, соответствующего имени *молозиво*, в русском языке нет. Нет данного глагола и в других восточно- и западнославянских языках. И в этом отношении южнославянские языки вместе с балтийскими языками представляют общую изоглоссу (ср. ст.-сл. млъзѫ, болг. *мълзя́*, схр. *му́зем*, слов. *mȯ́lzem*; лит. диал. *milžti* 'доить', *mėlžu*).

Лексические варианты. Общих лексических балто-южнославянских элементов много. В списке, составленном Илличем-Свитычем, их несколько десятков. Укажу на несколько примеров.

Болг. *бъ́рна* 'губа', схр. *бр̏њица* 'намордник' сближаются с лит. *burnà* 'рот'; болг. *джуна* 'губа' — с лит. *žiáunos* 'жабры'; болг. *трап* 'яма', схр. *тра̏п* — с лит. *tárpas* 'промежуток, щель'; ст.-сл. сѣтити сѧ, болг. *сетя*, *сещам*, схр. *сѐтити се*, слов. *sẹ́titi se* — с лит. *saisti* 'предсказывать'; болг. *драскам* 'царапать' — с лит. *draskýti* 'царапать', 'рвать'; ст.-сл. десьнъ, болг., *десен*, схр. *дѐсан* (*дѐсни*), слов. *dẹ́sən* — с лит. *dẽšinas* (в древнерусском соответствующее слово старославянского происхождения); болг. *слана* 'изморозь', схр. *сла́на*, слов. *slána* — с лит. *šalnà*, лтш. *salna* и т. д. Можно указать на некоторые семантические варианты. Так, дерево populus tremula в болгарском

inslav

называется *трепетлйка*, в сербохорватском *трепѐтљика*, в словенском *trepetljika*. В литовском находим *drebulė* от глагола *drebėti* 'дрожать'.

Все это убедительно свидетельствует о том, что между балтийскими и современными южнославянскими языками (прежде всего болгарским) в отдаленном прошлом существовал длительный контакт, который привел к формированию локальных балто-славянских изоглосс. Балтийского населения южнее Припяти не было. Вот почему следует предположить, что носители южнославянских языков жили и на севере праславянской территории.

Все рассмотренные выше факты говорят о том, что центральный поддиалект не представлял единства. Диалектные отличия между северными и южными говорами по времени не моложе древнейших диалектизмов праславянского языка. Вот почему нельзя говорить о южнославянском праязыке.

§ 13. Расширение территории праславянского языка во II—III вв. н. э. Праславянские изоглоссные области этого периода. Во II—III вв. н. э. начинается расширение территории праславянского языка в южном направлении. Это приводит к существенным лексическим и, особенно, семантическим изменениям, так как носители праславянского языка впервые начинают жить в условиях горного ландшафта. Движение славян связано с теми важными этническими перемещениями, которые происходили в Европе в то время. „В средней Европе во II и III веках, — писал Любавский, — совершалась перетасовка племен" („История западных славян", 11). Во II в. готы из южной Прибалтики начинают двигаться в юго-восточном направлении (к среднему течению Днепра). Они пересекают праславянскую территорию в районе Западного Буга. Возможно, что именно это в свою очередь вызвало движение славян, живших к востоку от Западного Буга (носителей центрального поддиалекта). Эти славяне заселили северные отроги Восточных Карпат и постепенно в течение III в. проникали в районы к югу от горной цепи. Основной их путь шел, очевидно, через проход Дукла в районе Восточных Бескид по бассейнам рек Лаборец, Ондава, Топля,Ториса. Славяне вышли на территорию Большой Средне-Дунайской низменности, которую они и заселили. Здесь, в древней Паннонии, в IV в. произошло формирование сербохорватского и словенского языков на основе южного говора центрального поддиалекта.

Предки сербов и хорватов заняли значительную территорию по бассейну Тиссы и область между Тиссой и Дунаем. Именно здесь формировались две самостоятельные группы говоров: штокавская и чакавская. Можно думать, что данное диалектное членение древнее членения внутри других южнославянских языков. Мы ничего не знаем о диалектных признаках болгарского или словенского языков, которые

inslav

можно было бы отнести к IV в. Известные нам основные диалектные различия болгарского языка сформировались уже на Балканском полуострове.

К западу от предков сербов и хорватов поселились предки современных словенцев. Основная их масса пересекла Дунай и заселила области между озером Балатон и Малой Средне-Дунайской низменностью.

Вместе с предками словенцев, сербов и хорватов в Паннонию переселилось также много предков болгар. Они, вероятно, осели в верховьях Тиссы. В дальнейшем значительная часть болгарского населения Паннонии была ассимилирована венграми. Вот почему славянские элементы в венгерском носят прежде всего черты болгарского языка. Локализовать территорию болгарских поселений в Паннонии на основе данных топонимии нельзя, так как многие болгарские местные названия могли быть даны венграми. Это относится, например, к топониму *Pest*. В районе Будапешта древнего болгарского населения не было.

Основная масса предков болгар передвигалась на юг в другом направлении. Они обогнули Карпаты по их северо-восточным отрогам и, двигаясь по верховьям Днестра и Прута, вышли на так называемую Молдавскую возвышенность. Именно здесь, между Восточными Карпатами и Прутом, предки болгар жили в IV в. Это было в то время относительно спокойное место. Дальнейшего передвижения на юг в IV в. не было, так как через Нижне-Дунайскую низменность в это время шли многие кочевники. Болгарский язык содержит данные, свидетельствующие о том, что предки болгар в течение длительного времени жили в горах. Отсюда можно сделать заключение, что славянское население заселяло не только самую Молдавскую возвышенность, но и Восточные Карпаты.

Дальнейшее продвижение славян на юг началось здесь в V в. Славяне вышли к Южным Карпатам (Трансильванским Альпам) и в сравнительно короткий срок заселили значительную часть Нижне-Дунайской низменности. Прокопий Кесарийский, писавший о движении славян на Балканский полуостров в VI в., отмечал, что славяне занимают области к северу от Дуная, т. е. современную Нижне-Дунайскую низменность: „Большинство из них были гунны, славяне и анты, которые имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега" (СДПСЭИВ, 156). В другом месте Прокопий писал: „Они (славяне и анты. — *С. Б.*) живут, занимая бóльшую часть берега Истра (т. е. Дуная. — *С. Б.*), по ту сторону реки" (там же, 298).

Во II—III вв. продолжалось дальнейшее продвижение славян на северо-восток по Десне, Сожу и Днепру. Начиная с III—IV вв. славяне начали продвигаться на юго-восток по Днестру, Южному Бугу и Днепру к Черному морю. В районе Днестра и Прута предки восточных славян соседили с предками болгар. Однако это соседство не вызвало формирования новой изоглоссной области.

inslav

Нет сомнений (об этом свидетельствуют данные языка), что предки восточных славян после II в. значительно продвинулись на запад (до Западного Буга). К этому времени относится древнейший контакт между восточным поддиалектом и пралехитским поддиалектом западного диалекта.

Значительные передвижения населения имели место и у западных славян. Предки чехов и словаков также двинулись в южном направлении. Основной их путь шел через так называемые Моравские Ворота (между горами Йесеник и предгорьями Моравско-Силезских Бескид) по бассейнам рек Одера, Бечвы и Моравы. Сравнительно быстро заселялись северные и восточные районы современной Чехословакии, где население было редким. Центральные и южные области Богемии занимали кельтские племена боев. В северной части Чехии и Моравии также обитали кельтские племена (так называемые волки-тектосаги). Именно их этническое имя (*valh*, *valch*) лежит в основе хорошо известного и ныне этнонима *valach*. В северо-восточной Моравии он сохраняется до сих пор. В античной литературе эти кельты были известны еще под наименованием котинов. Распространение славянского элемента на этой территории связано с процессом ассимиляции кельтов славянами, который завершился, вероятно, к V в. Возможно, что ряд важных особенностей чешского языка возник под действием кельтского субстрата.

Имело место в данный период продвижение славян в западном направлении. Носители пралехитского диалекта достигли левого побережья Эльбы. Славяне также заселили все те области южной Прибалтики, которые во II в. заселяли готы. Значительное увеличение территории пралехитского диалекта привело к развитию внутридиалектных особенностей. Именно в этот период наметились три основные группы диалектов: польская, поморская и полабская.

На границе северного и южного поддиалекта западного диалекта праславянского языка развился переходный говор, из него в дальнейшем сформировались сербо-лужицкие языки.

События IV—V вв. н. э. сыграли огромную роль в судьбах праславянских диалектов. Именно к этому времени относится формирование важнейших отличительных признаков отдельных славянских языков. Исключение представляют лишь восточные славяне, язык которых в этот период и значительно позже развивался как единый диалект.

Тогда же сформировалась изоглосса, свидетельствующая об установлении тесной связи южных славян с предками чехов и словаков и менее тесной связи восточных славян с предками поляков, поморян и полабян. Речь идет о метатезе в группах **tort, tolt, tert, telt** (см. § 46).

Жизнь славян на новой территории не была спокойной. После разгрома в 376 г. готов вся территория северного Причерноморья до Карпат была завоевана гуннами. В V в. при Аттиле владения гуннов

inslav

продвинулись далеко на запад. Имеются косвенные данные, указывающие на участие славян в создании гуннского военного союза. Слависты в свое время обратили внимание на то, что посла Приска, направленного Феодосием в 448 г. к Аттиле, поили в Паннонии напитком μεδος (Нидерле. Rukověť..., 53). „Если бы это было готское слово, — пишет Нидерле, — Приск должен был слышать *miđus* и тогда в греческой транскрипции было бы μίθος или μίδος“ („Rukověť...“, 53). Готский историк Иордан писал, что после смерти Аттилы были совершены различные погребальные церемонии, в том числе обычай strava (stravam super tumulum eius, quam appelant ipsi). Это дает основание предполагать, что даже среди господствующих слоев гуннского военного союза были распространены славянские обычаи и отдельные славянские слова.

В середине VI в. в самом центре славянских поселений тюркским кочевникам аварам удается создать сильное по тому времени государство — аварский каганат. Под власть авар попали славяне Паннонии (предки сербов, хорватов, словенцев и части болгар), отдельные закарпатские восточнославянские племена, предки чехов и словаков. Авары создали сильное централизованное государство. Местное славянское население подвергалось тяжелому гнету. Воспоминания о страданиях славян под игом авар были еще живы во время создания русской летописи. Не прошел бесследно период аварского господства и для славянских языков. В сербохорватском, словенском, словацком, чешском, частично украинском мы находим определенный круг общей лексики, который связан с указанными историческими событиями. На этой территории возникли общие новообразования, новые слова. Так, именно здесь личное имя Карла Великого стало нарицательным и преобразовалось в разных славянских языках согласно их законам.

В первой половине VII в. славяне под руководством Само восстали против авар и создали одно из первых славянских государств. Оно охватывало территорию поселения чешских, моравских, словацких и словенских племен. Хотя это государство существовало немногим больше 30 лет, славяне Чехии и Моравии больше уже не входили в аварский каганат, а были данниками Западно-Римской империи. В восточных Альпах было создано первое словенское государство Карантания, которое просуществовало, однако, недолго. Предки словаков вместе с предками южных славян продолжали оставаться в пределах аварского каганата.

Историческими условиями IV—V вв. (до аварского ига) и особенно VI—VII вв. определилась тесная связь чешского и, особенно, словацкого языков с южнославянскими. Ряд фонетических и главным образом словообразовательных особенностей объединяет чешский, словацкий языки с южнославянскими языками. Однако особый для нас интерес представляет формирование в это время одной локальной изоглоссной области — словенско-словацкой. По числу признаков эта изо-

inslav

глоссная область не имеет себе равных. Она свидетельствует о том, что предки словенцев и словаков в течение длительного времени находились в тесном общении.

Словацкий язык (точнее среднесловацие говоры) и словенский язык представляют много общих изоглосс различного характера, свидетельствующих о длительном и весьма интенсивном периоде словенско-словацкой сообщности. Во времена аварского господства между словенскими и словацкими племенами существовали очень тесные и близкие отношения.

Словенско-словацкая изоглоссная область характеризуется многими фонетическими и морфологическими изоглоссами. В формировании этой области более активную роль играл словенский язык, так как большинство изоглосс отражают черты именно словенского языка. Укажу важнейшие из них:

а) **õrt, õlt** (см. § 47).

б) [x] перед [ě] и [i] дифтонгического происхождения (см. § 41).

в) [r'] (см. § 79).

г) Тв. ед. основ на **-a**. Как известно, среднесловацкие говоры (аналогично в литературном языке) представляют флексию **-ou** (*ženou*), которая не может восходить к [ū], так как в словацком языке [ū] не дифтонгизируется (ср. в западнословацких говорах *ženú*). Поэтому общие флексии в словацком и чешском языках (ср. чешск. *ženou*) имеют различное происхождение. Флексия **-ou** в словацком формировалась во взаимодействии со словенским языком. (Подробно этот вопрос будет изложен во втором выпуске.)

д) Дат.-мест. пп. основ на **-a**. В среднесловацких говорах перед флексией **-ě** отсутствуют следы второй палатализации: ср. *ruke*, *nohe*, *muche*. В словенском данная тенденция проведена последовательно.

е) Утрата звательной формы.

ж) Местоимения дат.-мест. *tebě*, *sebě*. Эти формы из словенского языка проникли в словацкий и вытеснили исконные *tobě*, *sobě*.

з) 1 л. мн. настоящего времени. В период сообщности словенская флексия **-mo** проникла в отдельные говоры словацкого языка.

Однако в формировании словенско-словацкой изоглоссной области некоторую роль сыграл и словацкий язык. Здесь прежде всего следует указать на переход [g] в [γ] (подробнее см. § 74). В отношении судьбы сочетаний [tl], [dl] можно обнаружить взаимное влияние. Слова с утраченным взрывным согласным широко распространились в словацком языке. Наоборот, ряд слов из словацкого утвердился в говорах словенского, а в причастиях на **-l** группы [tl], [dl] представлены и в словенском литературном языке (см. § 38).

Данные языка свидетельствуют, что связи между словенцами и словаками были очень тесными и весьма длительными. Нахтигал относит это время к VI—IX вв. Можно, однако, предполагать, что

inslav

установление близких отношений между словенцами и словаками началось раньше (до возникновения аварского каганата).

После разгрома авар и уничтожения аварского каганата Карлом Великим в начале IX в. для словацкого языка началась новая эпоха. Он вновь вошел в сферу воздействия западных славянских языков. Начался период тесного сближения с чешским языком, отчасти с польским. После длительного периода обособления отдельных западнославянских языков с этого времени можно обнаружить объединительные тенденции. Современное западнославянское языковое единство формируется с начала IX в.

Очень своеобразно развивается восточнославянский праязык. Восточные славяне в III—VI вв. заселяют огромную территорию. Однако это не приводит к языковому дроблению. Несколько обособляется в языковом отношении лишь небольшая группа восточных славян, которая вместе с предками южных славян переселяется в Закарпатье. Второй важной особенностью восточнославянского праязыка является то, что он развивался в изоляции от южнославянских языков, несмотря на тесные территориальные связи с предками болгар в районе между Прутом и Днестром. В это время не сформировалось ни одной общей изоглоссы, которая бы указывала на связи восточнославянских и южнославянских языков.

Таким образом, данные нашей науки не подтверждают широко распространенного среди историков в настоящее время взгляда, что в заселении Балканского полуострова активное участие принимали не только так называемые словены (предки южных славян), но и анты (предки восточных славян). Мы не знаем древних болгаро-восточнославянских изоглосс, ничего не знаем о существовании переходных болгаро-восточнославянских говоров.

Некоторые лингвисты в прошлом предполагали возможность существования таких переходных говоров. Так, Соболевский еще в 1911 г. в заметке „Русские говоры и польский язык“ (РФВ, LXVI) утверждал, что на территории Бессарабии существовали переходные русско-болгарские говоры, которые нашли отражение в языке Галицкого евангелия 1283 г. и в языке одного среднеболгарского евангелия XIII в. Однако это предположение Соболевского в науке давно отвергнуто. Ошибочно утверждение Соболевского, что „язык молдавских грамот XV в. также отражает особенности этих переходных говоров“ (РФВ, LXVI, 407). Лишены всякого основания сопоставления украинского языка с северозападными болгарскими говорами, которые мы находим в „Geschichte der bulgarischen Sprache“ (1929) Младенова.

Историк Третьяков попытался доказать, что данные языка не противоречат гипотезе о совместном заселении Балканского полуострова предками болгар и восточных славян, так как якобы болгарский и русский языки имеют очень много общих древних элементов. Третьяков писал: „Старое языкознание, как русское, так и болгарское, рас-

inslav

сматривая общие черты в восточнославянских и болгарском языках, не всегда находило правильный путь для их объяснения. Многочисленные параллели в русском и болгарском языках объяснялись обычно лишь как результат заимствования, как результат проникновения в русскую среду из болгарской или наоборот многих сотен слов... То, что языковой обмен между Болгарией и восточными славянами действительно имел место как во времена Святослава, так и в последующее время, вплоть до XIX — XX вв., не подлежит, конечно, никакому сомнению. Однако можно ли думать, что все две тысячи русских слов, которые отыскал в болгарском языке проф. Б. Цонев, и, вероятно, не меньшее число „болгаризмов" в русском, украинском и белорусском языках являются не чем иным, как простыми заимствованиями" („Восточнославянские племена", 196). Прежде всего следует обратить внимание на то, что никто из языковедов „общие черты в восточнославянских и болгарском языках" не рассматривает только как результат заимствований. Эти языки очень близки друг к другу как в области звукового и грамматического строя, так и в области словаря. В прошлом они были еще ближе. Объясняется это их происхождением от одного предка. Вместе с другими славянскими языками они составляют группу родственных языков, развившихся из праславянского языка. Однако близость между славянскими языками объясняется не только единством их происхождения. В различные периоды истории между славянскими народами устанавливались тесные отношения, что, естественно, отражалось на их языке. В течение длительного времени старославянский язык (древнеболгарский) был на Руси литературным языком. Из него в русский язык вошло много элементов. Большой слой старославянизмов в русском языке связан с так называемым вторым южнославянским влиянием. В свою очередь русский литературный язык оказал глубокое влияние на болгарский в XIX в. (особенно после освобождения Болгарии), продолжает оказывать влияние и в настоящее время. Как отделить общность исконную от заимствований? В руках языковеда имеются надежные критерии. Заимствованное слово часто сохраняет свой чуждый фонетический облик. Русские слова *время*, *одежда*, *равный*, *горящий* сразу же выдают их болгарское происхождение, так же как многие болгарские слова легко выдают свое русское происхождение (ср. *отряд*, *явление* и др.) Иногда заимствования переживают сложный путь. Так, многие старые болгаризмы из русского литературного языка вновь вернулись в болгарский язык, в котором они утратились. Действительные причастия в русском болгарского происхождения, в болгарском их причисляют к русизмам.

Необходимо обратить внимание и на сферу распространения слова. Заимствование обычно представлено в литературном языке, народные говоры его почти не знают. Значительная часть русизмов в болгарском, отмеченная Цоневым, отсутствует в болгарских народных говорах. Лишь незначительная их часть проникла через школу, армию,

inslav

административный аппарат. Аналогичное положение находим и в русских говорах.

При изучении общих элементов в славянских языках следует строго различать три категории: общие элементы, обусловленные единством происхождения, общие элементы, возникшие в результате заимствования, и, наконец, общие элементы, появление которых было вызвано сообщностью, вторичным сближением отдельных говоров. Болгарский и восточнославянские языки имеют общие элементы первой и второй категории, но не имеют общих элементов, возникновение которых можно было бы объяснить сообщностью. Отсюда мы можем уверенно сделать вывод, что в V—VI вв. не существовало той тесной связи между говорами словен (предков болгар) и антов (предков восточных славян), которая могла бы привести к формированию соответствующей изоглоссной области. Это, конечно, не дает нам права отвергать гипотезы историков, особенно потому, что о движении антов на Балканский полуостров пишут многие византийские авторы. Ведь по каким-то причинам могла произойти полная языковая ассимиляция тех антов, которые заселили Балканский полуостров. На основании только данных языкознания нельзя опровергать гипотезы и теории историков.

Как мы уже указали выше, между восточнославянским праязыком и пралехитским возникли некоторые общие изоглоссы (судьба **tort**...). Однако в этот период связь была слабой. Она несколько усилилась позже (в VII в.), когда предки чехов вновь сблизились с западными славянами. Именно к этому времени относятся известные процессы в группах **ort, olt**, тесно объединяющие все восточнославянские и западнославянские языки (кроме словацкого). Изоглосса творительного падежа единственного числа основ на **-о (-ъть)** объединяет уже все западнославянские языки с восточными. Можно предполагать, что она сформировалась в VIII—IX вв. Таким образом, после II—III вв. связи восточнославянского праязыка с западнославянскими (через пралехитский) были более тесными, нежели с южнославянскими. Однако и здесь они не были настолько тесными, чтобы могли возникнуть переходные говоры. Ван-Вейк справедливо писал: „...после распадения праславянского народа несколько веков восточные славяне вели обособленное существование"; „...все теперешние переходные диалекты — нового образования, и везде можно определить совсем точно западную границу целого ряда языковых черт общерусских..." („Slavia", II, 15).

§ 14. Заселение славянами Балканского полуострова. В VI в. начинается массовое переселение славян на Балканский полуостров. Прежде всего началось движение тех славян, которые в V в. заселили Нижне-Валашскую низменность, т. е. предков современных болгар и македонцев. Наиболее ценные сведения об этом переселении находим

inslav

у византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского. Впервые славяне появляются в Византии в 527 г. Так как до этого византийцы не сталкивались со славянами, Прокопий счел необходимым дать читателям некоторые общие сведения о новых врагах Византии. „Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве [демократии], и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. Равным образом и во всем остальном, можно сказать, у обоих этих вышеназванных варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, одержимым ли болезнью, или попавшим в опасное положение на войне, то они дают обещания, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; и, избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают и реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят всем им жертвы и при помощи этих жертв производят и гаданья. Живут они в жалких хижинах на большом расстоянии друг от друга и все по большей части меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцырей же никогда не надевают; иные не носят ни рубашек [хитонов], ни плащей, а одни только штаны... и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, варварский, и по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них не очень белый или золотистый и не совсем черный, но все же они темнокрасные... И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племени называли „спорами“ (Прокопий, СДПСЭИВ, 76). О близости славян и антов сообщается в „Стратегиконе“ Псевдо-Маврикия (VII в.): „Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе... У них большое количество разного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы“ (там же, 82—83).

Особенно интенсивной славянская колонизация Балканского полуострова становится во второй половине VI в. Об этом сохранилось много свидетельств. В „Церковной истории“ Иоанна Эфесского читаем: „В третий год после смерти императора Юстиниана (Юстиниан умер в 565 г. — *С. Б.*), в царствование императора Тиверия, вышел проклятый народ славян и прошел всю Элладу, области Фессалоники и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе область и поселились в ней свободно, без страха, как в своей собственной... И до сего времени (т. е. до 584 г. — *С. Б.*) они расположились и живут спокойно в

inslav

ромейских областях без забот и страха" (СДПСЭИВ, 82). К концу VI в. славяне уже прочно осели в Мизии, Фракии, Македонии, Греции, а в 623 г. появились на Крите. В 626 г. славянские полчища угрожали самому Константинополю. Историки Византии указывают, что к концу правления Ираклия (641 г.) основным этническим элементом восточных и южных областей Балканского полуострова был славянский. В VII в. славянские колонии были уже в Малой Азии.

Все славянские племена, заселившие Мизию, Хемус, Фракию, Родопы, Македонию, Грецию в VI—VII вв., шли сюда через Дакию (Нижне-Валашскую низменность). Вот почему их можно условно именовать дакийскими славянами. Они являются предками современных болгар и македонцев. Не всюду они сохранились. В Греции славяне позже забыли свой родной язык и вошли в состав греческой нации. Произошла ассимиляция славян и на территории современной Албании. Мало мы знаем о судьбе славян в Малой Азии.

Во время заселения Балканского полуострова не все славянское население покинуло Дакию. До прихода в Нижне-Валашскую низменность валахов, а в Молдавскую возвышенность молдаван господствующим этническим элементом здесь был славянский. Процесс ассимиляции славян был длительным. Он завершился полностью к XV в. Румынский язык и румынская топонимия до сих пор сохраняют многочисленные следы древних славянских говоров Дакии.

Заселение западных областей Балканского полуострова паннонскими славянами происходило в VII в. В нем принимали участие предки сербов и хорватов. Предки болгар в этом колонизационном движении участия не принимали. Они оставались в Паннонии, где позже были поглощены венграми. Возможно, что северные области современной Югославии славяне начали заселять еще в конце VI в. (например, Срем). В 614 г. славяне вместе с аварами появились в Далмации, где произвели большие опустошения. Заселение римской провинции Далмации, которая охватывала всю современную Далмацию, Боснию, Герцеговину, Черногорию и соседние области, происходило в течение VII в. К концу VII в. славянская колонизация Балканского полуострова в основном была завершена. Граница между поселениями дакийских и паннонских славян на Балканском полуострове шла на востоке по Мораве (Margus), на юге от Шар-Планины до Скадра. К западу и северу от указанных пунктов жили племена сербские и хорватские, к востоку и югу — племена болгарские.

Заселив Балканский полуостров, славяне столкнулись с новой для них цивилизацией, новыми порядками, новыми географическими условиями. Это должно было наложить глубокий отпечаток на их язык. Однако гораздо больше влияния на изменение южнославянских языков (главным образом болгарского) оказало то обстоятельство, что сравнительно быстро коренное население полуострова (главным образом фракийцы) было в языковом отношении ассимилировано славянами.

inslav

Это явилось в дальнейшем предпосылкой коренных и глубоких преобразований славянских языков на Балканах, отдаливших их от родственных славянских языков. Особенно глубокие изменения пережил болгарский язык. Дославянский субстрат болгарского и македонского языков определил утрату склонения в этих языках, возникновение постпозитивного члена и др. В современном болгарском языке сохраняется много слов, восходящих к языку субстрата. Сербохорватский язык не пережил такого глубокого скрещивания, как язык болгарский. Надо думать, что в западных областях Балканского полуострова ко времени переселения славян коренного населения сохранилось гораздо меньше.

И словенские племена в VI в. пришли в движение. Они двигались в западном и юго-западном направлениях и заселили многие области восточных Альп. В 593—595 гг. словенцы воюют с баварцами уже в верховьях Дравы, в современной западной Корошке. В VI—VII вв. словенские племена заселяли весь бассейн реки Муры, Цельскую котловину, долину реки Зильи, Сочи, Люблянскую котловину, восточную Корошку. Славянское население достигло Адриатики и заселило окрестности Триеста. На северо-западе словенские племена достигли реки Траун и города Линца. Северная граница словенских племен шла по берегу Дуная от устья реки Анижи до Вены. На Западе от истоков Дравы до Дуная словенцы граничили с баварскими племенами. К югу от истоков Дравы до Триеста они граничили с древнегерманским племенем лангобардов и романским населением. Юго-западные словенские племена были тесно связаны с лангобардами в VII—VIII вв. Вот почему очень ценные сведения о словенцах в верховьях Савы и Дравы мы находим в „Римской истории“ лангобардского историка конца VIII в. Павла Диакона.

Дальнейшая история словенцев сложилась весьма неблагоприятно. Этот в настоящее время немногочисленный славянский народ (по переписи 1953 г. их было около 1,5 мил. человек, еще 0,5 мил. словенцев живет за пределами Югославии) к концу VIII в. занимал большую территорию в 70 000 км^2. Значительная часть словенцев была германизована. Она вошла в состав австрийской нации. Некоторая часть словенцев в северо-восточных областях была мадьяризована. В западных областях шел активный процесс романизации. Современный кайкавский говор сербохорватского языка в своей основе является говором словенского языка. Отсюда можно сделать заключение, что словенцы в прошлом занимали часть современной хорватской территории (в частности, район Загреба). В настоящее время территория словенского языка равняется только 24 000 км^2. Компактное словенское население сохранилось в основном лишь к югу от Дравы.

Исторические и географические условия вызвали глубокое диалектное членение словенского языка. В этом отношении в кругу славянских языков он не имеет себе равных.

inslav

В конце IX в. Паннония была завоевана новыми кочевниками — венграми. Как уже было сказано, венгры ассимилировали славянское население. Ассимиляция славянского населения Дакии и Паннонии привела к территориальному разобщению южных славян от остальных славян (восточных и западных).

Во второй половине I тысячелетия н. э. дальнейшего продвижения западных славян на запад уже не было. К VII в. различные племена создали крупные племенные союзы. С X в. начинается насильственная германизация западных славян, живших на Лабе (Эльбе) и по ее притокам. Процесс этот шел медленно и с переменным успехом. Еще в конце XI в. полабскому племени бодричам удалось создать могущественный племенной союз. Параллельно шла германизация поморских славян, живших по южному побережью Балтийского моря.

В иных географических и исторических условиях жили восточнославянские племена. Расселяясь на значительной территории, они не встречали на своем пути какого-либо сопротивления. Они заселили весь бассейн Днепра и его левых притоков. Рано происходит заселение северных областей (Ловать, Волхов), на востоке славяне заселяют бассейн Оки и верховья Волги. На новой территории восточные славяне рано ассимилировали племена различного происхождения. В этой связи прежде всего следует упомянуть различные балтийские племена (например, голядь), которые были поглощены славянами. Рано восточные славяне заселили северное Причерноморье. Однако, начиная с VIII—IX вв., кочевники оттесняют славянское население на север. Согласно данным русской летописи, в нижнем течении Днепра и Южного Буга славянских племен не было. Здесь тогда жили печенеги.

§ 15. Славянские этнонимы. О славянских племенах и их названиях до середины I тысячелетия н. э. мы почти ничего не знаем. Правда, некоторые исследователи славянских древностей полагают, что еще в сочинениях Геродота (V в. до н. э.) можно найти сведения о славянских племенах. Речь идет главным образом о неврах, которых Геродот называет соседями скифов. Локализовал он их крайне неопределенно. Вот почему одни исследователи связывают поселения невров с Галицией, другие — с Литвой, третьи — с Польшей. Кроме Геродота, о неврах сообщали многие древние авторы (до V—VI вв. н. э.): Эфор, Секст Проперций, Помпоний Мела, Клавдий Элиан, Солин, Присциан и др. Вполне убедительных данных, подтверждающих, что в неврах Геродота следует видеть славян, у нас нет. Вот почему Шахматов мог высказать предположение, что невры — финского происхождения. Соболевский считал невров иранским племенем. Не исключена возможность, что невры были предками балтов.

От первых веков н. э. идут сведения античных авторов о венетах в районе Прибалтики (Плиний, Тацит, Птоломей). Они сообщают о венедах или венетах (Venedi, Venadi, Veneti, Οὐενέδαι), которые,

inslav

по их сведениям, жили на территории Вислы и южной Прибалтики.

В VI в. н. э. появляются два новых этнических названия: Σκλαβηνοι и Ἄνται. В Σονοβηνοι Птоломея (II в.) нет никаких оснований видеть имя славян. Наиболее подробные сведения об этих племенах находим у византийского историка Прокопия Кесарийского. Эти же два новых этнических имени встречаем у готского историка Иордана, который между прочим отмечал, что в его время употреблялись и другие этнические имена: „Хотя их имена и теперь различаются по родам (per varians familias) и по их местоположению, все же в большей своей части они называются склавенами и антами". Историки считают, что склавены являются предками южных славян, а анты — восточных. До сих пор не установлены этимологии этих двух слов. Существует много гипотез и предположений, но убедительных нет.

Важные сведения о наименованиях различных западнославянских племен находим в Хронике Козьмы Пражского, написанной в XII в. на латинском языке. Ценные сведения о восточнославянских племенах сообщает Константин Багрянородный (X в.). Он упоминает племена кривичей, дреговичей, северян, древлян, уличей и др. Однако особенно ценным источником наших сведений о древних славянских племенах является „Повесть временных лет" (XII в.) По мъногѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣне по Дунаеви, къде есть нынѣ Угърьска земля и Българьска. И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по земли, и прозъвашася имены своими, къде сѣдъше, на которомь мѣстѣ. Ꙗкоже пришьдъше, сѣдоша на рѣцѣ именьмь Морава, и прозъвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; а се тиже Словѣне: Хървати Бѣлии и Сербь и Хорутане. Волохомь бо нашьдъшемъ на Словѣны на Дунаискыя, и сѣдъшемъ въ нихъ и насиляющемъ имъ, Словѣне же ови, прешьдъше, сѣдоша на Вислѣ, и прозъвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозъвашася Поляне; Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовъшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣне, прешьдъше, сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припетию и Двиною, и нарекошася Дрьгъвичи; ини сѣдоша на Двинѣ, и нарекошася Полочане рѣчькы ради, ꙗже въте́четь въ Двину, именьмь Полота, отъ сея прозъвашася Полочане; Словѣне же, прешьдъше съ Дуная, сѣдоша около езера Илмеря, и прозъвашася своимь именьмь, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ; а друзии сѣдоша по Десне и по Семи и по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ. И тако разидеся Словѣньскыи ꙗзыкъ; тѣмь же и грамота прозъвася Словѣньскаꙗ.

Важные для слависта сведения содержатся в сочинениях Адама Бременского (XI в.) и особенно в знаменитой Cronica Slavorum пресвитера Гельмольда (XII в.). Кроме указанных источников, имеются еще более поздние, которые дают сведения о ряде древних славянских племен. Однако нет сомнений в том, что о многих древних племенах до нас не дошло никаких сведений.

inslav

Данные о древних чешских племенах очень скудны. Очень мало мы знаем о племенах юго-западной и юго-восточной Чехии, о славянских племенах Моравии и Словакии. Самым большим чешским племенем было племя чехов. Оно занимало центральные области Чехии, области нижнего течения Влтавы (Fuldaha) и верховья Лабы (Эльбы, Albis). На его территории возникли города Прага, Вышеград, Левый Градец. Были известны еще три больших племени: лучане, хорваты и зличане. Лучане занимали области к западу от чехов по течению средней Огри (Ogara). Хорваты поселились на северо-востоке и занимали области к востоку от реки Изеры (Jizera). К югу от них и к востоку от чехов между реками Лаба (Эльба) и Сазава жили зличане. Указанным племенам уступали по размерам и значению племена лемузов и пшован. Эти племена были близки сербо-лужицким племенам. На юге Чехии жило племя дудлебов. Кроме него, были известны племена седличан, дечан и литомеричей. На крайнем западе жило племя хабане.

Нет сомнений, что на территории Моравии и Словакии жили также различные славянские племена. Надо думать, что современные ганаки восходят к одному из крупнейших моравских племен. Различные славянские племена жили по течениям рек Вага, Нитры, Грона. Среди них самое крупное племя сохранило общеплеменное славянское имя — *slov-*, которое сохраняется ныне в имени *slovák*, *slovenský*.

К северу от чешских племен находилась территория сербо-лужицких племен. До нас дошли сведения о следующих племенах: сербы, долеминцы, нишане, мильчане, лужичане. Они населяли территорию между Салой, Спревой (Шпреей), Боброй и Гвиздой.

Много различных славянских племен сидело на территории Поморья, в бассейне рек Вислы, Варты, Одры (Одера). До нас дошли наименования поляне (именно от них ведут свое начало *польский*, *Польша*), мазовшане, висляне, слензане, серадзане. Поляне занимали территорию между низовьями Варты, рекой Нотец и средним течением Одры. Висляне жили в области верхней Вислы, серадзане в районе Серадза и Калиша. Мазовшане (мазуры) обитали в районе среднего течения Вислы, слензане — в верховьях Одры между Боброй и Вислой. Между слензанами и вислянами жили поляне, между полянами и мазовшанами — куявяне. К северу от этих племен жило большое племя поморян, к которому восходят кашубы и словинцы.

К западу от поморян и к северу от сербо-лужицких племен обитали многочисленные полабские племена (к западу от Одры). Среди них укажем племена: полабяне, древяне, лютичи, ободриты (бодричи), варны, вагры, ратари, брезане, укряне и др. Дошедшие до нас тексты так называемого полабского языка характеризуют последний этап истории диалекта племени древян, а не собственно полабян. Брюкнер в связи с этим считал принятый термин „полабский язык“ неудачным.

inslav

Восточнославянские племена в последние века I тысячелетия занимали огромную территорию. На самом севере жили словене (бассейн рек Волхов, Мста, Луга). К югу от них жили кривичи — одно из крупнейших восточнославянских племен. Они занимали очень большую территорию (верховья Волги, верховья Западной Двины, верховья Днепра). С кривичами в течение длительного времени соседили предки латышей. Именно поэтому это этническое имя было перенесено латышами на всех восточных славян (ср. в латышском *krievs* „русский"). К юго-востоку от кривичей жили вятичи (верховья Дона, Оки). К югу от кривичей и к западу от вятичей жили радимичи и дреговичи. К югу от радимичей и вятичей жили северяне (бассейн реки Десны и Сулы). К югу от Припяти находилась территория племени древлян. К западу от древлян жили волыняне, бужане и лучане. К югу от древлян и к западу от северян в районе среднего Днепра обитали поляне. На их территории был основан город Киев. В Прикарпатье находилось племя хорваты. Между Бугом и Днестром жили уличи, между Днестром и Прутом — тиверцы. Историк Середонин полагал, что тиверцы и уличи составляли одно племя. Уличи являлось якобы общим наименованием, а тиверцами называли тех уличей, которые жили между Днепром и Прутом. Летопись сообщает о племени дулебов, которое рано исчезло (в VII в. н. э.). Именно на его территории позже поселились волыняне и бужане.

О племенах, живших на территории Дакии и Паннонии, мы не имеем точных сведений. О племенах к югу от Дуная сообщают многочисленные источники. На востоке и юге Балканского полуострова были известны следующие славянские племена: северяне, подунавцы (среди них различали семь племен), тимочане (бассейн реки Тимока), мораване (бассейн реки Моравы), дреговичи (солунские и фракийские), сагудаты (соседи солунских дреговичей), струменцы (бассейн реки Струмы), смоляне (бассейн реки Месты), ринхины (жили между сагудатами и смолянами), морваки (жили к востоку от смолян). К северу от солунских дреговичей жили берзиты. К западу от дреговичей жили воюниты, к югу от них войничи, дальше на юг обитали велегезичи. На самом юге Греции известны были племена милинги и езерцы.

В западной части полуострова находилась территория сербохорватских племен. На северо-западе значительную территорию занимало племя хорваты, известное в источниках IX в. Их область находилась между Адриатикой и верховьями реки Уны (один из притоков Савы). На востоке она доходила до Врбаса, на юге — до реки Цетиньи. Между бассейнами рек Цетиньи и Неретвы жило племя неретвляне, к югу от Неретвы — племя захлумяне, дальше на юг — племена требуняне, конавляне и дукляне. На запад от мораван жили племена браничевцы, ободриты, дальше на запад и юг шла огромная территория племени сербов (вся восточная и центральная части Сербии).

inslav

Словенские племена, известные чаще всего под общим именем хорутан (в латинских источниках Sclavi Carantani), занимали большую территорию: дулебы (область между Блатенским озером и рекой Мурой), поляне (бассейн Енже), стодоране (бассейн Штири), суслы (левое побережье Дравы).

Как мы видели, некоторые этнические племенные названия повторяются у различных славян. Так, *дулебы*, *поляне* известны всем трем славянским группам. На основании этих общих наименований нельзя делать заключений, что под одним названием скрывается одно и то же племя. Общность племенных названий объясняется общностью происхождения славян. Общие племенные названия встречаются и у других народов.

Славянские племенные названия разного происхождения. Встречаются неславянские названия. Их много. Бесспорно неславянским является этноним *čехъ*. В этом нет ничего удивительного. Мы знаем много случаев, когда этнические наименования переходят от одного племени или народа к другому племени или народу. В настоящее время болгарами мы называем славянский народ. В прошлом так назывался народ тюркского происхождения, от которого балканские славяне взяли свое этническое наименование. Однако огромное большинство племенных наименований славянского происхождения. В большинстве случаев название дается по географическим признакам (название рек, болотистая местность, лесная местность, близость к морю, озерный край и т. д.). Именно такого происхождения наименования дреговичи (от *дрягва*, *дрегва* 'болото'), поморяне (от *Поморье*), озерцы и др. В ряде случаев славяне давали наименования по географическим названиям неславянского происхождения. Эти этнические наименования следует считать славянскими (например, мораване от *Морава*, неретвляне от *Неретва* и др.).

Встречаются названия племен, идущие от названий различных животных, рыб, птиц. Эти названия очень древние. Так, этноним племени лютичи идет от табуистического названия волка — 'лютый'. По свидетельству Адама Бременского, это племя носило и более старое нетабуистическое наименование. „За пределами лютичей, — писал он, — которые иначе зовутся вильцами, протекает Одра". Вообще есть основание полагать, что на имя волка не было наложено строгого запрета. Именно поэтому у славян хорошо сохранилось старое индоевропейское наименование этого животного. Иначе было с *медведем*. Полабское племя линяне некоторые исследователи связывают с рыбой *linь*.

Широко известно у славян было этническое имя *slověn-*. Знали его западные, восточные и южные славянские племена. У старых авторов оно передавалось различно: Σκλαβηνοι, Σκλαυηνοι, Στλαυηνοι, Σθλοβενοι, *Sklaveni*, *Stlaveni*, Σθλάβος, Σκλάβοι, *Sclavi*, *Stlavi*. Как известно, именно это наименование стало обозначать всю группу славянских народов.

inslav

Наименование *ant-* утратилось полностью, от наименования *vened-* сохранились лишь следы.

Общепринятой этимологии этнонима *slověn-* нет. Одни ученые это слово сближают с *slava*, другие производят от *slovo* (славянский, т. е. говорящий понятно). Отрембский сопоставляет данный этноним с слобода, с готским *silba* — 'сам'. Имеются и другие предположения. Так, Лер-Сплавинский отдает предпочтение теории, согласно которой славянин — это житель побережья или 'влажной страны' от *slov-*, *slav-* 'увлажнять', отсюда топонимия *Слава*, *Слове*, *Славут*, *Словна* и др. (см. „Польский язык", 5). Мне представляется наиболее убедительным сопоставление с и.-е. *slaǫos* 'народ'; ср. дор. λᾱός. Интересную аналогию представляет гот. *þiuda* 'народ' и нем. *deutsch*. Нет сомнений в том, что этнический термин *slov-* служил не только для наименований отдельных племен, но и для наименования всей совокупности славянских племен. Так называются эти племена в византийских источниках, следуют им и арабские источники.

Происхождение многих славянских этнонимов до сих пор установить не удалось. Даже этноним поляне, который русский летописец возводил к полю („зане в поли сѣдяху"), в настоящее время толкуется многими иначе. Ведь вокруг Киева не было поля, а „бяше лѣсъ и боръ великъ". Использование славянских этнонимов для изучения истории праславянского языка представляет значительные трудности, так как передача их в сочинениях иностранных авторов была очень непоследовательной. Так, племенное название хорватов передавалось Χαρβάτι, Χρωβατία 'земля хорватов', *pagus Crouuati*, *Charvaty*, *Chruvati*... Однако, несмотря на это, историк праславянского языка вынужден пользоваться и этим материалом. В некоторых случаях он дает возможность обнаружить диалектные различия праславянского языка, установить хронологию некоторых процессов.

В дошедших до нас сведениях о древних славянских племенах много ошибочного и противоречивого. Объясняется это тем, что авторы сообщают не о современных им событиях. Когда составлялась первая русская летопись, племенной быт ушел в прошлое. В эпоху Нестора были уже не племена, а различного рода политические объединения, связанные с определенной территорией. В XI—XII вв. сформировалась единая древнерусская народность с общим языком.

§ 16. Лексические заимствования в праславянском языке. Праславянский язык уже в ранние эпохи испытывал влияние со стороны соседних родственных и неродственных языков. Из родственных наиболее древние заимствования принадлежат балтийским языкам. Нет сомнения в том, что многие общие элементы в славянских и балтийских языках не являются общим индоевропейским наследием, а были заимствованы в период сообщности и позже славянами у балтов и балтами у славян. Однако разграничить исконное и заимствованное трудно,

inslav

так как нет надежных критериев. С некоторой долей вероятности к числу древнейших балтийских заимствований в праславянском можно отнести, например, слово *rǫka* (*ranka*), которое на почве славянских языков не поддается этимологизации. Наоборот, в балтийских языках слово *ranka* (лит. *rankà*, лтш. *rùoka*, др.-прус. *rancko*) имеет широкие этимологические связи (ср. лит. *riñkti* 'собирать', 'подбирать', *parankà* 'сбор (колосьев)', др.-прус. *rinkt* 'собирать'). Сопоставление праславянского *rǫka* и балтийского *ranka* с латинским *branca*, кажется, лишено основания. По свидетельству Эрну и Мейе, слово *branca* позднего происхождения („Dictionnaire...", 134). Можно предполагать, что *ranka* в балтийском первоначально имело значение 'горсть'. Славяне заимствовали это слово уже в значении 'рука', возможно, первоначально в значении 'кисть руки'. В связи с заимствованием произошло семантическое смещение в своем слове, восходящем к индоевропейскому *arəmo-*.

К западу и северо-западу от славян в течение длительного времени жили венеты. Позже венеты были ассимилированы славянами, в связи с чем этническое имя венетов было перенесено соседними народностями на славян. Возможно, что некоторые элементы венетского языка проникли в праславянский язык и сохраняются в славянских языках до сих пор. Однако конкретно осветить этот вопрос невозможно, так как мы почти ничего не знаем о венетском языке.

К числу древних заимствований в праславянском относятся заимствования из иранских языков. Их относительно немного. Это в основном культовая и военная лексика. К иранизмам можно отнести слова *bogъ*, *rajь*, *Svarogъ*, *Xъrsъ*, *toporъ*, *mogyla*, *sъto*, *čaša*, *vatra* 'огонь', *kurъ*, *korъda* 'меч'; можно предполагать, что слово *vatra* первоначально означало 'жертвенный огонь', и восходящее сюда русское слово *ватрушка* имело значение 'жертвенный хлеб'. Основания для такого заключения дают сами иранские языки (ср. ав. *aϑaurvan-* 'жертвенный огонь' и др.). Также в др.-инд. находим *átharvan-* 'жрец-огнепоклонник'. Это же подтверждается и данными некоторых славянских языков. Так, в украинском *ватра* — „огонь, добытый при помощи трения друг о друга двух кусков дерева; добывается с известными обрядами *ватáгом в полонúні* и служит для разведения огня в жилище пастухов и для совершения различных обрядовых действий над скотом, охраняющих, по мнению пастухов, этот последний" (Гринченко, I, 129). Иранское *ātar-* Абаев склонен видеть в скифском собственном имени Ἰατραγόρας 'огнеискатель' („Историко-этимологический словарь осетинского языка", I, 70). До последнего времени к иранским заимствованиям относили и слово *sobaka*. Недавно Трубачев убедительно опроверг этот взгляд. Иранское числительное 'сто' (ав. *satəm*, праиранское *sutəm*) проникло не только в праславянский, но и в финно-угорские языки. Возможно, что данное числительное первоначально служило для обозначения войсковой единицы, сотни. К древним иранизмам можно отнести и послелог *radi* (ср. ав. *radiy*), известный некоторым восточнославян-

inslav

ским и южнославянским языкам. Надо думать, что первоначально он употреблялся в каких-то культовых формулах при совершении обрядов (возможно, в сочетании с другим иранизмом *bogъ*). На многих примерах Якобсон хорошо показал глубокую связь между иранской и славянской мифологиями, отразившуюся в семантике, в ряде древних фразеологических сочетаний (например, в выражении *мать-сыра земля* и др.).

Древнейшие иранские заимствования в праславянском относятся к середине I тысячелетия до н. э. Нет ничего удивительного в том, что на территории Восточной Европы находим топонимы иранского происхождения. Так, иранского происхождения гидронимы Прут, Тирас (древнее название Днестра), Борисфен (древнее название Днепра) и ряд других.

Лингвистические данные свидетельствуют о том, что между славянами и иранцами не было тесных экономических связей. Характер заимствованных слов свидетельствует, что иранцы оказали влияние на славян в области религиозного культа и военного дела. Иранское влияние началось после распада балто-славянской сообщности и закончилось к началу нашей эры. Движение славянских племен в юго-восточном направлении началось уже после падения Скифского царства, когда иранский этнический элемент в областях к северу от Черного моря почти исчез. Вот почему лишена всякого основания гипотеза Соболевского о том, что праславянский язык возник в результате скрещивания (Соболевский пользуется термином „соединение") двух родственных языков, один из которых был иранским (наречие скифского языка). Для такого предположения нет ни лингвистических, ни собственно исторических оснований. Праславянский язык пережил процессы, известные иранским языкам (например, изменение [s] в [x] в определенных фонетических условиях). Однако эти процессы были параллельными. Они не могут свидетельствовать об особых генетических связях древних славян и иранцев.

Нет сомнений в том, что в праславянском языке должны были встречаться фракийские заимствования. Связи между славянами и фракийцами были длительными и достаточно тесными. Фракийцы были южными соседями славян. Однако выделить фракийские слова в праславянском не представляется возможным, так как наши сведения о фракийской лексике смутны и неопределенны. Нет вполне надежных и фонетических критериев для того, чтобы отделить общеиндоевропейское от заимствованного. Славянское *az* и фракийское ας, славянское *briti* и фракийское βρίλων 'парикмахер', славянское *zajęcь* (*zajękъ*) и фракийское Ζαικα 'заяц', славянское *pivo* и фракийское πῖνον, славянское *orьlъ* и фракийское Ολορος (< Ορολος) являются в каждом из языков общим индоевропейским наследием. Считать указанные слова в праславянском фракийскими у нас нет никаких оснований.

Наибольшее число слов фракийского происхождения должно сохраниться в болгарском языке. Как указывалось выше, фракийский суб-

inslav

страт сыграл выдающуюся роль в формировании „балканского языкового союза". Недавно Георгиев предпринял новую попытку определить фракийское происхождение некоторых болгарских слов (например, *руфя* 'молния', *газя* 'бродить, шлепать по грязи, топтать траву', *катеря се* 'карабкаться на что-либо' и др.). Критериями для отнесения слова к фракийскому языку у Георгиева были следующие: наличие слова в южных славянских языках (главным образом в болгарском) и отсутствие его в западных и восточных славянских языках, этимология слова не славянская и в то же время она не может быть установлена на основании известных языков, оказавших влияние на болгарский язык (прежде всего латинского и греческого), слово имеет аналогию во фракийском языке, наличие слова в балканских языках (главным образом в албанском). Эти критерии, однако, не являются достаточными. Всегда можно предположить, что данное слово является сравнительно поздним албанским заимствованием. Вот почему для решения вопроса еще необходимо располагать сведениями о территориальном распространении слова. Диалектное слово *руфя* 'молния' нельзя считать фракийским наследием в болгарском, так как оно известно только в тех говорах, которые граничат с албанским. Это, конечно, новое заимствование из албанского (ср. алб. *rrufé* 'молния'). И диалектное *карпа* 'скала' нельзя возводить к языку фракийского субстрата, так как в таком случае здесь была бы пережита метатеза. Нет сомнений в том, что и это слово — позднее албанское заимствование (ср. алб. *karpë* 'скала'). Топоним Карпаты в славянских языках книжного происхождения.

Нет ничего удивительного в том, что в праславянском языке известны были слова кельтского происхождения. Славянам в течение длительного времени приходилось тесно общаться с различными кельтскими племенами, населявшими современную Чехословакию, некоторые районы южной Польши и соседние области. Это были южные и юго-западные соседи славян в течение нескольких столетий (последние века до н. э. и первые века н. э.). От кельтов славяне познакомились с новыми приемами обработки металла, кузнечным делом, гончарным кругом, стекольным производством и многим другим. Вся Чехия была занята кельтами. Заселение этой территории славянами привело к ассимиляции местного населения: оно стало славянским.

Следы кельтского языка здесь до сих пор сохраняются в топонимии. Кельтского происхождения географический термин *Bohemia*, названия ряда рек Чехии. Некоторые особенности чешского языка, возможно, возникли под воздействием кельтского субстрата.

К древнейшим кельтским заимствованиям в праславянском обычно относят слова: *sluga* (пракельтское *slougo-*; наличие данного корня в литовском, ср. *slaugýti* 'ухаживать', *slaugà* 'уход', затрудняют признать данную этимологию безупречной), *braga* (ирл. *braich* 'солод'; и эта этимология не разделяется многими славистами; возможно, что это древнетюркское заимствование в восточнославянских языках), *ljutъ*

inslav

(кимр. *llid* < *lūto-* 'злоба'), *gunja* 'вид одежды' (кимр. *gwn*, корн. *gun*, ирл. *fuan*), *dǫgъ* (ирл. *daingen* 'крепкий'), *těsto* (ирл. *táis*, кимр. *toes*) и др. Эти слова хорошо этимологизируются на почве кельтских языков. В праславянском же они стоят изолированно. Стремление некоторых этимологов связать, например, *těsto* с глаголом *tiskati* в настоящее время отвергнуто. Некоторые кельтские слова проникли в отдельные праславянские диалекты. Так, кельтского происхождения было слово **дрѫгарь**, засвидетельствованное в древних славянских текстах (ср. ирл. *drong* 'отряд').

Нет никакого сомнения в том, что древнекельтское влияние на праславянскую речь было гораздо глубже, нежели это казалось прежде. Трудность изучения этого влияния, однако, состоит в том, что от кельтских языков средней и восточной Европы не осталось почти никаких следов. Мы вынуждены судить об этих языках на основании западных кельтских языков, которые, конечно, уже в конце дохристианской эры представляли существенные отличия от восточных. Распадение пракельтского языка относится к очень древней эпохе.

Следует, однако, сказать, что сопоставления с кельтсткими языками у славистов не всегда являются убедительными. В качестве примера могу сослаться на статью Лер-Сплавинского „Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko-prasłowiańskich" (RS, XVIII, cz. I), в которой автор пытается объяснить возникновение польского мазурения кельтским влиянием. Очевидно, что в таком случае мазурение должно было бы прежде всего распространиться в чешском языке. Влияние кельтских языков на польский было совсем незначительным и охватило очень ограниченную территорию. Данное предположение Лер-Сплавинского является тем более неожиданным, что он в свое время отрицал совершенно очевидное влияние нижненемецких говоров на возникновение полабского мазурения.

Огромная литература существует о древнейших славяно-германских отношениях. К сожалению, очень многие авторы трактовали эти вопросы с националистических позиций. Некоторые немецкие ученые искусственно преувеличивали число германизмов в праславянском языке и отрицали влияние славянских языков на германские. Они исходили из того, что в период первых контактов славян и германцев последние находились на более высокой ступени общественного и культурного развития, нежели славяне. Объективные данные не подтверждают этого. Наиболее культурным этническим элементом в восточной Европе в последние века дохристианской эры были кельты, от которых славяне и германцы заимствовали действительно очень много в различных областях жизни.

Нет сомнений в том, что, например, Хирт (см. его „Zu den germanischen Lehnwörtern im slavischen und baltischen") зачисляет в германизмы многие славянские слова индоевропейского происхождения. Однако было бы большой ошибкой с нашей стороны, если бы мы

inslav

вслед за Маценауэром (см. его „Cizí slova ve slovanských řečech“, 1870), Младеновым (см. его „Старите германски елементи в славянските езици“, 1909), Ильинским, Черных и многими другими стали на путь отрицания германского происхождения ряда очевидных германизмов в праславянском языке. Нет ничего удивительного в том, что в праславянском употреблялись отдельные германизмы. В I тысячелетии нашей эры связи между германцами и славянами были очень тесными, и это, естественно, не могло пройти бесследно для их языков.

В полном объеме проблему славяно-германских языковых отношений праславянского периода разрешить никогда не удастся. Не сохранились те германские языки (восточногерманские), которые оказали наибольшее влияние на праславянский и которые, в этом не может быть никакого сомнения, сами содержали многочисленные славянские заимствования. Отдельные известные нам славянские заимствования в германских (*zobel* < *sobolь*, *chursina* < *kъrzьno*, *bilih* < *pьlxъ*, *serkr* < *sorka* и др., см. Кипарский, 100), конечно, не могут в полном виде отразить глубины славянского влияния.

В славянских и германских языках имеется много общих слов индоевропейского происхождения. Эти слова нужно последовательно отличать от заимствований. Критерием для этого разграничения во многих случаях являются фонетические признаки. Славянское *kъnęʒ'ь* является германизмом. Об этом убедительно говорит этимология. Прагерманское *kuningaz* восходит к *kuni* 'род, поколение', где [k] возникло из индоевропейского [g] по первому передвижению согласных (ср. лат. *genus*, греч. γενεσις). Начальный [k] в слове *kъnęʒ'ь* свидетельствует, что данное слово в праславянском не могло быть исконным. Этого не знал, например, Шафарик, который относил слово *kъnęʒ'ь* к исконным славянским словам. Начальный [x] в праславянском в большинстве случаев загадочного происхождения. Объяснить его фонетическим путем не удается. Легко заметить, что он встречается во многих словах, которые и по другим признакам можно уверенно отнести к германизмам (ср. *xlěbъ*, *xlěvъ*, *xyža*, *šelmъ* (< *xelm-*), *xъlmъ*, *xyniti* 'обмануть', *xyn-* < *Hun-*, *xǫdogъ*, *xǫsa* 'разбой' < *hansa* 'дружина' и мн. др.). Исконных славянских слов с начальным [x] мало. Это глаголы, которые часто употреблялись с префиксом, слова эмоционально-экспрессивного значения и др.

Не все, однако, фонетические признаки являются всегда надежными. Прежде в данном вопросе исследователи придавали большое значение судьбе [k'], [g']. Если славянские морфемы содержали на месте [k'], [g'] задненебные [k], [g], их уверенно относили к германизмам. Вот почему в число германизмов попали слова *gǫsь*, *bergъ*, *gordъ* и ряд других. Однако данный фонетический признак нельзя признать убедительным по следующим соображениям.

а) Во многих морфемах задненебные согласные могли появиться позже в результате диссимиляции (ср. *gǫsь*).

inslav

б) Из языков группы centum праславянский был связан не только с германскими языками. К группе centum относились языки венетский и кельтский.

в) Согласные [k], [g] и [kʲ], [gʲ] часто встречаются в одних и тех же морфемах в языках группы satəm.

Древние славяне заимствовали слова от различных германских народов и в разное время. Некоторые исследователи относят древнейшие заимствования к III в. до н. э. и связывают их с бастарнами, которые в начале III в. до н. э. вторглись в северное Прикарпатье и западное Причерноморье, где должны были столкнуться со славянами. Это все очень спорно. Во-первых, до сих пор еще не доказано убедительно, что бастарны были германцами. Как известно, среди археологов по этому вопросу нет единства во взглядах. Некоторые археологи склонны их считать фракийцами, другие их относят к народам иранского происхождения. Браун в свое время очень неосмотрительно заявил, что вопрос о принадлежности бастарнов к древним германцами „уже может считаться решенным, несмотря на то, что сам Тацит нашел нужным оставить свой тезис под сомнением" („Разыскания в области гото-славянских отношений", I, 109). Браун имел в виду некоторую нерешительность Тацита в определении этнической принадлежности бастарнов. Не следует никогда забывать, что тот же Тацит относил балтийцев к кельтам, а венетов к германцам на том основании, что они „умеют строить дома, знают употребление щитов и, будучи проворными пешеходами, охотно ходят пешком". Нельзя вслед за Брауном считать Тацита „компетентным судьей" в вопросах определения этнической принадлежности племен современной ему восточной Европы. Во-вторых, нет убедительных данных, что бастарны были непосредственными соседями древних славян. Есть основания думать, что между бастарнами и славянами жили фракийцы и кельты.

С полной уверенностью о славяно-германских связях мы можем говорить только со II в. н. э., когда впервые установился контакт древних славян с готами на побережье Балтийского моря и главным образом в областях между Днестром и Днепром. Именно здесь, в бассейне среднего течения Днепра, установились особо тесные отношения между славянами и готами. Вот почему основная часть древнейших праславянских германизмов готского происхождения. Эти слова проникли в праславянский между II и V вв. н. э. Кроме указанных германизмов к готским заимствованиям относятся *bljudo* (гот. *biuþs*, род. п. *biudis*), *dъlgъ* (гот. *dulgs*), *kotьlъ* (гот. **katilus*), *lixva* (гот. **leihwa*), *mečь* (гот. **mēkeis*), *osьlъ* (гот. *asilus*), *velьbǫdъ* (гот. *ulbandus*) и др.

Все указанные германизмы известны были почти всем праславянским диалектам. Однако особенно много их проникло в диалекты тех славян, которые жили в бассейне среднего Днепра. Вот почему древнейшие готские заимствования полнее всего отражены в восточносла-

inslav

вянских языках. В VI—VII вв. проникает в праславянский язык много новых германизмов, но только в южнославянские диалекты. Это связано было с колонизацией славянскими племенами Балканского полуострова. В связи с этим в язык южных славян проникло много германизмов, получивших широкое распространение на Балканском полуострове от вестготов, которые в конце IV в. поселились в Мизии (современная дунайская Болгария). Эти германизмы вошли в южнославянские языки, а затем позже через старославянский проникли частично в некоторые восточно- и западнославянские языки. К этим германизмам можно отнести *buky* (гот. *bōka*), *skutъ* 'край одежды' (гот. **skauts*), *smoky* (гот. *smakka*), *usereǫž'ь* 'серьга' (гот. **ausihriggs*), *vino* (гот. *wein*), *vinogradъ* (гот. *weinagards*) и мн. др.

Можно спорить с Кипарским относительно этимологии отдельных слов. Однако мне представляется очень важной его мысль о необходимости последовательно различать общеславянские готские заимствования и южнославянские балканские германизмы (также восточногерманского происхождения).

С III—IV вв. идут западногерманские заимствования. Они проникли в праславянский язык из древнесаксонского языка, франкских и баварских диалектов древневерхненемецкого языка. К западногерманским заимствованиям относятся *sьrky*, *poръ*, *pěnęž'ь*, *myto*, *pila*, *trǫba*, *tynъ*, *vitęž'ь* и мн. др. Для отнесения этой группы слов к германизмам имеются также фонетические основания. Так, если бы слова *tynъ*, *myto* в обеих группах языков были бы исконно-родственными, то в славянских мы нашли бы не *tynъ*, а *dynъ*, не *myto*, а *mydo*. Индоевропейский [d] в прагерманском изменился в [t]: сл. *domъ*, гот. *timrjan*, др.-сакс. *timbrōn*; сл. *dъva*, гот. *twai*, др.-сакс. *twēne*; сл. *desętь*, гот. *taihun*, др.-сакс. *tehan*; сл. *voda*, гот. *watô*. Индоевропейский [t] в прагерманском изменился в глухой спирант [þ]: сл. *bratrъ*, гот. *broþar*; сл. *tri*, гот. **þreis*, др.-англ. *þrie*.

С VIII—IX вв. идут древнескандинавские заимствования. Значительная их часть проникла в говоры древнерусского языка. К ним можно причислить слова: *варяг* (< **vāringr*), *тиун* (< *þjónn*), *якорь* (< *akkeri*), *ябеда* (< *embœtti*) и др.

По наблюдениям Кипарского, большинство германизмов в праславянском сохраняет свой грамматический род. Случаев изменения рода мало (например, гот. *ulbandus* женского рода, в праславянском *velbǫdъ* мужского рода). Объясняется это близостью классификационных критериев славянского и германского склонения в то время.

Германские заимствования в праславянском сохраняют обычно ударение на корне. Современные славянские языки указывают на акутовую интонацию большинства германизмов в праславянском: *b'lúdo* (ср. схр. *bljȕdo*), *bordy* (ср. схр. *brȁdva*), *męty* (ср. схр. *mȅtva*). В данном случае акутовую интонацию нельзя объяснить фонетически. Здесь утвердилась эта интонация потому, что в германских заимствованиях корне-

inslav

вое ударение было устойчивым во всей парадигме. Однако в отдельных случаях праславянские германизмы отражают циркумфлекс (ср. псл. *dъlg*, схр. *дȕг* 'долг, задолженность'). Таким образом, интонация не может служить во всех случаях вполне надежным критерием для решения вопроса о праславянских германизмах.

В изучении славяно-германской языковой проблемы легко наметить три основных этапа. Первый, начало которому было положено Миклошичем, состоял в установлении состава праславянских германизмов на основании этимологического анализа. Второй этап открывается работами Стендер-Петерсена и, особенно, Кипарского. Здесь этимология отходит на второй план. Главная задача исследователя установить хронологию германизмов. Эту задачу в основном можно считать уже решенной. В настоящее время поставлена новая задача, над которой работают историки праславянского языка. Речь идет об установлении изоглосс праславянских германизмов. Дело в том, что далеко не все праславянские заимствования из готского языка известны всем славянским языкам. В данной связи интересно обратить внимание на то, что многих древнейших германизмов нет в чешском языке. Отсутствует германизм *xlěbъ* в словенском и западных говорах сербохорватского языка. Здесь в этом значении сохраняется очень древнее слово *krŭh*. Не засвидетельствовано слово *xlěbъ* в полабском языке. Здесь отмечено слово *sťaibă* (ср. польск. *skibka*). Заслуживают внимания и различия в семантике данного германизма. В значении 'злак' это слово известно только восточнославянским языкам. В одних диалектах праславянского языка германизм сохранился, в других он был калькирован. Именно такова судьба праславянского слова *koldęžь*, которое многие слависты возводят к гипотетическому готскому слову **kaldiggs* (от *kalds* 'холодный'). Этот германизм сохраняется только в восточных и южных славянских языках (ср. русск. *колóдец*, укр. *колóдязь*, блр. *калóдзеж*, болг. *кладенец*, схр. *кла̏денац*). В западнославянских языках он был калькирован, переведен (ср. польск. *studnia*, чешск. *studna*, слвц. *studna*, в.-луж. *studnja*). Интересно, что в западнославянских языках калькированное слово женского рода. Славянская калька представлена и в южнославянских языках, но здесь в отличие от западнославянских языков мы найдем слово мужского рода. К мужскому роду относится старославянское **стоуденьць** (ср. в Саввиной книге — **въ стоуденьць въпадетъ**, 62), болг. диал. *студенец*, схр. *сту̏денац*, слов. *studénec*. Белорусское *студня* связано с западнославянским воздействием.

В праславянский язык проникло некоторое количество слов греческого происхождения. Наиболее древние из греческих заимствований проникли через посредство других народов, так как до V—VI вв. н. э. славяне не вступали в непосредственный контакт с греками. Большое число греческих слов проникло в язык тех славян, которые с начала VI в. устремились на Балканский полуостров и вступили

inslav

в непосредственный контакт с греческим населением. Эти слова теперь в большом числе мы находим в болгарском языке.

В восточнославянские языки слова греческого происхождения проникли еще позже (главным образом с X в.) Это было связано с принятием христианства из Византии через Болгарию. Никак нельзя согласиться с Якубинским, который утверждал, что „некоторые древнерусские заимствования из греческого языка восходят к глубокой дохристианской древности", что „эти заимствования проходили еще в общеславянскую эпоху, когда восточные славяне не отделялись еще от других славян" („История древнерусского языка", 331—332). Анализируя случаи *Чурило*, *Ничипор*, *чур* и др., он пришел к выводу, что соответствующие греческие прототипы Κυρίλλος, Νικηφόρος, κύρις должны были быть заимствованы еще до нашей эры. „Доказано, что в эллинистическую эпоху развития греческого языка (хронологически примерно с начала IV в. до н. э., т. е. с распадения монархии Александра Македонского в 323 г. до н. э., до покорения Греции и Востока Римом, т. е. до середины II—I вв. до н. э. [υ] произносилось, как [ju]. Некоторые восточнославянские заимствования восходят к той эпохе, когда греческий [υ] произносился еще, как [ju]" (там же, 332). Это лишено всякого основания. Лишены убедительной силы все доказательства Якубинского. В случаях типа *Ничипор* мы имеем дело не с фонетическим процессом, а с обычной субституцией. (Подробно см. Поповић. Зборник радова LIX, Византолошког института, 5, 101—108). К старым греческим заимствованиям относятся слова *korablь* (< καράβιον), *višьnja* (< βυσσινια), *ogurьcь* (< 'άγουρος) и др.

Колонизация Балканского полуострова также привела к проникновению в славянский язык некоторого количества романских (латинских) слов. Некоторые из них по разным причинам стали общеславянскими: *kulь* (лат. *culleus*), *oltarь* (лат. *altāre*), *konopl'a* (лат. народн. **canapis*), *kolęda* (лат. *calendae*), *poganъ* (лат. *pāgānus*) и др. Проникло некоторое число романских слов через германские языки: *osьlъ* (< гот. *asilus* < лат. *ăsĭnus*), *lьvъ* (< двн. *lewo* < лат. *leō*), *misa* (< гот. *mēs* < лат. народн. *mēsa*), *ocьtъ* (< гот. *akeit* < лат. *acētum*).

Славянам приходилось вступать в контакт не только с племенами и народами индоевропейского происхождения. Интересную страницу в истории славяно-иноязычных отношений представляют славяно-финские языковые связи. Однако начало их относится к сравнительно позднему времени. Лексических заимствований финно-угорского происхождения праславянский язык не знал. Следует обратить внимание и на то, что в прибалтийско-финских языках древнейшие славянские заимствования также относятся к сравнительно позднему времени. Зато из балтийских языков в финских заимствований очень много, и они очень старые. „Балтийское влияние на прибалтийско-финскую речь было, как видно, не только широким, но и глубоким. По глубине с ним не может сравниться никакое позднейшее воздействие, кроме

inslav

русского воздействия на карельский и вепсский языки" (Бубрих. ИАН ОЛЯ, V, 6, 481). В другой работе Бубрих писал: „Влияние древней литво-латышской речи на древнюю прибалтийско-финскую не ограничилось словарем. Оно пронизало всю структуру древней прибалтийско-финской речи, от фонетики до синтаксиса" („Происхождение карельского народа", 12). В противоположность балтийскому влиянию праславянское было очень слабым и поверхностным. В этих языках славянские заимствования обычно уже восточнославянского происхождения (см. Mikkola. Die älteren Beziehungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch, 1938). Попытка доказать, что древнейшие славянские заимствования в финно-угорских языках относятся еще к эпохе до первого смягчения задненебных, совершенно неосновательна (см. Кипарский. „Scando-Slavica", IV, 127; Ниеминен. BMSS, 497). Не может свидетельствовать о древности славянских заимствований передача в финском праславянских [ь] и [ъ] через [i] и [u], так как в данном случае мы имеем дело с обычной при заимствовании фонетической субституцией звуков.

Во второй половине I тысячелетия н. э. в праславянский язык проникло некоторое количество тюркских слов. Однако их было немного. Сильное тюркское влияние наступает позже. Значительны его следы в болгарском, сербохорватском языках, меньше в восточнославянских языках.

Интересно, что славяне не сохранили следов влияния аварского языка, который принадлежал к тюркской группе, несмотря на то, что в течение длительного времени (VI—VIII вв.) кочевники-авары господствовали на большой территории, занятой славянами. Кочевники вообще не могли оказать большого влияния на язык подвластного им земледельческого населения. Надо думать, что аварской была терминология, связанная с управлением, армией. Эта терминология ушла вместе с аварским гнетом, память о котором долго сохранялась в народе.

В 678 г. болгарская орда Аспаруха завоевала на территории Мизии семь славянских племен и положила начало болгарскому государству. К середине IX в. тюркский этнический элемент был полностью ассимилирован славянами. С этого времени Болгария становится чисто славянским государством. Тюрки-болгары оказали большое влияние на материальный быт славян. Однако в области языка влияние было ничтожным. Мы знаем лишь отдельные тюркские слова, связанные с государственным устройством (например, *багаин*, *багатур*, *хан*, *канартикин*, *боила-таркан*, *кавган*, *ичергу боил* и т. д.). Большинство этих слов вышло из употребления еще до появления славянской письменности. Уже самые первые славянские тексты почти не содержат тюркских слов. В народный славянский язык из болгарского (тюркского) языка перешло всего несколько слов.

inslav

§ 17. Сведения о славянских языках в неславянских источниках. Древнейшие славянские тексты. Диалекты славянских языков. Все дошедшие до нас источники о древних славянах не содержат сведений, которыми смог бы воспользоваться историк славянских языков. Славянские языки совсем не интересовали авторов данных источников. В лучшем случае они ограничивались высокомерными и презрительными заявлениями о грубости этих языков. В этом отношении славянские языки разделили общую участь всех языков, на которых говорили племена, населявшие бóльшую часть Европы. „Греки, — писал Мейе, — находились в тесных сношениях со множеством других народов, чьи языки имели с их языками поразительные черты сходства; греки не обращали на чужие языки никакого внимания, а если и замечали совпадения, то видели в них лишь странные случайности и из этих разрозненных наблюдений не выводили никакой теории. Происшедшая от этого потеря огромна и непоправима: ведь греки могли наблюдать и описать языки, впоследствии исчезнувшие бесследно или же сильно изменившиеся в дальнейшем“ („Введение...“, 445). Не отличались в этом отношении от греков римляне, византийцы, ученые других народов. Вообще проблемы языка мало интересовали античных авторов.

Историк славянских языков должен учесть все отдельные славянские слова, славянские личные имена, этнонимы, топонимы, которые встречаются в источниках на греческом и латинских языках. В текстах I тысячелетия н. э. их сравнительно мало, графическая их передача непоследовательна и сбивчива, но они содержатся в документах таких периодов, когда текстов на славянских языках еще не существовало. Именно этим и определяется их значение для науки. О словах *medos* и *strava* речь шла у нас уже выше. Следует, конечно, ясно себе отдавать отчет в том, что подобного рода слова следует привлекать для характеристики морфологии весьма осмотрительно. Конечно, Приск передал славянское слово *medъ* по законам греческой морфологии (μεδος).

Иордан сообщает, что готский король Винитар напал в 376 г. на антов и убил их царя Божа и его сыновей. Это собственное имя представляет собою именную основу на **-jo** от *bogъ* (< *bogjь* < *božь*). От VI в. н. э. сохранилось собственное славянское имя *Dobrita* и ряд других. На латинском тексте Чивидальского евангелия имеются славянские подписи, которые некоторые исследователи предположительно относят к IX в.

Некоторые языковеды и историки иногда переоценивают античные источники и видят следы славянских языков там, где их в действительности нет. Историк Пигулевская недавно писала: „О том, что славяне были хорошо известны византийским писателям, грекам и сирийцам, свидетельствуют не только упомянутые выше Прокопий Кесарийский, Иоанн Эфесский, но и сочинение Маврикия «Стратегикон», составленное не позднее начала VII в. В «Стратегиконе» не только

inslav

сообщаются различные сведения о славянах, дается их характеристика, но приводятся даже общеславянские или русские слова" („Академику Б. Д. Грекову", 48). В действительности же в „Стратегиконе" нет ни одного общеславянского или русского (так!) слова. Сама Пигулевская ограничилась приведением только одного слова πλωτας (вин. мн. от им. мн. πλωταί). Она полагает, что в данном случае мы имеем дело со славянским словом *plotъ*. С этим предположением историка согласиться невозможно, так как праславянский [о] в греческом всегда передавался буквой [α]. Написание πλωτας полностью исключает возможность славянской этимологии для данного слова.

Недавно Георгиев предпринял новую попытку обнаружить в сочинениях Прокопия Кесарийского славянскую топонимию. По мнению болгарского ученого, в известном сочинении Прокопия Περὶ κτισμάτων („О постройках"), написанном после 558 г., содержится очень много славянских топонимов Балканского полуострова (10—17% к общему числу). Следует, однако, сказать, что эта попытка предпринята без необходимого учета данных истории праславянского языка и данных соседних балканских языков. Доказательства строятся на чисто внешнем (иногда очень отдаленном) сходстве с отдельными славянскими словами. В системе доказательств автора отсутствует и необходимый реальный комментарий.

Среди бесспорных славянских топонимов Георгиев приводит Αλδανες. Автор указывает, что в Македонии в Прилепском районе известно и в настоящее время село Алданци. Он полагает, что данный топоним бесспорно является славянским. Αλδανες — это гипотетическое *алдьане 'лодочники' (ср. и др.-болг. *ал(ъ)дии*, *ладии* 'лодка'). Однако доказательств автор не приводит. А они необходимы. Прежде всего следовало бы сообщить о местоположении прилепского села Алданци и о занятии его жителей. Село „Лодочники" могло быть названо только в том случае, если оно расположено на берегу реки или озера, а жители его занимаются рыболовством или изготовлением лодок. На самом деле прилепское село Алданци находится далеко от реки. В настоящее время в нем живут только албанцы, которые поселились здесь, конечно, позже. Албанцы же населяют и другое македонское село Алданци, расположенное в районе Скопья. При решении вопроса о происхождении топонима *Алданци* следовало бы учесть рум. *aldan* 'конопля' или греческий глагол ἀλδαίνω 'взращивать, питать, укреплять'. Автор не доказал славянского происхождения топонима *Алданци*. В списке „надежных" славянских топонимов имеется и βρέ. Так назывался населенный пункт в Родопах, который автор возводит к славянскому *врьхъ*. „Утрата конечного **х** объясняется диалектной особенностью (исчезновение **х** как во многих наших западных диалектах, ср. *Въ*, *Въ́ъ* [Ломско] =*върхът*)" („Въпроси...", 71). Итак, автор полагает, что диалектная утрата звука [х] была известна уже в VI в., что в VI в. этот звук [х] был „конечным". Но ведь после задненебного шел [ъ], который утра-

inslav

тился только в X в. Наличие гласного [ε] автор объясняет переходом [ь] в [е] в „сильном“ положении, что было характерно не только для юго-западных говоров, но и говоров восточной Болгарии (ср. данные Супрасльской рукописи). И это не убедительно, так как вокализация [ь] в „сильной“ позиции относится только к XI в. А главное состоит в том, что в славянском слове *врьхъ* представлен был не [ь], а слоговый сонант [ᵇr̥] (*vᵇr̥xъ*). Есть все основания утверждать, что среди топонимов, встречающихся у Прокопия Кесарийского, нет ни одного славянского. Во всяком случае, нет ни одного топонима, славянское происхождение которого можно было бы доказать абсолютно точно.

Славянские слова и славянские топонимы дошли до нас в большом числе в памятниках X—XII вв., написанных на греческом и латинском языках. Эти данные представляют большую ценность. Как известно, самые древние тексты польского языка идут только от XIV в. Однако сохранилось большое число латинских текстов от более раннего времени, которые содержат отдельные польские слова, а иногда и целые предложения. Драгоценные сведения о фонетических особенностях древнепольского языка XII в. содержит латинская папская булла 1136 г. В этом тексте на латинском языке мы находим следующие собственные имена: *Stanoch*, *Pisla*, *Boruch*, *Voian*, *Dorgorad*, *Radost*, *Cuz*, *Crotossa*, *Oslab*, *Suliny*, *Cochan*, *Domauy* и мн. др. Этот памятник дает возможность датировать ряд фонетических процессов, происходивших в польском языке. Много ценного материала для исторической фонетики южнославянских языков содержится в византийских грамотах X—XI вв. Все эти данные будут нами учитываться при рассмотрении отдельных фонетических явлений.

Следует, однако, заметить, что привлекать соответствующий материал нужно всегда очень осторожно. Из истории нашей науки можно привести много примеров некритического отношения к источникам данного рода.

Впервые письменность на славянских языках появляется в IX в. н. э. Возникновение ее связано с деятельностью Константина (Кирилла) и Мефодия, которые по поручению византийского императора Михаила III ввели в 60-х годах IX в. в Великоморавском княжестве славянское богослужение. Для этой цели они перевели с греческого на славянский язык важнейшие канонические тексты, без чего нельзя было организовать самого богослужения.

В прошлом и теперь делались и делаются попытки доказать, что письменность у славян существовала еще до Константина и Мефодия.

Ссылаются при этом на очень неопределенное место в сказании черноризца Храбра: прѣжде оубѡ словѣне не имѣхѫ книгъ, нѫ чрьтами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ, погани сѫще. Кръстивше же сѧ, рим'сками и грѣчьскыми писмены нѫждаахѫ сѧ (писати) словѣн'скоу ѣчь безь оустроениа (ТСК, I, 162). Полагаю, что именно это свиде-

inslav

тельство говорит против существования славянской письменности до середины IX в. Очень неопределенно и известное место из жития Константина: обрѣте же тоу єѵаггеліе и ѱалтирь роусьскыми писмены писано, и чловѣка ѡбрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова с нимъ, и силоу рѣчи прїимъ, своеи бесѣдѣ прикладаа различнаа писмена, гласнаа и съгласнаа, и къ богоу молитвоу творѧ, въскорѣ начѧтъ чести и сказати, и мноѕи сѧ емоу дивлѧхоу, бога хвалѧще (ТСК, I, 12). Нельзя никак согласиться с Черныхом, что здесь „очень ясно" сказано, что Константин во время посещения Крыма около 860 г. встретился с русским человеком, который его познакомил с русскими буквами и текстами. „Естественно думать, что они были написаны не только русскими буквами, но также на древнерусском языке" (Черных. Происхождение русского литературного языка и письма, 9). Отсюда делается заключение, что на Руси еще до принятия христианства существовала славянская письменность. Однако гипотеза построена на песке. Принять ее невозможно.

Не менее спорны теории Эмиля Георгиева, который несколько лет тому назад опубликовал целую монографию, посвященную славянской письменности... до Кирилла и Мефодия.

Следует сказать, что, несмотря на все попытки некоторых современных ученых доказать существование письменности на славянском языке до Кирилла и Мефодия, мы должны признать, что в нашем распоряжении нет никаких новых фактов, которые бы дали нам основание коренным образом пересмотреть вопрос о роли солунских братьев в создании славянской письменности. За последние десятилетия было обнаружено много ценных славянских текстов, относившихся к древнейшим эпохам. Однако ни один из них не противоречит, например, старой теории Ягича, которая, думаю, в основных своих чертах отвечает современному уровню науки.

Еще до принятия христианства в различных областях славянского мира употреблялись какие-то „черты и резы". После принятия христианства на первых порах пользовались латинскими и греческими буквами. Этот способ в некоторых местах получил широкое распространение. Так, у словенцев в конце X в. употреблялось латинское письмо для передачи славянской речи (ср. известные Фрейзингенские отрывки).

Итак, у нас нет оснований сомневаться в том, что создателями славянской письменности были Константин (Кирилл) и Мефодий.

Следует доверять тем источникам (например, Успению св. Кирилла или Солунской легенде), которые указывают, что еще до моравской миссии Константин вводил у болгар письменность. потѡм' же шь въ брѣгал'ницꙋ, и ѡбрѣть ѿ Словѣнскаго 'єзыка нѣколико некрщенѣ, кртнвь ихъ, приведе на православнꙋю вѣрꙋ. И написавь имь книгы словѣнскыи 'єзыкѡ (Успение св. Кирилла. ТСК, I, 155). покше мене Бꙋгаре съ радостню великою, и приведоше мене въ градь Равьнь на

inslav

рѣцѣ Брѣгалницѣ. Азь написахъ имь лк. словѣ. Азь ихъ мало ѹчахъ, а они сами много приѡбрѣтахѹ, те бо, рече господь, православноу вѣрѹ (и христїанство) богу прѣдадоуть (Солунская легенда. ТСК, I, 159). Только доверяя этим свидетельствам и считаясь с ними, можно понять, почему руководителям моравской миссии удалось в кратчайший срок не только создать алфавит, но и перевести на славянский язык апракосное евангелие. Нет сомнений в том, что еще до обращения Ростислава к Михаилу о помощи в деле организации славянского богослужения Константин много сделал для создания славянской письменности. Возможно, что именно это обстоятельство и заставило Ростислава обратиться за помощью к Византии.

С 60-х гг. IX в. славянская письменность получает широкое распространение у западных славян, а после смерти Мефодия — в Болгарии. К концу IX в. болгарская столица Преславль становится крупным культурным центром, где работают выдающиеся деятели славянской письменности. Широкое распространение славянская письменность получает в Македонии. Однако от IX в. до наших дней не сохранилось ни одного славянского текста. Все они были уничтожены или утеряны.

Древнейшие славянские тексты сохранились только от X в. Среди них имеются датированные тексты. Самым древним славянским датированным текстом является недавно найденная Добруджанская надпись 943 г. Под греческим документом 980 г. сохранилась славянская надпись зографского игумена Макария. Дошла до наших дней надпись на камне болгарского царя Самуила от 993 г. Известна еще Варошская надпись 996 г. Наибольшую ценность для языковедов из указанных текстов представляет надпись царя Самуила.

Сохранились недатированные тексты, которые, однако, можно уверенно отнести к X в. Среди них наибольший интерес представляет найденная в Болгарии в 1952 г. надгробная надпись чергубиля Мостича. Вот ее текст:

сьде лежитъ мо-
стичь чрьгоубъ
ли бъівъши при
сумеонѣ цр҃и
и при петрѣ цр҃и[о]
с[м]ниж же десѧ-
ть лѣтъ съі оста-
вивъ чрьгоубъль-
ство ї вьсе імѣни-
ѥ бьістъ чрьнори-
зьць ї въ томь сь-
врьши жизнь своѭ

Царь Петр правил Болгарией с 927 по 969 г. Исследователи надписи относят ее к 60-м годам X в.

inslav

К X в. археологи относят так называемую Гнездовскую надпись на глиняном сосуде „гороухꙗ“. Это древнейшая русская надпись. Некоторые исследователи эту надпись читают иначе.

К концу X в. относят Киевские листки. Главным основанием датировки служит верное с этимологической точки зрения употребление еров. Нельзя, однако, это считать вполне убедительным, так как в родном языке писца этого памятника могли сохраняться сверхкраткие и в XI в. У нас нет вполне надежных доказательств, что в чешско-моравских говорах в X в. сверхкраткие в „слабой“ позиции уже утратились. В русском языке, например, они сохранялись еще в XI в.

На основании очень спорных и мало надежных данных Державин пытался доказать, что к X в. относится Синайский эвхологий. «Таким образом хронологический отрезок времени, когда мог быть написан „Синайский эвхологий“, определяется, по нашим предположениям, годами 980—987» (Державин. Сборник статей и исследований в области славянской филологии, 229). Эта датировка Державина не была принята. Возможно, что к концу X в. относится древнейший словенский текст — Фрейзингенские отрывки.

От XI в. сохранилось большое число славянских рукописей. К этому веку относятся почти все старославянские памятники древнеболгарской редакции. Они отражают некоторые особенности древнеболгарских говоров. Много сохранилось древнерусских памятников XI в. От XII в. идут древнейшие памятники сербохорватского языка (Мирославово ев., грамота бана Кулина). От XIII в. сохранились древнейшие чешские тексты (Кунгутина песня, Островская песня), от XIV в. — древнейшие польские памятники (Флорианская псалтырь, Свентокжижские проповеди), от XVI в. идут самые старые тексты на сербо-лужицком языке. О языке полабских славян нам известно из записей, сделанных в конце XVII и в начале XVIII в.

Несмотря на большое число дошедших до нас текстов, мы встречаемся с большими трудностями при изучении истории славянских языков. Причин несколько. Многие сохранившиеся древнейшие тексты — канонического содержания. Если в период создания славянского церковного языка нормы его были близки разговорному языку, то впоследствии они в значительной степени оторвались от народно-разговорной основы. Дошедшие до нас старославянские тексты XI в. древнеболгарской редакции, конечно, не дают полного представления о народно-разговорном языке этого времени. Еще меньше дают историку языка старославянские тексты XI в. древнерусской редакции. Очень мало сохранилось от древнейших эпох памятников славянского языка, характеризующих бытовую, разговорную речь. В этом отношении представляют большую ценность новгородские берестяные записи, обнаруженные в большом числе археологом Арциховским. Древнейшая из найденных им записей относится к XI в.

inslav

Конечно, историку языка дают большой и ценный материал различного рода грамоты, купчии, завещания и пр. Особенно много сохранилось русских и сербских грамот. Болгарских, однако, известно только восемь. Недостаток болгарских грамот в некоторой степени компенсируется большим числом сохранившихся валашских грамот, язык которых содержит ценный материал по болгарской исторической диалектологии. Широко привлекаются языковедами тексты художественной литературы. Здесь, однако, также приходится встречаться с большими трудностями.

Сохранившиеся тексты обычно отражают особенности разных говоров. Представим себе, что какой-то текст XII в. был написан на одной территории, сохранившийся текст XIII в. возник на другой. Оба эти текста различаются не только временем, но и диалектной основой. Сопоставляя данные тексты, мы не можем всегда быть уверенными, что текст XIII в. отражает более новые черты данного языка. Диалекты развиваются неравномерно, и какой-то диалект XII в. может отражать такие новообразования, которые в другом диалекте того же языка отсутствовали еще в XIII в. Вот почему очень трудно установить абсолютную хронологию явлений, происходивших в языке в период, от которого даже сохранились памятники письменности.

Историк сербохорватского языка на основании данных памятников сербской письменности устанавливает, что процесс обобщения твердого и мягкого вариантов основ на **-а** по мягкой разновидности происходил в XII в. Этот вывод делается на основании грамоты бана Кулина 1189 г., в которой находим: не бꙋде ѡ҆ь моихъ честьниковь силе... ꙋ дьвадесети и девети дн҃ь ꙋсѣчение главе иѡвана крьстителя. Можно ли на основании этого текста с полной уверенностью утверждать, что данный процесс начался в сербском языке во второй половине XII в.? Нет, конечно. Можно ли, наконец, быть уверенным в том, что этот процесс во второй половине XII в. переживали все сербские говоры? Тоже нет. Данная грамота лишь свидетельствует, что в одном из сербских говоров во второй половине XII в. уже прошел в основах на **-а** процесс обобщения по мягкой разновидности в род. ед. В одних говорах этот процесс прошел раньше, а в других позже.

Соболевский полагал, что сверхкраткие в русском языке утратились в XI в. При этом он опирался на данные русских памятников. Эти же памятники дали основание Шахматову утверждать, что утрата сверхкратких началась значительно позже (в XII в.).

Вся наша абсолютная хронология очень условна. К ней нужно относиться очень настороженно. Дело в том, что языковые процессы происходят обычно очень медленно, захватывая постепенно все новые и новые случаи, новые позиции. Идут они по-разному и неравномерно на территории различных говоров. Кроме того, на одной территории — они результат внутренних закономерностей, на другой — результат

inslav

заимствования, влияния. Все это очень важно разграничивать, но далеко не всегда это удается сделать.

Гораздо важнее для нас соотносительная хронология. Язык представляет собою строгую систему. Изменение какой-то стороны этой системы приводит к существенным преобразованиям всей системы. Возникают новые корреляции. Для нас, конечно, гораздо важнее знать, как связан данный процесс с предшествующим периодом развития языка, какие новые явления были им обусловлены, нежели знать время, когда данный процесс происходил в языке. Проблемы соотносительной хронологии тесно связаны с самим предметом нашей науки. Абсолютная хронология важна прежде всего в аспекте внешней истории языка. Вот почему в нашем курсе как при рассмотрении праславянских процессов, так и общеславянских основное наше внимание будет направлено на установление именно соотносительной хронологии. В плане сравнительно-исторических изучений абсолютная хронология имеет еще меньше значения, чем при изучении истории одного языка.

Важнейшие данные для изучения истории славянских языков содержат современные народные говоры. Нередко они дают возможность понять явления, происходившие еще в праславянскую эпоху. Но, конечно, больше всего они содержат фактов, характеризующих не праславянские, а общеславянские процессы, формирование изоглоссных областей в период существования языков славянских народностей.

Формирование диалектов в славянских языках относится к различным эпохам. Так, диалектные членения внутри сербохорватского языка древнее выделения самостоятельных восточнославянских языков. Вот почему степень и характер привлечения диалектных данных для различных эпох будут разными.

Русский язык разделяется на следующие основные диалекты: северный диалект и южный диалект. На границе этих диалектов сформировался широкий пояс переходных говоров. К основным различительным признакам северного и южного диалектов относятся следующие: различение безударных [о] и [а] в северном и неразличение этих гласных в южном (так называемое аканье), [g] в северном диалекте, [γ] — в южном, в 3 л. настоящего времени [t] — в северном, [t'] — в южном и ряд других черт. Северный и южный диалекты в свою очередь подразделяются на ряд говоров.

Белорусский язык имеет два основных диалекта: юго-западный и северо-восточный. Они различаются разными типами аканья и яканья, отвердением мягкого [r] в юго-западном диалекте и сохранением мягкого [r] в северо-восточном и рядом других черт.

В украинском языке различаются два диалекта: северный диалект и южный диалект. В южном диалекте гласные [о], [е], [ѣ] в новых закрытых слогах представляют [i], тогда как в северном диалекте в данном случае представлены различного рода дифтонги. Данный процесс в северном диалекте происходил только под ударением,

inslav

в южном он не был связан с ударением. Южный диалект принято подразделять на две группы говоров: западную и восточную.

Болгарские говоры объединяются в две группы диалектов: восточную и западную. Основным различительным признаком этих двух групп диалектов является произношение [ѣ]. В западной группе древнеболгарский гласный [ѣ] во всех позициях произносится как [е]. В восточном диалекте на месте [ѣ] представлено чередование **а** || **е** в зависимости от различных фонетических условий.

Македонский язык также разделяется на две группы говоров: западную и восточную (или юго-восточную). Западная характеризуется членными формами от трех местоименных основ, восточная имеет только одну членную форму. Имеется еще ряд отличительных черт.

В сербохорватском различают три основные диалектные группы: штокавщину, чакавщину и кайкавщину. В территориальном отношении эти три группы говоров не являются равноценными. Штокавские говоры занимают почти всю территорию сербохорватского языка. Чакавские говоры в настоящее время представлены в северной Далмации, кайкавские — в северо-западной Хорватии. Как уже было сказано выше, кайкавские говоры генетически относятся к словенскому языку. Различия между штокавскими и чакавскими говорами очень глубоки. Они относятся к важнейшим чертам грамматического строя и лексики. По произношению [ѣ] штокавские говоры делятся на восточные экавские, западные икавские и южные екавские. В свою очередь чакавские говоры по этому же признаку делятся на восточные икавские и западные экавские.

Словенский язык характеризуется исключительной диалектной дробностью. Это объясняется теми сложными историческими и географическими условиями, в которых формировался словенский народ. Укажем семь основных диалектных групп словенского языка: нижнекраинская, верхнекраинская, паннонская, штирийская, каринтийская, ровтарская и приморская.

В словацком языке различают три диалектные группы: западную, центральную (среднесловацкую) и восточную. Западная группа генетически восходит к моравским говорам чешского языка, восточная сформировалась в результате ассимиляции польских и украинских говоров. Таким образом, исконными словацкими являются только центральные (среднесловацкие) говоры. Именно они и характеризуются рядом важнейших черт, искони присущих словацкому языку.

Чешские говоры подразделяются на две большие группы: собственно чешские и моравские. Среди чешских специально выделяют говоры северо-восточные и юго-западные. Центральное место среди моравских говоров занимает ганацкая диалектная группа (средняя и северная Моравия). На северо-востоке Моравии и в Силезии представлена ляшская группа говоров, в формировании которой принимали участие и древнепольские диалекты.

inslav

В сербо-лужицкой языковой области различают три основных диалектных типа: верхнелужицкий, нижнелужицкий и восточнолужицкий (мужаковский).

Разнообразно диалектное членение польского языка. Основными диалектами польского языка являются: великопольский, мазовецкий, малопольский, силезский. Относительно самостоятельное положение занимает кашубский диалект.

Литературные славянские языки возникли на основе различных диалектов. Однако прямой и непосредственной связи между диалектом и литературным языком нет. Непосредственным источником литературного языка является не диалект, а своеобразное койнэ, междиалектный разговорный язык, который впитал в себя особенности разных диалектов, элементы чужого языка. Вот почему все попытки языковедов свести литературный язык к какому-то одному диалекту терпели крах. Изучение диалектных истоков литературного языка представляет собою задачу гораздо более сложную, нежели думали прежде. Вот почему нельзя говорить, что в основе, например, русского литературного языка лежат московские говоры. Данный литературный язык впитал в себя элементы разных диалектов, ряд важнейших особенностей старославянского языка.

В некоторых местах небольшие изолированные группы славянского населения создали свои литературные языки. Так, в юго-западной Румынии на территории Баната живет компактная группа болгар, известная под названием банатских болгар. У них имеется свой письменный язык, возникший в середине XIX в. на основе местного говора. В Бачке (область Воеводины) известно старое украинское население, которое имеет свой литературный язык (так называемая бачваньско-руска бешеда). Этот язык сильно отличается от украинского литературного языка. Так, ударение в этом языке всегда падает на предпоследний слог (аналогично в польском), сохраняется старый перфект (*читал сом читали зме*) и др.

§ 18. История сравнительно-исторического изучения славянских языков. После появления трудов Боппа, Гримма и других языковедов в конце первой четверти XIX в. начало интенсивно развиваться сравнительно-историческое языкознание. Много было сделано как в области сравнительной грамматики индоевропейских языков, так и сравнительных грамматик отдельных групп этой семьи.

В области славянского языкознания интенсивное собирание материалов и его первичная научная обработка начинается еще в XVIII в. Здесь, конечно, в первую очередь следует назвать имя выдающегося чешского ученого Добровского. Однако особый интерес к славянским языкам обнаруживается в начале XIX в. Богатую почву для будущих сравнительно-исторических исследований создали многочисленные труды, посвященные прежде всего различным вопросам старославянского языка.

inslav

Из наиболее значительных достижений в этой области необходимо упомянуть труды Востокова, Копитара и Шафарика. Большое значение, конечно, имели труды по отдельным славянским языкам. Здесь следует назвать исследования Караджича по сербохорватскому языку, Юнгмана по чешскому языку, Шафарика по различным славянским языкам. Большой толчок сравнительно-историческим исследованиям славянских языков дал словарь польского ученого Линде („Słownik języka polskiego". Lwów, 1807—1814; изд. 2. 1854—1860), содержащий богатейший материал для сравнительно-исторических исследований в области славянского языкознания.

Важнейшей датой в истории сравнительной грамматики славянских языков явился 1852 год. Именно в этом году были опубликованы два труда, составивших эпоху в истории нашей науки. Я имею в виду первый том, фонетику, замечательной для своего времени „Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen" Миклошича и фундаментальный труд Шлейхера „Formenlehre der kirchenslawischen Sprache erklärend und vergleichend dargestellt".

Сравнительная грамматика Миклошича выходила отдельными томами в течение длительного времени. Второй том, содержащий морфологию, вышел в 1856 г. Первое издание было завершено лишь в 1874 г. сравнительным синтаксисом.

В сравнительной грамматике Миклошича нашли подробное описание факты старославянского языка, от которого, согласно своим взглядам, Миклошич непосредственно переходит к словенскому языку, затем к болгарскому, сербохорватскому украинскому, русскому, чешскому, польскому, верхнелужицкому и, наконец, нижнелужицкому. Таким образом, его сравнительная грамматика представляет собою фактически отдельные очерки славянских языков, построенные по единому плану. Первый раздел, посвященный старославянскому языку, содержит и праславянский материал. Традиция рассматривать факты праславянского языка вместе со старославянским сохранилась, как известно, до наших дней.

Первые два тома сравнительной грамматики Миклошича сыграли большую роль в истории нашей науки. Они нашли восторженный прием не только среди славистов. Следует, однако, указать, что некоторые ученые сумели обнаружить и слабые стороны труда венского слависта. Так, русский славист Билярский справедливо указал на существенные недостатки филологического метода Миклошича.

Большое значение сравнительной грамматики Миклошича состоит в том, что она побудила к дальнейшим исследованиям. Материала было еще мало для широких обобщений. Ценность грамматики не столько в том, что она его обобщила, а в том, что она явилась серьезной программой будущих исследований по сравнительной грамматике как самого Миклошича, так и других славистов в разных странах.

inslav

Существенным фактором в развитии сравнительно-исторических исследований славянских языков явился упомянутый выше труд Шлейхера. По точности метода, по приемам интерпретации фактов труд Шлейхера, несомненно, стоял выше грамматики Миклошича. Можно сказать, что для середины XIX в. „Formenlehre“ Шлейхера представляло наивысшее достижение нашей науки. Еще в 1910 г. Ягич писал: „Грамматика Шлейхера не потеряла и теперь еще своей прелести, она годится в особенности как введение в сравнительную грамматику для начинающих славистов, отличаясь особенной стройностью и ясностью изложения“ („История славянской филологии“. СПб., 1910, 716).

Большой заслугой Шлейхера явилось то, что он широко ввел в сравнительное изучение славянских языков материал литовского языка. В дальнейшем этот материал помог решить много важных вопросов исторической фонетики.

После выхода в свет указанных выше работ значительно усиливается интерес именно к проблемам сравнительной грамматики славянских языков. Сравнительная грамматика славянских языков постепенно выделяется в самостоятельную область нашей науки, она эмансипируется от старославянской грамматики. К ней теперь идут не только от проблем старославянского языка, а часто от сравнительной грамматики индоевропейских языков. Отсюда особый интерес к этимологии, к проблемам метода, к принципам реконструкции и мн. др. Слависты начинают обращать серьезное внимание на сравнительную грамматику индоевропейских языков, изучают санскрит, балтийские языки и пр. Для нового периода характерен, например, труд профессора Московского университета Дювернуа „Об историческом наслоении в славянском словообразовании“ (М., 1867). Аналогичных работ в этот период появляется много.

Большое значение для развития сравнительной грамматики в это время имели этимологические исследования, проводившиеся в различных странах. Первый серьезный итог им был подведен Миклошичем в его этимологическом словаре („Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen“. 1886).

Большие успехи в области сравнительной грамматики славянских языков в 50-е и 60-е годы привели к тому, что первое издание грамматики Миклошича быстро устарело. В начале 70-х годов вместе с завершением синтаксиса Миклошич приступил к подготовке нового издания. В 1875 г. вышел второй том, посвященный словообразованию. В первом издании этого тома не было. В 1876 г. был опубликован третий том — „Морфология“, в 1879 г. первый том — „Фонетика“. В 1883 г. вышло в свет новое издание синтаксиса — четвертый том.

Во втором издании сравнительная грамматика Миклошича была капитально переработана. Ягич справедливо писал, что второе издание грамматики явилось фактически новым трудом. В новом издании отражены результаты многочисленных исследований как самого Микло-

inslav

шича, так и других славистов. Внесены многочисленные исправления и дополнения, значительно расширены некоторые отделы (например, посвященный болгарскому языку). Несмотря на это, новому изданию грамматики не суждено было сыграть той роли в истории науки, какую сыграло первое издание.

В конце 70-х годов прошлого столетия в истории языкознания произошел крутой поворот. Были сформулированы новые методологические требования, которые убедительно показали ограниченность старого языкознания (главным образом, сравнительно-исторического). Были выработаны более точные принципы изучения фонетических изменений, определена роль аналогических образований, были усовершенствованы приемы реконструкций, были более точно определены возможности сравнительно-исторического метода. В связи с признанием важности для языкознания не только древних языков, но и живых во всем разнообразии их диалектов, в связи с призывом выйти из душной мастерской, где куются праформы, на свежий воздух современности значительно расширилась база сравнительно-исторических исследований. Этот новый период связан с именами Бругмана и ряда других ученых.

Методология Миклошича в 70-х годах уже была пройденным этапом науки. Миклошичу были чужды новые веяния. Это, конечно, нашло глубокое отражение в его грамматике. Не случайно, что первый и третий тома второго издания оказались наименее удачными. Именно в области фонетики и морфологии достижения нового направления (так называемого младограмматического) были наиболее значительными. Они не нашли отражения в грамматике Миклошича. Большее значение имели второй и, главным образом, четвертый тома. Объясняется это тем, что ни в области теории словообразования, ни в области синтаксиса особых достижений в этот период не было. Следует заметить, что четвертый том грамматики не утратил своего научного значения до сих пор.

В связи с достижениями младограмматического направления больших успехов достигла сравнительная грамматика индоевропейских языков. Компендиум Шлейхера, бывший настольной книгой еще в 70-х годах, в 80-е годы уже безнадежно устарел. Младограмматики не только сформулировали новые принципы, но быстро и успешно осуществили их на материале индоевропейских языков. „Полная перестройка индоевропейского языкознания потребовала приблизительно пятнадцати лет“, — писал Шпехт („Общее и индоевропейское языкознание“. М., 1956, 30).

Параллельно с перестройкой сравнительной грамматики индоевропейских языков шла интенсивная работа и в области частных сравнительных грамматик. Сравнительная грамматика славянских языков разрабатывалась рядом крупных ученых и прежде всего профессором Московского университета Фортунатовым. Не будучи в собственном смысле славистом (Фортунатов в университете занимал кафедру сравни-

inslav

тельного языкознания), он, однако, наиболее полно, ярко и оригинально еще в начале 80-х годов XIX в. применил новые идеи в изучении праславянского языка. Его лекции по старославянскому языку в 80-е и 90-е годы XIX в. представляли собою наивысшие достижения науки того времени. Им был сделан ряд крупных открытий как в сравнительной грамматике индоевропейских языков, так славянских и балтийских. Фортунатов создал языковедческую школу европейского значения. Среди его учеников — Ульянов, Шахматов, Щепкин, Дурново, Поржезинский, иностранные ученые — Белич, Бернекер, Миккола, Педерсен и др. Заметный след в истории сравнительной грамматики славянских языков оставила казанская школа Бодуэна де Куртенэ. Большое значение имела сравнительно кратковременная деятельность Бодуэна де Куртенэ в Польше (в Кракове с 1894 по 1899 г.). До сих пор не утратили своего значения „Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков" (Варшава, 1881). С именем этого ученого связана теория фонем, он один из первых обратил серьезное внимание на проблемы соотносительной хронологии, большое внимание уделял смешению языков. Гораздо глубже своих современников он трактовал проблемы истории языка. В известной статье „Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний" (1902), он дал очень глубокое — для своего времени — понимание историзма. Большое значение для современного языкознания имеют высказывания Бодуэна де Куртенэ о принципах структурно-типологического изучения славянских языков. Эти принципы начинают разрабатываться только в настоящее время. Труды Бодуэна де Куртенэ и его казанского ученика Богородицкого сохраняют свое значение до сих пор.

Необходимо всесторонне учитывать труды немецкого слависта Лескина. Он первый подверг основательной критике учение Шлейхера о германо-балто-славянском праязыке, точно определил условия ряда фонетических процессов праславянского языка, много сделал для установления соотносительной хронологии праславянских процессов, сумел верно в ряде случаев решить важные проблемы взаимосвязи между отдельными славянскими языками. Кроме того, он много занимался исследованием отдельных славянских языков. Его капитальная грамматика сербохорватского языка до сих пор является ценным пособием.

В Польше развитие сравнительно-грамматических исследований прежде всего было связано с именем Розвадовского, в Чехии — с именем Зубатого. Яркую страницу в истории нашей науки представляет научная деятельность французского лингвиста Мейе — автора капитальных трудов по праславянскому и старославянскому языкам, по этимологии. Необходимо учитывать труды немецкого лингвиста Бернекера — автора лучшего пока этимологического словаря славянских языков (не был закончен).

Наблюдения над живыми языками дали возможность развивать такие отделы сравнительной грамматики, которые прежде не разрабаты-

inslav

вались. Среди них могу указать, например, акцентологию, которая получила особенное развитие уже в наше время. Здесь следует вспомнить имена Фортунатова, Соссюра, Шахматова, Брандта и многих других.

Для нужд университетского преподавания во второй половине XIX в. появляется ряд пособий по славянскому языкознанию. Из наиболее известных следует вспомнить „Лекции по славянскому языкознанию" (т. I, Киев, 1895; т. II, Киев, 1897) профессора Киевского университета Флоринского.

В связи с успехами сравнительно-исторического изучения славянских языков к концу XIX в. назрела острая необходимость в новой сравнительной грамматике. Эту ответственную задачу взял на себя профессор Венского университета Вондрак.

В центре научных интересов Вондрака находились старославянский язык и старославянская письменность. Однако часть своего времени он уделял и некоторым проблемам сравнительной грамматики славянских языков („Zur Liquidametathese im Slavischen", 1903, „Slavische Akzent und Quantitätsstudien", 1906—1907, „Příspěvky k nauce o praslovanském přízvuku", 1924 и др.).

Первый том „Vergleichende slavische Grammatik" Вондрака посвящен фонетике и словообразованию, вышел из печати в 1906 г., второй том содержит морфологию и синтаксис, появился в 1908 г. В 20-х годах было опубликовано основательно переработанное второе издание (т. I. 1924; т. II, подготовил к печати Грюнеталь, 1928).

Сравнительная грамматика Вондрака отличается от грамматики Миклошича не только методологически, но и самой структурой. Выше я уже говорил, что грамматика Миклошича представляет собою очерки отдельных славянских языков. Вондрак избрал иной план, который, конечно, следует признать более правильным. В грамматике Вондрака материал группируется не по языкам, а по явлениям. Именно это дает возможность автору проследить не только праславянские процессы, но и общеславянские. Рассматривая, например, историю сверхкратких гласных, Вондрак подробно излагает историю этих звуков в праславянском языке в различных фонетических позициях, в различных морфологических категориях, переход одного сверхкраткого в другой, утрату сверхкратких и их судьбу в „сильной" позиции в различных славянских языках. По такому плану построены все разделы книги.

В грамматике Вондрака найдем большой и тщательно обработанный материал. Автором были учтены все важнейшие исследования по славянскому языкознанию. И в настоящее время труд Вондрака — настольная книга каждого слависта. И вместе с тем этот бесспорно ценный труд отмечен весьма существенными недостатками. Мейе справедливо указал, что автор грамматики скорее филолог, нежели лингвист.

После победы младограмматического направления в 80-х годах XIX в. теория языкознания не стояла на месте. К началу XX в. были сделаны крупные завоевания в области сравнительно-исторической грам-

inslav

матики. Вондрак учел только фактическую сторону. Он совсем мало обратил внимание на проблемы соотносительной хронологии, часто смешивал собственно фонетические и морфологические явления, слепо следовал абстрактно-этимологическому методу, осужденному уже в то время Бодуэном де Куртенэ, Шухардтом и другими языковедами. Очень поверхностно и неполно рассмотрены в грамматике общеславянские процессы. Основные недостатки первого издания сохраняются и во втором.

Много было сделано в этот период в области изучения праславянского языка. Наиболее важными работами в этом направлении были „Очерк древнейшего периода истории русского языка" Шахматова (1915), „Праславянская грамматика" Ильинского (1916) и др.

Больших результатов удалось достичь в области сравнительной грамматики славянских языков в период между двумя мировыми войнами. Мне кажется, что основное внимание ученых в этот период было направлено не на обнаружение новых фактов, а главным образом на интерпретацию, объяснение старых. В этот период особенно обострился интерес к проблемам метода. Знамением времени стали известные слова Шухардта: „Прогресс науки заключается в обобщении частного". Слишком длительным был период накопления фактов. Настало время синтеза. Глубокое и плодотворное влияние на развитие теоретического языкознания этого периода оказал „Курс общей лингвистики" Соссюра. Новые идеи проникли в труды славистов.

Начиная с конца 20-х годов XX в., делаются первые попытки применить основные достижения фонологической теории к области сравнительно-исторического языкознания. Здесь следует упомянуть статьи Трубецкого, книгу Якобсона „Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves" (1929) и многочисленные книги и статьи голландского слависта Ван-Вейка. В той или иной степени стремление рассматривать факты языка в системе находит отражение во многих работах после первой мировой войны. В этом отношении показательна известная книга Мейе „Le slave commun" (первое издание 1924 г., второе — 1934 г.), которая в методологическом отношении стоит выше, например, „Праславянской грамматики" Ильинского. Так, французский славист не только определяет качество того или иного праславянского гласного, изучает его эволюцию, но одновременно стремится установить и его коррелятивные связи в системе вокализма. Он пытается последовательно разграничивать позиционные фонетические изменения и морфологические чередования.

Именно в этот период языковеды научились гораздо глубже изучать историю языков дописьменного периода. За многообразием фонетических процессов, за отдельными изолированными фактами они научились обнаруживать общие закономерности. Выяснилось, например, что большинство праславянских процессов позднего периода (монофтонгизация дифтонгических сочетаний, утрата конечных согласных,

inslav

упрощение групп согласных и многое другое) является следствием одной важной закономерности — утраты закрытых слогов.

Получили значительное развитие некоторые отделы сравнительной грамматики (например, акцентология). Здесь прежде всего следует упомянуть труды Ван-Вейка, Белича, Лер-Сплавинского, Долобко, Булаховского, Экблома, Куриловича, Нахтигала и др. Большой вклад в изучение различных отделов сравнительной грамматики славянских языков, в изучение отдельных славянских языков внесли Нитш, Селищев, Младенов, Мазон, Гавранек, Махек, Малецкий, Фасмер, Рамовш и др. Много ценного для изучения славянских языков сделали специалисты по балтийским языкам: Эндзелин, Френкель и Отрембский.

Большое внимание в эти годы специалисты по сравнительной грамматике уделяли вопросам диалектного членения праславянского языка, классификации славянских языков, иноязычному влиянию на праславянский язык. Были осуществлены интересные дискуссии по отдельным проблемам (например, дискуссии о смягчении задненебных, о так называемых праславянских носовых гласных и ряд других). В этот период не было создано капитальной сравнительной грамматики славянских языков. Появилось несколько кратких очерков, наиболее удачными из которых следует признать книгу словенского ученого Нахтигала „Slovanski jeziki“ (первое издание 1938 г., второе издание 1952 г.) и французские лекции Ван-Вейка „Les langues slaves: de l'unité à la pluralité“ (1937). Обе эти книги в какой-то степени отразили те новые методологические принципы, которые выдвинуты были в 20-х годах XX в.

После второй мировой войны среди обобщающих трудов следует прежде всего назвать работу Вайана „Grammaire comparée des langues slaves“ (I, 1950; II, 1958). Большим достоинством этой грамматики является то, что французский славист широко использовал новейшие результаты сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, впервые привел материал хеттского языка для решения собственно славистических проблем. Впервые в сводном славистическом труде говорится о ларингальной теории, которая, как думает автор, хорошо объясняет количественные отношения и интонации. Однако в целом эта грамматика не удовлетворяет методологическим требованиям современной теории языка. В ней примитивно трактуются проблемы соотносительной хронологии, игнорируется понятие иерархии языковых процессов, полностью отсутствует фонология.

inslav

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ ИЗДАНИЯ ПО СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

„Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук“ (с 1896 по 1927).
„Русский филологический вестник“. Варшава (с 1879 по 1917).
„Вопросы славянского языкознания“. Москва (с 1954).
„Јужнословенски филолог“. Београд (с 1913).
„Rocznik sławistyczny“. Kraków (с 1908).
„Slavia“. Praha (с 1922).
„Archiv für slavische Philologie“. Berlin (с 1876 по 1929).
„Zeitschrift für slavische Philologie“. Berlin (с 1925).
„Zeitschrift für Slawistik“. Berlin (с 1956).
„Die Welt der Slaven“. Wiesbaden (с 1956).
„Slavistična revija“. Ljubljana (с 1948).
„Revue des études slaves“. Paris (с 1921).
„Scando-Slavica“. Copenhagen (с 1954).
„Wiener Slavistisches Jahrbuch“ (с 1950).
„Studia slavica“. Budapest (с 1955).
„Ricerche slavistiche“. Roma (с 1952).
„Oxford Slavonic Papers“ (с 1950).
„Romanoslavica“. București (с 1958).

Этимологические словари

R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955.
F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch, I, II (до слова *morъ*). Heidelberg, 1908—1914.
Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Изд. 2. Тифлис, 1896; дополнен. изд., Тифлис, 1901.
А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, 1—14. М., 1910—1916; Труды Института русского языка АН СССР, т. I. М., 1949 (окончание).
M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950—1958.
A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952—1958 (до слова *kaznodzieja*).
J. Holub. Stručný slovník etymologický jazyka česko-slovenského. Изд. 2. Praha, 1937.

inslav

J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжевен език. София, 1941.

Этимологических словарей украинского, белорусского, словенского и лужицких языков пока нет. Скок составил этимологический словарь сербохорватского языка. Готовится полабский словарь. Оба словаря находятся в печати. В библиотеке Института языкознания АН СССР хранится рукопись славянского этимологического словаря Ильинского (словарь не закончен). Ильинский опубликовал много этимологических статей в различных изданиях (главным образом в ИОРЯС и РФВ). Много разнообразных славянских этимологий принадлежит Ляпунову, Младенову, Фасмеру, Френкелю и др.

inslav

ФОНЕТИКА

inslav

inslav

§ 19. Общие принципы. Прежде чем мы перейдем к систематическому изложению истории звукового строя праславянского языка, полезно сделать несколько замечаний об общих принципах. Необходимо обратить внимание на некоторые вопросы терминологии.

Язык представляет собою систему. Это выражается в том, что все его элементы тесно связаны между собою. Между отдельными элементами звукового строя существует тесная взаимосвязь и взаимообусловленность. Звук [d] в русском языке не является чем-то изолированным. Его можно искусственно выделить из звуковой системы русского языка, детально исследовать со стороны физиологии и акустики. Это даст нам представление о физической природе звука [d]. Возможно, что в самые ранние эпохи истории русского языка этот звук произносился точно так же, как и в настоящее время. Однако нужно строго различать в звуке его физическую сторону (точнее физическую и физиологическую) и функциональную. Если подойти к звуку [d] с этой стороны, то легко установить, что он в истории русского языка претерпел существенные и коренные изменения. Так, например, взаимоотношения звука [d] и звука [t] до утраты сверхкратких гласных в русском языке существенным образом отличались от тех корреляций этих согласных, которые установились после утраты сверхкратких гласных.

Таким образом, следует строго отличать звук (понятие физическое) и фонему (понятие функциональное). Звук изучается вне системы. Он может искусственно выделяться и подвергаться разнообразным исследованиям. Фонема — понятие реляционное. Природа фонемы выявляется в характере тех взаимосвязей, которые существуют в данном языке, именно поэтому изолированное изучение фонемы невозможно. Историк языка должен изучать язык всесторонне. Нельзя ограничиваться изучением лишь отдельных звуков, переходом одного звука в другой. Необходимо изучать одновременно и изменение функций звуков. Ведь изменение звука может не привести к изменению функций, а один и и тот же звук в различные эпохи может иметь разные функции.

Часто говорят, что в русском языке звук [y] сохранился, тогда как в большинстве других славянских языков он изменился в [i]. Вероятно, поэтому в исторических очерках русского языка обычно отсутствуют параграфы, посвященные истории [y] в русском языке. Нет сомнений

inslav

в том, что историки русского языка в данном случае допускают серьезную методологическую ошибку. В ранние эпохи истории русского языка (до смягчения согласных перед гласными переднего ряда) звук [y] представлял собою самостоятельную фонему, ограниченную, правда, в своем употреблении. После смягчения согласных и утраты сверхкратких гласных произошло функциональное сближение звуков [y] и [i]. В современном русском языке эти различные звуки представляют собою одну фонему, так как они не могут употребляться в тожественных фонетических условиях и характеризуются полным морфологическим тожеством. Звук [y] является вариантом фонемы [i] после твердых согласных. „В самом деле, — пишет Аванесов, — например, слова *byl'i* и *b'il'i* уже в течение многих столетий произносятся без изменения. Если иметь в виду „историю звуков", то здесь как будто никакой истории и нет. Между тем, какие были пережиты существенные внутренние, функциональные сдвиги! Поэтому с точки зрения истории звуковой системы соотношения между [i] и [y] — один из весьма значительных, можно сказать, „драматических" эпизодов исторической фонетики русского языка. Это — история функционального объединения двух первоначально резко противопоставленных друг другу фонем в результате утраты одной из них позиционной самостоятельности; история их превращения в разновидности одной фонемы, обусловленная рядом фонетических процессов разных эпох, а также некоторыми морфологическими явлениями" (ВМУ, 1947, № 1, 42).

Современная теория языка требует не только анализа фонетических изменений, но и всестороннего изучения тех отношений, в которые вступают между собою фонемы в различные периоды истории системы языка. На этом пути нас встречает много трудностей. Одна из главных — формально-этимологический метод анализа фактов исторической фонетики, глубоко и прочно вошедший и в учебные пособия, и в специальные исследования. Суть его состоит в том, что на язык смотрят через готовую схему звуковых отношений древнейших эпох и забывают, что каждая из эпох существенным образом перерабатывала, преобразовывала эти отношения. Нельзя изучать историю звука [ě] от начальных эпох праславянского языка до сегодняшнего дня, так как этот звук в различные периоды занимал разное положение в системе языка. „Основными «героями» исторической фонетики у нас, — писал Аванесов, — до сих пор являются фонетические «индивиды». Отсюда и основные главы исторической фонетики русского языка — история носовых, история редуцированных, история [ѣ] и т. д. Между тем ее главным «героем» должна стать сама фонетическая система, а ее основной задачей — изучение эволюции фонетической системы, возникновения, развития и смены фонетических систем на почве того или иного языка или группы языков" (там же).

Нет сомнений в том, что в настоящее время только так можно изучать историю языка. В отношении праславянского языка в этом

inslav

направлении сделано еще сравнительно мало. Вот почему в нашей книге многие вопросы не найдут полного решения.

Данный новый подход к изучению истории языка определяет и новую структуру нашего „Очерка". Выше я говорил о том, что структура сравнительной грамматики Вондрака имела неоспоримые преимущества перед построением сравнительной грамматики Миклошича. Не только интерпретация фактов, но и распределение материала зависит и определяется методологическими принципами, господствующими в данный период. Современная теория языка требует уже иной структуры. Теперь нельзя вслед за Вондраком распределять материал на основе формально-этимологического принципа: сверхкраткие гласные, [ě], носовые гласные, интонация и т. д. Учение о системном характере языка на первое место выдвигает синхронию. В нашем „Очерке" не будет главы, в которой бы мы рассматривали носовые гласные от их возникновения и до современности. Возникновение носовых гласных мы будем рассматривать вместе с монофтонгизацией всех остальных дифтонгических сочетаний, которая была вызвана тенденцией неуклонного возрастания звучности слога. В другом месте будет идти речь о различиях в произношении носовых в диалектах праславянского языка. Наконец, процессы деназализации гласных будут трактоваться еще позже, когда мы будем говорить о фонетических процессах отдельных славянских языков. Если прежде историки языка совершенно не пользовались методом синхронного изучения, то теперь они не могут без него обойтись. Изучение „синхронных срезов" различных периодов углубляет историзм в изучении языковых явлений.

Изучение системных отношений в языке не сводится, конечно, только к установлению корреляций между фонемами, к определению „сильной" позиции фонемы, к выяснению условий нейтрализации и т. д. Все элементы системы языка находятся в тесной взаимосвязи, характер которой со временем существенно преобразовывается. Современное языкознание ставит, например, перед исследователями новую важную проблему — историю взаимоотношений между системами вокализма и консонантизма. Этой проблемы не существовало в традиционном языкознании, так как системы гласных и согласных рассматривались изолированно, даже в том случае, когда говорили о влиянии гласных на согласные и наоборот. В действительности же, это важнейшая проблема языкознания. Обычно при рассмотрении звуковой системы славянских языков (да и не только славянских) прежде рассматриваются гласные, затем согласные. Но в первых же работах по фонологии стали отдавать предпочтение согласным, а уже после описания последних переходили к гласным. В этой новой структуре описания скрывались глубокие методологические основания. Дело в том, что, например, в современном русском языке консонантизм, конечно, господствует. Именно системой согласных определяются важ-

inslav

нейшие особенности вокализма (гласный [i] после твердых согласных переходит в [y], гласный [a] между мягкими согласными изменяется в [å] и т. д.). Так ли было всегда? Нет. Задача историка языка любого периода состоит в том, чтобы не только изложить историю вокализма и консонантизма, но и определить характер взаимоотношения между гласными и согласными в различные исторические периоды. А характер этих взаимоотношений был разным. Индоевропейский праязык раннего периода был языком консонантного строя. Гласных фонем он не имел совсем. Возможно, что существовал лишь один нерасчлененный вокальный элемент, который выполнял чисто „разгрузочную" функцию. Его условно можно назвать вокалическим коэффициентом и обозначить знаком [ʌ]. В определенных позициях из этого вокалического коэффициента возник гласный [e] (чередующийся с [o]), который позже в сочетании с различными „ларингалами" и дал гласные индоевропейского праязыка. Различия в гласных определялись различным характером „ларингалов". Слог [$ə_1$e] дал гласный [ĕ], [$ə_2$e] > [ă], [$ə_3$e] > [ŏ]; слог [e$ə_1$] дал гласный [ē], [e$ə_2$] > [ā], [e$ə_3$] > [ō]. Таким образом, долгота или краткость гласного могла определяться позицией „ларингала", качество гласного — характером „ларингала"[1]. Для праславянского языка с „ларингалом" нужно считаться только в позиции после гласного.

В поздний период индоевропейского праязыка системы вокализма и консонантизма были относительно автономны. „Каждый гласный индоевропейского слова, — писал Мейе, — является автономным, и гласный элемент слова ни в малейшей степени не зависит от соседних согласных или гласных" („Основные особенности...," 55). Данное состояние характеризовало и ранний период праславянской фонетической системы. Это косвенно определяло бóльшую автономность слога. В период балто-славянской сообщности и позже легко обнаружить активизацию средненебного звонкого спиранта [j], которая приводит в конце концов к глубоким изменениям как в области консонантизма, так и вокализма. Позже устанавливается господство гласных, которое продолжается длительный период. В результате господствующим элементом слога становится гласный. Смягчение полумягких согласных (т. е. согласных в положении перед гласными переднего ряда) в диалектах праславянского языка приводит к тому, что неудачно названо фонологами слоговым сингармонизмом. В эту эпоху „в качестве различителей значения выступают нерасчлененно сочетания согласной с последующей гласной, т. е. слог в целом" (Аванесов. ВМУ, 1947, № 1, 48). Эпоха силлабем заканчивается, когда после утраты сверхкратких гласных в „слабой" позиции согласные эмансипируются и сами начинают определять существенные изменения гласных (переход гласных в лабиализованные и т. д.). Переход [e] в [o] в ряде славян-

1. О „ларингалах" см. статью Иванова. ВМУ, 1957, № 2.

inslav

ских языков мог произойти только после того, когда твердость и мягкость согласных стали самостоятельными, а не позиционными.

Выше я говорил, что нужно последовательно различать в звуке две стороны: физическую и функциональную. Однако нельзя эти две стороны отрывать. Обе они представляют единство: звук вне его употребления не является звуком языка, функциональная единица (фонема) не существует вне реального, физического звука. Вот почему самая последовательная функциональная точка зрения не отвергает, а предполагает изучение физической природы звука. В истинности этого положения мы убедимся на многих примерах.

В языке постоянно идет борьба между системными отношениями и фонетическими (физиологическими) процессами, которые разрушают эти отношения. Изменение физической природы звука обычно не вызывается собственно языковыми факторами. Источник этого изменения находится вне языка, так как изменение звука может не вызываться условиями функционирования языка. Все попытки доказать обратное не дали положительных результатов. В свое время Ван-Вейк справедливо указал, что изменение в некоторых славянских языках [g] в [h] нельзя объяснить с точки зрения фонологии. Трубецкой попытался опровергнуть это. В статье „Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen" („Сборник в чест на проф. Л. Милетич...") он попытался доказать, что данный процесс вызван был факторами фонологического порядка. Но доказать это ему не удалось.

Системные отношения в языке могут сдерживать фонетические процессы. Но они вынуждены постепенно уступать, так как эти процессы сильнее коррелятивных связей. Они разрушают эти связи, нарушают систему. Однако это не приводит к разрушению системы, так как в таком случае разрушился бы сам язык. Язык не может нормально функционировать, если он не представляет собою системы. Ассимиляция языка — это прежде всего разрушение его системных отношений. В результате физиологических изменений постепенно происходит перестройка самой системы. Устанавливаются новые корреляции.

Утрату сверхкратких гласных в славянских языках нельзя объяснить фонологическими причинами. Эти звуки утрачивались вопреки системе славянских языков. Однако в одних случаях они утрачивались быстрее, в других медленнее. Вот это определяется уже системой. Фонетические процессы „поражают" раньше всего „слабые" звенья системы, труднее им справиться с „сильными" звеньями. Сверхкраткие быстрее утрачивались в тех морфемах, в которых они были изолированными (например, в *kъniga*, *pъtica* и др.). Дольше они сохранялись в морфемах, в которых они не были изолированными, в которых они могли выступать в „слабой" и в „сильной" позициях (*sъnъ — sъna*, *dьnь — dьne*). Утрата сверхкратких не была следствием новых корреляций, но утрата их коренным образом изменила старые корреляции

inslav

(в частности, корреляции согласных по мягкости и твердости, по звонкости и глухости).

Изменение [k] в [č] по условиям первой палатализации не имеет никакого отношения к функции [k]. Здесь полностью отсутствует фонологический аспект. Исследователь данного процесса имеет дело не с фонемой [k], а со звуком [k], так как переход [k] в [č] определяется не функцией [k], а только фонетической позицией [k]. Следует иметь в виду, что фонетические изменения в языке не осознаются говорящим на данном языке. Он начинает осознавать их только тогда, когда в результате фонетического процесса происходят в языке функциональные изменения. Изучение фонетических процессов в языке относится к области лингвистической физиологии, так как эти процессы обычно определяются физиологическими условиями, разными в различных языковых коллективах, разными в различные исторические периоды. Утрата звука [x] в большинстве говоров сербохорватского языка определялась факторами лингвистической физиологии сербохорватского языка, а не функцией этого звука. Этот звук мог утратиться потому, что широкий проход вызывал слабую фрикацию, а не потому, что он не имел соответствующей звонкой пары, т. е. был „свободным". Ведь таким же „свободным" [x] является, например, и в польском языке, где он хорошо сохраняется.

Как сказано было выше, переход [e] в [o] мог осуществиться лишь после того, когда твердые согласные стали самостоятельными фонемами. Однако и данный фонетический процесс не определялся фонологическими факторами. Не во всех языках при указанных фонологических условиях гласный [e] перешел в [o]. Однако данный пример, как и многие другие, говорит о том, что лингвистическая физиология и фонология находятся в тесном взаимодействии.

Это же находит яркое подтверждение при изучении тех фактов исторической фонетики, которые вызваны были воздействием субстрата. При усвоении нового языка привычные для старой системы противопоставления в ряде случаев могут определить и вызвать фонетические изменения. Однако в данном случае мы обычно будем иметь дело не с фонетической эволюцией звуков, а с заменой одного звука другим. При изучении русского цоканья нельзя говорить о переходе звука [č] в звук [c]. Здесь произошла замена одного звука другим.

Итак, историк языка имеет дело прежде всего не с фонемами, а со звуками. Однако ему приходится постоянно вступать в область фонологии. Вот почему с одинаковым вниманием он должен относиться как к истории фонетических процессов, так и к истории фонематических отношений. Теперь часто можно услышать, что история языка — это только история коррелятивных отношений фонем, история сменяющих друг друга систем языка. Это ошибочное положение. Современная точка зрения не отбрасывает результатов многолетней работы старых исследований по истории языка.

inslav

Современная теория языка требует четкого разграничения фонетических изменений, обусловленных определенными позициями, и непозиционных чередований. Прежде эти различные явления смешивались. Обычно непозиционные чередования гласных в праславянском рассматривались при характеристике звуковых явлений. В праславянском были известны чередования **о—е—ь** || **ā—ē—ī**, которые являлись важнейшим признаком грамматического строя и которые должны рассматриваться при изучении морфологии и, главным образом, словообразования. По своему генезису эти чередования восходят к звуковым изменениям. Но это относится еще к дославянской эпохе.

При изучении истории языков важно обнаружить переход фонетических изменений в чередования, т. е. переход фонетического явления в грамматическое. На материале старых чередований гласных это показать нельзя, так как указанный переход произошел еще на почве индоевропейского праязыка. Но это хорошо иллюстрируется историей согласных (например, историей задненебных). Вот почему в нашем „Очерке" отсутствует специальная глава о чередовании гласных. Она будет дана во втором выпуске. Во втором же выпуске будут даны те разделы из истории ударения и интонации, которые тесно связаны с морфологией.

При изучении фонетических процессов необходимо различать „свободную позицию" и „зависимую позицию". Фонетические процессы наиболее полно осуществляются только в „свободной позиции", т. е. в положении, свободном от воздействия аналогии. Наиболее благоприятным условием для „свободной позиции" следует считать положение звука в пределах корня, но не в его исходе. В данном положении l-epentheticum возник во всех славянских языках. Однако на стыке морфем этот звук представлен только в восточных славянских языках, в сербохорватском и словенском. Под воздействием аналогии в западных славянских языках и болгарском палатальный призвук после губных на стыке морфем, не развившись в самостоятельную артикуляцию, утратился. Таким образом, позицию стыка морфем следует считать зависимой. Уже давно ученые обратили внимание на то, что фонетические закономерности часто нарушаются в конце слова. Конец слова — частный случай „зависимой позиции". Как указано было уже выше в связи с судьбой сверхкратких гласных, необходимо различать „изолированную позицию" и „неизолированную позицию". Они также являются частными случаями „свободной" и „зависимой" позиций.

Необходимо сделать несколько замечаний о принципах фонетической характеристики звуков праславянского периода. На эту сторону дела обычно обращают мало внимания. А между тем здесь нужны специальные пояснения. Отсутствие их может вызвать ошибки и недоразумения.

В диалектах праславянского языка, на основе которых в дальнейшем развился болгарский язык, сочетание согласных [tj] дало [št'].

inslav

Представляло ли [št'] сочетание двух фонем? На этот вопрос нужно ответить отрицательно. Дело в том, что [t'] в этот период вне [št'] не существовал. Со стороны функциональной [št'] представляло собою неразложимую единицу. Выделение [t'] в самостоятельую единицу произошло гораздо позже, и это между прочим привело к тому, что [t'] утратил мягкость. Этот процесс отражают памятники старославянского языка. Как известно, Трубецкой вместо принятого обозначения для [št'] ввел новое [Ψ], а для [žd']—[ѧ]. Возможны, однако, и противоположные случаи, когда один звук будет представлять собою сочетание двух фонем. В определенный период истории праславянского языка звук [l'] представлял собою сочетание двух фонем: [l] и [j]. Звук [z̄] в современном русском *zád'i* представляет сочетание фонем [s] и [z]. В данном случае мы говорим о фонологическом аспекте: сочетание звуков представляло одну фонему, один звук представлял сочетание двух фонем. Однако существует и особый физиологический аспект данной проблемы.

Все долгие губные смягченные в праславянском утратили долготу путем развития вторичного палатального элемента: [p̄'] > [p$^{l'}$], [b̄'] > [b$^{l'}$], [m̄'] > [m$^{l'}$]. Звуки [p$^{l'}$], [b$^{l'}$], [m$^{l'}$] не представляли собою сочетаний двух самостоятельных артикуляций. Это были согласные, не членимые в фонетическом отношении.

Приведенные нами примеры, а число их можно было бы значительно увеличить, говорят о том, что в праславянском языке существовали в ряде случаев сложные в акустико-физиологическом отношении звуки, которые позже утратились. Определить их мы можем лишь в самой общей форме.

Говоря о древнейших праславянских процессах, мы часто переносим в совершенно другую эпоху наши современные представления о природе звуков. Это легко можно понять, но оправдать нельзя. В ряде случаев такое перенесение, вероятно, возможно. Так, мы можем предположить, что природа мягкого согласного в праславянском в ряде случаев была близка современной: согласные получали короткий резонатор с широким передним отверстием, который придавал им особую тоническую высоту. Так определяет природу мягких согласных Томсон. Но никак нельзя согласиться с тем же Томсоном, который, например, писал: „Смягченные таким образом в праславянском языке зубные и мягконебные согласные стали вполне мягкими, с тонической высотой около (так! — *С. Б.*) **d**[4]. Но губные **p'**, **b'**, **v'**, **m'** остались при этом до 3 тонов ниже, т. е. полумягкими, несмотря на усиленную палатализацию" („Сборник в чест на проф. Л. Милетич...", 1). Подобный метод характеристики праславянских звуков мы должны отвергнуть решительно. Так определять звуки можно только при непосредственном наблюдении. В этом отношении заслуживают серьезной критики труды Шахматова, посвященные праславянскому языку. Характеризуя древнейшие звуки, Шахматов с уверенностью говорит о таких тонкостях в их произноше-

inslav

нии, которые не всегда легко уловить и диалектологу. Не без оснований Соболевский иронизировал, что Шахматов в праславянщине чувствует себя так же уверенно, как и в своем родном селе Губаревке быв. Саратовской губернии.

На основании каких принципов осуществляется передача реконструируемых морфем и слов праславянского языка? Эта передача не является орфографической, так как последняя возможна лишь в литературном языке, а праславянский язык, как известно, относится к дописьменному периоду. Эта передача не является и фонетической транскрипцией, так как она не только не отражает всех особенностей произношения, но в ряде случаев не отражает и звуковых типов. У нас нет никакой уверенности в том, что праславянские слова *xyža*, *gordъ*, *synъ*, *žena* и т. д. содержали те же звуки, что и современный русский язык. Ведь точно так же эти праславянские слова передаются и польскими учеными, и сербскими, и болгарскими... Однако произносить их они будут по-разному, потому что по-разному в различных славянских языках произносятся звуки [x], [ž] и др. При передаче фактов праславянского языка мы пользуемся обобщенной транскрипцией, которая показывает фонемный состав морфем. Такая транскрипция называется морфофонематической. Праславянское *xlěbъ* указывает лишь на морфемы **xlěb-** и **-ъ** и их фонемный состав. Так, знак [ě] является здесь лишь простым символом праславянского звука переднего ряда, возникшего из дифтонгического сочетания [oi̯], но отнюдь не характеризует его акустической или физиологической природы.

Для упрощения набора в приводимых реконструкциях праславянского языка долгота гласных указывается только в следующих случаях: [ē], [ū], [ī]. Знак краткости в примерах отсутствует. При внимательном чтении текста книги это не может вызвать затруднений. Обычно отсутствует знак твердости согласных, хотя он так же необходим, как и знак мягкости. Полумягкость согласных отмечается нами лишь в специальных случаях.

Перейдем к характеристике некоторых терминов.

Термин сочетание. Часто сочетанием называют два или больше соседних звука или фонем. Говорят о сочетании [tt] в инфинитиве *metti* в период до утраты закрытых слогов. Таким образом, говорят о тавтосиллабических и гетеросиллабических сочетаниях. Под сочетанием я понимаю только односложные сочетания, т. е. только тавтосиллабические. Соседние звуки, разделенные слогоразделом, не составляют сочетания. Таким образом, до утраты закрытых слогов в *met|ti* не было сочетания [tt]. Это сочетание возникло позже в связи с изменением слогораздела: *met|ti* > *me|tti*. Гемината изменилась в долгий [ṭ], который затем изменился в сочетание [st].

Характеризуя сочетания согласных в праславянском языке, Мейе приводит сочетания [pt], [kt], [bd], [tk], [ps], [ts], [sk], [kr], [gr] и мн. др. Все эти сочетания иллюстрируются соответствующими приме-

inslav

рами. Легко заметить, что Мейе не делает различий между сочетанием и простым соседством звуков. А это различие является принципиально важным, так как именно в сочетаниях происходили глубокие преобразования.

В праславянском были не только сочетания согласных, но и сочетания гласных с согласными, гласных с сонантами. Среди последних возможны были сочетания „сонант + гласный" (например, [no], [ro], [lo], [mo]); но возможны были и сочетания „гласный + сонант" (например, [on], [or], [ol], [om]). Особое внимание привлекают последние сочетания, которые в сравнительной грамматике обычно называют дифтонгами. Фортунатов называл дифтонгами только сочетания с сонантами [i̯] и [u̯]: [oi̯], [ei̯], [ou̯], [eu̯]. Сочетания с сонантами [r], [l], [n], [m] он называл дифтонгическими сочетаниями. Следует, однако, обратить внимание на то, что односложные сочетания типа [oi̯], [ei̯], [ou̯], [eu̯] в собственном смысле слова не являлись дифтонгами. Функционально — это были сочетания различных фонем, которые легко распадались на самостоятельные единицы (например, в положении перед гласными). Принципиально сочетания [oi̯], [ou̯] не отличались от сочетаний [ot], [op], где также представлено только сочетание различных фонем. Следует обратить внимание на то, что судьба гласных перед [i̯] или [u̯] была аналогичной судьбе их перед всеми согласными. Вот почему нам представляется целесообразным распространить термин Фортунатова „дифтонгические сочетания" на все случаи сочетаний (т. е. с гласными сонантами и согласными сонантами). Поэтому мы будем говорить в данном случае только о дифтонгических сочетаниях. Конечно, дифтонгическое сочетание перешло в монофтонг через стадию дифтонга. Между дифтонгическим сочетанием [ou̯] и монофтонгом [ū] следует предполагать стадию дифтонга.

Позже в отдельных славянских языках возникали различные дифтонги, которые коренным образом отличались от праславянских сочетаний типа [oi̯] и [ou̯] и т. д. Однако языковеды вынуждены были для них придумывать особые термины, так как хорошо видели принципиальное различие между ними и так называемыми праславянскими дифтонгами. Так возникли термины дифтонгоид, скользящий звук и др. К настоящим дифтонгам следует отнести русское диалектное [ô], возникшее на месте этимологического [o] под новоакутовой интонацией: ср. *кôжа*, *нôша*, *двôр*, *кôнь*, *кôшка*, *нôв*, *вôсим* и др. Ганцов в исследовании „Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку" (1923) называл северноукраинские дифтонги не дифтонгами, а гласными неоднородной артикуляции. С нашей точки зрения, эти полесские гласные неоднородной артикуляции и являются подлинными дифтонгами. Дифтонгом является в словацком [ô] (произносится [u̯o]): *kôň*, *bôb*, *nôž*. Таким образом, нужно строго отличать односложные сочетания двух гласных от дифтонгов.

inslav

Существует в нашей науке некоторая непоследовательность в употреблении терминов: мягкий согласный, палатальный согласный, смягченный согласный, палатализованный согласный и др. В нашем курсе мы пользуемся терминами: твердый согласный, полумягкий согласный, мягкий согласный. В слоге **ta** согласный был твердым, в слоге **te** полумягким, в слоге **tje** мягким. Твердость согласного мы отмечаем знаком ° над согласным: **tå**, полумягкость знаком ˈ над согласным: **tˈe**, мягкость знаком ': **t'j**. Терминами „твердые" и „мягкие" гласные мы, конечно, не пользуемся. Вместо них употребляем термины: гласные переднего ряда, гласные среднего ряда, гласные заднего ряда. Продолжаем пользоваться старыми терминами: задненебные согласные (а не заднеязычные), передненебные согласные (а не переднеязычные). Я не вижу никаких оснований для того, чтобы термины определялись по активному органу речи, а не по пассивному. Сохраняю старые термины: взрывные согласные, фрикативные согласные. И здесь не вижу никаких преимуществ перед терминами физиологическими. В области терминологии следует избегать непоследовательности, ненужных нововведений и всяких излишеств. Многие современные языковеды грешат этим. Однако нет ничего удивительного в том, что современное языкознание знает много терминов, которых еще недавно не было. Это является закономерным следствием развития науки. Много новых терминов родила фонология. Без этих терминов обойтись теперь невозможно.

Фонология же заставляет в ряде случаев и отказаться от старых привычных нам терминов. О необходимости ограничить употребление термина дифтонг мы уже говорили. Нельзя признать удачным и обычный термин редуцированные гласные. Праславянские гласные [ъ] и [ь] были совершенно самостоятельными фонемами. Поэтому лучше звуки [ъ] и [ь] называть сверхкраткими.

Последовательно всюду пользуюсь терминами: согласный, гласный, а не согласная, гласная. Объясняется это тем, что мы прежде всего имеем дело со звуками (согласный звук, гласный звук), а не с фонемами (согласная фонема, гласная фонема).

§ 20. Звуковой состав праславянского языка до периода балто-славянской общности

Гласные

Гласные долгие **ā, ē, ū, ī.**
Гласные краткие **ŏ, ĕ, ŭ, ĭ.**

Гласные сонанты

Гласные сонанты долгие **r̥̄₁, r̥̄₂, l̥̄₁, l̥̄₂, m̥̄₁, m̥̄₂, n̥̄₁, n̥̄₂.**
Гласные сонанты краткие **r̥̆₁, r̥̆₂, l̥̆₁, l̥̆₂, m̥̆₁, m̥̆₂, n̥̆₁, n̥̆₂.**

inslav

Согласные сонанты

Губные **m, u̯, v, w.**
Зубные **r, l, n.**
Средненебные **j, i̯.**

Согласные шумные

Губные **p, b.**
Зубные **t, d, s (z), ṣ, ẓ.**
Задненебные **k, g, i̯.**

Звуки **ū, ŭ, ī, ĭ** в праславянском языке без всяких колебаний можно считать обычными гласными. Они могли быть под ударением и вне ударения. Что же касается индоевропейского праязыка, то эти звуки представляли нулевую ступень дифтонгических сочетаний и поэтому были обычно безударными.

Долгие и краткие гласные были самостоятельными фонемами. Краткие гласные фонемы имели позиционные варианты. Так, перед сонантами [n] и [m] гласный [ŏ] приобретал бо́льшую лабиализацию: это был сильно лабиализованный [ŏ], который можно обозначить [o^{u}]. Однако этот процесс был пережит только в том случае, если между гласным и сонантом не шел слогораздел, т. е. [ŏ] лабиализовался только в дифтонгическом сочетании: *po^{u}n/to-*, но *po/po/na*, *per/po/na;* вин. ед. *plodo^{u}n*. Этот процесс был актуальным в течение всего праславянского периода.

Аналогичный процесс [ŏ] пережил в дифтонгическом сочетании [ou̯] *tou̯xa* > *to^{u}u̯xa*, *kou/tēi̯* > *ko^{u}u̯/tēi̯*, но *ko/wa/tēi̯*. Гласный [ŏ] в положении перед [i̯] в дифтонгическом сочетании представлял более переднюю артикуляцию. Его можно обозначить знаком [ȯ]. Гласный [ĕ] в положении перед [i̯] в дифтонгическом сочетании приобретал более закрытое произношение: **vei̯d-** > **ve^{i}i̯d-**, в дифтонгическом сочетании [ĕu̯] он подвергался лабиализации: [ĕu̯] > [e^{o}u̯]: **leu̯d-** > **le^{o}u̯d-**.

В положении перед сочетанием [ns] краткие гласные становились долгими: вин. мн. *plodo^{u}ns* > *plodō^{u}ns*, *kostins* > *kostīns*. И в положении перед сочетанием [ks] краткие гласные могли становиться долгими: аорист 1 л. ед. *rekso^{u}m* > *rēkso^{u}m*, но 2 л. ед. *rekes*, 3 л. ед. *reket*. Таким образом, [ē] в случаях типа *sēmen-* был самостоятельной фонемой, а в случаях типа *rēkso^{u}m* — позиционным вариантом фонемы [ĕ]. Удлинение гласных перед сочетаниями [bs] (ср. *grēbsom*), [ds] (ср. *bādsom*), [ṣs] (ср. *nēṣsom*) и др. происходило уже в другую эпоху, так как указанные сочетания возникли в связи с тенденцией утраты закрытых слогов. В рассматриваемую эпоху слогораздел в данных примерах шел между согласными: *greb/som*, *neṣ/som* и др.

Для фонетической системы праславянского языка этого периода было характерно наличие большого числа сонантов. Мы не можем с полной уверенностью говорить о том, что все указанные выше сонанты являлись самостоятельными фонемами. Так, сонант [u̯] в начале

inslav

слога перед гласным изменялся в билабиальный [w]: *so/u̯a/tēi̯* > *so/wa/tēi̯*. Сонант [i̯] в начале слога перед гласным изменялся в [j], который в данном случае является позиционным вариантом фонемы [i̯] (ср. *koi̯/na*, но *ka/ja/tēi*). Различались долгие и краткие гласные сонанты (ср. **vl̥₂k-**, **pl̥₂n-** < **pl̥ən-**), плавные и носовые сонанты были твердые и мягкие, точнее переднего и заднего рядов. Это последнее их качество было непозиционным. О том, что слоговые сонанты переднего и заднего рядов могли употребляться в совершенно тожественных условиях, свидетельствуют примеры *gr̥₁dlo-* (ср. русск. — *гóрло*, чешск. *hrdlo*, польск. *gardło*, схр. *гр̏ло*, болг. *гърло*) и *gr̥₂dlo-* (ср. русск. *жерлó*), *skr̥₁b-* (ср. русск. *скорбь*, схр. *скр̑б*, слов. *skŕb*) и *skr̥₂b-* (ср. русск. *ущерб*).

Согласные сонанты не имели количества. В дифтонгических сочетаниях „ларингал" определял долготу слогового элемента, а не неслогового сонанта. Так, из *arəmo-* возникал *ōrmo-*, затем *ārmo*, из *ponəto-* — *pōnto-*, затем *pānto-*, из *gomənbā* — *gōmbā*, затем *gāmbā*. Последний пример подтверждается схр. *гȕба*, но не подтверждается лит. *gū̃mbas*, которое свидетельствует о [m̃]. Ср. аналогичные соотношения в примерах схр. *кȕка*, но лит. *kaū̃kas*, схр. *кȕпа*, но лит. *kaū̃pas*. В данных примерах носителем долготы был гласный, а не сонант. Различие интонаций в подобных случаях Буга объяснял морфологическим фактором (ср. лит. *vaŕnas* — *várna*, русск. *вóрон* — *ворóна*) (Rinktiniai raštai, I, 440).

Специального комментария требует губной сонант [v]. Можно предполагать, что в положении перед гласными в начале слога он фонетически совпадал с [u̯] в том же положении, т. е. был билабиальным: *wopsa*, *woda* (ср. *ko/wa/tei̯* из *ko/u̯a/tei̯*). Следует, однако, учитывать возможность фонологических различий: в *wopsa*, может быть, сонант был самостоятельной фонемой, в *kowati* — вариантом фонемы [u̯]. В положении перед сонантами [v] был губно-зубным: *vl̥₂k-*, *vl̥₂na*, *vr̥₂s-*. Губно-зубным этот сонант был в сочетаниях [kv], [gv], [tv], [dv], [sv], [ṣv], [ẓv]. Необходимо для данного периода различать сонант [i̯] и сонант [j].

Бедной была система шумных согласных. Отсутствовали передненебные и средненебные согласные, задненебные фрикативные, аффрикаты. Как свидетельствуют данные исторической фонетики, в эту эпоху существовало два вида зубных фрикативных: [s], [z] и [ṣ], [ẓ]. Определить с полной уверенностью существенные отличительные черты этих двух типов согласных мы не можем. Возможно, что согласные [ṣ] и [ẓ] были мягкими. Звук [z] в этот период не являлся самостоятельной фонемой: он был вариантом фонемы [s] в положении перед звонкими согласными в составе одного слога: *lou̯/ska*, но *lou̯/zga*, *no/zdri* (< *no/sdri*), *mę/zdra* (< *men/sdra*), *ji/zga* (< *ji/sga*) и др. Сочетания [sk], [zg], [st], [zd] в отношении глухости и звонкости согласных являлись нечленимыми, так как обладали общей глухостью или звонкостью.

inslav

Начало слова. В отличие от индоевропейского праязыка в праславянском слова могли начинаться почти с любого гласного и согласного. Редко в начале слова употреблялись гласные [ī] и [ĭ]. Неблагоприятной позицией начало слова было для гласных сонантов. Чаще других в этой позиции употреблялись гласные сонанты носовые (ср. *n̥₂zū-* > *językъ*). Не употреблялись в начале слова сонанты [u̯] и [i̯]. В этой позиции употреблялись в данный период только сонанты [w] и [j].

В некоторых современных славянских языках (например, в чешском) перед начальным гласным слова представлен так называемый крепкий гортанный приступ. Перед произношением начального гласного голосовые связки смыкаются. Воздушная волна их взрывает. Но в этом отношении славянские языки существенным образом отличаются друг от друга. Вот почему у нас есть все основания думать, что гортанный приступ возник поздно в отдельных диалектах праславянского языка. Иначе думал Фортунатов, который полагал, что крепкий гортанный приступ характеризовал весь праславянский язык. Это предположение Фортунатова совершенно не связано с новейшими данными ларингальной теории, согласно которой перед начальным гласным слова употреблялся „ларингал" (ср. хет. *ḫaraš*, род. ед. *ḫaranaš* — псл. *orьlъ*; хет. (иероглифический) *ḫau̯as* — псл. *ovьca*; хет. *ḫuḫḫa-* 'дед' — псл. *ujь* 'брат матери'). Если „ларингал" становился взрывным, то он оставлял след и в праславянском (ср. *kastь*).

§ 21. Сочетания звуков. а) **Дифтонгические сочетания.** Сочетаний гласных с сонантами было много: **ĕu̯, ēu̯, ŏu̯, āu̯, ĕn, ēn, ŏr, ŏl** и др. Как видим, они существенно различались в количественном отношении: слоговые элементы могли быть долгими и краткими. Как уже сказано было выше, долгота могла явиться следом утраченного „ларингала".

б) **Сочетания согласных.** Проблема возможных сочетаний согласных (шумных согласных или шумных согласных с сонантом) в праславянском языке в связи со структурой слога является в науке относительно новой. Не только в работах Миклошича, но даже в сравнительной грамматике Вондрака об этом нет речи. Не представляют исключения в этом отношении ни „Очерк древнейшего периода истории русского языка" Шахматова, ни „Праславянская грамматика" Ильинского. В „Очерке" Шахматова этому вопросу уделено несколько строк § 92, в котором говорится о том, что праславянский язык знал сочетания взрывных согласных с сонорными (*tri*, *drozdъ*, *krikъ*, *grěxъ*, *pravo*, *bratъ*, *klinъ*, *głumъ*, *płakati* и др.), сочетания фрикативных с сонорными (*sněgъ*, *směxъ*, *xromъ*, *xmura*), сочетания зубных и задненебных с [v] (*tvoji*, *dvigati*, *svoji*, *zvěrь*, *gvozdь* и др.), сочетания [s] и [z] с зубными и задненебными (*stydъ*), сочетания [st], [zd], [sk], [zg] с [r], [n], [v] (*straxъ*, *skripъ*, *skvьrna*). В „Праславянской грамматике"

inslav

Ильинского подробно излагаются вопросы ассимиляции, диссимиляции, различного рода изменения в группах согласных. Всем этим явлениям посвящена обширная 34-я глава книги, в которой, однако, не нашлось места для вопроса о тех древнейших сочетаниях согласных, в которых не происходило никаких изменений, т. е. о возможных сочетаниях. Это тесно связано с общей методологией автора, с отсутствием какого-либо интереса к изучению системы языка, явлениям языковой структуры.

И в известном руководстве Селищева „Старославянский язык" сочетаниям согласных уделяется внимание только в связи с процессами утраты согласных, явлениями ассимиляции и под. Автора, как и многих его предшественников, совершенно не интересуют возможные типы сочетаний согласных в различные периоды праславянского языка.

Впервые подлинный интерес к интересующим нас в данный момент вопросам проявил Мейе. И в этом его большая заслуга. В „Общеславянском языке" находим подробную характеристику возможных типов сочетаний согласных в праславянском языке (глава VI). Уделял внимание этим вопросам Трубецкой в лекциях по старославянскому языку. В „Grammaire comparée des langues slaves" Вайана находим обширную главу, целиком посвященную проблеме сочетаний согласных в праславянском языке (глава IV).

Следует, однако, обратить внимание на то, что в решении данной проблемы праславянского языка у Мейе и других языковедов находим ряд весьма существенных пробелов. Основными из них являются два: сочетания согласных рассматриваются изолированно от структуры слога и вне исторической перспективы. Покажем это на конкретных примерах.

Характеризуя сочетание [sl] < [ṣl], Мейе иллюстрирует его примерами: *slovo*, *slaviti*, *osla* 'точильный камень'. В первых двух случаях мы бесспорно имеем дело с сочетанием согласных, так как [sl] находим в начальной позиции слова. Иное дело в слове *osla*. Если слогораздел шел между шумным согласным и сонантом, то никакого сочетания здесь не было (*os/la*). Приводя этот пример, Мейе должен был доказать, что в данном слове звуки [sl] входили в состав одного слога. Однако этого доказать невозможно, так как [ŏ] в данный период перед двумя согласными не мог стоять в конце слога. Мейе последовательно игнорирует данное требование, так как не видит различий между сочетанием согласных и простым соседством согласных, разделенных слогоразделом.

Характеризуя праславянские сочетания согласных, Мейе в одной исторической плоскости рассматривает сочетания типа [kr], [br], [gr], [pr] и т. д., которые были известны самым начальным эпохам праславянского языка, и сочетания типа [dm], [pt], [ps] и т. д., которые возникли поздно, уже в период действия тенденции открытого слога в связи

inslav

с изменением слогораздела. В праславянском языке сочетания [pt] не было: слогораздел шел между согласными (*tep/tēi̯*). Позже изменился слогораздел (*te/pti*), откуда, наконец, уже зафиксированная форма **тети** 'ударять'. Возможно, что в древнейшую эпоху своей истории праславянский язык знал сочетание [pt] в начале слова, которое могло возникнуть в связи с утратой [ə] в начальном слоге. Так должно было возникнуть сочетание [pt] в *pət-*: ср. др.-инд. *pítr̥yaḥ*, лат. *pătruus*. Но это сочетание [pt] рано было заменено сочетанием [st]. Так появилось славянское [st] в словах *stryjь* 'дядя по отцу', *pastrokъ* 'пасынок' и др. Того же происхождения, как доказал Вей, начальная группа согласных в названии славянского божества *Стрибогъ* из *pətrī* (*pətēr djēu̯s* 'бог отец', ср. лат. *Diēspiter*). Как известно, сочетание [pt], возникшее позже в связи с изменением слогораздела, изменилось не в [st], а просто утратило начальный [p] (ср. вышеприведенный пример *teti* < < *te/pti*).

Праславянский язык знал различные сочетания согласных в разные периоды своей истории. Они возникали в связи с разнообразными причинами и имели различную судьбу.

Какими же средствами мы обладаем, чтобы установить состав возможных сочетаний согласных для различных эпох праславянского языка?

а) Начальная позиция слова. Это наиболее надежный критерий. Именно он дает нам уверенность говорить о сочетаниях [st] (ср. *statēi̯*, [sp] (ср. *spētēi̯*), [sk] (ср. *skora* 'шкура'), [kr] (ср. *krū*), [gr] (ср. *grīva*), [str] (ср. *strou̯ja*] и т. д.

б) Явление ассимиляции в группах согласных в середине слова. Слог в начальные периоды истории праславянского языка характеризовался значительной автономностью. Явления ассимиляции согласных возможны были только в том случае, если между согласными не шел слогораздел. Вот почему мы можем говорить о сочетании [zdr] (ср. *no/sdrī* > > *no/zdrī*).

в) Для изучения праславянских сочетаний согласных дают некоторый материал различные фонетические процессы. Так, переход [s] в [x] не осуществлялся в ряде случаев. Согласный [s] не изменялся в [x], если он с последующим согласным входил в состав одного слога. Отсутствие перехода [s] в [x] в примерах *īstīna*, *lou̯spa*, *jiskra*, *rēkste* говорит о том, что здесь представлены были сочетания [sk], [st], [sp]. Вот почему для характеристики сочетания [sk] мною приводятся одновременно примеры *skora* и *ei̯skatēi̯*. Последний пример также имел сочетание [sk].

г) Структура слога ранних эпох праславянского языка уже, конечно, существенно отличалась от структуры индоевропейского слога. Здесь возможны были слоги такой структуры, которые индоевропейскому праязыку не были известны. И тем не менее у нас есть основания думать, что в ранний период праславянский язык не знал открытых слогов на [ŏ] и [ĕ] перед двумя согласными. Вот почему мы не можем

inslav

для данной эпохи говорить о сочетаниях [st] в *kostis*, [tt] в *mettēi̯*. В данных примерах были представлены два закрытых слога: *kos/tis*, *met/tēi̯*.

При изучении праславянских сочетаний согласных следует различать древнейшие сочетания и сочетания, возникшие в связи с осуществлением известной тенденции к неуклонному возрастанию звучности слога. Следует еще выделять сочетания согласных, возникшие в связи с утратой сверхкратких гласных, но этот процесс уже выходит за рамки праславянского периода.

Перейдем к систематическому рассмотрению древнейших праславянских сочетаний согласных.

Сочетания „шумный+сонант“. Среди известных наиболее древних сочетаний согласных этот тип сочетаний был самым распространенным.

Сочетание „взрывной согласный+**r**“:

[kr]: *krū*, *krei̯dlo-*, *krīk-*

[gr]: *grīva*, *grebsom*, *groi̯s-*

[tr]: *trī*, *trava*

[dr]: *drobītēi̯*, *drozd-*

[pr]: *pro*, *pravo-*

[br]: *brū*, *bratr-*

Сочетаний „фрикативный согласный+**r**“ праславянский язык не знал. Индоевропейское сочетание [sr] закономерно в праславянском отражено в [str], что его роднит с отдельными говорами прабалтийского (с пралатышскими говорами): *sroṷja* > *stroṷja* (ср. лтш. *strà̃uja*), *sroṷm* > > *stroṷm-* (ср. лтш. *strà̃ume*). Таким образом, начальные [sr] и [str] совпали в одном сочетании.

Старое сочетание [ẓr] соответственно изменялось в [ẓdr]. Следы этого находим в старославянском издрѣщи (< *izrešti*). Было известно и сочетание [zdr] из [sdr]: *no/zdri*, *men/zdra*. Сочетания [sr] и [zr] возникли позже, после явлений метатезы в отдельных говорах праславянского языка. Эти диалектные сочетания могли уже не переживать указанного выше процесса.

Сочетание „взрывной согласный+**l**“:

[kl]: *klīk-*, *klīn-*

[gl]: *glad-*, *gloṷm-*

[pl]: *plakatēi̯*, *ploṷ-*, *plet-*

[bl]: *blasn-*, *bloi̯sk-*, *blusa*

Сочетания [tl] и [dl] в этот период отсутствовали. Они появились позже в связи с изменением слогораздела.

Сочетание „фрикативный согласный+**l**“:

[sl]: *slei̯ẓ-*, *slab-*, *slīw-*

[ṣl]: *ṣlovos*, *ṣlava*

Надежных примеров на исконное сочетание [ẓl] почти нет (за исключением, возможно, *ẓlak-*).

inslav

Сочетание „фрикативный согласный + **n, m**“:

[sn]: *snoiġ-*

[sm]: *smoiṣ-*

Исконных сочетаний [zn] и [zm] не могло быть. Но были известны сочетания [ẓn] и [ẓm]: *ẓnatēi̯*, *ẓmija*.

Сочетания „взрывной согласный + **n, m**“ встречались очень редко. Можно привести надежный пример на [gn]: *gnet-*. В примере *tiṣknǫtī* слогораздел, возможно, шел между [k] и [n]. Исконных сочетаний [bn], [bm], [pn], [pm] не было.

Сочетание „взрывной согласный + **v**“:

[kv]: *kvas-*, *kvoi̯t-*, *kvei̯ttēi̯*

[gv]: *gvozdītēi̯*, *gvoi̯zda*, *gvei̯zdatēi̯*

[tv]: *tvoji*, *tvorītēi̯*, *tvr̥₂d-*

[dv]: *dvor-*, *dvīgatēi̯*

Сочетаний [pv] и [bv] праславянский язык уже не знал.

Сочетание „фрикативный согласный + **v**“:

[sv]: *svoji*, *svekrū*, *svara*.

Сочетания [zv] в праславянском языке не могло быть.

[ṣv]: *ṣvoi̯t-*, *ṣvītatēi̯*

[ẓv]: *ẓvēr-*, *ẓvon-* (из и.-е. *gʰhvonos*; лит. *zvãnas*, лтш. *zvans* заимствованы из славянских языков).

Сочетаний „согласный + сонант **j**“ в раннюю эпоху почти не было, так как согласный перед [j] встречался на стыке морфем, между которыми шел слогораздел. Однако единичные случаи, когда [j] после согласного шел в середине морфемы, были известны (ср., например, псл. *sjūtēi̯*, лит. *siū́ti*, лтш. *šūt*). Подобные случаи в большом числе возникли позже в связи с монофтонгизацией дифтонгического сочетания [eu̯].

Сочетания „сонант + шумный согласный“ праславянский язык не знал. В случаях типа *pōnto-*, *ronka*, *rend-* слогораздел шел между сонантом и шумным согласным. Нет вполне надежных примеров на сочетания „сонант + сонант“. Бесспорные случаи относятся к более позднему периоду. В случаях типа *načęlъ* (< *nakenl-*) слогораздел шел между сонантами.

Сочетания шумных согласных. Сочетания шумных согласных в расматриваемый период истории праславянского языка встречались сравнительно редко. Наиболее типичными сочетаниями для данного периода были сочетания [s] с взрывными согласными. Перед звонкими взрывными [s] изменялся в [z].

Сочетание [sk]: *skora*, *sken-*, *ei̯skatēi̯*. Перед звонким [g] найдем [zg]: *jiskra*, но *jizga*, *prūskatēi̯*, но *brūzgatēi̯*. Сочетание [sk] могло встречаться и перед сонантами: [r] (*skrīp-*, *skrebtēi̯*), [v] (*skvr̥₂na*, *skvoẓ-*). Сочетаний [ṣk] и [ẓg] не было.

Сочетание [st]: *statēi̯*, *stūd-*, *nēṣ/ste*. С полной уверенностью говорить о сочетаниях [ṣt] и [ẓd] нельзя. Возможно, что в *neṣtēi̯*, *veẓtēi̯* слого-

inslav

раздел отделял инфинитивное окончание от корня (ср. *met/tēi̯*, *ved/tēi̯* и др.). Перед звонким [d] найдем сочетание [zd]: *mizda*. Сочетание [st] и его вариант [zd] могли употребляться перед сонантами: *stroṷja*, *nozdri*.

Сочетание [sp]: *spētēi̯*, *spēs-*, *spoi̯s-*, *spor-*, *loṷspa*. Надежных примеров на исконное сочетание [zb] нет.

К числу очень редких сочетаний в данный период относится сочетание [ks], т. е. сочетание „взрывной + фрикативный": *rē/ksom*, *tē/ksom*. Тип сочетаний „взрывной + фрикативный" стал характерным в более позднее время. Отсутствовали в этот период сочетания „взрывной + взрывной". Сочетание [gd] (ср. *togda*, *kogda*) возникло после изменения слогораздела. Тогда же возникло сочетание [kt] (ср. *noktis*).

Двойные согласные (геминаты). Были известны славянскому языку двойные согласные. Они употреблялись на стыке морфем. Мы можем уверенно говорить о геминате [ẓẓ]: *beẓ/ẓakon-*, о геминате [tt]: *met/tēi̯*, *gnet/tēi̯*, *sēt/tēi̯* (< *sēd/tēi̯*), о геминате [dd]: *dad-di* (повел. накл.). О геминатах в случаях типа *essi*, *ottik-* говорить с полной уверенностью трудно, так как здесь геминаты могли утратиться еще в дославянский период. Бругман полагал, что индоевропейские геминаты утратились в балто-славянском праязыке.

§ 22. Древнейшая структура слога, интонация, ударение. В древнейшую эпоху истории праславянского языка слоги могли быть открытыми и закрытыми (*rū/ba*, *ron/ka*, *sū/nus*, *sup/nos*). Очень важная для истории праславянского языка тенденция к открытости слога стала активной в сравнительно поздний период его развития. Однако и в ранние эпохи праславянского языка легко обнаружить некоторое проявление этой тенденции. Это выражалось в том, что в языке не существовали сочетания типа „сонант + шумный согласный".

Слоги могли быть долгими и краткими. Долгими они были тогда, когда слогообразующая гласная была долгой или если слог имел дифтонгическое сочетание. Кратким слог был в том случае, если слогообразующая гласная была краткой.

Долгие слоги в слове произносились с различной высотой тона. Тон мог быть восходящим, мог быть нисходящим. Нисходящая долгота (циркумфлекс) была более длительная, нежели восходящая (акут). Она имела две вершины (тон медленно понижался и снова повышался), тогда как восходящая долгота имела одну вершину (тон повышался и быстро снижался). Слоги с долгим монофтонгом имели восходящую интонацию. Слоги с дифтонгическими сочетаниями могли иметь обе интонации в зависимости от долготы или краткости слоговой части дифтонгического сочетания. Так, в *vārna*, *bērẓa* (< *beraẓa*), *sēi̯to-* (< *sei̯ato-*) дифтонгические сочетания имели восходящую интонацию, а в *golsos* — нисходящую. Краткие слоги первоначально интонации не имели. Она появилась позже.

inslav

Таким образом, восходящая интонация (акут) могла быть связана с „ларингалом". Именно утрата „ларингала" обусловила возникновение восходящего тона на слоге. Восходящая интонация породила в виде противопоставления нисходящую интонацию. Возникла новая корреляция на долгих слогах, отмеченным (маркированным) членом которой был акут.

Следы старой интонации под ударением по-разному отражены в современных славянских языках. Так, в сербохорватском на месте акута находим краткую нисходящую интонацию (ˋ): *krȁva*, в словенском — долгое восходящее: *kráva*, в чешском здесь будет долгота: *kráva*, в словацком и польском — краткость: *krava*, *krowa*. Циркумфлекс в сербохорватском и словенском отражен в виде долгого нисходящего (ˆ): *брêг*, *brêg*, в чешском, словацком и польском будет краткий гласный: *břeh*, *breh*, *brzeg*. В русском эти древние интонационные различия отражены в месте ударения. Так, в полногласных формах ударение на второй части свидетельствует об акуте: *коро́ва*, на первой — о циркумфлексе: *бе́рег*.

В ряде случаев современные славянские языки дают противоречивый материал. Так, в словах *darъ*, *synъ*, *ryba* на первом слоге должна была быть акутовая интонация, так как представлен долгий монофтонг. Однако в сербохорватском *дâр* и *сȋн* имеют долгую нисходящую интонацию, в чешском найдем краткость: *dar*, *syn*. Эти данные говорят о циркумфлексной интонации в этих словах. Слово *ryba* в сербохорватском закономерно указывает на акутовую интонацию (ср. *рȉба*), но чешский литературный язык и большинство говоров неожиданно свидетельствуют о циркумфлексе (ср. *ryba*). Все эти отклонения (а число примеров можно было бы значительно увеличить) являются результатом разных процессов, происходивших в славянских языках в различное время. О них речь будет идти позже.

Указанная выше связь между слогами и интонацией характерна для неконечных слогов. Изучение характера интонации в конечных слогах представляет большие трудности. Славянские языки содержат здесь лишь косвенные указания.

Слоги характеризовались значительной автономностью. Слогораздел служил надежной защитой от воздействия соседних звуков, относящихся к различным слогам.

Ударение было динамическое, разноместное. Между ударением и интонацией в этот период не было никакой связи. Все слоги (долгие и краткие) могли быть ударными и безударными. Перемещение ударения в одной парадигме, характерное, например, для современного русского языка (ср. им. ед. *стена́*, вин. ед. *сте́ну*; 1 л. ед. *пишу́*, 2 л. ед. *пи́шешь* и т. д.), в ряде случаев не отражает исконного состояния. Оно возникло позже в связи с различными фонетическими и морфологическими процессами (например, с перетяжкой ударения с краткого слога или долгого циркумфлексного на акутовый). Однако подвижность

inslav

ударения в одной парадигме была известна и индоевропейскому праязыку, откуда она перешла и в праславянский (например, передвижка ударения в настоящем времени нетематических глаголов). Из всех современных славянских языков наиболее ценные данные о месте древнего праславянского ударения дают русский язык и чакавские говоры сербохорватского языка.

§ 23. Отношение праславянского вокализма к индоевропейскому. Как свидетельствуют данные сравнительной грамматики индоевропейских языков, в праславянском гласном [ā] совпали гласные [ā] и [ō].

Примеры: псл. *brātr-* (ср. др.-инд. *bhrā́tar-*, греч. φρᾱ́τωρ, лат. *frāter*, др.-ирл. *bráthir*, двн. *bruoder*); псл. *mātī* (ср. др.-инд. *mātar-*, греч. дор. μᾱ́τηρ, лат. *māter*, тох. А. *mācar*, тох. В. *mācer*, лит. *mótė* 'женщина', лтш. *mãte*, др.-прус. *mūti*); псл. *stātēi̯* (ср. др.-инд. *sthā-*, лат. *stāre*, лит. *stóti*); псл. *tātis* (ср. др.-инд. *tāyúḥ*, ав. *tāyu-*, греч. дор. τᾱτάομαι, др.-ирл. *tāid*); псл. *bājātēi̯* (ср. греч. дор. φᾱμί, лат. *fāma* 'молва'); псл. *pastēi̯* (ср. лат. *pāscō*, хет. *pahš-* 'охранять', тох. А. *pās-* 'пасти', тох. В. *pāsk-* 'охранять', гот. *fōdjan* 'питать, кормить'); псл. *dār-*, и.-е. *dō-* (ср. др.-инд. *dānam*, греч. δῶρον, лат. *dōnum*); псл. *znātēi̯*, и.-е. *gᵊnō-* (ср. греч. γνωτός); псл. *duvā*, и.-е. *dwō* (ср. греч. гомер. δύω); псл. им. двойств. основ на **-o**: *vl̥₂kā* (ср. греч. λύκω, лит. *vilkù*); псл. *dādmi*, и.-е. *dō-* (ср. греч. δίδωμι, лит. *dúoti*); псл. *po-jās-*, и.-е. *jōs-* (ср. греч. ζωστός 'опоясанный', лит. *júosti* 'опоясывать'); псл. *āgodā*, и.-е. *ōg-* (ср. лит. *úoga*, лтш. *uôga*); псл. род. ед. основ на **-o**: *plodōd* > *plodā* (ср. др.-инд. *vṛ́kād*, др.-лат. *lupōd*).

Переход [ō] в гласный [ā] подтверждается не только данными родственных индоевропейских языков. Мы обнаруживаем результаты этого процесса во всех тех славянских морфемах, в которых гласный [ŏ] подвергся удлинению. В этом случае последовательно найдем гласный [ā].

Совпадение и.-е. [ā] и [ō] в одном звуке наблюдается во многих индоевропейских языках. Так, в германских [ā] и [ō] совпали в [ō] (ср. гот. *brōþar*, др.-сакс. *brōther*; гот. *blōma*, др.-скд. *blōme*).

В балтийских языках индоевропейские [ā] и [ō] обычно различаются, и это весьма существенно отличает их от славянских. В литовском [ō] изменился в дифтонг [uo] (по диалектам в [ǫ], [ǫu], [ū]), тогда как [ā] изменился в [ō]; лит. *puotà* 'пир' (ср. лат. *pōtus* 'напиток'); лит. *mótina* 'мать', *mótė* 'женщина', *brólis* 'брат'. В латышском [ā] сохраняется (ср. *mãte*, *brãlis*, в литовском *brólis* — обе из уменьшительной формы **brāterēlis*), [ō] изменился аналогично литовскому (ср. лтш. *duôt*, лит. *dúoti* 'дать'). Последовательно различаются рефлексы индоевропейских [ā] и [ō] в греческом, италийском, армянском, албанском и др. В кельтском [ā] и [ō] совпали в одной артикуляции [ā] только в неконечных слогах.

Индоевропейские гласные [ŏ] и [ă] в праславянском совпали в одном гласном тембра [ŏ]. Возможно, что этот звук имел слабую степень лабиализации, т. е. произносился как [oᵃ].

inslav

Примеры: псл. *dom-* (ср. др.-инд. *dámaḥ*, греч. δόμος, лат. *dŏmus*); псл. *gost-* (ср. лат. *hostis*); псл. *okos* (ср. лат. *ŏculus*, лит. *akìs*); псл. *oṣm̥₂-* (ср. др.-инд. *aṣṭā́u*, греч. ὀκτώ, лат. *octō*, лит. *aštuoni*); псл. *ovika* (ср. др.-инд. *avikā*, греч. ὄις, лат. *ŏvis*, лит. *avìs*); посл. *ǫomb-*, и.-е. *g'ombh-* (ср. др.-инд. *ǰambha-ḥ*, греч. γόμφος, лит. *žam̃bas*, двн. *chamb-*); псл. *beronti* (ср. др.-инд. *bháranti*, греч. дор. φέροντι); псл. *gord-* (ср. греч. χόρτος 'огороженное место', лат. *hortus* 'сад', др.-ирл. *gort* 'поле'); псл. *nokt-* (ср. лат. *nox—noctis*, лит. *naktìs*); псл. *proṣītēi̯*, и.-е. *prok¹-* (ср. лат. *prŏcus* 'жених', лит. *prašýti*); псл. *oratēi̯*, и.-е. *ar-* (ср. лат. *ărāre*, лит. *árti*); псл. *nos-*, и.-е. *nas-* (ср. др.-инд. *nas-*, лит. *nasraĩ*); псл. *oṣsis* (ср. др.-инд. *ákṣa-ḥ*, лат. *axis*, лит. *ašìs*, ирл. *aiss* 'повозка'); псл. *oṣtr-* (ср. греч. ἄκρος 'край, верх', лат. *ăcus*, лит. *aštrùs*); псл. *oviẓs-* (ср. лат. *ăvēna* 'стебель', лит. *avižà*); псл. *konjos* < *kobnjos*) (ср. лат. *căballus*); псл. *mor-* (ср. лат. *măre*, гот. *marei*, лит. *mãrios* 'сине-море' — из сказок); псл. *sol-* (ср. лат. *salsus*, гот. *salt*); псл. *dobr-* (ср. лат. *făber* 'ремесленник', двн. *tapfar* 'сильный').

Совпали в одном гласном [ă] и [ŏ] и в германских языках. В отличие от славянских в них найдем не [ŏ], а [ă]: гот. *akrs* 'поле' (ср. лат. *ăger*), гот. *ahtáu* 'восемь' (ср. лат. *octō*), гот. *asts* 'ветка' (ср. греч. ὄζος). Аналогично произошло совпадение индоевропейских [ă] и [ŏ] в балтийских языках: лит. *avìs*, 'овца', лтш. диал. *avs*; лит. *ašìs* 'ось', лтш. *ass*, др.-прус. *assis*, лит. *gãras* 'пар, угар', лтш. *garaiņi* (ср. псл. *gorĕtēi̯*.). Этот процесс сближает балтийские и германские языки.

Мейе в свое время обратил внимание на то, что во многих языках существует определенная связь между совпадением гласных [ā] и [ō] и гласных [ă] и [ŏ] в одной артикуляции. „Языки, склонные смешивать **ō** и **ā**, — те же, которые смешивают **ŏ** и **ă**" („Введение...," 128). Однако, как мы видели выше, возможны и отклонения (ср. балтийские языки, албанский язык, в котором [ă] и [ŏ] совпали в [ă], а рефлексы [ā] и [ō] различаются). Необходимо учитывать и то, что в различных языках была разная направленность этих процессов.

Когда произошло совпадение гласных [ā] и [ō], [ă] и [ŏ] в одной артикуляции? На этот счет единства во взглядах нет. Многие ученые предполагают, что указанный процесс начался еще на индоевропейской почве (см., например, Ильинский. Праславянская грамматика, § 46). В отношении судьбы гласных [ă] и [ŏ] это не вызывает сомнений. Можно уверенно утверждать, что в самые ранние эпохи истории праславянского языка эти два гласных не различались. Гласного [ă] праславянский язык не знал. Сложнее решается вопрос в отношении судьбы гласных [ā] и [ō].

Некоторые языковеды обратили внимание на то, что в праславянском различалась судьба [ā] и [ō] после [j] в начале слова: [jā] > [jĕ], но [jō] > [jā] (**jād-** > **jĕd-**, но **jōr-** > **jār-**). Примеры: русск. *ехать* (из *ѣхать*), польск. *jechać*, но укр. *ярый*, польск. *jary* (ср. Милевский. RS, X, 81). Однако этим фактам придавать большого значения не сле-

inslav

дует. Прежде всего этих случаев очень мало. Кроме того, и начальное [jā] не всегда изменялось в [jě] (даже в одних и тех же морфемах). Указанный процесс относится к позднему времени, он не свидетельствует о том, что [ā] и [ō] в ранний период истории праславянского языка различались. Вайан полагает, что о различии между [ā] и [ō] в праславянском свидетельствует различная судьба флексий дат. ед. основ на **-o** (ср. *plodu*) и дат. ед. основ на **-a** (ср. *vodě*). Он исходит в первом случае из праформы *plodōi̯* (сюда же тв. мн. **-y** из *plodōi̯s*), во втором — из праформы **-āi̯** (см. „Grammaire comparée...," 112). Но этот аргумент еще менее доказателен, так как он строится на основе весьма спорных реконструкций. Кроме того, автор в данном случае не учитывает особых условий конца слова. О генезисе данных флексий речь будет идти во втором выпуске „Очерка". Лишено всякого основания утверждение Гуйера, что „гласные **ā** и **ō** в славянском языке долгое время различались. Довольно поздно (когда **ō** перед конечным **n** уже заменилось **ū**)... оба гласных совпали в одном звуке — в гласном **ā**" („Введение...," 55). В поздний период истории праславянского языка гласный [ō] уже не переходил в [ā], о чем, между прочим, свидетельствуют готские заимствования в праславянском.

Недавно польский языковед Отрембский выступил с новой теорией. Согласно его утверждениям, праславянские гласные [ā] и [ō] совпали в гласном [ā] только в начале и середине слова. В конечных слогах эти гласные изменились в [ā] только „в односложных формах". В многосложных [ō] изменился в [ū], затем в [ȳ] (ВЯ, 1954, № 5, 28). Это утверждение является совершенно необоснованным. В данном случае речь идет о судьбе [ō] в группах **-ons** в конце слова. Этот процесс нельзя отрывать от изменения [ŏ] перед [n] в [ŭ]. Здесь был представлен процесс лабиализации перед носовым сонантом. Как сказано было выше, гласный [ŏ] в положении перед носовым сонантом в одном слоге изменялся в [ŏ^{u}]. Если возникали условия для его долготы, появлялся гласный [ō^{u}]. Позже оба эти гласные изменились соответственно в [ŭ] и [ū], а затем в [ъ] и [у]. Гипотезе Отрембского противоречит переход [ō[в [ā] в формах аблатива (псл. генетива): *plodōd* > >*plodā*.

Сторонники теории балто-славянского праязыка пытаются доказать, что судьба гласных [ā], [ō], [ă], [ŏ] в славянских и балтийских языках не противоречит этой теории. Для этого им приходится строить очень искусственные гипотезы, потому что, как мы видели выше, судьба этих гласных в данных языках диаметрально противоположна. Гласные [ă] и [ŏ] в праславянском изменились в [ŏ], в прабалтийском они дали [ă]. Сторонники теории балто-славянского праязыка из этого затруднения выходят просто: оба этих кратких гласных в индо-иранском, германском и балто-славянском языках изменились в [ă], а уже позже, после распада балто-славянского праязыка, в праславянском [ă] изменился в [ŏ]. „Совпадение этих двух гласных в одной гласной, — пишет Фор-

inslav

тунатов, — произошло еще в литовско-славянском языке (т. е. в балто-славянском. — *С. Б.*), где эта гласная звучала как **ă**°, откуда общеславянское **о**, литовское **а**" („Лекции...," 26). Это заключение делается лишь на том априорном допущении, что праславянский и прабалтийский развились из балто-славянского праязыка и что поэтому судьба гласных [ă] и [ŏ] у них должна быть общая. Еще дальше в этом отношении пошел Кречмер, который писал уже не о совпадении [ă] и [ŏ] в [ă°], а о переходе в праславянском [ŏ] в [ă].

Естественно, что сторонники теории балто-славянского праязыка пытались найти в славянских языках подтверждение для своего заключения. Обычно они указывали на то, что праславянский гласный [ŏ] был слабо лабиализован. Это доказывается передачей славянских слов греками и греческих слов славянами: *slověne* — Σκλαβηνοί; καράβιον — *korabl'ь*; Σατανᾶς — *sotona*; Θεσσαλονίκη — *Solunь*; κραββάτιον — *krovatь*. Подобную передачу находим только в тех греческих словах, которые известны были живому славянскому языку и поэтому отражали народное произношение. В словах чисто книжных этого мы не находим (ср. греч. 'Αβιάθαρ в Мариинском ев. авиатари. Мр., 123, 9—10). Некоторые греческие заимствования отражают книжное и народное произношение (ср. греч. Λάζαρος, в славянских *Лазаръ* и *Лазоръ*).

Приведенные примеры не дают оснований для суждений о характере праславянского [о]. Во-первых, между гипотетическим балто-славянским языком и периодом славяно-греческих языковых связей должно было пройти около полутора тысяч лет. Очевидно, что за этот длительный срок характер гласного [ŏ] мог претерпеть существенные изменения. Во-вторых, славяне могли передать греческий [α] только гласным [ŏ]. Это произошло бы даже в том случае, если бы славянский [ŏ] был сильно лабиализован. Дело в том, что при передаче заимствованных слов решает дело не акустическая близость звуков, а закономерности того языка, который усваивает данное слово. В праславянском существовала корреляция [ā] — [ŏ], которая подчиняла себе и заимствованные слова. Вот почему греческий гласный [α] должен был измениться в [ŏ] или стать долгим. Другого выхода не было.

Французское слово *roman* мы произносим *ramán*. Имеем ли мы право на этом основании говорить о близости безударного французского [о] к русскому [а]? Конечно, нет. В западнофинских заимствованиях из восточнославянских языков согласные [t], [p], [k] между гласными передаются долгими глухими [tt], [pp], [kk], а согласные [d], [b], [g] в том же положении краткими [t], [p], [k]. Мы бы сделали крупную ошибку, если бы на этом основании сделали вывод о переходе звонких в глухие между гласными в восточнославянских языках.

Нельзя признать основательной гипотезу о делабиализации гласных праславянского языка в начальный период его существования. Эта гипотеза нашла наиболее последовательного защитника в лице Мареша (см. "Slavia", XXV, 445—450). Исходя из этой гипотезы. Мареш гово-

inslav

рит не только о праславянском изменении [ō] в [ā], но и об изменении [ŏ] в [ă]. Как мы видели выше, в распоряжении слависта нет фактов, которые бы давали основание говорить о переходе [ŏ] в [ă]. В свое время Трубецкой предложил диаметрально противоположное решение данного вопроса. Он полагал, что совпадение в праславянском [ă] и [ŏ] в [ŏ] убедительно говорит о том, что [ā] и [ō] первоначально изменились не в [ā], а в [ō], так как в данную эпоху коррелятивные пары гласных различались якобы только в количественном отношении. Все подобные отвлеченные схемы относятся к области „бумажной фонологии". Мареш говорит также о делабиализации [ŭ] и [ū], забывая, что данный процесс происходил совсем в другую эпоху. Кроме того, отдельные случаи делабиализации (конечно, переход [ŭ] в [ъ] представляет какую-то ступень делабиализации) не всегда могут свидетельствовать об общей тенденции. Всегда следует помнить, что изменение [ŭ] в [ъ] самым тесным образом связано с изменением [ĭ] в [ь].

Согласно классической сравнительной грамматике индоевропейских языков, в индоевропейском праязыке были представлены два гласных: [ə] и [α]. Первый — schwa indogermanicum primum — представлял ступень редукции гласных [ā], [ō], [ē], второй — schwa indogermanicum secundum — ступень редукции гласных [ă], [ŏ], [ĕ]. Еще на индоевропейской почве эти гласные претерпели существенные изменения. Во многих индоевропейских языках [ə] сохранился только в начальном слоге, где отражен в виде [ă] (ср. лат. *stāre*, но *stătus*; псл. *stāti*, но *stojǫ;* лат. *spērare*, но *pro-spĕr* из **pro-spăr-*;псл. *spēti*, но *sporъ* 'изобилие'; лат. *sēmen*, но *sătus* 'посеянный'). В арийской ветви [ə] изменяется в [i] и сохраняется во всех позициях слова: др.-инд. *pitar-*, др.-иран. *pitar-*, др.-инд. *duhitár*, *damitáḥ* 'прирученный'. Однако в дифтонгических сочетаниях и здесь [ə] изменился в [ă]: ср. др.-инд. *dháyati* 'сосет' (псл. *dojǫ*), ав. *stāora-* 'крупный скот' (псл. *tour-* > *tur-*, лит. *taūras*, др.-прус. *tauris*). Сохраняется [ə] в неначальном слоге в греческом (ср. θυγάτηρ). Перед гласным [ə] утратился во всех языках. Что касается [α], то в латинском он также отражен в виде [ă], в праславянском в виде [ĭ] или [ŭ] (ср. лат. *quăttuŏr*, псл. *kitūr-*, откуда позже *čьtyr-*). Стадия чередования с [ĕ] отражена в этом же числительном (*ketūr-* > *četyr-*; ср. лит. *keturì*). В местоименной основе *kъtor-* можно видеть [α]. Стадию чередования с [ŏ] представляет *kotor-*. Так же можно объяснять праславянские варианты *togda* и *tъgda*, *kogda* и *kъgda*. Возникновение [ə] в ряду долгих гласных, [α] в ряду кратких гласных было фонетически обусловленным: они возникали в предударном слоге (ср. псл. *státi*, но *stojǫ*; *spějǫ*, но *spor-*, ср. др.-инд. *sphiráḥ*, но др.-инд. *sphā́yate*).

Такова традиционная точка зрения по данному вопросу. Она сейчас пересматривается коренным образом в свете данных ларингальной теории. Однако цельной концепции на основе новых данных еще нет. Спорят не только о методах интерпретации, но и о существовании

inslav

самого объекта. Ряд исследователей вообще отрицает существование [α], некоторые отрицают за ним фонологическое значение. [ə] толкуют как сочетание „ларингала“ с редуцированным гласным. Но, во-первых, остается неясной природа редуцированного и, во-вторых, нет ответа на то, почему в различных индоевропейских языках судьба [ə] была разной. Существует предположение, согласно которому [ə] в словах типа *duhitar-* возник позже в отдельных индоевропейских языках. Согласно этому взгляду, нельзя говорить об утрате [ə] в псл. *dukti*. Здесь его и не было. Курилович говорит об отсутствии вокализации [ə] во внутренних слогах. Некоторые языковеды (например, Згуста) толкуют [ə] как слоговой „ларингал“ [H̥], представляющий „ослабленную“ стадию аблаута.

Гласный [ē] в праславянском был открытым звуком. Это подтверждается тем, что позже, после первой палатализации задненебных, он изменился в [ā].

Гласный [ē] соответствует индоевропейскому [ē], гласный [ĕ] — индоевропейскому [ĕ]. Примеры: псл. *sēmen* (ср. лат. *sēmen*, лит. *sĕmenys* 'льняное семя'); псл. *dēd-* (ср. лит. *dėdė̃* 'дядя'); псл. *ẓvēr-* (ср. лит. *žvėrìs*); псл. *mēra* (ср. лат. *mērior*); псл. *ber-* (ср. греч. φέρω, лат. *fĕro*); псл. *medus* (ср. греч. μέθυ 'сладкий, хмельной напиток, мед', позже 'вино', лит. *medùs* 'мед', др.-прус. *meddo*); псл. *nebos* (ср. греч. νεφέλη 'облако', лат. *nĕbŭla* 'туман, облако'); псл. *vetusos* (ср. греч. (F)έτος 'год', лат. *vĕtus* 'старый', лит. *vẽtušas* 'старый, дряхлый').

Праславянские гласные [ŭ], [ū], [ĭ], [ī] генетически восходят к индоевропейским сонантам. Они представляли собою слоговую ступень сонантов, будучи нулевой ступенью чередований дифтонгических сочетаний. В течение длительного времени эти гласные в праславянском не подвергались никаким изменениям.

Гласный [ŭ] встречался в большом числе морфем: псл. *dukti*, (ср. др.-инд. *duhitār-*, ав. *dugədar-*, арм. *dustr*, греч. θυγάτηρ, лит. *duktė̃*); псл. *snusa* (ср. лат. *nŭrus*, двн. *snur*); псл. *blusa* (ср. лит. *blusà*); псл. *medus* (ср. лит. *medùs*). Однако не во всех случаях праславянский [ŭ] генетически восходит к индоевропейскому [ŭ]. Как указано было выше, в редких случаях [ŭ] находим на месте [α], который представлял собою ступень редукции гласных [ă], [ŏ], [ĕ] (например, в глаголе *gunatēi*).

Часто встречался в различных позициях гласный [ū]: псл. *dūm-* (ср. греч. θῡμός, лат. *fūmus*, лит. *dū́mai*); псл. *tū* (ср. лат. *tū*); псл. *sūnŭs* (ср. лит. *sūnùs*); псл. *rūkos* (ср. лит. *rūkti*); псл. *ūdra* (ср. лит. *ū́dra*). В отдельных случаях соответствия будут новыми. Так, славянское *lyko-* (ср. русск. *лыко*, схр. *лȉко*, чешск. *lýko*, польск. *łyko* и др.) дает основание восстанавливать праславянский прототип в виде **lūko-*. Однако в родственных языках находим в соответствии праславянскому [ū] сочетание [un]: др.-инд. *lúñcati*, лит. *lūnkas*, др.-прус. *lunkan*.

inslav

Гласный [ī] был представлен в большом числе морфем корневых и аффиксальных: псл. *mizda* (ср. греч. μισθός 'плата'); псл. *din-* (ср. др.-инд. *dīnam*); псл. *migla* (ср. греч. ὀμίχλη, лит. *miglà*); псл. *noktis* (ср. лат. род. ед. *noctis*, лит. *naktìs*); псл. *ovika* (ср. др.-инд. *avikā́*, лат. *ŏvis*); псл. *vidova* (ср. др.-инд. *vidhávā*, гот. *widuwō*).

В ряде морфем гласный [ĭ] находим на месте [α]: *biratēi̯*, *kitūr-*, *diṣm̥₂t-*, *jismi*; в некоторых случаях на месте [ĕ] в положении перед интервокальным [j]: псл. *trije*, и.-е. *trejes* (ср. др.-инд. *tráyas*).

Гласный [ī] вместе с гласным [ĕ] принадлежит к индоевропейским гласным, которые почти не изменились в различных индоевропейских языках. Встречается этот гласный во многих морфемах: псл. *vīt-* (ср. др.-инд. *vītáḥ*, лит. *výti* 'плести'); псл. *gīv-* (ср. др.-инд. *jīváḥ*, лат. *vīvus*, лит. *gývas*); псл. *pīt-* (ср. греч. πῖθι); псл. *svīn-* (ср. лат. *suīnus*, нем. *Schwein*, — дифтонг **ei̯** из ī); псл. *nītis* (ср. др.-инд. *nīvíḥ* 'фартук', лит. *nýtis* 'гребень ткача', лтш. *nīts* 'ремиза'); псл. *līnis* (ср. греч. λινεύς 'морская рыба', лтш. *līnis* 'линь'); псл. *īlus* (ср. греч. ἰλύς 'тина', лтш. *īls* 'совершенно темный').

Среди гласных сонантов были долгие и краткие переднего и заднего рядов. Как было уже сказано, долгота сонанта (как и всех гласных) определялась „ларингалом" в индоевропейском праязыке. Это в настоящее время является общепризнанным. Иначе обстоит дело с признанием наличия в праславянском гласных сонантов переднего и заднего рядов, из которых впоследствии, в период балто-славянской сообщности, возникли, с одной стороны, [ir], [il], [im], [in], с другой, — [ur], [ul], [um], [un]. Уже давно именно так объясняли различие между [ir] и [ur], [il] и [ul] Бодуэн де Куртенэ и Педерсен, но это объяснение не нашло поддержки среди ученых. За последние десятилетия было предложено много объяснений и новых гипотез, но ни одна из них не стала общепризнанной. Я отдаю предпочтение гипотезе о наличии в раннем периоде праславянского языка сонантов переднего и заднего рядов (не только плавных, но и носовых). Эти различия были фонематичны. Некоторые ученые (например, Ильинский) предпочитают говорить о лабиализованных и палатализованных сонантах. Это нельзя признать удачным, так как лабиализация в данном случае не может быть подтверждена фактами. Нельзя говорить и о палатализованном характере слоговых сонантов, так как здесь мы имеем дело не с согласными, а с гласными. Различия между гласными сонантами переднего и заднего рядов в конечном счете определялись условиями индоевропейского аблаута.

§ 24. Отношение праславянского консонантизма к индоевропейскому. Если уже давно удалось распознать характер древнеиндийского вокализма и вскрыть его глубокое своеобразие и отличие от индоевропейского, то в отношении консонантизма дело обстояло иначе. Здесь авторитет показаний древнеиндийского языка до последнего времени

inslav

был непререкаемым. У Мейе не возникало никаких сомнений в том, что древнеиндийская система придыхательных согласных отражала индоевропейское состояние. Он уверенно говорит об индоевропейских звонких и даже глухих придыхательных. Последние он относил к „экспрессивным фонемам". Однако факты ряда индоевропейских языков настолько противоречили данным древнеиндийского языка, что и Мейе должен был говорить о глухих придыхательных в индоевропейском осторожно и со многими оговорками. Однако почти во всех общих руководствах по славянскому языкознанию до сих пор пишут об утрате праславянским языком индоевропейских придыхательных (см., например, Горалек. Úvod..., 104).

Современная сравнительная грамматика вносит весьма существенные коррективы в традиционное представление об индоевропейском консонантизме. Есть все основания полагать, что придыхательные звонкие согласные были известны только отдельным индоевропейским диалектам. И здесь они первоначально являлись не самостоятельными фонемами, а позиционными вариантами непридыхательных. Нет сомнений, что придыхательные звонкие существовали в италийском, греческом и других праязыках. Лишь в индийских языках получили широкое развитие также глухие придыхательные согласные, в чем некоторые языковеды видят результат воздействия местного неиндоевропейского субстрата. Следует обратить внимание на глубокое отличие в отношении судьбы так называемых придыхательных между индийскими и иранскими языками. Иной была судьба тех диалектов индоевропейского праязыка, из которых в дальнейшем развились языки праславянский, прабалтийский и ряд других индоевропейских языков. Для этих диалектов у нас нет никаких оснований предполагать наличие так называемых придыхательных. Трудно себе представить, что придыхательный согласный мог утратить придыхание, не изменив при этом своей природы. Для этого нужно предположить, что единый звук [bh] распался на две самостоятельные артикуляции.

Надо думать, что в индоевропейском диалекте, из которого позже выделился праславянский, не были пережиты процессы, послужившие причиной возникновения придыхательных согласных. Поэтому нельзя вслед за авторами многих руководств по славянскому языкознанию утверждать, что в праславянском индоевропейские придыхательные согласные утратили придыхание. Для праславянского языка различие между непридыхательными и придыхательными согласными не имеет значения: непридыхательный и придыхательный всегда отражены одинаково: ср. псл. *dūm-* — др.-инд. *dhūmáḥ*, лат. *fūmus*, лит. *dúmai*, др.-прус. *dumis*; псл. *dom-* — др.-инд. *dámaḥ*, греч. δόμος, лат. *dŏmus*; псл. *bratr-* — др.-инд. *bhrā́tar-*, греч. φρᾱ́τωρ, лат. *frāter*; псл. *dl̥₂g-* — др.-инд. *dīrgháḥ*, греч. δολιχός, лит. *ìlgas*; псл. *gerav-* — греч. γέρανος, лат. *grūs*, лит. *gérvė*.

Вопрос о генезисе индоевропейских придыхательных продолжает оставаться дискуссионным. Возможно, что звонкие придыхательные

inslav

согласные возникали в результате слияния согласного с „ларингалом" в одну сложную артикуляцию. Может быть здесь следует видеть результат диссимиляционных процессов. Но данные проблемы выходят за пределы сравнительной грамматики славянских языков. Заниматься пересмотром этих вопросов мы не можем. Именно поэтому мы будем пользоваться в принятых индоевропейских реконструкциях символами **bh**, **dh** и **gh**.

Не отражает праславянский консонантизм различия индоевропейских лабиализованных и нелабиализованных задненебных согласных. И эти различия сформировались в отдельных индоевропейских языках в определенных фонетических условиях.

Выше уже шла речь о так называемых средненебных индоевропейских [k'], [g']. Эти согласные в праславянском были отражены в виде [ṣ], [ẓ].

Примеры: а) псл. *deṣm̥₂-*, и.-е. *dek'm̥* (ср. греч. δέκα, лат. *decem*, лит. *dešimtìs*); псл. *oṣm̥₂-*, и.-е. *ok'tō* (ср. греч. ὀκτώ, лат. *octō*, лит. *aštuonì*); псл. *ṣm̥t-*, и.-е. *k'm̥tóm* (ср. греч. ἑκατόν, лат. *centum* < *centom*), тох. А. *känt*, тох. В. *kante*, гот. *hund*, ав. *satəm*, лит. *šimtas* (старый носовой сохраняется в псл. *tyṣętja*, *tyṣǫtja* 'большая сотня', ст.-сл. **тысѧща**, **тысѫща**); псл. *ṣr̥₂d-*, и.-е. *k'r̥d-* (ср. греч. καρδία, лат. *cŏr* — *cordis*, гот. *hairtō*, арм. *sirt*, лит. *širdìs*, др.-прус. *seyr*); псл. *ṣōlma*, и.-е. *k'oləm-* (ср. греч. κάλαμος, лат. *culmus*, лтш. *salms*); псл. *viṣ-* (ср. греч. οἶκος 'дом', лат. *vīcus*, гот. *weihs* 'деревня', лит. *viešėti* 'гостить'); псл. *porṣ-* (ср. лат. *porcus*, ирл. *orc*, лит. *paršas*); псл. *neṣ-* (ср. греч. ἐνεγκεῖν, лит. *nèšti*); псл. *peiṣatēi̯* (лат. *pictus*, тох. В. *paikam* 'будет писать', лит. *piešti*); псл. *ṣr̥₂na* (ср. лат. *cervus*, лит. *stìrna*); псл. *ṣlewos* (ср. греч. κλέος, лат. *clueo*); псл. *ṣvoit-* (ср. ав. *spaēta-* 'белый', лит. *švìsti*); псл. *deṣn-* (ср. лат. *dexter*, лит. *dešinė*); псл. *proṣītēi̯* (ср. др.-инд- *praśnáḥ* 'вопрос', лат. *precōr* 'умолять', лит. *prašýti*);

б) псл. *beṛẓa*, и.-е. *bherəg'-* (ср. двн. *birihha*, лит. *bėržas*); псл. *ẓr̥₂n-*, и.-е. *g'r̥n-* (ср. лат. *grānum*, ирл. *grán*, лит. *žìrnis* 'горошина'); псл. *ẓvēr-* (ср. греч. θήρ, лат. *fĕrus*, лит. *žvėrìs*); псл. *ẓnatēi̯* (ср. греч. γιγνώσκω, лат. *cognosco*, лит. *žinóti*); псл. *ẓeiṃa* (ср. греч. χειμών, лат. *hiems*, лит. *žiemà*); псл. *veẓ-* (ср. греч. ὄχος 'телега', лат. *veho*, нем. *Weg*, лит. *vežù*); псл. *onẓ-* (ср. лат. *angustus*); псл. *ẓl̥l-* (ср. греч. χόλος 'желчь'); псл. *vr̥₂ẓ-*(ср. двн. *wurgen* 'душить', лит. *veržti* 'стягивать', 'сжимать'); псл. *ml̥ẓ-* (ср. греч. ἀμέλγω 'доить', лат. *mulgeo*, лит. *mėlžti* 'доить'); псл. *leiẓatēi̯* (ср. греч. λείχω 'лизать', лат. *lingo*, гот. *bilaigōn*, лит. *liežti*); псл. *aẓ-* (ср. лат. *ego*, гот. *ik*, лит. *aš*); псл. *rēẓatēi̯* (ср. лит. *rėžti*); псл. *ẓn̥₂t-* (лит. *žéntas* 'зять'); псл. *n̥₂ẓū-* (ср. лат. *lingua*, лит. *liežùvis*); псл. *eẓer-* (*oẓer-*) (ср. лит. *ėžeras*); псл. *koẓā-* (ср. лит. *ožkà*).

Для ряда славянских морфем слишком мало представлено индоевропейских соответствий, чтобы уверенно решить вопрос о генезисе зубных. В этих случаях особую ценность представляют факты литовского

inslav

языка. Так, литовское *šãmas* дает основание в славянском *sotъ* видеть [ṣ]. Сопоставление с латинским *salmō* спорно.

Давно уже языковеды обратили внимание на то, что в ряде случаев индоевропейские [k'], [g'] отражены в праславянском в виде [k], [g]. Таких слов не так мало. Укажу важнейшие: *gons-* (ср. греч. χήν, лат. *hanser*, двн. *gans*, лит. *žąsìs*, др.-прусс. *sansy*); *kerd-* (ср. гот. *hairda* 'стадо', лит. *keřdžius* 'старший пастух', но др.-инд. *śárdhaḥ*, 'стадо', ав. *sarəδa-* 'порода'); *svekrū* (ср. греч. ἑκυρός, лат. *socer*, лит. *šẽšuras*); *gord-* (ср. греч. χόρτος 'ограда', лат. *hortus* 'огород', гот. *garþs* 'дом', лит. *gařdas* 'загородка'); *melk-* (ср. гот. *miluks*); *kāmon* (ср. ав. *asman-*, греч. ἄκμων 'наковальня', лит. *akmuõ*); *berg-* (ср. ав. *barəzah-* 'высота', двн. *berg*); *kosa* (ср. др.-инд. *śásati* 'режет', лат. *castrāre* 'отрезать'), *koi̯v-* (ср. лит. *šaivà* 'катушка', лтш. *sàiva* 'вязальная спица'); *kr̥₁mītēi̯* (ср. лит. *šérti* 'кормить скот').

Некоторые ученые считали эти фонетические отклонения надежной приметой германских заимствований в праславянском. Так, опираясь именно на эту фонетическую черту, Хирт зачислял в германизмы многие славянские слова, так как праславянский был наиболее тесно связан именно с германскими языками (из всех языков группы centum). Нет сомнения в том, что в ряде случаев этот признак некоторых славянских слов может указывать на их германский источник (например, псл. *būk-* < гот. *bōka*). Этот же индоевропейский корень известен в славянских языках в исконной форме (ср. русск. *бузина*). Однако в большинстве случаев относить слова по этому признаку к германизмам было бы неосмотрительно. Дело в том, что в ряде морфем индоевропейские [k'] и [g'] могли чередоваться с задненебными [k], [g]. Возможно, что в индоевропейском праязыке [k'] и [g'] не были самостоятельными фонемами, а были позиционными вариантами задненебных [k], [g]. Именно так думает Сафаревич, который выдвинул гипотезу о том, что первоначально [k] и [g] употреблялись только перед гласными заднего ряда, а [k'] и [g'] — перед [e] и [i]. Позже, после возникновения ряда чередований, в языках satəm во всех морфемах обобщился вариант со средненебным (SPAU, XLVI, № 1—5, 1945). Однако всякие морфологические обобщения не проводятся последовательно. Именно этим обстоятельством и объясняются многочисленные отклонения. Вот почему в ряде индоевропейских языков группы satəm (например, в древнеиндийском) мы находим дублетные формы. Были известны исконные дублетные формы и праславянскому языку: *g'hord-* > *ẓord-; ghord-* > > *gord-*: ср. русск. *гóрод*, диал. *зорóд*, лит. *gařdas* 'загородка' — *žařdis* 'загон'; ср. русск. *злой* < *g'hl̥l*, но *желчь* < *ghl̥l*; *g'ēbh-* > *ẓēb-*, *gēbh-* > > *g'ēb-* > *ž'ēb-* > *ž'ab-*; ср. русс. *жабры*, но укр. *зябра*. В этом плане представляет большой интерес праславянское слово *gvoi̯zda* < *gvoi̯gzda*, восходящее к и.-е. *g'hu̯oi̯g-*. В праславянском здесь сохранялся [g]. Звук [z] появился гораздо позже в диалектах праславянского языка в связи с совершенно другим процессом (так наз. второй палатализа-

inslav

цией). В литовском закономерно *žvaigzdẽ*, в лтш. *zvàigzne*. Индоевропейская морфема *k'u̯eit-*, давшая славянское *ṣvoi̯t-* (*ṣvei̯t-*), имела вариант *ku̯ei̯t-*, откуда закономерно праславянское *kvoi̯t-* (*kvei̯t-*).

Индоевропейская морфема *g'hol-* закономерно дала в псл. *ẓol-* (*ẓolt-*), вариант этой морфемы *ghl-* отражен в псл. *gl̥-* (*gl̥t-*). (О других дублетах см. Вайан. Grammaire comparée..., § 12). На праславянский вариант указывает и глагол *ползать* (ср. в чешск. *ploužiti*, *plouhati*, др.-польск. *płużyć*). Однако, возможно, что здесь мы имеем дело с различными словообразовательными элементами.

Варианты находим и в славянских названиях рыб. Так, в словах *окунь* и *осетр* общая корневая морфема. В первом слове сохранился [k]. Видимо, в этом случае [k] восходит не к [k'], а к [k]. Как убедительно показал Ильинский, морфема **ek- (ek'-), ok- (ok'-)** имела значение 'колоть, резать' („Slavia", II, 256). В балтийских языках 'окунь' образован в отличие от славянских от морфемы **ek'-**: ср. лит. *ešerỹs*, лтш. *asaris*. Следует обратить внимание на то, что в районе Загреба окунь называется еще *ostriš*. „Iz okoline Zagreba dolazi „okunj" ili „ostriš" (Хирц. Rječnik..., III, 264). Этот же вариант *ostriež* наряду с *okúň* известен словацкому языку. Из вариантов в названиях растений следует еще указать на корень *kerm-* (откуда русское *черемуха*) и корень *k'erm-* (откуда сербохорватский *srijemuš*, *srijemuša*). Подобное чередование находим в словах *корова* (*kōrva*) и *серна* (*ṣr̥̄₂na*). Здесь представлена одна морфема. В положении перед [r̥₂] [k] > [k'], откуда псл. *ṣirna* (ср. лит. *kárvė*, но *stìrna*). Аналогичное положение находим в славянском *suka*, праславянское *sou̯ka*, и.-е. *k'eu̯ka* (ср. др.-инд. *ś(u)van-*, арм. *šun*, греч. κύων, лат. *canis*, гот. *hunds*, лит. *šuõ*) и диалектное славянское *kauka* (ср. болг. *куче*, *кучка*, слов. *kučək*) из индоевропейского *kou̯ka*. Это согласуется с данными латышского языка, где находим *kuce* 'сука', *kucēns* 'щенок'.

Наконец, в ряде случаев возможно фонетическое новообразование: Мейе объяснял псл. *gǫsь* как результат диссимиляции. Отрембский для псл. *gǫsь* предлагает другое объяснение. От *g'hans* образовалось слово для обозначения гусыни, от *ghans* — „для обозначения гуся-самца". Это предположение могло бы иметь некоторую долю правдоподобия только в том случае, если бы, например, в польском языке были следы *g'hans*. Однако этого нет. Русское *гусь* и польское *gęś* отличаются только грамматическим родом, но не начальным согласным.

Рассматриваемым нами случаям придает большое значение Лер-Сплавинский. Как мы видели выше, он полагает, что в формировании славянских и балтийских языков существенную роль сыграли носители лужицкой культуры, которую он относил по языку к группе centum („O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian", 137—138). На основании большого числа славянских примеров, в которых на месте индоевропейских [k'], [g'] находим [k], [g], часто появляются теории о том, что в формировании праславянского языка заметную роль сыграл какой-то язык,

inslav

принадлежавший к группе centum. В связи с этим часто говорят о смешанном характере праславянского языка. Так, например, называется глава монографии Мошинского „Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego“ (1957). Полагаю, что для подобных теорий нет никаких оснований. Все рассмотренные случаи являются результатом внутреннего развития праславянского языка. То же самое относится и к балтийским языкам, в которых морфем с [k], [g] еще больше.

Большинство ученых предполагает, что [kʲ], [gʲ] первоначально изменились в [š'], [ž']. В литовском эти звуки и сохранились, утратив, правда, мягкость. Для праславянского у нас нет оснований предполагать в данном случае промежуточной артикуляции (см. § 27). Долго ли сохранялась мягкость этих согласных в праславянском? У нас есть косвенные доказательства, что [ṣ] из [kʲ] и исконный [s] различались еще в тот период, когда [s] после гласных [i], [ī], [u], [ū], сонантов [i̯], [u̯], [r], [r̥], согласного [k] перед гласными изменился в [x]. Дело в том, что этот процесс пережил только исконный [s]: ср. *pixātēi̯* (< *pis-*), но *peiṣātēi̯* (< *peik*ʲ-). На этом основании можно предполагать, что и [ẓ] из [gʲ] отличался от исконного [z]. Надо думать, что [ṣ] и [ẓ] из [kʲ] и [gʲ] были согласными мягкими. Позже они эту мягкость утратили и совпали с исконными [s], [z].

Кроме [ṣ] и [ẓ], восходящих к [kʲ] и [gʲ], в праславянском находим [s] и [z] индоевропейского происхождения. Нет сомнения в том, что в индоевропейском праязыке существовала фонема [s], а [z] являлся ее позиционным вариантом.

Примеры: псл. *syn-* (ср. др.-инд. *sūnúḥ*, гот. *sunus*, тох. А. *se*, тох. В. *soyä*, лит. *sūnùs*); псл. *sestra* (ср. лат. *soror*, гот. *swistar*, тох. А. *ṣar* (< *ṣeṣär*), лит. *sesuõ*); псл. *svekr-* (ср. лат. *socrŭs*, двн. *swigar*); псл. *sēmen* (ср. лат. *sēmen*, лит. *sĕmens* 'льняное семя', др.-прус. *semen*); псл. *nos-* (ср. др.-инд. *nā́sā*, двн. *nasa*, лит. *nósis*); псл. *menso-* (ср. др.-инд. *māṃsám*, др.-прус. *mensā*, лтш. *mìesa*); псл. *mozg* (ав. *mazga-* 'костный мозг', др.-прус. *muzgeno*).

§ 25. Характеристика изменений в праславянском языке, связанных с периодом балто-славянского языкового союза. Переходим к характеристике изменений в праславянском языке, которые с большей или меньшей долей вероятности можно отнести к тому периоду, когда носители праславянского языка находились в тесном общении с балтами. В этот длительный период сформировалось несколько балто-славянских изоглосс, свидетельствующих о существовании балто-славянского языкового союза. Рассмотрим эти изменения в хронологическом порядке. Следует иметь в виду, что уже в период балто-славянской сообщности балтийский праязык характеризовался глубоким диалектным членением. Вот почему многие балто-славянские изоглоссы объединяют праславянский язык с различными балтийскими языками по-разному. Как уже было сказано, в полном

inslav

объеме проблему балто-славянских изоглосс решить невозможно, так как исчезли те балтийские языки, с которыми праславянский находился в наиболее тесном контакте.

К самым древним балто-славянским изоглоссам следует отнести утрату слоговости гласными сонантами и возникновение на их месте [ir], [ur], [il], [ul], [im], [um], [in], [un]. Следует обратить внимание на то, что индоевропейские гласные сонанты не сохранили слоговости в большинстве индоевропейских языков. Так, в греческом индоевропейский [r̥] отражен в виде [ρα] или [αρ], в латинском — в виде [or], в готском — [aúr] из [ur]. Однако между праславянским и прабалтийским в этом отношении наблюдается тесная связь, сходство, которое Мейе назвал замечательным. Именно это обстоятельство и дает нам основание относить утрату слоговости гласными сонантами к числу общих балто-славянских новообразований. В этом отношении славянские и балтийские языки стоят особняком среди других групп индоевропейских языков.

Речь идет об изменении в обоих языках слоговых сонантов в [ir], [ur], [il], [ul], [im], [um], [in], [un], которые в положении перед согласными представляли собою дифтонгические сочетания, а в положении перед гласными относились к двум слогам: *mr̥t-* > *mirt-*, но *mr̥ētēi̯* > > *mi|rē|tēi̯*; *gr̥dlo-* > *girdlo-*, но *gr̥atēi̯* > *gi|ra|tēi̯*; *mn̥t-* > *mint-*, но *mn̥ē-tēi̯* > *mi|nē|tēi̯*.

Лишены всякого основания соображения Ильинского, что слоговые сонанты, развив перед собою гласные, сохранили, однако, слоговость: „Так именно заставляют думать, во-первых, упомянутый выше закон открытых слогов, который не терпел в праславянском языке слогов, оканчивавшихся на согласный, во-вторых, дальнейшая судьба упомянутых сочетаний в отдельных славянских языках, в частности, западнославянских: их рефлексы здесь до такой степени разнообразны, что могут быть объяснены лишь гипотезой неслогового качества глухих перед плавными r̥ и l̥“ („Праславянская грамматика“, 104). Здесь мы наблюдаем смешение хронологии. Между возникновением дифтонгических сочетаний из слоговых сонантов и „законом открытых слогов“, а особенно же историей новых слоговых плавных в западнославянских языках была эпоха, длившаяся значительно больше тысячи лет. Необходимо последовательно различать старые слоговые сонанты, утратившие слоговость в балто-славянскую эпоху, и новые слоговые сонанты, возникшие в поздний период истории праславянского языка в связи с действием „закона открытых слогов“.

Среди языковедов давно уже идет спор о том, как произносились индоевропейские слоговые сонанты: были ли это чистые вокальные сонанты или же им сопутствовал краткий гласный. Мейе справедливо указал на то, что этот спор не является существенным. „Этот вопрос имеет второстепенное значение, так как важно определить не то, произносились ли *r̥, *l̥, *n̥, *m̥ тем или иным способом, но то, как отра-

inslav

зились они в различных языках и каково их место в строе индоевропейских языков" (Мейе. Введение..., 144). Гораздо важнее решить вопросы, почему индоевропейские слоговые сонанты имели на балто-славянской почве двойную рефлексацию и почему она в большинстве случаев одинакова в балтийских и славянских языках.

Гласные, развившиеся перед слоговыми сонантами, были [ĭ] и [ŭ]: псл. *kirn-* (ср. др.-прус. *kirsnan*): псл. *mirt-* (ср. лит. *mirtìs*); псл. *girn-* (ср. лит. *gìrna*); псл. *ṣird-* (ср. лит. *širdìs*); псл. *dirt-* (ср. лит. *dìrti*); псл. *kirv-* (ср. лит. *kirmìs*); псл. *pirst-* (ср. лит. *piřštas*); псл. *ẓirn-* (ср. лит. *žìrnis*); псл. *gurst-* (ср. лтш. *gùrste*); псл. *gurdlo-* (ср. лит. *gurklỹs* 'зоб'); псл. *skurb-* (ср. лит. *skuřdas* 'нужда'); псл. *burẓ(d)-* (ср. лит. *burzdùs* 'резвый'); псл. *vilk-* (ср. лит. *vil̃kas*); псл. *piln-* (ср. лит. *pìlnas*); псл. *vilna* (ср. лит. *vìlna*); псл. *dilg-* (ср. лит. *ìlgas*) или псл. *dulg*, как предполагает Отрембский на основании ятвяжского **dulgas*; псл. *kulk-* (ср. лит. *kulkšnìs*); псл. *stulp-* (ср. лит. *stul̃pas*); псл. *deṣint-* (ср. лит. *dešim̃tas*); псл. *tūṣint-* (ср. лит. *šim̃tas*); псл. *pamint-* (ср. лит. *atmintìs*); псл. *mintēi̯* (ср. лит. *mìnti*); псл. *mink-* (ср. лит. *mìnkštas*); псл. *grinda* (ср. лит. *griñdys* мн. 'пол'); псл. *ting-* (ср. лит. *tingěti* 'лениться'); псл. *gindl-* (ср. лит. *giñklas* 'оружие'); псл. *gumba* (ср. лит. *gum̃bas*). Не на все случаи имеется достаточное количество примеров и не всегда они вполне достоверны. Однако общая картина ясна. Я привел примеры в закрытых слогах. Однако можно аналогичные примеры обнаружить и в открытых слогах: *mirē-tēi̯*, *sulatēi̯*, *timā*, *pinātēi̯*, *munog-* и др. Имеются в данном случае и расхождения между славянскими и балтийскими языками, но их сравнительно немного: ср. лит. *gùmulti* 'месить', но псл. *gim-* (*žьmǫ*), лит. *ùngti* 'визжать', но псл. *inkētēi̯* (> *ęčati*). Аналогичного характера расхождения представлены и внутри славянских языков (ср. русск. *горло*, но *жерло*, *скорбь*, но *ущерб*).

Поразительный параллелизм между славянскими и балтийскими фактами свидетельствует, что возникновение гласных [ĭ] и [ŭ] было фонетически строго обусловленным. Как мне представляется, здесь все зависело от качества слогового сонанта: [r̥₂] изменился в [ir], [r̥₁] > [ur], [l̥₂] > [il], [l̥₁] > [ul], [m̥₂] > [im], [m̥₁] > [um], [n̥₂] > [in], [n̥₁] > [un]. Данные славянских и балтийских языков свидетельствуют, что морфем с сонантами переднего ряда было значительно больше.

Иначе этот процесс толкует Курилович. Прежде всего он относит утрату слогового качества гласных сонантов к позднему периоду (после смягчения согласных перед йотом). Различную рефлексацию слоговых сонантов он связывает с их фонетической позицией: слоговые сонанты изменились в [ir], [il], [im], [in] и только в положении после задненебного согласного — в [ur], [ul], [um], [un]. Впоследствии произошли разного рода нарушения старого состояния, вызванные грамматическими и семантическими причинами. Эндзелин и Траутман видят

inslav

с полным основанием в двойной рефлексации последствия индоевропейского аблаута.

Какими средствами располагает славист, чтобы точно разграничить дифтонгические сочетания [ir], [il] от [ur], [ul]? Их несколько.

а) Положение данных дифтонгических сочетаний после задненебных согласных. В первом случае все славянские языки представляют результат первой палатализации задненебных, во втором — задненебные сохраняются без изменений. Примеры: *girdlo-*, но *gurdlo-* (ср. русск. *жерло*, но *горло*), *gurn-* (ср. русск. *горн*), *gurst-* (ср. русск. *горсть*), *gulk-* (ср. польск. *zgiełk* 'шум'), *skurb-*, но *skirb-* (ср. русск. *скорбь*, но *щерба*, *щербина*), *gilt-* (ср. русск. *желчный*).

б) Данные русского языка для разграничения сочетаний [ir] от [ur]. В первом случае в русском найдем [er] (*первый*, *верба*), во втором — [or] (*торг*, *корма*). „Русский язык, — пишет Мейе, — является единственным славянским диалектом, где ясно представлено старое различие ъr и ъr" („Общеславянский язык", 60).

в) Последовательно отражено старое различие сочетаний [il] и [ul] в Зографском ев. В первом случае найдем ль, во втором — лъ: влькъ, но плънъ. Содержит следы данных различий и польский язык. Так, после губных на месте не подвергшегося веляризации сочетания находим [il]: *wilk*, *milczeć*, *wilga*, *pilść*.

Значительно труднее разграничить сочетания [in], [im], восходящие к [n̥₂], [m̥₂], [n̥̄₂], [m̥̄₂], от [en], [em], [ēn], [ēm]. Все эти сочетания в середине слова в более позднее время дали [ę]. Схр. *zèm* и лит. *žéntas* точно свидетельствуют о долгом носовом сонанте. Дифтонгическое сочетание в данном слове имело акутовую интонацию. Но в нашем распоряжении нет вполне надежных фактов, на основании которых мы уверенно могли бы [ę] в *zętь* возводить к [ēn] или к [n̥̄₂]. В данном случае нужно постоянно учитывать возможность аблаута. Так, очень часто в инфинитиве *načęti* видят [ę] из [in] на основании презенса *načьnǫ*. Однако в данном случае проходят мимо таких фактов, как *mьrǫ*, но *merti*, *tьrǫ*, но *terti*, которые говорят о различных ступенях аблаута в презенсе и инфинитиве. На основании морфологических сопоставлений мы можем говорить о том, что в *načęti* [ę] восходит к [en]. При сопоставлении *zętь* с литовским *žéntas* необходимо также обратить внимание на морфологические различия. Все сказанное в такой же степени относится и к [ǫ], в котором также может скрываться не только [on], но и [n̥₁].

§ 26. Последствия утраты слоговости сонантов и возникновение [ir], [ur], [il], [ul], [in], [im], [un], [um]. Утрата слоговости сонантов и возникновение [ir], [ur], [il], [ul], [in], [im], [un], [um] имели серьезные последствия в разных отношениях. Утратилось различие сонантов переднего и заднего рядов. В сочетаниях [ir] и [ur] сонанты уже не различались по месту образования. В связи с утратой слоговости и

inslav

развитием нового слогового гласного утратилась долгота сонанта, так как различие долготы и краткости существовало лишь в слоговых сонантах. Таким образом, в [ir] совпали [ř̥₂], [r̥₂], в [ur] — [ř̥₁], [r̥₁], в [il] — [l̥̆₂], [l̥₂], в [ul] — [l̥̆₁], [l̥₁], в [in] — [ňₒ₂], [nₒ₂], в [un] — [ňₒ₁], [nₒ₁], в [im] — [m̥̆₂], [m̥₂], в [um] — [m̥̆₁], [m̥₁].

Утрата противопоставления долготы и краткости в случаях типа *piln-*, *vilk-* определила важные акцентологические новообразования. В совершенно одинаковых фонетических условиях возникло противопоставление акута циркумфлексу: *píln-*, *vil̃k-*. Впервые в истории славянского языка обе интонации могли встречаться в тожественных условиях. При этом положении интонация должна была утратиться или эмансипироваться, т. е. стать самостоятельным фактором как языковой системы, так и языкового развития. Утратиться она не могла, так как она поддерживалась интонацией на всех слогах с долгими монофтонгами и с дифтонгическими сочетаниями. Она стала на путь самостоятельного развития.

Мы обратили внимание на одно явление, которое определило „освобождение“ интонации. Возможно, что были и другие, которые способствовали этому процессу. Во всяком случае именно в период балто-славянской сообщности интонация впервые начинает играть важную и самостоятельную роль как в области звукового, так и грамматического строя праславянского языка.

Новые условия определили установление тесной связи между интонацией и ударением, ослабили внутреннюю связь между долгим монофтонгом и акутом, вызвали появление особой интонации на кратких монофтонгах.

Как мы говорили уже, прежде не существовало и не могло существовать никакой связи между интонацией и ударением. Теперь начинает устанавливаться тесная связь. Она, между прочим, выражается в том, что слоги с акутовой интонацией перетягивают на себя ударение со слогов с циркумфлексной интонацией и со слогов с краткими монофтонгами. В еще большей степени и более последовательно данный процесс наблюдался в прабалтийском (ср. русск. *рукá*, лит. *rankà*, но вин. ед. *рýку*, *rañką*). Окситонированное ударение в им. ед. является в данном случае вторичным. Вин. ед. указывает исконное место ударения. Установление тесного взаимодействия между интонацией и ударением характеризуется бесспорным господством интонации (прежде всего акутированной интонации). Позже это положение меняется коренным образом.

Примеров, подтверждающих данный процесс, много. Они охватывают различные группы слов и грамматических категорий. Так, в основах на **-ŭ** в мест. ед. ударение с краткого монофтонга или дифтонгического сочетания перешло на флексию, которая имела акутовую интонацию (ср. русск. *в медý*, *на верхý*, *на полý*). Аналогичный процесс наблюдался в мест. ед. основ на **-i** (ср. русск. *на костú*, *на печú*),

inslav

в тв. мн. основ на **-i** (ср. русск. *костьми́*, *дверьми́*). В ряде случаев наблюдаем перемещение ударения с начального циркумфлектированного слога или краткого на предлог (ср. русск. *за́ душу*, схр. *за̏ ду̑шу;* русск. *за́ город*, схр. *и̏за гра̑да;* русск. *по́д воду*, схр. *ни̏з воду*). Полное описание всех случаев перемещения ударения в различных грамматических категориях будет дано во втором выпуске.

В своей русской статье „О некоторых аномалиях ударения в славянских языках“, опубликованной еще в 1902 г. в сборнике в честь Фортунатова, Мейе первый обратил серьезное внимание на наличие старого циркумфлекса на долгих монофтонгах. Эту аномалию Мейе обнаружил прежде всего в основах на **-ŭ** и в основах на **-ĭ** (ср. схр. *си̑н*, *си̑на; ста̑н*, *ста̑на; ма̑ст*, *ма̑сти*). На появление в данном положении циркумфлекса на долгих монофтонгах указывает и чешский язык, который дает здесь краткий гласный (ср. *syn*, *stan*, *mast*). Старый акут в чешском отражен в долгом гласном. Наличие циркумфлекса на долгом монофтонге следует объяснить тем, что циркумфлекс очень рано начал характеризовать парадигму с подвижным ударением, что особенно характерно было именно для основ на **-ŭ** и основ на **-ĭ**. „Парадигмы с подвижным местом ударения аналогически становились на древнейшей славянской почве парадигмами с циркумфлексовой интонацией корневого гласного“ (Булаховский. Болгарский язык как источник..., 12). В отличие от циркумфлекса акут характеризовался устойчивостью ударения.

Появление циркумфлекса на долгих монофтонгах (ср. схр. *си̑н*, *да̑р* и т. д.) не следует называть метатонией. Здесь мы имеем дело не с метатонией, а с заменой старого акута старым циркумфлексом под воздействием грамматических факторов. С метатонией связано появление новых интонаций уже в новую эпоху.

Превращение интонации в самостоятельный фактор развития, новое распределение в зависимости от ударения (стабильность ударения — подвижность ударения) — все это обусловило появление интонаций и на кратких монофтонгах. Таким образом, интонация на кратких монофтонгах не фонетического, а грамматического происхождения. По своей природе она, естественно, была нисходящей. Однако, в отличие от циркумфлексной интонации на долгих слогах, эта новая интонация краткости, вероятно, была одновершинной, что ее роднило с акутом. Так появилась нисходящая интонация в *domъ*, *medъ*, *polъ*, *volъ*, *kostь* и др. (ср. схр. *до̑м*, *ме̑д*, *по̑*, *во̑*, *ко̑ст*).

Много общих процессов с праславянским в области интонаций пережил и балтийский праязык. Так, и здесь устанавливается связь между интонацией и ударением, в основах на **-ŭ** и на **-ĭ** получила широкое распространение парадигма с подвижным ударением. В отличие от праславянского, прабалтийский язык в этот период находился в стадии глубокого диалектного дробления. Поэтому и в области интонации отдельные его диалекты представляют те или иные отличия. Наиболее

inslav

важным отличием является то, что в литовском языке акутовая интонация стала нисходящей, а циркумфлексная — восходящей. Надо думать, что в интонационном отношении ближе к праславянскому были древнепрусские и ятвяжские говоры.

Таким образом, именно в балто-славянскую эпоху интонация начинает выступать как самостоятельный фактор языковой системы. Так думает и Курилович, однако в данном вопросе его точка зрения существенно расходится с изложенной. Он полагает, что до балто-славянской эпохи интонации вообще не существовали. Определяющим фактором в возникновении интонации было ударение. Безударные слоги интонации не знали. Акутовая интонация не связана с „ларингалом". Она возникла, по его мнению, в результате рецессии ударения с внутренних слогов на начальный долгий слог. Важным условием здесь было количество, так как переход ударения наблюдался только с кратких монофтонгов и кратких дифтонгических сочетаний. Акутовая интонация появилась в начальном слоге с долгим монофтонгом. Таким образом, по Куриловичу, местом возникновения интонации являлся начальный слог. Для подтверждения своей теории он приводит много примеров и аналогий. Здесь особо важную роль в системе его доказательств играют штокавские говоры сербохорватского языка, которые пережили рецессию ударения. Известно, что под новым ударением гласный будет иметь восходящую интонацию (ср. *вòда, жѐна, бòрба — рýда, рýка*). Старая восходящая интонация в сербохорватском перешла в нисходящую. Вполне можно согласиться с Куриловичем, что передвижка ударения к началу слова может вызвать повышение тона. И штокавские говоры это подтверждают. Однако это может произойти только в том языке, который вообще имеет интонацию. В штокавских говорах рецессия вызвала восходящую интонацию потому, что сербохорватский язык имеет музыкальное ударение. Мне представляется, что в языке с динамическим ударением рецессия не может послужить источником интонации. Это подтверждается данными многих языков.

§ 27. Изменение [s]. В праславянском [s] после гласных [ĭ], [ī], [ŭ], [ū], сонантов [i̯], [u̯], [r] и согласного [k] перед гласными изменился в [x], в прабалтийском после сонанта [r] и согласного [k] изменился в [š].

Примеры: *dou̯s- > dou̯x-; glou̯s- > glou̯x-; sou̯s- > sou̯x-; mou̯s- > mou̯x-; slou̯s > slou̯x-; ou̯so- > ou̯xo-; breu̯s- > breu̯x-; neu̯s- > neu̯x-; blusa > bluxa; mus- > mux-; snusa > snuxa; domusu > domuxu; mūs- > mūx-; pūs- > pūx-; pis- > pix-; elisa > elixa; piseno- > pixeno-; kostisu > kostixu; tris- > trix-; tei̯s- > tei̯x-; moi̯s- > moi̯x-; toi̯sa > toi̯xa; kisatēi̯ > kixatēĭ; rēksom > rēkxom > rēxc..; lei̯kso- > lei̯kxo- > lei̯xo-; > gors- > gorx-; borsino- > borxino; pors- > porx-; virs- > virx-; mirs- > mirx-*. Изменение [s] в [x] имело место в положении перед чистыми гласными, но не перед гласными сонантами.

inslav

Надо думать, что изменение [s] в [x] в указанных фонетических условиях происходило после утраты гласными сонантами слоговости. Это может подтверждаться анализом следующих фактов. В 3 л. мн. аориста в ряде глаголов [s] изменился в [x] перед старым [n̥₂]. Это было возможно в том случае, если [n̥₂] изменился уже в дифтонгическое сочетание [in]: *molīsn̥₂t* > *molīsint* > *molīxint* (откуда позже *molišę*); *bīsn̥₂t* > *bīsint* > *bīxint* (откуда позже *bišę*); *krūsn̥₂t* > *krūsint* > *krūxint* (откуда позже *kryšę*); *plousn̥₂t* > *plousint* > *ploxint* (откуда позже *plušę*); *rēksn̥₂t* > *rēksint* > *rēkxint* > *rēxint* (откуда позже *rěšę*). Но этот довод будет убедительным только в том случае, если мы признаем, что в положении перед [n̥₂] звук [s] не переходил в [x]. Я думаю, что в положении *molīxn̥₂t* [n̥₂] изменился бы в [n̥₁], откуда [un].

Данный процесс — одно из древнейших свидетельств нарушения старой автономии систем вокализма и консонантизма. Гласные и сонанты оказывают воздействие на согласный.

Наиболее последовательно указанный процесс среди балтийских языков отражен в литовском: *viršùs* 'верх', *añkštas* 'узкий'. В современном латышском находим в этом случае уже [s], которое возникло из [š] (аналогично в древнепрусском): *vìrsū*. Следы древней стадии процесса в древнепрусском дошли до нас. Следует обратить внимание на то, что и в литовском переход [s] в [š] после [r] и [k] проведен далеко не последовательно (ср. лит. *áuksas* 'золото', *garsas* 'звук').

После [ĭ], [ī], [i̯], [ŭ], [ū], [u̯] согласный [s] в прабалтийском в [š] не изменялся (ср. лит. *saūsas*, псл. *soux-*; лит. *trisù*, псл. *trix-*). Стремление некоторых исследователей доказать, что и после гласных ряда [i] и ряда [u] согласный [s] в прабалтийском также изменился в [š], который позже вновь перешел в [s], является необоснованным и тенденциозным. Таким искусственным приемом стремятся опровергнуть один из серьезных аргументов против теории балто-славянского праязыка (см. Отрембский. ВЯ, 1954, № 5, 32).

Судьба [s] в праславянском и прабалтийском языках свидетельствует, что данный процесс шел со стороны праславянского. Именно здесь он был особенно активен. В диалектах прабалтийского языка он был менее активен и по-разному отражен в говорах.

Как известно, звук [s] мог находиться не только перед гласными, но и перед некоторыми согласными, преимущественно перед глухими взрывными [t], [p], [k]. В этом случае звук [s] сохранялся, так как соседство с этими взрывными согласными не давало возможности переднеязычной артикуляции перейти в заднеязычную. Вот почему находим [s] в словах: *istina*, *jьskra*, *blěskъ* (из *bloisk-*), *luspa* (из *louspa*). Именно это обстоятельство и привело к определенным чередованиям [s] и [x] в составе одних морфем. Речь идет прежде всего об аористе, где позиция [s] перед [t] в определенных формах и явилась причиной этого чередования: *rēksom* > *rēxom* (1 л. ед.), но *rēkste* (2 л. мн.) (ср. в ст.-сл. рѣхъ — рѣстє). Находим, однако, данное чередование и в иных

inslav

условиях (ср., например, *pěstъ*, но *pěšьn'a* < *pěxьnja*). Звук [s] в указанном положении не изменился в [x] и перед звонкими согласными. Об этом могут свидетельствовать примеры типа *mizda* (< *misda*); *jizga* (< *jisga*; тот же корень, что и в *jiskra*); *broizg-* (< *broisg-* 'брезговать'); *brūzga* (< *brūsga*; ср. родственное слово *prūskati* 'прыскать'; перед гласным [s] в этой корневой морфеме изменился в [x]: ст.-сл. пръхание 'фырканье').

Изменение [s] в [x] представляет собою сложный фонетический процесс. Как было сказано выше, в литовском [s] изменился в [š]: ср. *garšvà* (псл. *gorx-*), *viršùs* (псл. *virx-*). На этом основании многие ученые предполагают, что [s] и в праславянском первоначально изменился в [š], который затем изменился в [x]. Особенно решительно этот взгляд защищает Мейе, который даже склонен в форме *byšę* видеть именно этот старый [š], а форму *byxъ* объяснять морфологически (см. „Общеславянский язык", § 34). С таким толкованием формы *byšę* согласиться невозможно. Мы можем допустить переход [s] непосредственно в [x] без промежуточной стадии.

Языки дают многочисленные примеры непосредственного перехода зубных в задненебные и наоборот. Следует иметь в виду, что в данный период праславянский язык почти не знал звуков, которые образовывались в области твердого неба.

Шахматов полагал, что в указанных условиях [s] изменялся в особый аффектированный [s], который он неясно определяет как лабиализованный или палатальный. Это искусственное построение было нужно Шахматову, чтобы объяснить различие в судьбе славянского и балтийского [s].

Как сказано было выше, в сходных условиях [s] изменялся еще в некоторых индоевропейских языках. Наиболее близки в этом отношении к славянским иранские языки, которые пережили в аналогичных условиях переход [s] в [š]. Здесь, однако, в отличие от славянских находим отражение этого процесса и перед согласными (ср. псл. *mizda* и ав. *miždəm*).

При изучении данного процесса необходимо обратить внимание на случаи, когда звук [s] сохраняется в славянских языках в тех условиях, где он как будто должен был перейти в [x]. Рассмотрим типичные случаи.

а) *pisati*, *tysętja*, *rysь*.

В данных примерах [s] восходит к индоевропейскому [k']. В этом случае [s] в [x] не переходит. „Изменению в **x** при известных фонетических условиях подверглось только такое **s**, которое произошло из ***s**, но не из ***k'**. Поэтому для начала этой эпохи нужно принять, что тогда потомки звуков ***k'** и ***s** еще различались в славянской языковой области"... (Богородицкий. Краткий очерк..., 47). Это свидетельствует о глубокой древности самого славянского процесса изменения [s] в [x]. Стало быть, процесс происходил еще в тот период, когда различалась артикуляция в праславянском исконном [s] и [ṣ] из [k'].

inslav

б) *tisъ*, *osь*, *měsiti*.

В слове *tisъ* в индоевропейском праязыке перед [s] был звук [kᵀ]: *tikᵀs-*. Звук [kᵀ] изменился в [ṣ], который не переходил в [x] (см. выше) и ассимилировал себе последующий исконный [s]. В *osь* был [kᵀ], что подтверждается авестийским примером *aša-*. Можно думать, что в праславянском здесь был [ṣ]: *oṣsis* > *oṣis* > *osь; moi̯ṣsītēi̯* > *moi̯ṣītēi̯* > *měsiti*.

в) *běsъ*, *vysokъ*, *krěsiti*, *rusъ*, *pěsъkъ*.

Педерсен полагал, что в *běsъ* перед [s] был согласный, который позже утратился: *běsъ* < *boi̯s-* < *boi̯ds-* (ср. лат. *foedus* 'скверный, отвратительный'). Данная этимология получила широкое признание, несмотря на то, что еще в 1911 г. Ильинский указал на ее несостоятельность и предложил свою этимологию, хорошо подкрепленную материалом славянских языков. Ильинский возводит данную корневую морфему к **bēs-** и удачно сопоставляет ее с **bos-** (ср. чешск. *bosorovat* 'чародействовать', *bosorák* 'чародей', с укр. *босóрка* 'колдунья', *босоркýн* 'упырь'), с **bōs-** (ср. укр. *баский* 'резвый, рьяный', *басувати* 'резвиться, подыматься на дыбы') (см. РФВ, LXV, 212—217). Фасмер считает этимологию Ильинского неправдоподобной (VEW, I, 81). Против гипотезы Ильинского могут свидетельствовать лишь литовские примеры *baisenýbė* 'чудовище', *baisùs* 'страшный'. Славянское *vysokъ* восходит к **ūpso-**. Глагол *krěsiti* восходит к *kroi̯psītēi̯* (ср. лит. *krypstù*). В *rusъ* следует предполагать *rou̯ds-* (ср. *rudъ* < *rou̯d-*).

И в слове *pěsъkъ* [ě] восходит к [ē], после которого перехода [s] в [x] не было. Возводить [ě] в данном слове к дифтонгическому сочетанию [oi̯] нет оснований. В данной морфеме [ē] могло чередоваться с [ě]. Именно с [ě] эта корневая морфема перешла из праславянского в некоторые говоры русского языка.

Уже в праславянском языке были представлены многочисленные примеры со звуком [x] аналогического происхождения. Трудно точно определить хронологию этого процесса. Нет сомнения, что звук [x] аналогического происхождения возникал в разное время (особенно интенсивно, конечно, в более поздние эпохи жизни праславянского языка). Этому способствовали различные фонетические процессы еще праславянский эпохи. Так, в результате изменений дифтонгических сочетаний [or], [er] между согласными звук [x] оказывался в положении после гласных [a] или [o]: ср. русск. *горóх*, болг. *грáх*, польск. *groch* (псл. *gorx-* < *gors-*). Аналогического происхождения [x] в аористе типа *daxъ*, *nesoxъ*, в формах 2 л. ед. наст. вр. в глаголах, кроме IV класса, в ряде инфинитивов на **-ati** (например, *koxati* и т. д.), в мест. мн. (*vodaxъ*, *golvaxъ* под влиянием *domŭxъ*, *kostĭxъ*, *orboi̯xъ*), во многих словообразовательных группах (в словах с уменьшительными и увеличительными суффиксами **-axa, -jexa**) и др.

При изучении изменения [s] в [x] необходимо обратить внимание на судьбу [s] после приставок. Дело в том, что после некоторых приставок (например, после **pri-** и ряда других) звук [s] мог оказаться в

inslav

позиции, когда он должен был перейти в [x]. Обычно в этой позиции [s] сохранялся без изменений (ср. *prisěděti*). Лишь в глагольном корне *sed-* || *sod-* 'идти' находим указанное изменение: *xod-* (*pri-xod-*, *pri-xoditi*, *u-xoditi*, *u-xod-*) и т. д. Эти факты очень важны для истории славянских приставок. Судьба [s] после приставок свидетельствует, что во время изменения [s] в [x] приставки еще не были так тесно связаны с корнями, что они сохраняли известную автономность. И это косвенно свидетельствует о глубокой древности перехода [s] в [x].

Итак, в результате указанных процессов в праславянском языке возникло много морфем, которые имели звук [x]. В одних случаях он закономерно возникал из [s], в других появлялся в результате аналогических образований. Возникновение [x] в результате морфологических обобщений характерно главным образом для поздних периодов истории праславянского языка. До нас дошли свидетельства, указывающие на сохранение в некоторых формах звука [s], позже повсеместно замещенного [x] (ср. в древнечешском сохранение [s] в мест. мн. в основах с суффиксом **-an:** *Dolás* < *Dolan-sъ*, *Vrbčás* < *Vьrbьčan-sъ*). В этих образованиях долго сохранялась древнейшая форма, так как в результате сложных фонетических изменений существенно преобразовалась основа.

Еще позже происходило морфологическое обобщение на **-x** в формах аориста типа *něsъ*, *jęsъ*, *grěsъ* и др. Старославянские тексты XI в. указывают на замену [s] звуком [x] в данном типе аориста (*jęxъ* и др.).

Находим звук [x] во многих древних германских заимствованиях на месте германского [h].

Сложным и неясным вопросом до сих пор является наличие звука [x] в начале слова. Ряд случаев мы уже объяснили (влияние приставки, заимствование из германских языков). Звух [x] в словах типа *хихикать* можно объяснить эмоционально-экспрессивными причинами. Однако остается много случаев, которые так объяснить нельзя.

Прежде широко был распространен взгляд, что и.-е. [kh] в начале слова в псл. дал [x]. Так объясняли начальный [x] в словах *xabiti* 'схватывать', *xoldъ*, *xolstъ*, *xorbъ*, *xorna* 'пища', *xotěti* и ряд других. В настоящее время это объяснение не может быть принято в связи с радикальным пересмотром вопроса о придыхательных глухих в индоевропейском языке. Таких звуков индоевропейский не знал.

Много слов с начальным [x] возводится к [ks]. К морфемам **ksou̯-, kseu̯-, ksū-, ksei̯-** возводят слова *xobotъ*, *xvostъ*, *xybati*, *xusta*, *šipъ*, *xud-*, *xvoja* и др. Числительное *шесть* возводят к и.-е. *ksu̯ek'ṣ-*. В данном случае исследователи исходят из двух посылок: [s] после [k] закономерно изменялся в [x], начальная группа [ks] подтверждается данными древнеиндийского языка. Однако нельзя их признать вполне убедительными. Др.-инд. *kṣṓdati* 'дробить', *kṣudráḥ* 'маленький, незначительный', *kṣúdhyati* 'голодать', *kṣuráḥ* 'бритва', может быть, в данном

inslav

случае и не отражают особенностей индоевропейского праязыка, а являются местными новообразованиями. Балтийские языки могут дать основания говорить в данном случае о группе [sk]: ср. лит. *skáldyti* 'раздроблять', *skujà* 'хвоя', *skutiklis* 'бритва'; лтш. *skaĺdît* 'рубить', *skujas* 'хвоя', *skūties* 'бриться'. Но в праславянском группа [sk] в начале слова сохранялась без изменений и звука [x] не давала (ср. *skora* и др.). Вопрос о начальном [x] в праславянском продолжает оставаться неразрешенным до конца.

В результате всех рассмотренных выше фонетических и морфологических процессов в праславянском возникла самостоятельная фонема [x]. Праславянский язык стал обладателем трех самостоятельных задненебных фонем [k], [g], [x]. Однако в отличие от первых двух фонема [x] была изолированной, внепарной. Это ее роднило с сонантами (например, с сонантом [j]).

§ 28. Изменение [m] > [n]. К периоду балто-славянской сообщности следует отнести переход согласного сонанта [m] в [n] в конце слога. Индоевропейские [m] и [n] в праславянском последовательно различались в начале слова и в середине слова перед гласным (ср. псл. *domus* — греч. δόμος, лат. *domus*; псл. *zeĭma* — греч. χεῖμα 'буря'; псл. *smoĭs-* — лтш. *smaids* 'улыбка'; псл. *gen-* — греч. φόνος 'убийство'; псл. *ognis* — лат. *ignis*; псл. *merti* — др.-инд. *márati*, лат. *morior*; псл. *nagos* — лат. *nūdus* 'нагой'; псл. *snoĭg-* — гот. *snaiws*; псл. *supnos* — др.-инд. *svápnas*, греч. ὕπνος). Однако в одном случае в начале слова [n] не сохранился: он изменился в [d]. Речь идет о славянском числительном *devętь*, в котором начальный [d] представлен на месте исконного [*n*] (ср. др.-инд. *náva*, лат. *novem*, ирл. *nói-n-*, гот. *niun*, др.-прус. *newīnts*). Аналогичный процесс имел место в ряде балтийских языков (ср. лит. *devynì*, лтш. *deviņi*). Характер и причины замены начального [n] в данном числительном остаются невыясненными. В балтийских языках замена начального [n] звуком [d] охватила ряд слов (ср. др.-инд. *nábhas-*, ав. *nabah-*, греч. νέφος, хет. *nepiš*, лат. *nebula*, двн. *nebul*, псл. *nebos-*, но лит. *debesìs*, лтш. *debesis*, *debess*).

Праславянский язык в данный период не знал [m] в конце слога в любой позиции слова. В этом положении на месте [m] был представлен [n]. Трудно с полной уверенностью установить хронологию этого явления. Некоторые исследователи склонны его относить к индоевропейскому периоду, так как оно отражено не только праславянским, но и рядом других индоевропейских языков (например, прагреческим, прагерманским, прабалтийским и др.). Хорошо сохраняют конечный [m] древнеиндийский и латинский языки (ср. псл. *kъn* — др.-инд. *kám*; псл. *sъn* — др.-инд. *sám*). Однако будет осторожнее относить данное явление не к индоевропейской эпохе, а к более позднему периоду. Вероятно, оно имело место в период балто-славянской сообщности.

inslav

Таким образом, в 1 л. ед. аориста, в вин. ед. конечный [m] изменился в [n]: *badsom* > *badson*, *grēbsom* > *grēbson*, *orbom* > *orbon*, *gostim* > *gostin*, *rēkam* > *rēkan*. Следует предполагать, что этот процесс охватил и вин. мн., так как положение перед [s] было пунктом нейтрализации фонем [n] и [m].

Некоторые ученые (например, Селищев) сопоставляли праславянское изменение [m] в [n] с аналогичным процессом в чакавских говорах сербохорватского языка и в отдельных говорах словацкого языка (чак. *znân* < *znâm*, *sän* < *säm*, *mȍlin* < *mȍlim*, *čäsōn* < *čäsōm;* слвц. дат. мн. *chlapon* < *chlapom*, *tan* < *tam*). Однако данное сопоставление лишено всякого основания: переход [m] в [n] в праславянском, с одной стороны, и в говорах сербохорватского и словацкого языков, с другой, происходил не только в разные эпохи, но и определялся иными условиями: конец слога и конец слова.

К балто-славянскому периоду некоторые исследователи (Гуйер) относят утрату начального [w] в положении перед сонантами [r] и [l]. Это отражено в примерах: *rěšiti*, лит. *rìšti* 'вязать' (ср. др.-англ. *wrīon* < > **wrīhan* 'покрывать', гот. *wruggo* 'петля'); *lěska* (ср. др.-инд. *vlēṣkaḥ*, др.-ирл. *flesc* 'прут') и др. С полной уверенностью об этом процессе мы говорить не можем. Слишком мало примеров (для начального **wl**- только один пример). Соответствие славянским и балтийским примерам находим еще в древневерхненемецком и латинском.

§ 29. Судьба согласных перед [j]. Выше мы уже видели, что праславянский консонантизм характеризовался лишь губной, зубной и задненебной артикуляцией. Вся передненебная и средненебная артикуляция была свободной. Был известен лишь средненебный спирант [j], который не оказывал какого-либо существенного воздействия на соседние звуки. Новая эпоха в истории праславянского языка началась с того периода, когда [j] начал играть активную роль. Это нашло выражение в том, что все известные тогда согласные в положении перед [j] испытали передвижку в область собственно твердонебной артикуляции (передненебной и средненебной), т. е. в той или иной степени приблизились к артикуляции [j]. Этому процессу предшествовали совпадения [s] и [ṣ], [z] и [ẓ], изменение [kx] в [x] и изменения слогораздела. Если прежде слогораздел, как правило, шел между согласным и [j], то теперь [j] и предшествующий согласный стали входить в состав одного слога. Таким образом, в эту эпоху возникли новые сочетания согласных с [j]. Прежде они встречались в единичных случаях.

Курилович первый, кажется, обратил внимание на сходство изменений согласных перед [j] в славянских и балтийских языках. Именно это дало ему основание относить данный процесс к числу балто-славянских изоглосс. Действительно, в праславянском языке и диалектах прабалтийского языка были в этом отношении пережиты некоторые

inslav

общие явления. Ближе к праславянскому были говоры латышского языка, отчасти древнепрусского. Во всех языках было пережито смягчение согласных перед [j], т. е. начальная стадия процесса. Однако есть основания думать, что данный процесс, длившийся в праславянском в течение очень длительного времени, начался уже в период распада балто-славянской сообщности. При наличии общего здесь наблюдаются и весьма существенные отличия между славянскими и балтийскими языками.

Указанный нами процесс был очень длительным и принимал разнообразные формы в различные периоды истории праславянского языка. Нет сомнений, что он наступил задолго до тенденции утраты закрытых слогов. Это можно доказать на ряде примеров.

Дифтонгические сочетания [on], [en] в связи с утратой закрытых слогов изменились в [ǫ], [ę]. Однако в положении перед [j] следов этого процесса не находим: ср. *vonja* (ст.-сл. вонꙗ), *zemja*. В противоположность этому дифтонгическое сочетание [ou̯] перед [j] пережило процесс монофтонгизации (ср. *kovati — kujǫ*, *sovati — sujǫ*). Указанное отклонение можно объяснить только тем, что в *vonja*, *zemja* был уже пережит процесс смягчения [n] и [m] и связанные с ним явления. Дифтонгическое сочетание [or] в положении между согласными в связи с утратой закрытых слогов претерпело существенные изменения. Однако перед [j] этих изменений не происходило (ср. род. ед. *morja*), где смягчение [r] перед [j] и ассимиляция самого [j] привели, собственно, к распадению дифтонгического сочетания: *mor|ja* > *mo|ř'a*. Этот процесс мог происходить только до наступления утраты закрытых слогов.

В положении перед дифтонгическим сочетанием [oi̯] задненебные не изменяли своей артикуляции. Когда же оно монофтонгизировалось в связи с утратой закрытых слогов, задненебные изменились, но процесс этот происходил в более позднее время, нежели изменения задненебных перед исконными гласными переднего ряда.

Следует обратить внимание на то, что ассимиляция согласных перед [j] началась позже ряда известных нам праславянских процессов. Так, она наступила уже после изменения [s] в [x]. Она наступила после полного совпадения исконного [s] и [ṣ] из [kʲ]. Если в словах *pisatēi̯ — pixatēi̯* судьба [s] была разной (в первом случае [ṣ] из [kʲ]), то в положении перед [j] всякий [s] изменился в [š].

Процесс ассимиляции согласных перед [j] отразился не только на звуке, стоящем непосредственно перед [j]. Мягкий согласный оказывал ассимилирующее воздействие на предшествующий ему согласный. В связи с этим происходили сложные преобразования сочетаний согласных, находящихся перед [j]. В результате указанного процесса усложнилась система консонантизма, произошли в дальнейшем глубокие изменения фонологического характера.

Суть рассматриваемого процесса состояла во взаимной ассимиляции: [j] ассимилировал предшествующий согласный, а затем сам был асси-

inslav

милирован предшествующим мягким согласным. Это приводило к возникновению в системе консонантизма долгих мягких согласных: *von|ja > vo|n'ja > vo|n̄'a; morja > mor'ja > mor̄'a; zemja > zem'ja > > zem̄'a; medja > med'ja > med̄'a; nosja > nos'ja > nos̄'a; kozja > > koz'ja > koz̄'a; sēkja > sēk'ja > sēk̄'a; soux̯ja > soux̯'ja > soux̯'a; lugja > > lug'ja > luḡ'a.* Можно думать, что взрывные мягкие долгие произносились более энергично, нежели соответствующие фрикативные.

В отличие от всех согласных задненебные [k], [g], [x] пережили аналогичный процесс и перед гласными переднего ряда: *kei̯d- > k'ei̯d-; gīv- g'īv-; xid- > x'id-.* Дальнейший процесс (возникновение долготы) свидетельствует, что после мягкого согласного перед гласными переднего ряда возникла йотовая артикуляция, без которой в данной позиции долготу объяснить невозможно: *k'ei̯d- > k'jei̯d- > k̄'ei̯d-; g'īv- > g'jīv- > > ḡ'īv-; x'id- > x'jid- > x̄'id-.*

Таким образом, в определенный период истории праславянского языка (задолго до утраты закрытых слогов) появились долгие смягченные согласные. Следует предполагать, что долгие мягкие согласные не являлись самостоятельными фонемами, несмотря на то, что они ассимилировали [j] и, таким образом, являлись как бы самостоятельными, ср. слоги **ta** и **t̄'a** (*oxota — svět̄'a*), слоги **ra** и **r̄'a** (*pora — mor̄'a*) и др. Однако в функциональном отношении мягкие долгие согласные в этот период соответствовали сочетанию двух фонем: мягкого согласного и [j]. До изменения [ē] в [ā] в определенных фонетических условиях (см. § 31) в [č'], [ǯ'], [š'] следует видеть сочетание двух фонем [č'j], [ǯj], [š'j]. Сочетанием двух фонем являлись и другие мягкие согласные.

Долгие мягкие согласные, кроме звуков [t̄'] и [d̄'], очень рано утрачивали свою долготу. Утрата долготы происходила через стадию развития вторичного палатального элемента: [s̄'] > [s$^{š'}$], [z̄'] > [z$^{ž'}$], [m̄'] > [m$^{l'}$], [b̄'] > [b$^{l'}$], [p̄'] > [p$^{l'}$] и т. д.

Звуки [r̄'], [l̄'], [n̄'] утрачивали долготу, не развивая вторичного палатального элемента: [r̄'] > [r'] (mor̄'a > mor'a), [l̄'] > [l'], (vol̄'a > > vol'a), [n̄'] > [n'] (von̄'a > von'a). Звуки [t̄'] и [d̄'] сохранялись в течение длительного времени. Позже они тоже пережили процесс утраты долготы и развития вторичного палатального элемента, но этот процесс происходил уже в тот период истории праславянского языка, когда в нем наметились диалектные различия.

Наиболее сложные процессы пережили мягкие долгие [k̄'], [ḡ'], [x̄']. Передвижка артикуляции в область переднего неба, развитие фрикативного элемента привели к переходу [k̄'] в [č'], [ḡ'] в [ǯ'], [x̄'] в [š'].

Примеры: *k̄'ei̯d- > č'ei̯d-, krīk̄'ētēi̯ > krīč'ētēi̯, ḡ'īv- > ǯ'īv-, ḡ'ēr- > > ǯ'ēr-, x̄'id- > š'id-, slou̯x̄'ētēi̯ > slou̯š'ētēi̯.*

Этот процесс, известный в нашей науке под названием первой палатализации, последовательно отражен во всех современных славянских языках в виде чередований **k || č, g || ž, x || š.** Он проходил

inslav

в период до утраты закрытых слогов, когда еще сохранялись без изменений все дифтонгические сочетания. Он проходил до изменения [ē] в [ā], так как перед [ā] задненебные согласные не могли бы пережить процесса палатализации.

До сих пор среди ученых нет единства во взглядах на то, каким образом [k'] изменилось в [č], [g'] в [ǯ'], [x'] в [š']. Так, Лескин для [k'], например, дает схему [k]>[k']>[k'x']>[t'x']>[t'š']>[č']. Нам представляется, что ближе к истине схема Шахматова, согласно которой процесс шел следующим образом: [k']>[k'ħ']>[č']; [g']>[g'ɧ']>[ǯ']; [x']>[š']. Однако она требует некоторых дополнений и пояснений. Как говорилось выше, в результате взаимодействия с [j] возникли [k̄'], [ḡ'], [x̄']. Дальнейшие изменения нельзя понять, если не учитывать стадию долготы. Именно в результате утраты долготы согласного возникал вторичный палатальный элемент: [k̄']>[k^{ħ}']>[ħ']>[č']; [ḡ']>>[g^{ɧ}']>[ɧ']>[ǯ']; [x̄']>[x^{š}']>[š'].

Согласные [k̄'], [ḡ'] изменились в аффрикаты [č'], [ǯ'], тогда как [x̄'] изменился в простой звук [š']. Это объясняется тем, что взрывные долгие произносились более энергично, нежели фрикативные (ср., например, аналогичное положение с [t̄'], [d̄'], с одной стороны, и [s̄'], [z̄'], с другой).

Итак, как мы видели, необходимым условием первой палатализации было наличие [j]. Строго говоря, задненебные изменялись не перед гласными переднего ряда, а перед [j]. Согласный в этот период мог измениться в аффрикату только через стадию долготы, а долготу можно объяснить только ассимиляцией с [j]. Сочетания [kv], [gv] перед гласным переднего ряда не подвергались первой палатализации (ср. *kvit-*, *kveit-*). Здесь действовала вторая палатализация уже в иную историческую эпоху. Объясняется это тем, что в данном случае не мог развиться [j]—необходимое условие первой палатализации.

Еще недавно ученых ставили в тупик следы первой палатализации в германских заимствованиях (ср. *šelm-* из *xelm-*; зв. ф. *kъnęže* из *kuning-*). Сюда же причисляли славянское *čędo*, якобы восходящее к германскому *kind-*. Дело в том, что все заимствованные германские слова в праславянском представляют следы второй и третьей палатализации, а не первой (ср. *cьrky* из *kirk-*, *cęta* из *kintus* и др.). Нет сомнения, что ко II в. н. э. (время, когда впервые установилась связь между славянскими и германскими племенами) фонетический процесс перехода [k̄'] в [č'], [ḡ'] в [ǯ'], [x̄'] в [š'] уже давно закончился. Указанное противоречие вызвало много недоумений и ложных толкований. В настоящее время вопрос этот решен и противоречие устранено.

Прежде всего показана ошибочность германской этимологии славянского *čędo*. В действительности это исконно славянское слово восходит к индоевропейскому **kēn-** и родственно гот. *du-ginnan*, нем. *beginnen* 'начинать'. Эту же морфему мы находим в **na-čьn-, kon-**. Этот же корень представлен в русском *щенок* (**sken-**), в болгарском

inslav

щене. В данном случае небезынтересно обратить внимание на то, что в некоторых болгарских говорах *штéне* имеет значение 'ребенок' (см. Бунина. СМБД, вып. 5, 62).

Однако никаких сомнений не вызывает германская этимология *šelmъ*, *kъnęž'ь*. В этом случае результат первой палатализации объясняется не живым фонетическим процессом, а явлением субституции. Фонетический процесс уже закончился. В результате этого процесса задненебный согласный в определенных условиях употребляться уже не мог. Но вследствие заимствований он вновь оказался в данных условиях. Тогда происходят явления субституции, замены одного звука другим. В период древних германских заимствований слогов **ke, ge, xe** в праславянском уже не было. В заимствованных словах с подобными слогами произошла субституция. Эти слоги стали произноситься **č'e, ǯ'e, š'e**. Но почему задненебные были замещены именно звуками [č'], [ǯ'], [š'], а не другими звуками, скажем, звуками [t], [d], [s]? Потому, что в языке были представлены чередования **k** || **č'**, **g** || **ǯ'**, **x** || **š'** в одних и тех же морфемах. Замена одного звука происходит по готовым моделям. Явление субституции находим и перед [i], но очень редко и непоследовательно (ср. имя из греческого *Ничипор* 'Никифор'), перед [ь] (ср. *mečь* из гот. *mēkeis*).

Звуки [s̄'] и [z̄'] также утратили долготу. На первой стадии процесса развивался вторичный палатальный элемент [$s^{š'}$] и [$z^{ž'}$]. Это приводило к передвижке всей артикуляции в область переднего неба и утрате зубной артикуляции. Возникли сильно смягченные [š'] и [ž']. В языке установились новые соотношения, новые пары: **s** || **š'**; **z** || **ž'**.

Долгие губные согласные и сонанты утрачивали долготу через стадию развития вторичного палатального элемента: [$p^{l'}$], [$b^{l'}$], [$m^{l'}$]. Губные с новым палатальным элементом представляли собой нечленимую в фонетическом отношении единицу. Развитие призвука в самостоятельную артикуляцию имело место в поздние периоды истории праславянского языка. В некоторых его диалектах на стыке морфем этот призвук так и не развился в самостоятельную артикуляцию и утратился. Вот почему нельзя говорить об утрате **l**-epentheticum в западнославянских языках или в болгарском языке. Здесь утратился не **l**-epentheticum, а вторичный палатальный элемент, который не развил в данном случае самостоятельной артикуляции. Таким образом, в польском происходил процесс *zem$^{l'}$a* > *zem'a*, а не *zeml'a* > *zem'a*. В словах, например, *grobla* 'запруда' звук [l] всегда имел самостоятельную артикуляцию. Ср. также в болгарском *земя*, но *бъбля*. В первом слове призвук не развился до самостоятельной артикуляции и поэтому утратился. Во втором слове звук [l] имел самостоятельную артикуляцию и поэтому сохранился. Но эти процессы имели место в более поздний период истории праславянского языка. Для рассматриваемого нами периода следует предполагать наличие [$p^{l'}$], [$b^{l'}$], [$m^{l'}$], [$v^{l'}$] во всех позициях.

inslav

Легко заметить, что долгие мягкие согласные возникали, как правило, на стыке морфем, что зависело от позиции [j]. О случаях типа *sjūtēi̯* речь шла выше. В большинстве случаев внутри морфем [j] появился в связи с монофтонгизацией дифтонгических сочетаний, но это было связано с более поздней эпохой (ср. *beu̯d-* > *bjud-* > *b̄'ud; teu̯d-* > > *tjud-* > *t̄'ud*). Это, кстати, свидетельствует, что процесс ассимиляции согласных перед [j] происходил и в поздние эпохи праславянского языка, уже после монофтонгизации дифтонгических сочетаний. В ранний период истории праславянского языка мягкими согласными внутри морфем в основном были задненебные, так как задненебные смягчались и перед гласными переднего ряда.

Выше было указано, что согласные смягчались не только перед [j], но и перед смягченными согласными: [stj] > [s't'j], [zdj] > [z'd'j], [skj] > > [s'k'j], [zgj] > [z'g'j]. В этих группах при общих тенденциях отмечаются и индивидуальные черты. [s't'j] закономерно изменилось в [s̄'t̄'], [z'd'j] в [z̄'d̄']. В отличие от [t̄'] и [d̄'], где, как сказано было выше, долгота утрачивалась позже, эти сочетания утрачивали долготу одновременно с другими согласными. Долгота утрачивалась путем развития вторичного палатального элемента: [s̄'t̄'] > [$s^{š'}t^{š'}$], [z̄'d̄'] > [$z^{ž'}d^{ž'}$]. Так возникли [š'č'], [ž'ǯ']. Примеры: *pou̯stja* > *pou̯š't̄'a* > *puš'č'a; tistja* > *tīs't̄'a* > > *tiš'č'a; jēzdj-* > *jēz̄'d̄'-* > *jēž'ǯ'ǫ; duzdju-* > *duž'ǯ'-*.

[š'č'] и [ž'ǯ'] в отдельных диалектах праславянского языка претерпели изменения, но это имело место уже в более поздние периоды его истории.

[s'k'j] закономерно изменилось в [s̄'k̄'], [z'g'j] в [z̄'ḡ']. Отсюда [s'č'] [z'ǯ'], а затем [š'č'] и [ž'ǯ']. Аналогичный процесс соответственно был пережит сочетаниями [sk] и [zg] перед гласными переднего ряда. Примеры: *jiskj-* > *jīs'k̄'-* > *jьš'č'ǫ; jeskje* > *jes̄'k̄'e* > *ješ'č'e; skedr-* > > *s̄'k̄'edr-* > *š'č'edr-; skend-* > *s̄'k̄'end-* > *ščęd-* (ср. русск. *щадить*, *скудный* из *skǫd-*); *rozgije* > *rož'ǯ'ije* (ср. *rozga* 'ветвь', *iz-gīv-*, *iž̄ǯīv-*).

Смягчались согласные [s] и [z] и перед смягченными [n̄'], [l̄']. Группы [s̄'n̄'] > [š'n'], [z̄'n̄'] > [ž'n'], [s̄'l̄'] > [š'l'], [z̄'l̄'] > [ž'l']. (*myšl'ati*, *jašn'ati*, *blažn'ati* и др.). Однако эти сочетания оказались неустойчивыми. Возможно, что данные изменения носили диалектный характер (характеризовали центральный поддиалект восточного диалекта).

Особый случай представляет [kt] (< [gt]) в положении перед гласными переднего ряда. Здесь [k] не мог смягчиться перед полумягким [t'], так как между [k] и [t] шел слогораздел. В дальнейшем после изменения слогораздела [k] смягчился и возник [t̄'], который совпал с [t̄'] из [tj] и пережил с ним общую судьбу: *not̄'-; dut̄'-; mot̄'-*. Так как смягчение [t] перед гласным переднего ряда относится к более позднему периоду, нежели смягчение согласных перед [j], то и изменение [kt] в [t̄'] происходило не в рассматриваемую эпоху, а позднее.

В результате всех указанных процессов система праславянского консонантизма претерпела глубокие изменения. Возникли аффрикаты

inslav

[č'], [ǯ'], средненебные [š'], [ž'], сложные образования губных с вторичным палатальным [pʲ], [bʲ], [mʲ], [vʲ], долгие мягкие [ť'] и [ď']. Возникли в языке новые сочетания [š'č'], [ž'ž'], [š'n'], [ž'n'], [š'l'], [ž'l'].

Звонкие аффрикаты в праславянском были неустойчивыми. Происходила утрата первого затворного элемента: аффриката изменялась в звонкий фрикативный. Вот почему очень рано, еще задолго до появления первых диалектных черт в праславянском языке, аффриката [ǯ'] изменилась в [ž']: *ǯar-* > *žar-; ǯena* > *žena*. Таким образом, [g] перед гласными переднего ряда и [j] и [z] перед [j] дали одинаковый результат.

§ 30. Гласные после мягких согласных. Появление в системе праславянского консонантизма звуков передненебной и средненебной артикуляции не прошло бесследно для вокализма. Если в отношении задненебных, зубных и губных согласных гласные продолжали сохранять свою прежнюю автономию, то в отношении твердонебных согласных они заняли подчиненное положение. Это нашло выражение в том, что ряд гласных после [š'], [ž'], [č'], [ǯ'], [j], [ť'], [ď'], [n'], [r'], [l'], [pʲ], [bʲ], [mʲ], [nʲ] в тавтосиллабическом положении претерпел существенные изменения.

Гласные [ŏ], [ŭ], [ū] после мягких согласных перешли в гласные переднего ряда и делабиализовались: [ŏ] > [ĕ], [ŭ] > [ĭ], [ū] > [ī]. Вместо слогов **n'ŏ**, **n'ŭ**, **n'ū** появились слоги **n'ĕ**, **n'ĭ**, **n'ī**. Данный процесс не привел к возникновению новых гласных (гласные [ĕ], [ĭ], [ī] были хорошо известны и прежде). Однако он имел весьма существенное влияние на развитие категории твердости—мягкости согласных, так как значительно расширил сферу употребления мягких согласных перед гласными переднего ряда. В большинстве случаев указанные изменения гласных произошли в формативах. Корнеслов охвачен был ими слабо. Вот почему данный фонетический процесс имел весьма существенное влияние на грамматический строй праславянского языка. „Всякому славянскому суффиксу или всякому окончанию с начальной гласной присущи две формы в зависимости от того, каков предшествующий элемент — другая согласная или **j**. Это имело для славянской морфологии тем более решающее значение, что индоевропейская фонема ***j**, слав. **j** занимает важное место в словообразовании" (Мейе. Общеславянский язык, 95—96). Этот процесс определил в дальнейшем существенные различия так называемых твердых и мягких вариантов склонения (ср. в ст.-сл. дат., мест. ед. водѣ, но волѝ, род. ед., им., вин. мн. воды, но волѭ, зв. жено, но ꙁемлѥ и мн. др.).

Есть основание предполагать, что гласный [ŏ] в положении перед [n] не изменялся в [ĕ]. Это связано было с указанным уже выше процессом изменения [ŏ] в данной фонетической позиции. Вот почему в старославянском языке находим 3 л. мн. ꙁнаѭтъ, а не *ꙁнаѭтъ и

inslav

ряд других случаев. Однако в положении перед конечным сочетанием [ns] гласный [ŏ] после мягкого согласного изменился в [ĕ], который в данной позиции стал долгим.

Еще из индоевропейского праязыка праславянский вынес чередование гласных [ŏ], [ĕ]: ср. *ber-* || *bor-*, *nes-* || *nos-*, *orbe* || *orbos*. Теперь возникло фонематическое противопоставление гласных [ŏ], [ĕ] (ср. аналогично с гласными [ŭ], [ū]). В звательной форме *orbe* гласный [ĕ] представлял стадию аблаута и фонетически был совешенно независим в отношении к гласному [ŏ] (ср. *orbo-s*). В звательной форме *douše* гласный [ĕ] являлся позиционным вариантом фонемы [ŏ] в положении после мягкого согласного. Положение изменилось позже, когда диалектно смягчались все согласные перед гласными переднего ряда и когда наступила эпоха силлабем.

Гласный [ŏ] после мягких согласных перешел в [ĕ] и перед тавтосиллабическим [i̯]. В связи с этим дифтонгическое сочетание [oi̯] изменилось в [ei̯]. Если в основах на **-o** старославянская флексия им. мн. и восходит к [oi̯] (ср. **влъци**), то в основах на **-jo** она восходит к [ei̯] (ср. **мѫжи**). Высказывалось предположение, что в дифтонгическом сочетании [ou̯] гласный [ŏ] после смягченных согласных не переходил в [ĕ]. Однако доказать это трудно, так как дифтонгическое сочетание [eu̯] монофтонгизировалось в [ju]. Поэтому славянское **юнъ** может восходить как к *jou̯nos*, так и к *jeu̯nos*.

Некоторые ученые полагают, что влияние мягких согласных на последующий гласный захватило и гласный [a], который якобы в данной фонетической позиции перешел в [å] или даже в [ä]. Приводимые примеры единичны и спорны (ср. схр. *jäxati*, русск. *ехать* из ѣхати). На стыке морфем славянские языки не представляют никаких следов данного процесса: гласный [a] после твердых и мягких согласных ведет себя одинаково. Все известные случаи влияния мягких согласных на [a] (например, чешск. *vůle*, болг. *жеби*) относятся к позднему периоду. Все это дает нам основание полагать, что в слогах **l'a, n'a, r'a**... гласный [a] не изменялся в той степени, какую необходимо учитывать при изучении древнейших процессов.

§ 31. История гласного [ē]. Особую судьбу пережил гласный [ē]. Он мог встречаться как после твердых, так и после мягких согласных [č'], [ž'], [š'], [j] и др. После мягких согласных в тавтосиллабическом положении гласный [ē] изменился в [ā]: **č'ēr-** > **č'ar-, ž'ēr-** > **ž'ar-, š'ēla** > **š'ala, jēz-** > **jaz-**. Можно считать, что изменение гласных [ŏ], [ŭ], [ū] после мягких согласных в [ĕ], [ĭ], [ī] и изменение гласного [ē] в [ā] после [č'], [ž'], [š'], [j] не были отделены длительным периодом времени. Ван-Вейк писал: „Можно с уверенностью сказать, что между обоими этими явлениями не могло быть большого промежутка времени" („Slavia", XIX, 301).

inslav

Таблицы
возможных распределений согласных перед гласными

I. Твердые согласные

	ā	ŏ	ē	ĕ	ī	ĭ	ū	ŭ
k	kā	kŏ	—	—	—	—	kū	kŭ
g	gā	gŏ	—	—	—	—	gū	gŭ
x	xā	xŏ	—	—	—	—	xū	xŭ
t	tā	tŏ	tē	tĕ	tī	tĭ	tū	tŭ
d	dā	dŏ	dē	dĕ	dī	dĭ	dū	dŭ
s	sā	sŏ	sē	sĕ	sī	sĭ	sū	sŭ
z	zā	zŏ	zē	zĕ	zī	zĭ	zū	zŭ
p	pā	pŏ	pē	pĕ	pī	pĭ	pū	pŭ
b	bā	bŏ	bē	bĕ	bī	bĭ	bū	bŭ
m	mā	mŏ	mē	mĕ	mī	mĭ	mū	mŭ
v (w)	vā	vŏ	vē	vĕ	vī	vĭ	vū	vŭ
n	nā	nŏ	nē	nĕ	nī	nĭ	nū	nŭ
r	rā	rŏ	rē	rĕ	rī	rĭ	rū	rŭ
l	lā	lŏ	lē	lĕ	lī	lĭ	lū	lŭ

II. Мягкие согласные

	ā	ŏ	ē	ĕ	ī	ĭ	ū	ŭ
j	jā	—	jē	jĕ	jī	jĭ	—	—
š’	š’ā	—	š’ē	š’ĕ	š’ī	š’ĭ	—	—

inslav

ž’	ž’ā	—	ž’ē	ž’ě	ž’ī	ž’ĭ	—	—
ť’	ť’ā	—	—	ť’ě	—	ť’ĭ	—	—
ď’	ď’ā	—	—	ď’ě	—	ď’ĭ	—	—
p^{l}’	p^{l}’ā	—	—	p^{l}’ě	—	p^{l}’ĭ	—	—
b^{l}’	b^{l}’ā	—	—	b^{l}’ě	—	b^{l}’ĭ	—	—
m^{l}’	m^{l}’ā	—	—	m^{l}’ě	—	m^{l}’ĭ	—	—
v^{l}’	v^{l}’ā	—	—	v^{l}’ě	—	v^{l}’ĭ	—	—
n’	n’ā	—	—	n’ě	—	n’ĭ	—	—
r’	r’ā	—	—	r’ě	—	r’ĭ	—	—
l’	l’ā	—	—	l’ě	—	l’ĭ	—	—
č’	—	—	č’ē	č’ě	č’ī	č’ĭ		
ǯ’	—	—	ǯ’ē	ǯ’ě	ǯ’ī	ǯ’ĭ		

Примечание. Гласный [ŏ] перед [n] мог встречаться и после мягких согласных. Гласный [ē] мог встречаться после мягких согласных [j], [š], [ž], [č], [ǯ]. После других мягких согласных [ē] мог встречаться в единичных случаях. Гласный [ī] мог встречаться только после мягких [j], [š], [ž], [č] [ǯ]. На данной таблице мы сохраняем еще аффрикату [ǯ], чтобы показать отличие позиций этой аффрикаты от [ž] из [zj]. Конечно, в рассматриваемую эпоху аффриката [ǯ] уже совпала с [ž]. Позиции [vū] и [vŭ] не могут быть установлены с полной уверенностью.

Данный процесс явился важной вехой на пути превращения [č’], [ž’], [š’] в позиционно-самостоятельные звуки. В морфемах типа **čar-** отсутствовал морфологический элемент [j]. Здесь звук [č] был уже самостоятельной фонемой. „Согласные [č], [dž], [š], — писал Ван-Вейк, — стали фонемами, когда [ě] после мягких согласных перешло в [a]. Начиная с этого времени, гуттуральные и [č], [(d)ž], [š] могут встречаться при одинаковом звуковом окружении: наряду с *kaịati* появилось *čaịati*...“ („Slavia“, XIX, 304). В дальнейшем это привело к возникновению в праславянском языке чередований самостоятельных фонем: **k** || **č, g** || **ž, x** || **š**.

Гласный [ē] в иных условиях (т. е. не после [č’], [ǯ’], [š’], [j]) изменился в особый гласный, который мы будем передавать знаком $ě_1$. Есть все основания полагать, что это был гласный [ä]. Монофтонгизация

inslav

дифтонгического сочетания [ēi] в [i] свидетельствует, что здесь долгота слоговой части была утрачена еще до перехода [ē] в [ě$_1$].

Следует предполагать, что [ē] во всех позициях перешел в [ä], а уже затем [ä] после [č'], [ž'], [š'], [j] изменился в [a]: **č'ēr-** > **č'är-** > **č'ar-**...

Данный процесс явился причиной возникновения новых корреляций. Если прежде в языке существовала только коррелятивная пара **ā—ŏ**, то теперь возникла новая пара **ā—ě$_1$**. Прежняя коррелятивная пара **ē—ě** отражена теперь в виде **ě$_1$—ě**.

§ 32. История гласных [ū], [ŭ], [ĭ]. Еще до утраты закрытых слогов праславянский язык пережил изменения [ū] в [ȳ]. Примеры: *dūm-* > *dȳm-*, *sūn-* > *sȳn-*, *rūba* > *rȳba*, *tū* > *tȳ*.

Обычно при характеристике гласного [ȳ] его сопоставляют с современным русским гласным [ы], гласным нелабиализованным среднего ряда верхнего подъема. Это сопоставление тем бездоказательнее, что даже в современных русском и польском языках этот гласный произносится различно. Томсон в свое время выдвигал теорию о том, что праславянский гласный [ȳ] представлял собою не монофтонг, а дифтонг, ссылаясь на полученные им экспериментальные данные. Нужно, однако, сказать, что мы не располагаем данными, на основании которых могли бы высказывать определенные суждения об акустико-физиологической природе этого праславянского гласного. Напомню, что наблюдения Томсона даже над современным русским произношением [ы] не нашли полной поддержки. До сих пор языковеды спорят о том, являлся ли праславянский [ȳ] лабиализованным гласным или нелабиализованным. Нельзя согласиться с Марешом (см. „Slavia“ XXV, 449), который заявил, что вопрос решен окончательно в пользу теории о нелабиализованном характере [ȳ] (ср. доводы Ван-Вейка и других языковедов). Вопрос продолжает оставаться спорным.

Древнейшие германские заимствования в праславянском языке, имеющие [ū], последовательно отражают процесс изменения [ū] в [ȳ]: *tūn-* > *tȳn-*, *mūt-* > *mȳt-*, *hūz-* > *hȳz-*. Отсюда делались заключения, что данный процесс следует датировать первыми веками нашей эры, когда началось проникновение германских слов в праславянский. С этим согласиться нельзя. Дело в том, что данный фонетический процесс мог начаться задолго до первых контактов славян с германцами. Более того, у нас нет полной уверенности в том, что в период проникновения древнейших германизмов в праславянский существовал фонетический переход [ū] в [ȳ]. Скорее всего в случаях типа *hūz-* > *hȳz-* мы имеем дело с фонетической субституцией звуков, т. е. с заменой германского [ū] славянским [ȳ]. Аналогичную фонетическую субституцию мы можем наблюдать в древних славянских заимствованиях из балтийских диалектов. В последние века до н. э. и в первые века н. э. праславянский язык не знал гласного [ū]. Его функцию выполнял [ȳ]. Вот почему все заимствованные германские слова с [ū] закономерно отра-

inslav

жены через [ȳ]. Это так же легко понять, как передачу баварцами в VIII ст. н. э. славянских имен с [ȳ] через [ū]: *Dabramuzli* (< *Dobromyslь*), *Rūbinicha* < (*Rybьnica*) (см. Ramovš. Kratka zgodovina..., 36). Все эти факты не могут свидетельствовать о фонетическом характере процесса.

Гласный ȳ на месте ū представлен не только в исконных германизмах, но и в германизмах романского происхождения. Так, германское *Rūm-* (из *Rōma*) дало закономерно в праславянском *Rȳm-*. Однако это название „вечного города" в славянских языках не удержалось. Всеобщее распространение получило название, перешедшее в славянские языки не через германские. Народнолатинские названия с **om** (**on**) всегда отражены в виде **im** (**in**): *Roma* > *Rimъ*, *Ankona* > *Jakinъ*, *Albona* > *Labinъ*, *Skardona* > *Skardinъ* (см. BrES., 478). Мейе ошибался, пытаясь доказать единый источник славянских *Rymъ* и *Rimъ*. Он полагал, что это слово было заимствовано теми говорами праславянского языка „где различение твердых и мягких согласных было осуждено на исчезновение и где оно, несомненно, уже начало теряться в наиболее благоприятном случае, именно при **r**" („Общеславянский язык", 83). Фонетический процесс начался позже, и он не может объяснить всеобщего распространения названия *Rimъ*. Вондрак объяснял *Rimъ* из *Rymъ* ассимилирующим воздействием последующего слога в мест. ед. *Rymĕ* > > *Rimĕ*, откуда затем *Rimъ*. В праславянском в мест. ед. [m] перед [ĕ] был полумягким и не мог явиться причиной перехода [ȳ] в [ī].

Праславянский язык пережил один фонетический процесс, наложивший глубокую печать своеобразия на все славянские языки. Речь идет об изменении праславянских [ŭ] и [ĭ] в особые сверхкраткие гласные [ъ] и [ь]. Мы найдем эти гласные во всех праславянских реконструкциях, относящихся к любому периоду. Часто указывают на то, что индоевропейский [s] изменился в [x] после гласных [ъ] и [ь]. Это неверно. В эпоху действия данного фонетического процесса еще существовали гласные [ŭ] и [ĭ]. Нельзя говорить, что задненебные [k], [g], [x] пережили процесс первой палатализации перед гласным [ь]. Во время первой палатализации сверхкратких гласных еще не было, их не было и в эпоху действия и других уже рассмотренных нами фонетических процессов. Однако нельзя относить появление сверхкратких и к очень позднему периоду, как это делает ряд современных исследователей. Так, Лер-Сплавинский думает, что сверхкраткие гласные возникли в праславянском позже, нежели носовые гласные. Основанием для такого предположения служит судьба [in]. Через стадию [i̯] это дифтонгическое сочетание изменилось в [i]. Позже в германских заимствованиях [in] изменилось в [ьn], которое последовательно давало [ę]. Мы дальше увидим, что с этим доводом согласиться нельзя. Не могут быть использованы для установления хронологии славянские заимствования в финских языках, так как звуков [ь] и [ъ] в финских языках не было, а наиболее близкими были именно звуки [i] и [u]. Вот почему финские *akkuna* (< псл. *okъno*),

inslav

palttina (< псл. *poltьno*), *turku* (псл. *tъrgъ*) не могут убедительно свидетельствовать, что во время их заимствования из славянского гласные [ĭ] и [ŭ] еще не перешли в сверхкраткие [ь], [ъ]. Эти и аналогичные примеры могут лишь свидетельствовать, что сверхкраткие гласные в „слабой" позиции еще не утратились.

Я разделяю мнение Шахматова, что переход [ŭ] в [ъ] тесно связан с изменением [ū] в [ȳ]. Таким образом, сверхкраткие гласные появились до процессов, связанных с утратой закрытых слогов. Это, между прочим, подтверждается и судьбой дифтонгических сочетаний **tъrt, tьrt, tъlt, tьlt**. Во время возникновения слоговых плавных гласные [ŭ] и [ĭ] уже сократились и перешли в сверхкраткие. Аналогичное положение было и с дифтонгическими сочетаниями, давшими носовые гласные.

Возникновение сверхкратких [ь] и [ъ] существенным образом преобразовало количественные отношения. Наряду с долгими и краткими гласными появились еще сверхкраткие. Это, однако, не затронуло фонематических отношений, так как в этот период краткие гласные и гласные сверхкраткие функционально не различались.

Языковеды уже давно пытаются более или менее точно определить акустическую и физиологическую природу сверхкратких гласных. В свое время Востоков писал, что „полугласные **ъ** и **ь** не что иное суть, как стремление воздуха из гортани, потребное для образования всякой из пяти гласных **а, е, і, о, у**, но недостигающее сего полного изглашения, потому что на половине пути остановленное ударяется в нёбо, вместо того, чтобы устремиться в отверстие рта. — **ь** ближе подходит к полным гласным от того, что гортанный воздух для произношения его совершает в устах более пути, и ударяется в переднюю часть нёба, почти к деснам; **ъ** напротив того, при самом исходе из гортани, в нёбо ударяется" („Рассуждение о славянском языке", 18). Это определение, конечно, теперь вызывает улыбку, но нужно сказать, что и более поздние определения часто не вносят ясности. Так, Лескин, а за ним и Вондрак утверждали, что [ъ] в праславянском произносился как английская буква [i] в слове *bird*, а [ь] как немецкий звук [e] в слове *glaube* (Лескин. Грамматика..., 51, 53; Vondrák. Altkir. Gr.[2], 159).

Очень часто встречается в литературе сопоставление праславянских [ь] и [ъ] с безударными русскими гласными, „**ъ** и **ь**, — писал Брандт, — можно отожествлять с русскими глухими из безударных **а (о), е (и)** в начальных слогах речений: *пъмагáть*, *бърегý*" („Краткая сравнительная грамматика...", 7). Это сопоставление может породить ряд ошибок. Сверхкраткие гласные в праславянском были самостоятельными фонемами, они употреблялись как под ударением, так и в безударной позиции. Сравнение их с безударными русскими гласными ничего не дает для уяснения их акустической и физиологической природы и искажает их фонематическую сущность.

Дурново считал, что [ь] и [ъ] были менее звонкими („Очерк...", 115). Одни исследователи полагают, что гласный [ъ] был лабиализованным,

inslav

другие напротив — относят его к нелабиализованным. Иногда праславянский [ъ] сопоставляют с современным болгарским [ъ], который, как известно, употребляется на месте [ъ], частично [ь], [ǫ], частично [ę]. Часто говорят и пишут, что праславянский [ъ] сохранился в современном болгарском языке. „В тех же случаях, — писал Лавров, — где глухие сохраняются, мы замечаем в среднеболгарских памятниках ту особенность, что [ь] всюду заменяется [ъ], что свидетельствует о том, что в этот период болгарского языка уже существовал лишь один глухой звук, как и в современном языке болгарском“ (Лавров: Обзор..., 34). Цонев неоднократно указывал на ошибочность отожествления современного болгарского [ъ] и праславянского [ъ], но нередко сам забывал об этом (см. „История...“, II, 384—385). Конечно, здесь все дело в графике. В действительности же болгарский [ъ] так же далек от праславянского, как и звуки [о], [а], [е], представленные на месте [ъ] в различных славянских языках. Звук [ъ] в болгарском генетически связан с аналогичным звуком в румынском и албанском языках.

Очень широко распространена в литературе характеристика сверхкратких гласных как гласных неопределенных, неясных, темных, неустойчивых, иррациональных, полугласных, редуцированных. „По своему звучанию они (т. е. сверхкраткие. — *С. Б.*) были звуками неясными и непостоянными“ (Вайан. Руководство..., 34). Это, конечно, недоразумение. Сверхкраткие гласные были вполне ясными и постоянными. В течение длительного периода [ь] и [ъ] были самостоятельными фонемами. О каком непостоянстве и неустойчивости можно говорить, если в Киевских листах (X в.), в ранних русских текстах (X—XI вв.) мы находим эти гласные там, где этого требует этимология! В течение многих столетий сверхкраткие гласные употреблялись в различных морфемах с таким же постоянством, что и гласные долгие и нормально краткие. В характеристику этих звуков мы невольно вносим наши современные представления о звуках и без всяких оснований пытаемся проводить различные аналогии.

Первая письменная фиксация славянской речи отразила то состояние сверхкратких, которое еще характеризовало праславянский язык. „Несмотря на то, — писал Билярский, — что самые древние памятники церковнославянской письменности не представляют в себе безошибочного употребления полугласных, мы имеем полное право предполагать, что при начале письменности живое употребление хранило полугласные звуки еще в полной силе и свежести. Только употребление в устах народа могло побудить творца нашей письменности к изобретению особых начертаний для звуков, не имевших ничего подобного в известных ему языках. Только слух, приобыкший к тончайшим оттенкам народного говора, мог руководить его к постоянному употреблению их в одних и тех же случаях, и притом в тех именно, в которых ныне находит их необходимыми сравнительное изучение славянских языков“ (Билярский. О среднеболгарском вокализме..., 65).

inslav

При попытке уяснить себе физиологические и акустические особенности сверхкратких необходимо обратить внимание на те стороны, которые важны для уяснения различных процессов, связанных с ними. В этом плане прежде всего нужно обратить внимание на то, что гласный [ь] был гласным переднего ряда, а [ъ] — гласным непереднего ряда. Это бесспорно. В отличие от гласных [ĭ] и [ŭ] они были гласными среднего подъема, а не верхнего. Есть основание думать, что [ъ] в начальный период был гласным нелабиализованным. Гораздо позже он стал лабиализованным лишь в некоторых говорах праславянского языка. Оба эти гласные были короче нормально кратких. При дальнейшей детализации мы вступаем на зыбкую почву догадок и фантазий.

Младенов в праславянском различает [ь$_1$], [ь$_2$], [ь$_3$], [ь$_4$], [ь$_5$], [ъ$_1$], [ъ$_2$]. („Geschichte...", § 49). Он имеет в виду не произношение сверхкратких, а только их происхождение (например, [ь] из исконного [ĭ], [ь] из [ĭ], которое восходит к [ĕ] перед интервокальным [j], и т. д.). Этого, конечно, принять нельзя. Перед нами очень распространенная методологическая ошибка. Ведь совершенно очевидно, что в период возникновения сверхкратких гласных гласные [ĭ] и [ŭ] любого происхождения изменялись в [ь] и [ъ]. Здесь мы имеем дело со смешением различных эпох. Для нас в данном случае не имеет никакого значения происхождение гласных. Мы не должны разграничивать [ь] в словах *dьnь*, *žьneši*, *mьretъ* и т. д. Когда возникли сверхкраткие гласные, старые слоговые сонанты уже давно утратили слоговость. Последовательное разграничение синхронического и диахронического аспектов необходимо для каждого периода. Итак, в рассматриваемую нами эпоху праславянский язык лишился гласных [ū], [ŭ] и [ĭ]. Вместо них возникли гласные [ȳ], [ъ] и [ь]. Однако эти существенные фонетические преобразования не сказались на фонематических отношениях. Они сохранились прежними: коррелятивные пары [ū] — [ŭ], [ī] — [ĭ] сменились парами [ȳ] — [ъ], [ī] — [ь]. В системе языка не произошло изменений.

§ 33. Распределение согласных перед гласными. Мы рассмотрели фонетические процессы, происходившие в ту эпоху, когда праславянский язык еще не знал диалектов. Все фонетические изменения происходили в одинаковых условиях и дали одинаковые последствия.

Таблицы
возможных распределений согласных перед гласными

I. Твердые согласные

	a	o	ě	e	i	ь	y	ъ
k	ka	ko	—	—	—	—	ky	kъ
g	ga	go	—	—	—	—	gy	gъ

inslav

x	xa	xo	—	—	—	—	xy	xъ
t	ta	to	tě	te	ti	tь	ty	tъ
d	da	do	dě	de	di	dь	dy	dъ
s	sa	so	sě	se	si	sь	sy	sъ
z	za	zo	zě	ze	zi	zь	zy	zъ
p	pa	po	pě	pe	pī	pь	py	pъ
b	ba	bo	bě	be	bi	bь	by	bъ
m	ma	mo	mě	me	mi	mь	my	mъ
v (w)	va	vo	vě	ve	vi	vь	vy	vъ
n	na	no	ně	ne	ni	nь	ny	nъ
r	ra	ro	rě	re	ri	rь	ry	rъ
l	la	lo	lě	le	li	lь	ly	lъ

II. Мягкие согласные

	a	o	ě	e	i	ь	y	ъ
j	ja	—	—	je	ji	jь	—	—
š'	š'a	—	—	š'e	š'i	š'ь	—	—
ž'	ž'a	—	—	ž'e	ž'i	ž'ь	—	—
ť'	ť'a	—	—	ť'e	—	ť'ь	—	—
ď'	ď'a	—	—	ď'e	—	ď'ь	—	—
pl'	pl'a	—	—	pl'e	—	pl'ь	—	—
bl'	bl'a	—	—	bl'e	—	bl'ь	—	—

inslav

$m^{l'}$	$m^{l'}a$	—	—	$m^{l'}e$	—	$m^{l'}ь$	—	—
$v^{l'}$	$v^{l'}a$	—	—	$v^{l'}e$	—	$v^{l'}ь$	—	—
n'	n'a	—	—	n'e	—	n'ь	—	—
r'	r'a	—	—	r'e	—	r'ь	—	—
l'	l'a	—	—	l'e	—	l'ь	—	—
č'	č'a	—	—	č'e	č'i	č'ь	—	—

Примечание. В единичных случаях [ě] возможен после некоторых мягких согласных (ср. др.-русск. сънѣдь). В диалектах праславянского языка в отдельных формах возможны были все мягкие согласные перед [ě].

§ 34. Утрата закрытых слогов. Диалектное членение праславянского языка. Мы теперь переходим к тому периоду истории праславянского языка, когда завершилось его развитие как монолитного единого говора на территории между Припятью, Карпатами, средним течением Вислы и средним течением Днепра (см. карту 2). Началась новая и важная эпоха в истории праславянского языка, которая была связана со значительным расширением его территории на запад и на восток. Начало этой эпохи относится к III—II вв. до н. э. К этому времени были завершены все те фонетические процессы, о которых речь шла выше.

Новый период жизни праславянского языка характеризуется двумя важнейшими чертами, которые наложили отпечаток на всю позднюю его историю: стремлением освободиться от закрытых слогов, развитием диалектных черт. Тенденция неуклонного возрастания сонорности слога наложила глубокий отпечаток не только на структуру слога, но и на фонетический и морфологический облик праславянского языка. Развитие диалектных черт нарушило во многом прежнее единство. Наступила эпоха формирования отдельных славянских языков.

Стремление расширить сферу употребления открытых слогов за счет закрытых не является специфической особенностью только славянской группы. В той или иной степени это было свойственно и другим индоевропейским диалектам и позже отдельным группам индоевропейских языков. В древний период это связано было с усилением роли вокализма в системе индоевропейского языка, с утратой „ларингалов". В поздний период это приводило к утрате конечных согласных, к монофтонгизациям дифтонгических сочетаний и мн. др. Стремление избавиться от закрытых слогов хорошо обнаруживается в минойском диалекте древнегреческого языка, ставшем недавно известным благодаря

inslav

крупным открытиям Вентриса, Георгиева и других языковедов. Обнаруживается оно и в истории германской группы языков и ряда других. Однако всюду это стремление проявлялось спорадически, охватывая отдельные стороны языка, его фонетической структуры. Среди всех индоевропейских языков только одна славянская группа убедительно свидетельствует о полном подчинении всей структуры языка тенденции к всеобщему распространению только открытых слогов и к полному упразднению закрытых. Переход закрытых слогов в открытые осуществлялся различными способами. Он составляет содержание истории праславянского языка последних веков дохристианской эры и первой половины I тысячелетия н. э. Непосредственно или опосредованно с ним связаны почти все фонетические процессы праславянского языка данной эпохи. Он оказал глубокое воздействие на многие стороны грамматического строя.

Закрытые слоги не сразу подчинились указанной тенденции. Раньше всего эта тенденция подчиняла себе слоги, в которых противоречие между структурой слога и новой тенденцией проявлялось в наибольшей степени. Речь идет о закрытых слогах на шумный согласный, прежде всего на шумный взрывной глухой (например, закрытый слог на [t]). Позже она охватила слоги на шумные фрикативные глухие, еще позже на шумные звонкие и, наконец, подчинила себе слоги на сонанты. Таким образом, эта тенденция со временем не ослабевала. Она властно диктовала свои условия до тех пор, пока все слоги в праславянском не стали оканчиваться на слогообразующий звук. Эта тенденция перестала действовать, когда праславянский период уже заканчивался. Структура слога в современных славянских языках во многом еще сохраняет древние особенности. И теперь слогоделение в середине слова часто определяется древней тенденцией (см. § 61).

Период действия тенденции открытого слога хронологически совпадает с периодом диалектного членения праславянского языка, с периодом установления древнейших праславянских изоглоссных областей. Между указанной тенденцией и распадом единого диалекта на ряд поддиалектов и говоров нет внутренней связи. Если бы тенденция открытого слога осуществлялась в более древний период, она реализовалась бы без всяких различий по говорам. Но она наступила тогда, когда носители праславянского языка начали интенсивно продвигаться на запад и на восток, когда территория праславянского языка значительно расширилась, когда славяне ассимилировали многих своих соседей.

В науке высказывалось предположение, что тенденция открытого слога возникла под воздействием субстрата (возможно, неиндоевропейского), который был поглощен праславянским языком на рубеже двух эпох. Эта гипотеза мало что дает историку праславянского языка, так как не опирается на положительные данные.

До сих пор мы стремились последовательно проводить хронологический принцип. Будем следовать ему и в дальнейшем изложении.

inslav

Однако в связи со значительным усложнением материала, когда нужно учитывать не только хронологический аспект, но и территориальный, когда перед нами возникает новая задача показать целую цепь взаимообусловленных процессов, мы в ряде случаев будем вынуждены нарушать хронологию. Последовательное соблюдение хронологии в данном случае нанесло бы серьезный ущерб как чисто теоретической, так и методической стороне дела.

Одним из древнейших проявлений тенденции открытого слога явилось исчезновение конечных согласных. Это в конце концов привело к возникновению протез. Мы не можем, однако, утверждать, что протезы возникли непосредственно за утратой конечных согласных. Возможно, что существовал длительный период, когда язык допускал зияние. К такому выводу мы можем прийти с тем бо́льшим основанием, что протезы представляют значительные колебания по праславянским диалектам. Однако, не желая разрывать цепь, мы непосредственно после рассмотрения вопроса об утрате конечных согласных перейдем к вопросу о протезах. Так мы будем поступать и в других аналогичных случаях.

§ 35. Утрата конечных согласных. До утраты закрытых слогов большинство слов в каждой из своих форм оканчивалось на согласный. Однако в конце слова могли стоять не все согласные звуки. Чаще всего слова оканчивались на согласный [s]. Он употреблялся в им. ед. основ на **-ŭ**, на **-ĭ**, на **-ŏ** (в словах мужского рода), на **-s** (типа *slovos*), в им. мн. ряда основ, в некоторых косвенных падежах, в причастиях действительного залога прошедшего времени, в ряде глагольных форм (например, в аористе 2 л. ед. *rečes*). Гораздо реже употреблялся согласный [t]. Его мы находим в основах на **-t** (типа *žerbę*), в причастиях действительного залога прошедшего времени, в некоторых глагольных формах (например, в аористе 3 л. ед. *rečet*) и др. Еще реже употреблялся в конце слова согласный [d] в различных местоименных основах (например, *tod* > *to*), в падежных формах. Широко в конце слова употреблялись сонанты [n], [u̯] и [i̯], реже — сонант [r]. Они чаще всего встречались в различных падежных формах.

Одним из наиболее ранних последствий утраты закрытых слогов была утрата конечных согласных [t], [s], [d]: *rečet* > *reče*, *rečes* > *reče*, *slovos* > *slovo*, *tod* > *to*. Все эти звуки утрачивались в праславянском в разное время. Можно предполагать, что раньше утратился взрывной глухой [t], затем фрикативный глухой [s], позже звонкий [d]. Таким образом, в аористе ед. окончание раньше утратилось в 3 л., позже — во 2 л.

Ряд лингвистов пытался отнести утрату [t] и [d] в конце слова к еще дославянскому периоду (см., например, Фортунатов. Лекции..., 217—218). Нет сомнения, что в ряде позиций конечные согласные утрачивались очень рано. Однако также несомненно и то, что в некоторых

inslav

формах (например, в аористе, в причастиях) конечные [t] и [s] сохранялись сравнительно долго (до рассматриваемого нами периода).

Еще позже утратился конечный [r], который изредка встречался в им. ед. основ на **-r** (типа *mater*).

Своеобразна была судьба конечного **-n**. Он также утратился, но только после гласных [ъ] и [ь]: вин. ед. *sunъn* > *synъ*, *kostьn* > *kostь*. После других гласных [n] стал назальным призвуком гласных. Конечный [ъ] находим и на месте [on], так как в более раннюю эпоху здесь был пережит процесс лабиализации ([on] > [un], откуда затем [ъn]): *plodon* > *plodun* > *plodъn* > *plodъ*. В иную эпоху новое сочетание [on] из [an] не переживало процесса лабиализации. Вот почему здесь закономерно возникал [ǫ].

§ 36. Возникновение протетических звуков. В связи с утратой конечных [t], [s], [d], [r], частично [n] в языке возникали многочисленные случаи зияния. Они могли быть известны и прежде, так как и раньше встречались слова на гласные звуки (например, многочисленная группа слов с основой на **-a**). Однако теперь почти все имена в им. ед. стали оканчиваться на гласный звук. Это значительно увеличило возможности встречи двух гласных звуков на стыке слов.

В славянских языках мы встречаем сравнительно много слов, перед начальным гласным которых (с этимологической точки зрения) находим [j], реже [v]: ср. русск. *ягода*, *выдра*; польск. *jagoda*, *vydra*, в.-луж. *jahoda*, *wudra*, схр. *jȁгода*, *вȉдра* и др. Данные этимологии свидетельствуют, что в ряде слов начальных согласных первоначально не было, они здесь появились позже (ср. тох. В. *oko* 'плод', гот. *akran* 'плод', лит. *úoga*, лтш. *uôga*; др.-инд. *udráḥ*, ав. *udra-*, греч. ὕδρᾱ 'гидра', лит. *ûdra*).

Не все лингвисты объясняют появление этих вторичных начальных согласных одинаково. Так, например, Шахматов, следуя за Фортунатовым, полагал, что все слова с начальным гласным произносились с гортанным приступом, который затем мог развиться в [h], [i̯], [j], [u̯], [v] (см. „Очерк...“, § 96). Эта точка зрения не нашла поддержки среди ученых. Широкое признание в настоящее время получила гипотеза Вондрака, Ильинского, Мейе, Травничка и др., по которой указанные начальные согласные являются протезами, возникшими после утраты конечных согласных в положении зияния. Не все, однако, одинаково объясняют сам механизм возникновения протез. Наиболее сложно и искусственно пытается восстановить этот процесс Ильинский (см. „Праславянская грамматика“, § 132). Ясно только одно — в какой-то период истории язык пытался избежать зияния: между двумя гласными появился согласный.

Существенной помехой при изучении славянских протез является то, что многие исследователи не отличают протез от вторичных начальных

inslav

звуков, имеющих разное происхождение. К случаям протезы относят начальный [v] в русских словах *восемь*, *вотчина*, *вобла*, *вострый*, в украинских словах *вівсяний*, *вікно*, *восика*, *вулиця*, в верхнелужицких словах *wobjed*, *wobrjad*, *woči*, *wokno*, *woko*, *wowca* и т. п. Между тем начальный [v] в славянских языках имел разное происхождение и возникал в разное время. К протезам, т. е. к начальным звукам, возникавшим в результате зияния, можно отнести сравнительно небольшую группу слов с начальным [v]. В этих словах славянские языки не представляют колебаний. Без начального [v] эти слова не встречаются (ср. *выдра*, *вымя* и т. д.). Позже в ряде диалектов праславянского языка начальный лабиализованный гласный выделил новый лабиальный элемент, который затем развился в самостоятельную артикуляцию. Так возник [v] в словах *vovьca*, *voko* и под. Его нельзя относить к протетическим звукам. Нельзя относить к протетическим звукам и начальный [v] в русских словах *восемь* и под., так как здесь появление [v] связано с судьбой [o] под новоакутовой интонацией.

Чаще всего в праславянском возникала протеза [i̯]. Ее мы находим перед [e], [ě₁], [ь], [ā]: *esmь* > *i̯esmь*, *ěd-* > *i̯ě₁d-*, *ьmaть* > *i̯ьmaть*, *ьz* > *i̯ьz*, *agoda* > *i̯agoda*, *agnen* > *i̯agnen*. Эта протеза возникла раньше носовых гласных. Поэтому в примерах типа *i̯ętro-* 'печень' следует говорить о протезе [i̯] не перед [ę], а перед [e] (ср. греч. ἔντερα 'внутренности'). В более позднее время в отдельных говорах праславянского языка перед начальным [ǫ] возникал [v], но он не имел отношения к протезам (ср. в польском *wąs*, *węzeł*, *wątroba*, в болгарском *въже*, *възел*, *въси* и др.).

Протеза [u̯] возникала перед [ъ], [y], в единичных случаях перед [ā]: *ъn* > *u̯ъn*, *ydra* > *u̯ydra*, *yk-* > *u̯yk-*, *atra* > *u̯atra*.

Как сказано было выше, протеза [u̯] не представляет колебаний по славянским языкам. Этого нельзя сказать в отношении [i̯], хотя большинство славянских языков и в данном случае не знает вариантов. Исключение представляет, например, болгарский язык, в котором находим варианты *агне* — *ягне*, *аз* — *яз*, *абълка* — *ябълка* и др. В этом нет ничего удивительного, так как протезы возникали факультативно, они не были значимыми элементами слова. Поэтому возможны были колебания в одной языковой системе, в одном словоупотреблении. Важно в связи с этим обратить внимание на то, что в случаях исконных начальных **ja-** болгарский язык колебаний не знает (ср., например, *яма*, *ярост* и др.). Это косвенно свидетельствует, что болгарские *агне*, *аз*, *абълка* и под. отражают исконное состояние. Варианты с протезой и без протезы известны были и языку поморских славян. Возможно, что данное явление следует относить к числу лехитско-болгарских изоглосс, о которых речь будет идти ниже.

Известны в славянских языках и другие вторичные звуки в начале слова. Чаще всего встречаются [g], [h] (ср. русск. *гу́сеница*, польск.

inslav

gąsienica, в.-луж. *husańca*, схр. *гȕсеница* и др.). В единичных случаях находим [r] (ср. в Синайской псалтыри отъ ржтробы матєрі моѧ бъ моі єсі ты, 25[в]). Все эти звуки не являются протезами.

§ 37. Изменение слогораздела. В середине слова тенденция открытого слога осуществлялась иначе. В этой позиции происходило изменение слогораздела: конечный согласный слога отходил к последующему слогу: *met/teĵ > me/tteĵ*, *sъp/nos > sъ/pnos*, *dad/mь > da/dmь*, *dad/seĵ > da/dseĵ*, *tep/teĵ > te/pteĵ*, *grě₁b/sъ > grě₁/bsъ*, *ĵes/seĵ > ĵe/sseĵ*, *čeĵt/sъ > čeĵ/tsъ* и др.

§ 38. Новые сочетания согласных. Их судьба. Изменение слогораздела имело разные последствия. В одном случае возникали сочетания двух согласных, которые были известны праславянскому языку с давнего времени (например, *kos/tь > ko/stь*). Сочетание [st] было известно и до утраты закрытых слогов (ср. *statēĵ*). Естественно, что в подобных случаях сочетания сохранялись. Они лишь увеличивали число слов, в которых употреблялись известные и прежде сочетания. Но нередко изменение слогораздела приводило к иным результатам. Дело в том, что во многих случаях должны были возникнуть новые, не известные прежде сочетания. Так, должны были возникнуть сочетания [tt] (*me/tteĵ*, *ve/dteĵ > ve/tteĵ*); [ts] (*čeĵ/tsъ*, *da/dseĵ > da/tseĵ*); [tl] (*ple/tla*); [dm] (*da/dmь*); [dl] (*sa/dlo*); [dn] (*ra/dno*); [ps] (*o/psa*, *grě₁/bsъ > grě₁/psъ*); [pt] (*te/pteĵ*, *gre/bteĵ > gre/pteĵ*); [pn] (*sъ/pnos*); [bn] (*dъ/bno*); [ss] (*ĵe/sseĵ*); [kt] (*le/ktateĵ*); [bv] (*o/bvolko*). Должны были возникнуть новые сочетания из трех согласных (например, *maz/slo > ma/zslo > ma/sslo*, *vez/slo > ve/zslo > ve/sslo*, *čeĵt/slo > čeĵ/tslo*, *lok/sno > lo/ksno*). Однако нет ни одного славянского языка, который бы сохранял данные сочетания (кроме сочетаний [tl] и [dl]). В самых древних памятниках славянской письменности (например, в памятниках старославянского языка) мы найдем местн, ѵисъ, даси, дамь, оса, грѣсъ, тети, грєти, сънъ, дъно, ѥси, летати, лоно, облако, масло, весло, ѵисло. Аналогично отражены данные случаи и в современных славянских языках. Исключение представляют лишь западнославянские языки, в которых представлены старые сочетания [tl], [dl]. Правда, известны эти сочетания и другим славянским языкам, но они появились позже или в результате мататезы групп **tolt**, **telt**, или в результате исчезновения сверхкратких гласных в „слабой" позиции.

Итак, новые сочетания последовательно утратили начальный согласный (исключение представляет сочетание [bv], в котором утратился конечный). В настоящее время принято объяснять данный процесс следующим образом. В связи с изменением слогораздела возникли сочетания, которых язык не терпел. Именно поэтому начальный согласный в данных сочетаниях утратился: [ts] > [s], [dm] > [m], [ps] > [s],

inslav

[pt]>[t], [pn]>[n], [bn]>[n], [ss]>[s], [kt]>[t], [kn]>[n]. Сочетание [tt] пережило процесс диссимиляции: начальный [t] заменился [s]. Однако такое объяснение принять нельзя.

Согласный мог утратиться только в конце слова после гласного. В начальной позиции слога внутри слова согласный исчезнуть не мог. Не могла в праславянском произойти и диссимиляция в сочетании [tt], если бы каждый из согласных представлял вполне самостоятельную артикуляцию. Данный материал требует иного объяснения.

Можно предложить иное объяснение, которое специально для сочетаний [tl] и [dl] в свое время дал Экблом. Мне кажется, что шведский славист на одном частном примере вскрыл суть всей проблемы. Речь идет о его статье „Le développement de **dl**, **tl** en slave", опубликованной в сборнике "Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski" (II, 1928).

Экблом произвел тщательное экспериментальное исследование сочетаний [tl], [dl] в современных славянских языках. Он обнаружил при этом, что они произносятся различно. Так, в западнославянских языках оба согласных в данных сочетаниях представляют совершенно раздельную артикуляцию. Второй элемент начинает артикулировать после полного завершения артикуляции первого элемента. Акустическое впечатление свидетельствует о задержке, очень кратком перерыве между двумя артикуляциями. Автор эту особенность графически передает [t·l], [d·l]. Иначе произносятся сочетания [tl] и [dl] в южных и восточных славянских языках, где они появились позже. В этих языках такие сочетания произносятся слитно, без всякого интервала. Отсюда автор делает совершенно справедливый вывод: в западнославянских языках сочетания [tl] и [dl] сохранились, потому что после изменения слогораздела возникло сочетание двух самостоятельных звуков. В южных и восточных языках возникло слитное, единое произношение [t͡l], [d͡l], которое изменилось в [l]. В этом объяснении Экблома ключ к решению всей проблемы.

После изменения слогораздела в праславянском языке возникли не новые сочетания двух самостоятельных согласных [ts], [dm], [ps], [pt], [pn], [bn], [ss], [kt], [kn], а новые слитные сочетания, в которых начальная губная, зубная и задненебная артикуляция не являлась самостоятельной. Возникли новые, очень сложные в акустико-артикуляционном отношении звуки типа [ᵖ͡s], [ᵇ͡n], [ᵈ͡m] и т. д., которые затем утратили начальный элемент: *dad/mь* > *da/ᵈmь* > *damь*.

Геминаты в связи с изменением слогораздела изменились в долгие согласные: *met/tei̯* > *me/t̄ei̯*, *i̯es/sei̯* > *i̯e/s̄ei̯*. Долгий взрывной [t] перешел в сочетание [st]. Таким образом, в данном случае не было диссимиляции, так как сочетание [st] возникло не из двойного [t], а из долгого [t]. Высказывалось предположение, что сочетание [st] возникло на месте [tt] в очень древний период, может быть, еще в дославянский. Дело в том, что аналогичные факты отражают и другие

inslav

индоевропейские языки (ср. лит. *mèsti*, но *mẽta*, *vèsti*, но *vẽda*; ав. *čisti-* 'мышление' из и.-е. *kitti-*, ср. псл. *čьstь*). Однако есть все основания полагать, что в данном случае мы имеем дело с параллельным и независимым процессом в отдельных индоевропейских языках. Долгий [s̄] утратил долготу, не развив новой артикуляции.

Необычна судьба [bv]. Как объяснить утрату [v]? Возможно, что здесь губной [b] ассимилировал [v].

Своеобразно сложилась судьба согласных [t], [d] перед сонантом [l] в словах типа *sadlo*, *mydlo*, *ordlo*, *pletla* и т. д. В этом отношении диалекты праславянского языка не представляют единства: один диалект после изменения слогораздела сохранил сочетания [tl], [dl], другой представляет [l]. Первое характерно для диалекта, который лежит в основе западнославянских языков, упрощение наблюдалось в диалекте, давшем восточные и южные славянские языки (ср. русск. *мыло*, схр. *мȉло*, польск. *mydło*). Эту изоглоссу следует отнести к тому периоду в истории праславянского языка, когда сформировались два самостоятельных праславянских диалекта: западный и восточный. Это д р е в н е й ш а я праславянская изоглосса. Лишено основания утверждение Вайана, что различие в судьбе [tl], [dl] не следует относить к древним различиям праславянских диалектов, так как словенский и русский языки не дают полного единства в этом отношении. Необходимо, однако, обратить внимание на то, что изменения в указанных группах происходили до метатезы в группах **tort...**, т. е. в очень древний период. Отклонения в некоторых русских и словенских говорах связаны с более поздними междиалектными отношениями.

Чем объясняется это различие в судьбе сочетаний [tl], [dl]? Трубецкой на этот вопрос отвечал так. В одних диалектах слогораздел шел между взрывным и сонантом, в других — взрывной и сонант входили в состав одного слога (*myd|lo* — *my|dlo*). В первом случае взрывные сохранялись, во втором — утрачивались (ZfslPh, II, 117—121). Это объяснение принять нельзя потому, что в западнославянских диалектах тенденция возрастания звучности слога действовала так же неумолимо, как и в других диалектах праславянского языка. В словах типа *myd|lo*, *sad|lo* и т. д. данный слогораздел сохраниться не мог, так как в таком случае первый слог оставался бы закрытым. Как мы видели, убедительное объяснение этому дал Экблом.

Во всех диалектах праславянского языка слогораздел в данном случае изменился: *myd|lo* > *my|dlo*, *plet|la* > *ple|tla*. Возникли новые сочетания [tl], [dl], судьба которых в диалектах была разной.

а) Сочетания [tl], [dl] перешли в сложные звуки, в которых взрывной элемент и сонант слились в единое артикуляционное целое. Возникли [t͡l], [d͡l]. Судьба [t͡l], [d͡l] была общей с другими аналогичными образованиями: утрачивался первый затворный элемент. Так было в восточном диалекте праславянского языка, который лежит в основе восточных и южных славянских языков.

inslav

б) Сочетания [tl], [dl] оказались возможными. Слияние двух самостоятельных артикуляций в одну не произошло. Это было характерно для западного диалекта праславянского языка.

в) Сочетания [tl], [dl] в языке были нетерпимыми. Однако они не перешли в [t͡l], [d͡l]. Здесь сочетание [tl] было заменено возможным сочетанием [kl], а сочетание [dl] — возможным сочетанием [gl]. Эта замена была характерна для отдельных говоров праславянского языка на всей его территории. Такова была судьба этих сочетаний в крайних северо-западных диалектах русского языка, в северо-западных диалектах словенского языка. Аналогичный процесс в отношении сочетания [dl] был пережит некоторыми западнославянскими языками. Довольно последовательно он отражен в кашубском языке, отражают его некоторые говоры польского языка (говоры Мазовшья). Следует обратить внимание на то, что тенденция заменять сочетания [tl], [dl] сочетаниями [kl], [gl] действовала в отдельных праславянских диалектах довольно долго. Об этом свидетельствуют диалекты южнославянских языков. Когда в результате метатезы групп **tort...** в южнославянских языках возникли новые сочетания [tl], [dl] (ср., например, *tlaka*, *tlěψi*, *dlani*, *dlěto* и т. д.), то они были уже терпимы и не изменялись в [t͡l], [d͡l]. Отсюда современные схр. *длéто*, болг. *длетó*; схр. *длȁн*, болг. *длан*, слов. *dlàn*; схр. *длȁка*, слов. *dláka*; схр. *тлáка*, болг. *тлака*, слов. *tláka*; схр. *тлáчити*, болг. *тлáскам*, слов. *tláčiti*. Однако некоторые говоры этих языков и в этот период последовательно заменяли сочетания [tl], [dl] сочетаниями [kl], [gl]: ср. диал. схр. *gléto*, *glijèto*, диал. слов. *gléto*, *glâka*, *klačiti* и в др. (см. Ramovš. Historična gramatika..., II, 207—208; Nahtigal. Slovanski jeziki[2], 127). В некоторых западнославянских языках (например, в ряде чешских говоров) отражены результаты замены сочетания [dl] сочетанием [ll].

Трудно решить вопрос о судьбе [tl], [dl] в северо-западных говорах русского языка (в древнем псковском говоре). Шахматов по этому поводу писал: „Северо-западная Россия была некогда заселена ляшскими племенами, вторжение в эту область Севернорусов повело к смешению ляшских племен с Русскими, передавшими им свой язык, но позаимствовавшими у ляхов несколько звуковых черт; к числу таковых относится и сохранение [dl], [tl], особенно упорно державшихся, как и у северо-западных словенцев, в причастиях“ („Очерк...“, 101). Переход [tl] в [kl], [dl] в [gl] произошел, по мнению Шахматова, уже на русской почве, хотя он известен и польским говорам. В настоящее время подобное объяснение должно быть отвергнуто, так как уже давно показана полная несостоятельность учения Шахматова о ляшских чертах в восточнославянской фонетике.

Следует отвергнуть предположение некоторых историков русского языка (в частности, Дурново), что северо-западные говоры знали не только [kl], [gl], но и старые сочетания [tl], [dl]. В доказательство приводят из говоров причастия типа *ушот*.

inslav

Это, однако, новообразования. Селищев полагал, что все говоры русского языка пережили процесс утраты затворного элемента в [tl], [dl]. Позже в причастиях под влиянием аналогии возникли новые группы [tl], [dl], которые под влиянием литовской фонетики (в литовском и латышском языках сочетания [tl], [dl] изменились в [kl], [gl], сохранились без изменения в прусском: лит. *ẽglė* 'ель', лтш. *egle*, др.-прус. *addle*) изменились в [kl], [gl]. Но и это объяснение принять невозможно. Весь имеющийся в нашем распоряжении материал дает нам основание думать, что спорадическое появление в отдельных местах сочетаний [kl], [gl] на месте [tl], [dl] относится к тому периоду, когда в восточном диалекте возникли [t͡l], [d͡l], изменившиеся затем в [l]. Это никак не противоречит тому, о чем мы говорили во введении, характеризуя древнейшее диалектное членение праславянского языка. В единого восточном диалекте праславянского языка, изменившем сочетания [tl], [dl] в [t͡l], [d͡l], возможны были в некоторых местах замены этих сочетаний сочетаниями [kl], [gl]. Такие замены были известны и западному диалекту. Частные локальные процессы могли происходить в самые древние периоды диалектного членения праславянского языка.

Рассматриваемые нами праславянские процессы происходили до формирования словенско-словацкой изоглоссной области. Когда установился тесный контакт между предками словенцев и словаков, фонетические изменения в [tl], [dl] уже завершились. Однако в результате взаимодействия двух диалектов на территории южнославянского диалекта утвердились некоторые элементы, содержащие сочетания [tl], [dl], в западнославянском диалекте получили некоторое распространение слова, утратившие первый затворный элемент. Вот почему в отдельных словенских диалектах сохраняются старые сочетания [tl], [dl], а в причастиях [t] и [d] представлены и в литературном словенском языке: *plétəl* (жен. р. *plétla*), *pâdəl* (жен. р. *pádla*). Явление противоположного характера находим в центральных словацких говорах, которым известно также изменение **õrt** в **rat**. Здесь широко представлена утрата затворного элемента. Находим *šilo*, *salo*, *mylo* и под. В свете данных словенского языка представляет большой интерес сохранение в этих говорах [tl], [dl] в причастиях: *viedla*, *padla*. Нет оснований отрицать древность словацких *mylo*, *salo* и т. д. Ведь в этих же говорах находим *sedlo* (< *sedьlo*), а не *selo*. Стало быть, слова *mylo* и под. существовали в словацких говорах еще до утраты сверхкратких в „слабой" позиции. Это в свое время убедительно показал Штибер. Не могу согласиться с Селищевым, который категорически отрицал связь среднесловацких фактов с аналогичными фактами в словенском языке.

Было бы очень заманчиво видеть в западнославянских примерах: польск. *więdnąć*, чешск. *vadnouti*, слвц. *vädnúť*, в.-луж. *wjadnyć* — западнославянскую изоглоссу праславянского периода. В южных

inslav

и восточных славянских языках в данном случае не находим [d]: ст.-сл. **вѧнѫти**, схр. *вѐнути*, слов. *vẹ́niti*, русск. *вянуть*, укр. *в'янути*, блр. *вянуць*. Казалось бы, что мы имеем основание говорить не только о западнославянских [tl], [dl], но и [tn], [dn]. Так в свое время думал Соболевский („Древний церковнославянский язык", 126), за ним последовал ряд языковедов. Однако при таком толковании данного явления перед нами возникают серьезные трудности. Дело в том, что вне глаголов на **-nǫti** и западнославянские языки последовательно отражают переход [dn] в [n]: ср. зап.-слав. *rano* < *radno* < *rōdno* < *vrōdno* (др.-инд. *várdhatē*, греч. ὄρθρος). Есть все основания полагать, что [d] в глаголах на **-nǫti** появилось позже в результате аналогии. Отдельные случаи такой аналогии находим не только в западных славянских языках (ср. русск. *метнуть*, чешск. *zamitnouti*; схр. *па̏днути*, слвц. *padnúť*). „На месте такого [n] в западнославянских языках в результате аналогии являлись, например, в глагольных образованиях на **-nǫti: dn, tn** (вместо чего и **gn, kn**); то же, но гораздо реже в русском и южнославянских языках" (Шахматов. Очерк..., 103). Относить данное аналогическое образование к праславянскому периоду и объединять его с судьбой [tl], [dl] нет никаких оснований. Достойно сожаления, что до сих пор в учебных пособиях часто указывают на сохранение сочетаний [dn] в западнославянских языках. Ср. у Поповича „Аналогичный случай с изменением **dn > n**, которое вновь находим у южных и восточных славян, но не у западных" („Историја српскохрватског језика", 10).

§ 39. Монофтонгизация дифтонгических сочетаний. В рассматриваемый нами период в праславянском представлены были дифтонгические сочетания, неслоговой частью которых являлись согласные сонанты [i̯], [u̯], [n], [r], [l]. Слоги, содержащие эти дифтонгические сочетания, конечно, были закрытыми. Под воздействием тенденции открытых слогов и здесь должно было произойти преобразование, в результате которого закрытый слог становился открытым. В данном случае эта тенденция осуществлялась не путем распада сочетания и перехода его неслоговой части к следующему слогу. Происходила сложная трансформация дифтонгического сочетания, в результате которой возникали различного рода монофтонги.

Тожество результатов изменения дифтонгических сочетаний с долгой и краткой слоговой частью свидетельствует, что монофтонгизации предшествовало сокращение долготы слоговой части. Вот почему общий результат изменения представляют сочетания [āi̯] и [ŏi̯], [āu̯] и [ŏu̯], [ān] и [ŏn] и т. д.

Таким образом, монофтонгизации предшествовали процессы, которые объединили различные дифтонгические сочетания. Уже выше шла речь о том, что в конце слога [m] изменился в [n]. Вот почему дали оди-

inslav

наковые результаты не только сочетания [ān] и [ŏn], но и [ān] и [ām], [ŏn] и [ŏm]. Во время возникновения носовых гласных дифтонгических сочетаний на [m] уже не было. Во время монофтонгизации дифтонгических сочетаний сочетания [ān], [ām], [ŏn], [ŏm] не различались. В это время было представлено сочетание [ŏn]. Существенную методологическую ошибку делает Ильинский, который последовательно разграничивает судьбу монофтонгизаций в сочетаниях [ŏi̯], [ōi̯], [ăi̯], [āi̯], [ŏu̯], [ōu̯], [ău̯], [āu̯], [ăm], [ăn], [ŏm], [ŏn] и т. д. Здесь этимолог грубо нарушает принципы историзма.

Слог с дифтонгическим сочетанием всегда был долгим. В результате монофтонгизации сочетаний количественные отношения не изменились: слог продолжал оставаться долгим. Таким образом, все новые монофтонги из дифтонгических сочетаний были долгими. Следует, конечно, иметь в виду, что эти монофтонги были долгими только в фонетическом отношении. В фонематическом отношении гласные [ĕ₂], [i], [u] не были долгими, так как язык не знал соответствующих кратких гласных.

Не изменилась и интонация слога. Различие интонаций акута и циркумфлекса на дифтонгических сочетаниях сохранилось и на монофтонгах. В связи с этим один и тот же монофтонг (например, [ĕ₂] и др.) мог иметь обе интонации.

Таким образом, монофтонгизация дифтонгических сочетаний явилась важным этапом на пути дальнейшего обособления интонации от количества. В результате монофтонгизации стали возможны долгие монофтонги с циркумфлексной интонацией.

Монофтонгизация дифтонгических сочетаний прошла ряд стадий, связанных с различными периодами истории праславянского языка. Раньше всего пережили монофтонгизацию сочетания на сонанты [i̯] и [u̯], позже на сонант [n]. Еще позже монофтонгизировались дифтонгические сочетания [ьr], [ъr]. Что же касается дифтонгических сочетаний [or], [er], [ol], [el], то они подчинялись тенденции открытых слогов иначе. Здесь уже говорить о монофтонгизации нельзя.

Монофтонгизация дифтонгических сочетаний наложила глубокую печать своеобразия на праславянский язык позднего периода и на отдельные славянские языки. Она привела к весьма существенным фонетическим и фонематическим изменениям, оказала большое влияние на грамматический строй. В результате фонетического процесса сочетание двух фонем преобразовалось в одну фонему: дифтонгическое сочетание изменилось в дифтонг, который в окончательной стадии процесса дал уже монофтонг.

Отсюда возникли в морфемах новые чередования гласных монофтонгов с двумя самостоятельными фонемами, разделенными слогоразделом: **u** || **o/v**, **ǫ** || **o/n** и т. д.

inslav

§ 40. Монофтонгизация дифтонгических сочетаний с сонантами [i̯] **и** [u̯]. Как было уже сказано, все эти дифтонгические сочетания монофтонгизировались. На этом пути они пережили много сложных изменений. В толковании характера этих изменений среди языковедов существуют разногласия. Так как первым этапом монофтонгизации следует признать сближение артикуляции обоих элементов сочетания, то следует признать справедливым старое предположение Богородицкого, что процесс монофтонгизации раньше был пережит теми дифтонгическими сочетаниями, отдельные части которых были ближе друг другу в физиологическом отношении (т. е. однородными дифтонгическими сочетаниями). Поэтому следует полагать, что дифтонгические сочетания [ei̯], [ou̯] монофтонгизировались раньше и быстрее, нежели сочетания [oi̯], [eu̯]. Вот почему дифтонгические сочетания с сонантами [n], [r] и [l] пережили данный процесс еще позже. Дифтонгическое сочетание [ei̯] во всех позициях изменилось в [i]. Примеры: *vei̯dъ* > *vidъ*, *č'ei̯d-* > *č'id-*, *ei̯tei̯* > *iti*, *zei̯ma* > *zima*, *pei̯satei̯* > *pisati*, *vei̯tei̯* > *viti*, *kon'ei* > *kon'i*, *vol'ei̯* > *vol'i*.

Из примеров видно, что согласные перед [i] из дифтонгического сочетания [ei̯] могли быть твердыми (например, *zima*) и мягкими (например, *č'id-*, *vol'i*). Твердые согласные были перед исконным [ei̯] (кроме задненебных согласных, которые смягчались перед гласными переднего ряда). Мягкими они были перед [ei̯] из [oi̯] после [j] и мягких согласных (им. мн. *kon'oi̯* > *kon'ei̯* > *kon'i*). В связи с указанным процессом не только увеличилось число морфем с [i], но и значительно возросло число случаев с мягкими согласными перед [i]. Категория твердости—мягкости согласных получила здесь дальнейшее развитие.

Дифтонгическое происхождение [i] в указанных морфемах подтверждается как сравнением с родственными языками (ср. *zima* — греч. χεῖμα 'буря', *vidъ* — лит. *véidas* 'лицо'), так и наблюдениями над чередованиями гласных и дифтонгических сочетаний в одних морфемах (ср. *viti* — *vьjǫ* — *vьješi* — *věnьsь* — *povojьnikъ*; *sito* — *sějǫ* — *sěješi*; *liti* — *lьjǫ* — *lьješi* — *lojь*).

Дифтонгическое сочетание [ou̯] монофтонгизировалось в гласный [u]. Примеры: *tou̯xa* > *tuxa*, *ou̯xo* > *uxo*, *kou̯d-* > *kud-*, *sou̯xъ* > *suxъ*, *dou̯ša* > *duša*, *bou̯d-* > *bud-*, *rou̯d-* > *rud-*, *grou̯da* > *gruda*, род. ед. *synou̯s* > *synou̯* > *synu*. Как указано было выше, этот [u] уже не изменился в [y], а сохраняется в современных славянских языках. Таким образом, старый [ū] изменился в [y] до монофтонгизации дифтонгических сочетаний. В германизмах германский [ū] отражен в праславянском в виде [y] (см. выше), а дифтонгическое сочетание [au] — в виде [u]: гот. **ausahrigg-* (**ausihrigg-*) > *useręgъ*, гот. *skaut(s)* > *skutъ*.

Следует обратить внимание на одно интересное обстоятельство, имеющее отношение к вопросу разграничения старого [ū], изменившегося в [y], и нового [u] дифтонгического происхождения. Как было сказано

inslav

выше, изменение [ū] в [y] происходило еще до первых контактов славян и германцев. Изменение [ū] в [y] в древних германизмах представляет обычную фонетическую субституцию. Позже в связи с монофтонгизацией [ou̯] и [eu̯] возник новый [u]. Этот процесс происходил в период контакта с германцами. Древнейшие германизмы хорошо его отражают. Однако в нашем распоряжении имеются факты, говорящие о том, что ряд новых для славян слов с [ū], проникших в славянскую речь значительно позже монофтонгизации дифтонгических сочетаний, славяне произносили с [y]. Когда славяне в VI в. н. э. появились на Балканском полуострове, они познакомились с названием правого притока Дуная — *Utus*. Они стали его называть *Vytъ* (совр. *Вит*). Может быть, аналогичное положение наблюдается и в словенском наименовании реки *Vipava* от германского *ūp-ahwa*. Это объяснение можно принять только в том случае, если будет доказано, что немецкое название этой реки *Wippach* и итальянское *Vipacco* заимствованы от славян.

Дифтонгическое происхождение славянского [u] подтверждается как данными родственных языков (ср. *suxъ* — лит. *saūsas*, *rudъ* — лит. *raūdas*, *gruda* — лит. *graudùs*), так и наблюдениями над чередованием гласных и дифтонгических сочетаний в одних морфемах (ср. *kujǫ* — *kovati*, *sujǫ* — *sovati*; *gumьno* — *govędo*; *pluti* — *plovǫ*). Если сочетание имело долгий гласный, чередование будет отражено как **u** || **av**: *truti* — *trava*, *sluti* — *slava*.

Для изучения монофтонгизации [ou̯] очень важно обратить внимание на русские примеры *ловлю*, *давлю*, *избавлю*, *правлю*, *ставлю* и т. д. В данных примерах дифтонгические сочетания [ŏu̯], [āu̯] не монофтонгизировались, несмотря на положение перед [j], откуда в дальнейшем здесь закономерно возник эпентетический [l]. Иначе вели себя эти дифтонгические сочетания перед [j] в примерах *кую* (ср. *ковать*), *сую* (ср. *совать*) и т. д. Следует обратить внимание на то, что отклонение находим в глаголах IV класса. Глаголы III класса последовательно отражают процесс монофтонгизации. Можно предполагать, что в глаголах IV класса во время действия процесса монофтонгизации после дифтонгического сочетания шел не [j], а [i̯]. Это косвенно подтверждает сербохорватский язык, в котором в данном случае отсутствует эпентетический [l]: *дâвим*, *ѝзбавим*, *лòвим*, *прâвим*, *стâвим*. Окончание [m] в 1 л. ед. в глаголах IV класса появилось в сербохорватском только в XV в. (Иначе Кузнецов. СФ, III, 5—37).

После монофтонгизации дифтонгических сочетаний [ei̯] и [ou̯] начался процесс монофтонгизации дифтонгических сочетаний [oi̯] и [eu̯].

Дифтонгическое сочетание [oi̯], пройдя ряд сложных переходных стадий, изменилось в монофтонг [ě$_2$]. Примеры: *smoi̯xъ* > *smě$_2$xъ*, *snoi̯gъ* > *sně$_2$gъ*, *kvoi̯tъ* > *kvě$_2$tъ*, *gvoi̯z-* > *gvě$_2$z-*, *koi̯na* > *kě$_2$na*, *beroi̯te* > *berě$_2$te*, мест. ед. *plodoi̯* > *plodě$_2$*.

inslav

Мейе предполагал, что дифтонгическое сочетание [oi̯] первоначально изменилось в [ei̯], а затем в [ě] (см. „Общеславянский язык“, § 67). Дифтонгическое сочетание [ei̯] в данном случае не изменилось в [i] потому, что приступ [oi̯] не допускал йотации, которая характеризовала дифтонгическое сочетание [ei̯]. С этим мнением согласиться невозможно. Мы знаем, что перед исконным [ei̯] также не было йотации.

Гласный [ě$_1$] (из [ē]) произносился как [ä] (открытый, широкий [e]). Это подтверждается тем, что после задненебных и [j] [ē] изменялся в [ā]. Гласный [ě$_2$] (из [oi̯]) был гласным закрытым и напряженным. Таким образом, в течение какого-то времени в праславянском было два самостоятельных гласных: [ä] (*xotäti*, *sämen*) и [ê] (*smêxъ*, *vodê*). Позже начался процесс сближения этих двух гласных. В одних диалектах устанавливалось во всех случаях [ê], в других [ä].

В ряде морфем на месте дифтонгического сочетания [oi̯] находим не [ě$_2$], а [i]. Таков результат был в им. мн. основ на **-o** (ср. *plodoi̯* > *plodi*), в формах повелительного наклонения ед. числа (ср. *beroi̯* > *beri*), в кратких энклитических местоимениях 1 л. дат.: *mi*, *ti*, *si*, в им. мн. муж. р. указательных мест., например, *ti*. Это случаи бесспорные. Некоторые исследователи указывают еще на ряд форм, но без оснований. Так, в род. ед. *kosti* Лескин, Хирт и некоторые другие видят старую форму *kostoi̯s*, тогда как здесь следует предполагать *kosteis*, которая закономерно изменилась в *kosti*. Указывают еще на дат. ед. основ на согласный, и на **-ŭ** (*kameni*, *synovi*). Здесь конечный [i] многие исследователи (Бругман, Ляпунов, Гуйер и др.) возводят к дифтонгическому сочетанию [oi] < [ai̯]. Думаю, что следует согласиться с Мейе, который возводит данную форму к [ei̯] (*kameneī* > *kameni*, *synoveī* > *synovi*).

В науке существует много попыток объяснить переход [oi̯] в ряде случаев в [i]. Многие лингвисты стремились найти ответ в интонации. Так, пытались доказать, что [oi̯] под акутовой интонацией изменялся в [ě$_2$], а под циркумфлексной — в [i]. Миккола это же положение формулирует несколько иначе: дифтонгические сочетания [ōi̯], [āi̯] дали [ě$_2$], [ŏi̯], [ăi̯] дали [i] („Urslavische Grammatik“, I, 60). Однако на пути принятия этой гипотезы стояло столько препятствий, что в науке высказывалась даже прямо противоположная гипотеза: [oi̯] под акутом давала [i], под циркумфлексом [ě$_2$] (например, Ягич. Arch., XXVIII, 117—125; Brugmann. Grundriss..., 2^2, 213). Дело в том, что согласно первой гипотезе в им. мн. основ на **-o** должно было бы быть не **-i**, а **-ě$_2$**, а в мест. ед. основ на **-o** не **-ě$_2$**, а **-i**. Вот почему Мейе, пытавшийся первоначально объяснить различную судьбу [oi̯] интонационными причинами, позже отказался от этого.

Высказывались в науке и другие гипотезы. Хирт и Эндзелин пытались объяснить двойственность результатов изменения [oi̯] ударением: под ударением [oi̯] изменялось в [ě$_2$], вне ударения в [i]. Но здесь возникает много затруднений (например, форма повелительного накло-

inslav

нения *beroi̯s*, где дифтонгическое сочетание было под ударением, изменилась в *beri*).

При современном состоянии вопроса мы уверенно можем утверждать лишь следующее: дифтонгическое сочетание [oi̯] монофтонгизировалось в праславянском в [ě$_2$]. В нескольких случаях в конце слова на месте [oi̯] находим [i]. Условия появления этого [i] остаются невыясненными. Вообще же дифтонгические сочетания на [i̯] и [u̯] монофтонгизировались одинаково во всех позициях в слове. Все известные нам положения во флексиях носят не фонетический характер. Они вызывались грамматической аналогией.

Переход сочетания [oi̯] в монофтонги [ě$_2$] и [i] имел существенные последствия для истории задненебных [k], [g], [x]. После длительного перерыва эти задненебные вновь могли оказаться перед гласными переднего ряда: *koi̯na* > *kě$_2$na*, *nogoi̯* > *nogě$_2$*, *koi̯diteі̯* > *kě$_2$diti*, *žьgoi̯te* > > *žьgě$_2$te*, *rьkoi̯te* > *rьkě$_2$te*, *kožuxoi̯* > *kožuxě$_2$*; *vьlkoi̯* > *vьlki*. В этих позициях задненебные пережили ряд сложных преобразований.

Одновременно с монофтонгизацией [oi̯] шла монофтонгизация сочетания [eu̯], которое изменилось аналогично сочетанию [ou̯], но в отличие от него развило перед [u][j]: *beu̯d-* > *bjud-* > *b'ud-*; *breu̯x-* > *brjux* > > *br'ux*; *reu̯t-* > *rjut-* > *r'ut*; *leu̯d-* > *ljud-* > *l'ud-*; *leu̯b-* > *ljub-* > *l'ub-*; *pleu̯t-* > *pljut-* > *pl'ut-*; *seu̯jь-* > *sjujь-* > *šujь*. В связи с этим процессом в праславянском языке мягкие согласные оказались перед [u]. Теперь этот [u] в [i] уже не изменялся.

В корне *teu̯d-* в результате монофтонгизации возникло новое сочетание [tj] (*tjud-*), которое закономерно изменилось в [ť'] (*ť'ud-*). Однако в этом же корне была известна другая стадия аблаута — *tou̯d-*. Здесь закономерно находим в результате монофтонгизации *tud-*. Хорошо известный в старославянских текстах вариант тоуждь (ср. в Синайской псалтыри тоуждь бъіхъ братрі моеі, в Саввиной книге отъ своіхъ ли сновъ ли отъ тоуждихъ) является отнюдь не новообразованием, а восходит к праславянскому варианту *tou̯d-*. К этому же варианту восходят схр. *mȳđ*, *mȳđu*, слов. *tûj*, *tûjəc*. Корень *teu̯d-* закономерно дал *tjud-*, откуда „нормальное" старославянское цоуждь (ср. в Супрасльской рукописи на земи цоуждеи), русск. *чужой*, польск. *cudzy*, чешск. *cizí*, в.-луж. *cuzy* и др. К форме *tou̯ta* восходят лит. *tautà* 'народ', лтш. *tàuta*, др.-прус. *tauto*. Современное болгарское *чужд* не является русским заимствованием, а восходит к корню *keu̯d-* (*keu̯dios*). Семантическая связь между понятиями 'народ' и 'чужой' подтверждается между прочим, болгарским диалектным *лудски* (точнее *луцки*) в значении 'чужой'. В этом же значении данное прилагательное знает и словенский. Прежде широко был распространен взгляд, что корень *teu̯d-* проник в праславянский из готского и восходит к гот. *þiuda* 'народ'. Это мало вероятно. У нас есть все основания полагать, что это старое индоевропейское слово, отраженное в гот. *þiuda*, лит. *tautà*, ирл. *tuath*, оскск. *touto*.

inslav

Данный процесс оказал существенное влияние на развитие категории твердости—мягкости. Выше мы уже указывали на то, что чаще всего согласный перед [j] был на стыке морфем. Теперь в связи с монофтонгизацией [eu̯] сонант [j] часто оказывался перед согласным внутри морфемы. Это привело к дальнейшему обособлению мягких согласных от твердых, так как позиция мягкого согласного внутри морфемы была постоянной (ср. *l'ub-*, но *l'ubl'ǫ — l'ubiši*). В связи с рассмотренным процессом позиция мягкого согласного перед [u] стала обычной.

Важно указать, что внутри морфемы в [pl'], [bl'], [ml'], [vl'] призвук развился в самостоятельную артикуляцию рано. В этой позиции l-epentethicum находим во всех славянских языках. На стыке морфем этот процесс происходил позже, в отдельных диалектах праславянского языка. В других диалектах призвук не развил самостоятельной артикуляции и утратился.

Дифтонгическое сочетание [ēi̯] имело акутовую интонацию, сочетание [ěi̯] — циркумфлексную. В связи с монофтонгизацией монофтонг [ī] мог иметь обе интонации: ср. псл. *síto* (< *sēi̯to*), схр. *cȉto*, слов. *sítǫ*, чешск. *síto*; псл. *lixъ* (< *lěi̯xъ*); схр. *лȉх*, чешск. *lichý*. Аналогичное положение наблюдаем с дифтонгическими сочетаниями [āi̯] и [ŏi̯], [āu̯] и [ŏu̯], [ēu̯] и [ěu̯]. Возникшие из них монофтонги могли иметь обе интонации.

Итак, в результате монофтонгизации дифтонгических сочетаний на **-i̯** и на **-u̯** произошли существенные преобразования фонетической системы праславянского языка. Вновь появился гласный [u], место которого в системе вокализма было, однако, иное, нежели старого [ū]. Будучи в фонетическом отношении гласным долгим, этот новый [u] не имел фонематической долготы. Возник новый гласный [ě₂], который предположительно можно определить как напряженный [e]. В отличие от [ě₁] он не имел фонематической долготы и характеризовался иными корреляциями. Значительно увеличилось число морфем с гласным [i]. В фонетическом отношении старый и новый [i] не различались. Они оба были долгими. В фонематическом отношении их следует различать. Старый [i] был долгим и находился в коррелятивных отношениях с фонемой [ь]. Новый [i] не имел фонематической долготы и характеризовался иными корреляциями. Монофтонгизация сочетания [eu̯] привела к углублению категории твердости—мягкости согласных, так как вновь появились мягкие согласные перед [u]. Все новые монофтонги [u], [ě₂], [i] уже могли быть носителями в слоге как восходящей интонации, так и нисходящей. Наличие восходящей интонации на монофтонгах, не имевших фонематической долготы, оказало серьезное влияние на историю интонации. В результате изменений сочетания [oi̯] в [ě₂] и [i] задненебные согласные пережили новое изменение, известное в науке под названием второй палатализации.

inslav

Таблицы
возможных распределений согласных перед гласными

I. Твердые согласные

	a	o	ě$_1$	ě$_2$	e	i	ь	y	ъ	u
k	ka	ko	—	kě$_2$	—	ki	—	ky	kъ	ku
g	ga	go	—	gě$_2$	—	gi	—	gy	gъ	gu
x	xa	xo	—	xě$_2$	—	xi	—	xy	xъ	xu
t	ta	to	tě$_1$	tě$_2$	te	ti	tь	ty	tъ	tu
d	da	do	dě$_1$	dě$_2$	de	di	dь	dy	dъ	du
s	sa	so	sě$_1$	sě$_2$	se	si	sь	sy	sъ	su
z	za	zo	zě$_1$	zě$_2$	ze	zi	zь	zy	zъ	zu
p	pa	po	pě$_1$	pě$_2$	pe	pi	pь	py	pъ	pu
b	ba	bo	bě$_1$	bě$_2$	be	bi	bь	by	bъ	bu
m	ma	mo	mě$_1$	mě$_2$	me	mi	mь	my	mъ	mu
v	va	vo	vě$_1$	vě$_2$	ve	vi	vь	vy	vъ	vu
n	na	no	ně$_1$	ně$_2$	ne	ni	nь	ny	nъ	nu
r	ra	ro	rě$_1$	rě$_2$	re	ri	rь	ry	rъ	ru
l	la	lo	lě$_1$	lě$_2$	le	li	lь	ly	lъ	lu

II. Мягкие согласные

	a	o	ě$_1$	ě$_2$	e	i	ь	y	ъ	u
j	ja	—	—	—	je	ji	jь	—	—	ju
š'	š'a	—	—	—	š'e	š'i	š'ь	—	—	š'u

inslav

ž'	ž'a	—	—	—	ž'e	ž'i	ž'ь	—	—	ž'u
ť'	ť'a	—	—	—	ť'e	ť'i	ť'ь	—	—	ť'u
ď'	ď'a	—	—	—	ď'e	ď'i	ď'ь	—	—	ď'u
pʲ'	pʲ'a	—	—	—	pʲ'e	pʲ'i	pʲ'ь	—	—	pʲ'u
bʲ'	bʲ'a	—	—	—	bʲ'e	bʲ'i	bʲ'ь	—	—	bʲ'u
mʲ'	mʲ'a	—	—	—	mʲ'e	mʲ'i	mʲ'ь	—	—	mʲ'u
vʲ'	vʲ'a	—	—	—	vʲ'e	vʲ'i	vʲ'ь	—	—	vʲ'u
n'	n'a	—	—	—	n'e	n'i	n'ь	—	—	n'u
r'	r'a	—	—	—	r'e	r'i	r'ь	—	—	r'u
l'	l'a	—	—	—	l'e	l'i	l'ь	—	—	l'u

§ 41. Вторая палатализация. После завершения первой палатализации задненебные согласные уже не могли находиться в позиции перед гласными переднего ряда. Естественно, что перед дифтонгическим сочетанием [oi̯] задненебные не изменялись, так как они здесь не находились перед гласными переднего ряда. Задненебные сохраняются до сих пор в тех морфемах, где не был пережит процесс монофтонгизации (ср. русск. *каяться*). В результате изменения [oi̯] в гласные переднего ряда [ě₂] или [i] задненебные [k], [g], [x] могли вновь оказаться в положении перед гласными переднего ряда: *koi̯na* > *kě₂na*, *goi̯lo* > *gě₂lo*, *xoi̯r-* > *xě₂r-*; *vьlkoi̯* > *vьlki*, *žьgoi̯s* > *žьgi*, *duxoi̯* > *duxi*. Согласно условиям первой палатализации здесь должны были возникнуть [č], [ž], [š]. Однако действие первой палатализации к этому времени уже прекратилось. Звуки [č], [ž], [š] стали самостоятельными фонемами и находились в морфологических чередованиях с [k], [g], [x]. В это время [č], [ž], [š] употреблялись не только перед гласными переднего ряда, но и перед гласными заднего ряда: *časъ*, *žarъ*, *slušati*. Не могло здесь произойти и той фонетической субституции, в результате которой в еще более позднее время задненебные заменялись звуками [č], [ž], [š]. Дело в том, что в языке не существовало моделей [čě₂], [žě₂], [šě₂]. Новые [ki], [gi], [xi] встречались в конце слова — позиция редкая для старых [ki], [gi], [xi].

inslav

В рассматриваемый период началось действие нового фонетического процесса, известного в науке под наименованием второй палатализации. Согласно этому процессу [k] изменился в аффрикату [c], [g] — в аффрикату [ʒ]. Что же касается [x], то здесь два древнейших праславянских диалекта вели себя различно. В западном диалекте находим [š], в восточном — [s]. Примеры: *koi̯na* > *k'ě₂na* > *cě₂na* (в праславянском слово означало выкуп от кровной мести, ср. родственную морфему в слове *покаяние*), *pъtakoi̯* > *pъtak'i* > *pъtaci* (им. мн. от *pъtakъ*) *pьkoi̯s* > *pьk'i* > *pьci* (повел. накл. 2 л. ед. от *peī'i*); *goi̯lo* > > *g'ě₂lo* > *ʒě₂lo*, *nogoi̯* > *nog'ě₂* > *noʒě₂* (дат., мест. ед. от *noga*), *žьgoi̯s* > > *žьg'i* > *žьʒi* (повел. накл. 2 л. ед. от *žeī'i*); *xoi̯r-* > *xě₂r-* > *sě₂r-* или *šě₂r-*, *kožuxoi̯* > *kožux'i* > *kožusi* или *kožuši* (им. мн. от *kožuxъ*).

Вторая палатализация в физиологическом отношении существенно отличалась от первой. Здесь отсутствовала йотовая артикуляция, что подтверждается, между прочим, судьбой [kv], [gv] в восточном диалекте праславянского языка. Поэтому мы не должны здесь предполагать стадию долготы согласных. В положении перед [ě₂] и [i] ассимиляция согласных была слабой: здесь не могли возникнуть долгие смягченные согласные. Однако и слабая степень смягчения оказала воздействие на задненебные: [k] изменился в [c], [g] — в [ʒ], [x] — в [s] или [š]. И здесь задненебные взрывные дали аффрикаты, задненебный фрикативный дал фрикативный согласный.

Широко распространен взгляд, что возникшие в результате так называемой второй палатализации [c], [ʒ], [s], [š] были мягкими согласными. Однако уже давно это начало вызывать известные сомнения. Еще Лескин в очень осторожной форме обратил внимание на различие между результатами второй и так называемой третьей палатализации в старославянском языке. В первом случае согласные „были в какой-либо степени палатализованы". В древнеболгарском „эти звуки были твердыми" („Грамматика...", 78). Согласные [c], [ʒ], возникшие в результате третьей палатализации, были, бесспорно, мягкими, „потому что после них гласные имеют ту же судьбу, что после [j] и палатальных согласных [č] и т. д." (там же). Лескин обращает внимание на известные старославянские написания отьцꙗ, овьцѩ и под. В известном руководстве Нахтигала „Slovanski jeziki" (1952) это различие формулируется уже совершенно четко: по второй палатализации в праславянском языке возникли [c], [ʒ], [s], [š], по третьей [c'], [ʒ'], [s'], [š'] („Slovanski jeziki", 37). Ван-Вейк по этому вопросу высказывается осторожнее: „Вполне возможно, что прогрессивная палатализация имела своим результатом более мягкие согласные, чем палатализация регрессивная: в образованиях *starьcь*, *kъnędzь*, *vьsь*, *lice* и т. д. [c], [dz], [s] вызывали палатализацию последующих гласных..." („Slavia", XIX, 306).

Надо думать, что в акустическом отношении [c], [ʒ], [s], [š] представляли ту степень смягчения, которую мы обычно называем полумягкостью. В этом отношении они не отличались от всех осталь-

inslav

ных согласных перед гласными переднего ряда. Согласный [c'] в им. мн. *pъtac'i* представлял собою такой же вариант фонемы [k], как [d'] в им. мн. *plod'i* — вариант фонемы [d]. Звуки [c], [ʒ], [s], [š] были позиционными вариантами задненебных. В структуре праславянского языка [c], [ʒ], [s], [š], возникшие из [k], [g], [x] перед [ě₂] и [i], являлись твердыми согласными. В грамматическом строе языка они выполняли функцию твердых согласных.

Отсюда становится очевидным, что принятый в науке термин вторая палатализация является мало удачным. Им следовало бы именовать тот процесс, который называется третьей палатализацией. Однако, не желая в данном случае вводить новый термин, сохраняем старый.

Не раз высказывалось в науке предположение, что так называемая вторая палатализация не действовала последовательно. Якобы существовали праславянские диалекты, в которых результат изменения задненебных не был последовательно проведен в парадигмах. Такое предположение для диалектов, лежащих в основе русского языка, делал Ляпунов, указавший на единичный факт из Новгородской Минеи 1096 г. (Дъмъкѣ дат. ед. от Дъмъка — собственное имя). Однако подобные единичные примеры не являются убедительными. Отступление здесь всегда легко объяснить влиянием морфологических факторов. Вне возможности действия этих факторов отклонений нет. Об этом убедительно свидетельствуют языки русский, словенский и словацкий.

Различие в судьбе [x] перед [ě₂] и [i] в славянских языках относится к древнейшей праславянской изоглоссе, когда праславянский язык имел два основных диалекта: западный и восточный. Переход [x] в [s] последовательно без исключений осуществился во всей восточной группе. Думаю, что и в западной группе [x] последовательно изменился в [š]. Позже, в период формирования словенско-словацких изоглосс, словацкие говоры в этом отношении пережили новые процессы. Как известно, польский язык в им. мн. представляет исключение. Здесь находим не [š], а [s]: *włoch-włosi*, *mnich-mnisi*. Однако это морфологическое новообразование восходит к XVII в. В более древних памятниках находим *włoszy*, *mniszy*. Без всяких оснований Белич утверждал, что по второй палатизации [x] изменился в [s] во всех диалектах праславянского языка, факты типа чешск. *mouše*, польск. *musze* нужно объяснять аналогией. Легко показать, что случаи типа чешск. *šerý*, польск. *szary* аналогией объяснить невозможно. Данное положение Белича является неосновательным.

Также к очень важной праславянской изоглоссе относится эволюция задненебных в группах [kv], [gv]. В западном диалекте праславянского языка в указанных группах в положении перед [ě₂], [i] задненебные не подвергались палатализации (ср. польск. *kwiat*, *gwiazda*, чешск. *květ*, *hvězda*, слвц. *kvet*, *hviezda*). В восточном диалекте в этой позиции задненебные пережили палатализацию (ср. русск. *цветок*, *звезда*, болг. *цвят*, *звезда*, схр. *цвêт*, *звéзда*, слов. *cvẹ̑t*,

inslav

zvę̑zda). Это свидетельствует, что сочетания [kv], [gv] в западном диалекте произносились так, что позиционная полумягкость [v] не оказывала ассимилирующего воздействия на задненебный. В восточном диалекте сочетания [kv], [gv] произносились так, что полумягкий [v] смягчал предшествующий [k] и [g]. Сонанты [r], [l], [n] (даже мягкие) не оказывали воздействия на задненебные (ср. ст.-сл. **кл҃ючь**, **гн҃ида** и под.). Украинское *квіт* и белорусское *кветка* возникли позже и относятся к украинско-белорусско-западнославянским лексическим изоглоссам. Общеславянское слово *zvězda* в украинском и белорусском вышло из употребления.

По известным условиям чередования в морфемах данных слов возможны были не только дифтонгическое сочетание [oi̯], но и гласные переднего ряда (*kvьt-*, *kvit-; gvьzd-*, *gvizd-*). Как мы уже указывали, в этих условиях не могло произойти первой палатализации. Однако условия для второй палатализации были, так как она происходила без участия [j]. Вот почему в восточных и южных славянских языках и здесь найдем результат смягчения (ср. ст.-сл. **цвѣтѫ**, **цвисти**, болг. *цъфтя*, схр. *цвàтēм*, *цвàсти*, укр. *цвісти*, русск. *цвел* из *cvьlъ*; в чешск. *kvísti*, в польск. *kwiść*). Иначе объясняет это Селищев. Он полагал, что в *kvьt-*, *kvit-*, *gvьzd-*, *gvizd-* не произошло первой палатализации потому, что в тот период в праславянском языке сочетания [kv], [gv] произносились всюду без „близкого примыкания" (как позже только в западном диалекте). Дело, конечно, не только в этом. Обязательным условием для первой палатализации была йотовая артикуляция, которая после [kv], [gv] в данных условиях развиться не могла.

Отсутствует результат второй палатализации в старославянском **скврьна**. Соответствующие слова в русском (*скверно*, *осквернять* и пр.) старославянского происхождения. Трубецкой утверждал, что слово **скврьна** известно только старославянскому и чешскому языкам. Однако оно широко встречается в сербохорватском (*скврна̏*, *скврна̏вити* и др.). Отсутствие перехода [k] в [c] в данных образованиях Трубецкой объяснял тем, что [v] здесь был твердым, так как в южнославянских диалектах в данном случае был представлен [r̥'], перед которым согласные не изменялись. Близкое объяснение дает и Селищев. Однако согласиться в данном случае с Трубецким и Селищевым нельзя, так как слоговые сонанты возникли в праславянском позже. Во время действия так называемой второй палатализации в языке были представлены дифтонгические сочетания [ьr], [ъr], [ьl], [ъl]. В ст.-сл. **црькъı** [k] перешло в [c] не перед [r̥'], а перед [ь] (*cьrky*). В *skvьrna* [ь] был „нормальным", а не представлял собою „неслогообразующую, скользящую артикуляцию гласного переднего ряда" (Селищев. Старославянский язык, I, 203). Объяснение нужно искать в другом. Все зависело от того, что начальный [s] не давал возможности сблизиться [k] и [v] в такой степени, чтобы полумягкий [v] оказал ассимилирующее воздействие на предшествующий согласный. Трубецкой предвидел

inslav

возможность такого объяснения. Однако его возражения против подобного предположения неосновательны. Он указал на то, что в группе [sk] согласный [k] изменялся в [c]: ст.-сл. **сцѣголъ, людьсции** („Сборник в чест на Васил Златарски", 482). Но данный аргумент нельзя признать убедительным, так как здесь перед нами [sk], а не [skv]. А в этом все дело.

В сочетаниях [sk], [zg] перед [ĕ₂] и [i] мы должны найти [sc], [zʒ]. Однако очень рано, еще в праславянских диалектах, группы [sc], [zʒ] претерпели разного рода изменения. Так, старославянские памятники представляют колебания: **дъска** — мест. ед. **дъсцѣ** и **дъстѣ, людьсции** и **людьстии, дрѧзга** 'роща' — мест. ед. **дрѧздѣ** (в др.-русск. дрѧззѣ). Существенные преобразования в этих группах представляют западнославянские языки. В этих языках возникли группы [šč] и [žž], откуда затем [št], [žd]: др.-чешск. мест. ед. *vojšče*, совр. чешск. *vojště*; совр. чешск. *mízha* 'сок дерева', дат.-мест. ед. *mieždě* (др.-чешск.).

Вторую палатализацию отражают многие древние заимствования из германских и других языков: гот. *kintus* > *cęta*, гот. *kaisar* > *cĕ₂sar-* и др. Селищев склонен считать, что все заимствованные слова с [c] отражают фонетическую особенность народной романской речи на Балканах. Этот вопрос еще требует специального изучения.

§ 42. Возникновение носовых гласных. Должны были монофтонгизироваться дифтонгические сочетания и на **-n**. И здесь монофтонгизации предшествовало сокращение долготы слоговой части. Вот почему сочетания [ŏn] и [ān] монофтонгизировались одинаково: сочетание [ān] изменилось в [ŏn].

Однако процесс монофтонгизации дифтонгов на **-n** шел иначе, чем на **-u̯, -i̯**. Он состоял в том, что носовой сонант редуцировался, а затем стал дополнительной (в данном случае назальной) артикуляцией гласного: **en** > **eⁿ** > **ę**, **on** > **oⁿ** > **ǫ**. Трубецкой в свое время утверждал, что носовых гласных в праславянском не было, что была представлена только стадия [eⁿ], [oⁿ]. Но и эту стадию он предполагал не для всех говоров праславянского языка. По его мнению, в ляшских и некоторых болгарских говорах сохранялись без изменения дифтонгические сочетания на **-n**. Последнее предположение необходимо решительно отвергнуть, так как тенденция открытого слога действовала во всех праславянских говорах. Трудно согласиться с Трубецким и в том, что носовых гласных не было вообще, что носовой элемент утратился на стадии сильно редуцированного [n]. Гласный перед [n] в праславянском языке никогда не становился долгим. Тем менее было условий для возникновения долготы, если бы сонант [n] редуцировался и затем совсем утратился. Это наше положение не является чисто умозрительным. Мы уже знаем, что конечные [ъn] и [ьn] утратили сонант (вероятно, через стадию редуцированного сонанта). Однако это никак не

inslav

сказалось на количественной стороне гласного: он продолжал оставаться сверхкратким. Гласные же, возникшие на месте дифтонгических сочетаний с носовым сонантом, в фонетическом отношении были всегда долгими. Таким образом, перед монофтонгизацией в дифтонгическом сочетании произошло сокращение слоговой части ([ān] > [ŏn]), а возникший монофтонг стал долгим [ǭ]. Это возможно было только в том случае, если сонант слился в одну артикуляцию с гласным. Если бы был прав Трубецкой, то так называемые носовые гласные были бы краткими гласными. Нельзя согласиться с Трубецким и потому, что и сами гласные существенно изменили свою артикуляцию. Монофтонгизация в дифтонгическом сочетании осуществлялась тогда, когда носовой элемент являлся не чем-то внешним, независимым по отношению к гласному, а был органической и составной его частью. Теория Трубецкого была встречена славистами сурово. Были хорошо показаны ее слабые стороны.

Однако в теории Трубецкого есть и рациональное зерно. Так, я думаю, что в пралехитском диалекте носовые гласные очень рано распались на две самостоятельные артикуляции. Носовые гласные в польском нового происхождения: они возникли из сочетаний гласного с носовым согласным в определенных фонетических позициях. Но об этом речь будет идти позже.

Сочетание [ŏn] (< [ŏn] и [ān]) изменилось в праславянском в [ǫ]. Так было в середине слова: *pontь* > *pǫtь*, *ronka* > *rǫka*, *lonkъ* > *lǫkъ*, *zonbъ* > *zǫbъ*, *donga* > *dǫga*, *gonsь* > *gǫsь*. Что же касается конца слова, то здесь [ǫ] всегда восходит к [ān]: 1. л. ед. *nesan* > *nesǫ*, вин. ед. *vodan* > *vodǫ*. Это подтверждается тем, что в конце слова сочетание [ŏn] в более древнюю эпоху изменилось в [un], затем в [ъ] (ср. вин. ед. *plodon* > *plodъ*). Новое конечное сочетание [ŏn] из [ān] в период монофтонгизации дифтонгических сочетаний этот процесс уже не переживало. Здесь закономерно возник [ǫ]. Данный результат мы находим и после мягкого согласного; это свидетельствует о том, что в этом случае гласный [ŏ] из [ā] после мягкого согласного не изменялся в [ě] (ср. 1 л. ед. *znajan* > *znajon* > *znajǫ*, *piš'an* > *piš'on* > > *pišǫ*, вин. ед. *vol'an* > *vol'on* > *vol'ǫ*, *duš'an* > *duš'on* > *dušǫ*).

Германские заимствования с [an] закономерно дают [ǫ]: ст.-сл. хѫдогъ 'опытный' < гот. *handugs* 'мудрый' и др.

Дифтонгическое сочетание [ъn] (< [un]) в середине слова встречалось очень редко. Оно восстанавливается с большей или меньшей степенью вероятности в морфемах *kъnt-*, *dъnb-*, *glъnb-*, *gъnz-* и некоторых других. Во всех случаях на месте данного сочетания всегда находим [ǫ]: *kǫtъ*, *dǫbъ*, *glǫbь*, *gǫzъ*.

Дифтонгическое сочетание [ěn] последовательно во всех позициях изменилось в [ę]: *penta* > *pęta*, *menso* > *męso*, *penti* > *pęti*, *jentro* > > *jętro; imen* > *imę*, *vermen* > *vermę*, *sě₁men* > *sě₁mę*, *men* > *mę*, *ten* > > *tę*, *sen* > *sę*. Аналогичный результат мы находим на месте сочетания

inslav

[ьn] в середине слова, восходящего к слоговому носовому сонанту: *kьnstь* > *čьnstь* > *čęstь; desьntь* > *desętь; tysьnť a* > *tysęť a; pamьntь* > > *pamętь, zьntь* > *zętь*. В конце слова сочетание [ьn] задолго до возникновения носовых гласных утратило [n]. Однако в связи с утратой конечного [t] появились вновь сочетания [ьn] в конце слова: аорист 3 л. мн. *rě*$_2$*šьnt* > *rě*$_1$*šьn*, имена с основой на **-t**: *telьnt* > *telьn*. Это сочетание в данной позиции последовательно изменялось в [ę]: *rě*$_1$*šę, telę*. Вот почему нельзя признать верными утверждения, что конечное сочетание [ьn] не изменялось в [ę]. Мы с полной уверенностью можем утверждать противное: конечное сочетание [ьn] всегда последовательно изменялось в [ę]. Мы не находим [ę] в случаях типа вин. ед. *gostьn* и под. только потому, что в период возникновения носовых гласных в данных случаях [n] уже утратился. Это же можно сказать и о конечном сочетании [on]. Оно всегда последовательно давало [ǫ]. Его мы не находим в случаях типа вин. ед. *plodon* и под. только потому, что в период возникновения носовых гласных в данных случаях [n] уже утратился. Нужно, конечно, всегда учитывать особые условия конца слова. Однако не следует переоценивать значение этой позиции. А это характерно для сравнительного языкознания последних десятилетий (особенно после выхода в свет книги Готьо „La fin de mot en indo-européen", 1913).

Гласный [ę] мы последовательно находим на месте [ьn] из [in] в германских заимствованиях: гот. *kintus* > псл. *cęta*, двн. *pfenning* > > псл. *pě*$_1$*nęgъ*, двн. *kuning* > псл. *kъnęgъ*, гот. *skiliggs* > псл. *skъlęgъ*.

Как сказано было выше, гласные [ǫ] и [ę] были долгими. Однако и эти новые монофтонги не имели фонематической долготы. В системе праславянского вокализма в данную эпоху отсутствовало противопоставление долгих и кратких носовых гласных.

Возникновение носовых гласных привело к чередованиям в одних морфемах носовых гласных с **o/n, e/n, ь/n**: ср. *pǫto — opona, zvǫkъ — zvonъ, imę — imena, žęti — žьnǫ*. Конечно, эти чередования наблюдаются только в тех случаях, если одна морфема может употребляться в положении перед согласным и гласным. Чередования отсутствуют, если носовой гласный находится в морфеме только перед согласным: *rǫka, zǫbъ, pętь, męso*. В этом случае восстановить носовой, например, для русского языка, методом внутренней реконструкции невозможно.

Как указано было выше, носовые гласные [ǫ] и [ę] могли иметь акутовую и циркумфлексную интонацию, что определялось долготой или краткостью слогового элемента дифтонгического сочетания. Так, в *pǫto* 'путо' была акутовая интонация, это подтверждается чешск. *pouta*, схр. *пȳто*, а также лит. *pántis*. Слово *pǫtь* имело циркумфлексную интонацию (ср. схр. *пȗт*). Циркумфлексную интонацию имело слово *zǫbъ* (ср. чешск. *zub.*, схр. *зȗб*). Акутовая интонация была представлена в слове *zętь* (ср. схр. *зѐт*, лит. *žéntas*), циркумфлексная в слове *męso* (ср. чешск. *maso*, схр. *мѐсо*).

inslav

§ 43. Возникновение слоговых плавных. Как мы уже знаем, индоевропейские гласные сонанты [r̥], [l̥], [m̥], [n̥] в период балто-славянской общности утратили слоговость. На месте индоевропейских гласных сонантов стали употребляться сочетания гласных с согласными сонантами. Сочетания гласных с носовыми сонантами в связи с действием тенденции открытого слога дали носовые гласные. Сочетания гласных с плавными сонантами в связи с действием той же тенденции дали слоговые плавные.

Таким образом, в сочетаниях [ъr], [ьr], [ъl], [ьl] начальная стадия процесса состояла в том, что сверхкраткие гласные стали неслоговыми, а носителями слога стали плавные: [ъ̯r̥], [ь̯r̥], [ъ̯l̥], [ь̯l̥]. Именно так здесь осуществилась тенденция открытого слога: *tъrgъ* > *tъ̯r̥gъ*, *pьrvъ* > > *pь̯r̥vъ*, *dъlgъ* > *dъ̯l̥gъ*, *vьlkъ* > *vь̯l̥kъ*. В дальнейшем сверхкраткие гласные в данной позиции претерпели дальнейшее сокращение и стали простыми призвуками слоговых сонантов: *tᵊr̥gъ*, *pᵊr̥vъ*, *dᵊl̥gъ*, *vᵊl̥kъ*. На этой стадии возникло различие между парами гласных сонантов: гласные [ᵊr̥] [ᵊl̥] были гласными заднего ряда, гласные [ᵊr̥], [ᵊl̥] — гласными переднего ряда. До смягчения согласных перед гласными переднего ряда согласные перед слоговыми сонантами были твердыми (кроме [č], [ž], [š]). После смягчения согласные перед [ᵊr̥], [ᵊl̥] стали мягкими.

Широко распространен взгляд, что с самого начала новые гласные сонанты произносились в говорах праславянского языка различно. Полагают, что предки южных славян, чехов и словаков произносили их как чистые слоговые сонанты, тогда как предки восточных славян, поляков, поморян и полабян имели [ᵊr̥], [ᵊr̥], [ᵊl̥], [ᵊl̥]. В данном случае исходят из того, что в восточнославянских языках и языках лехитской группы отражено в какой-то степени древнее различие гласных сонантов [ᵊr̥] и [ᵊr̥], тогда как в других славянских языках оно утрачено. Но эти различия внутри славянских языков сформировались гораздо позже. Исходной позицией для всех славянских языков являются долгие [ᵊr̥], [ᵊr̥], [ᵊl̥], [ᵊl̥]. И южнославянские языки содержат следы этой стадии (ср., например, ст.-сл. мрьцати — *mᵊr̥cati*). Различия между диалектами праславянского языка в данном случае обнаружились в тот период, когда формировались лехитско-восточнославянские изоглоссы. В этих диалектах праславянского языка [ᵊr̥], [ᵊr̥], [ᵊl̥], [ᵊl̥] вновь изменились в дифтонгические сочетания [ъ̯r̥], [ь̯r̥], [ъ̯l̥], [ь̯l̥], затем в [ъr], [ьr], [ъl], [ьl].

Возникновение новых гласных сонантов привело к новым чередованиям в составе одной морфемы: **ᵊr̥ || ъ/r, ᵊr̥ || ь/r, ᵊl̥/ || ъ/l, ᵊl̥ || ь/l** (ср. *sъmᵊr̥/tь — mь/rǫ*).

Уже в период балто-славянской общности дифтонгические сочетания типа [ur] и т. д. могли иметь обе интонации. Естественно, что и новые гласные сонанты могли быть носителями как акутовой, так и циркумфлексной интонаций (ср. схр. *зр̏но*, но *вр̂х*; слов. *zŕnǫ*, но *vr̂h*; схр. *дȕг* 'длинный', но *дȗг* 'долг'.

inslav

§ 44. Третья палатализация. Третьей палатализацией задненебных называют изменение [k] в [c'], [g] в [ʒ'] и [x] в [s'], [š'] в положении после гласных переднего ряда [ь], [i], [ę], [ᵇr̥]: *ovьka* > *ovьc'a*, *děvika* > > *děvic'a*, *jęga* > *ięʒ'a*, *mᵇr̥kati* > *mᵇr̥c'ati*. В данном случае мы наблюдаем очень редкий для праславянского языка пример прогрессивной ассимиляции: согласный смягчался под влиянием предшествующего гласного. На первый взгляд, результаты третьей палатализации совпадали с результатами второй. Однако это не так. Здесь возникали мягкие согласные [c'], [ʒ'], [s'], [š'], тогда как задненебные согласные перед [ě₂] и [i] изменялись в [c], [ʒ], [s], [š]. Вот почему после результатов третьей палатализации не мог употребляться [ě]: он заменялся гласным [i]. Таким образом, в мест. ед. и мн. *vᵇl̥cě*, *vᵇl̥cěxъ* [c] был твердым (точнее — полумягким), в мест. ед. и мн. *otьc'i*, *otьc'ixъ* [c'] был мягким. Различие можно наблюдать и в совершенно тожественных условиях (ср. им. мн. *vᵇl̥ci*, но *otьc'i*, аналогично *konъ* — *koni*, но *kon'ь* — *kon'i*). Флексия [ě] в мест. в слове *otьcь* не могла удержаться после того, как данное слово из твердого склонения основ на **-o** под влиянием изменения [k] в [c'] в им. ед. перешло в мягкий вариант склонения. В мягком склонении флексия [ě] употребляться не могла. В противоположность этому звательная форма *otьče* сохранялась старая, так как в данном случае не существовало противоречий между твердым склонением *vᵇl̥če* и мягким *otьče*. По разным причинам [ě] не во всех случаях после действия третьей палатализации заменился [i]: ср. местоимения *vьsěmь*, *sicěmь* и др. Здесь сказалось влияние местоименного склонения.

Одной из важнейших отличительных черт третьей палатализации являлась ее непоследовательность. В совершенно тожественных условиях, в одних и тех же формативах она проявляется факультативно. Вот почему наблюдаются, например, колебания в суффиксах **-ika** и **-ica**. О причинах колебаний написано большое количество исследований, предложено много гипотез, обзор которых не может входить в нашу задачу. Бесспорно доказанным можно считать лишь то, что данное смягчение задненебных возникло под воздействием предшествующих [i], [ь], [ę], [ᵇr̥]. Это наблюдение было сделано Ягичем. Несомненно и то, что данное изменение задненебных имело место только перед гласными. В положении перед согласными задненебные сохранялись без изменений (ср. *mьgla*, *vьxrь*, *mᵇr̥c'ati*, но *mᵇr̥knǫti*). Всё остальное является спорным. Бодуэн де Куртенэ, наблюдая колебания в судьбах задненебных после указанных гласных, заметил, что они часто связаны с местом ударения: *лик* — *óблик* — *лицó*, *клúкать* — *восклицáть*, *двúгать* — *подвизáться* и т. д. Если ударение падает на гласный перед задненебным, последний не палатализуется, если на гласный после задненебного, то задненебный изменяется по третьей палатализации. Это объяснение нашло поддержку у ряда исследователей (например, у Трубецкого). Однако наблюдение Бодуэна де Куртенэ было сделано

inslav

на ограниченном материале. Очень скоро было предложено много примеров, в которых соотношения были иными (ср. *kъnę́ž'ь*, но *kъnęgýn'i*). Против свидетельствуют и русские примеры *выкликáть*, *достигáть*. Можно утверждать, что нет никакой взаимосвязи между изменением задненебных и местом ударения. Шахматов предложил другую гипотезу, которая, однако, объясняет положение дела не лучше. Он полагал, что задненебные согласные не смягчались в том случае, если после них шли лабиализованные гласные, к которым он причислял и [ъ]. Вот почему в суффиксе **-ikъ** задненебный не изменяется, а в суффиксе **-ika** [k] переходит в [c']: **-ic'a** (ср. *ученик, но ученица*). Однако не следует забывать, что в *otьc'ь*, *kъnęž'ь* и под. задненебный был именно в положении перед [ъ]: *otьkъ* > *otьc'ъ* > *otьc'ь*. Гипотеза Шахматова не в состоянии дать объяснение очень многим фактам, и поэтому и она должна быть отвергнута. Наша наука, к сожалению, удовлетворительного объяснения всем указанным случаям дать пока не может.

В каком хронологическом отношении данное явление стоит ко второй палатализации? Большинство ученых полагает, что изменения задненебных после гласных переднего ряда происходили позже изменения задненебных перед [ě$_2$] или [i]. Вот почему изменения типа *děvica* они называют третьей палатализацией. Против этого положения выдвигались некоторые аргументы, которые, как мне кажется, не являются непреодолимыми. Указывают на мест. ед. **отьци**. Но это, конечно, более поздняя форма. До третьей палатализации данное слово склонялось по основам на **-o**. В результате третьей палатализации *otьc'ь* стал склоняться по мягким основам. В этом случае в мест. ед. флексия [ě$_2$] сохраниться не могла.

Как мы уже говорили, в изменениях типа *děvica* существенную роль играл [ę] (ср. *kъnęž'ь* и др.). Но мы знаем, что носовые гласные возникли из дифтонгических сочетаний в тех же условиях, что и [ě$_2$] и [i] из [oi̯]. У нас есть все основания полагать, что дифтонгические сочетания с неслоговыми сонантами [i̯] и [u̯] монофтонгизировались раньше, нежели с неслоговым сонантом [n]. Таким образом, третья палатализация происходила после возникновения носовых гласных. Она происходила и после возникновения слоговых плавных. В *m^{ь}ŕc'ati*, *z^{ь}ŕc'alo*, *d^{ь}ŕz'ati* изменение задненебных могло произойти только после возникновения слогового плавного [^{ь}ŕ].

Вторая палатализация была проведена последовательно. Она представляет лишь некоторые отличия между западным и восточным диалектами праславянского языка (**š — s**). Изменения типа *děvica* представляют многочисленные случаи нарушения фонетических условий и часто требуют морфологических объяснений. И это косвенно может свидетельствовать о бо̀льшей древности изменений задненебных перед гласными [ě$_2$], [i].

Есть еще один весьма существенный аргумент, говорящий о том, что изменения задненебных после гласных переднего ряда происходили

inslav

значительно позже изменений задненебных перед гласными [ě₂], [i]. Наблюдая различного рода колебания в изменениях типа *děvica*, мы легко обнаруживаем, что в этом отношении особое место в кругу славянских языков занимают южнославянские языки. Именно в этих языках палатализация задненебных после гласных переднего ряда представлена наибольшим числом случаев, хотя и здесь возможны колебания (ср. болг. *заек*). Варианты в русском литературном языке или различия между русским литературным языком и народными говорами в данном случае сплошь и рядом объясняются не исконными различиями, а влиянием старославянского языка (ср. *зеркало — зерцало* и др.). Укажу на один пример. Исследователи широко привлекают „противоречивый" материал из русского языка: ср. *брякать — бряцать, нарикать — нарицать, двигаться — подвизаться, проникать — проницать, кликать — восклицать, тягаться — состязаться, досягать — осязать* и т. д. Однако в данном случае никакого противоречия нет, так как все указанные глаголы на **-цать, -зать** являются в русском языке старославянизмами. Еще Потапов в свое время очень удачно обратил внимание на существенную стилистическую разницу глаголов на **-гать** и **-зать** и глаголов на **-кать, -цать.** Варианты с **з** и **ц** являются носителями более высокого стиля, а варианты с **г** и **к** служат для выражения обыденных понятий. Важно обратить внимание в данном случае и на чуждый фонетический признак. Во всех глаголах находим твердый [z]. Это, так же как и случаи типа русского слова *польза* явно указывает на старославянский источник. В русском в аналогичных позициях [z] должен быть мягким (ср. *нельзя, князь*).

В народных словах русского языка суффикс **-ica** встречается сравнительно редко. Кстати, обычно приводят слово *дѣвица*, которое, конечно, книжного происхождения. Многие слова в русском литературном языке, отражающие результаты третьей палатализации, являются старославянизмами. Противоречиво отражают результаты третьей палатализации и русские говоры. Наиболее последовательно ее представляют северновеликорусские говоры. Что же касается южновеликорусских говоров, то здесь наблюдаем многочисленные случаи нарушения старого фонетического процесса. Так, например, суффикс **-ica** в этих говорах встречается очень редко, обычно употребляется суффикс **-ika**. Украинский язык и в этом отношении ближе к северовеликорусским говорам, нежели к соседним южновеликорусским.

Наоборот, в южнославянских языках суффикс **-ica** получил широкое распространение. Богатую коллекцию глаголов на **-зать** и **-цать** можно собрать в южнославянских языках (ср. в схр. *дȉзати, ле́цати се, нȉцати, осе́зати, прори́цати, се̏зати се, сте́зати, стȉцати, ти́цати, тр̏зати* и мн. др.).

Интересный материал по словообразованию по этому вопросу собран Бошковичем (см. статью „Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници", — ЈФ, XV). Этот материал убедительно показывает,

inslav

что третья палатализация наиболее последовательно проходила в тех диалектах праславянского языка, которые лежат в основе южнославянских языков. Исследователи третьей палатализации в праславянском языке много внимания уделяли вариантам, но не в плане диалектном. Всегда казалось, что эти варианты характеризуют единую систему.

Наблюдаются варианты в древних заимствованиях. Ср., например, варианты в германских заимствованиях типа *kъnęz'ь* и *kъnęgъ (kъnęgyn'i)*, *pěnęz'ь* и *pěnęgъ*, *usereǯ'ь* и *usereǯъ* и др. Подобные варианты в старой славянской письменности встречаются часто. И это говорит, во-первых, об относительной молодости изменений задненебных в данной позиции и, во-вторых, о том, что в этих изменениях существенную роль играл морфологический фактор.

В результате первых двух палатализаций в праславянском языке возникли чередования **k** || **č'** || **c**, **g** || **ž'** || **ǯ**, **x** || **š'** || **s** — **š**: *rǫka — rǫč'ьka — rǫcě*, *noga — nož'ьka — noǯě*, *muxa — muš'ьka — musě (mušě)*. Этот тип чередований был представлен большим числом примеров в различных грамматических категориях. В результате третьей палатализации возникали чередования **k** || **č** || **c'**, **g** || **ž'** || **ǯ'**, **x** || **š'** || **s'** — **š'**: *likъ — lič'ьko — lic'e (< lic'o)*, *stьga — stьž'ьka — stьǯ'a*. Однако весь ряд чередований представлен незначительным числом примеров. Его можно обнаружить, если в одной из позиций данной морфемы отсутствуют результаты третьей палатализации (см. *uč'enikъ — uč'eničьka — uč'enic'a*). Обычно же наблюдаем чередование только шипящих и свистящих: *ovьč'ьka — ovьc'a*, *otьč'e — otьc'ь (< otьc'ъ)*. Согласные [c], [ǯ], [s] — [š] и [c'], [ǯ'], [s'] — [š'] не чередовались. Оба ряда употреблялись в положении перед [i]. Первый ряд употреблялся еще только перед [ě]. Второй ряд употреблялся перед [a] (*ovьc'a*, *polьǯ'a*, род. ед. *lic'a*), перед [u] (дат. ед. *lic'u*, *otьc'u*), перед [ǫ] (вин. ед. *ovьc'ǫ*), перед [ь] (*otьc'ь* род. мн. *ovьc'ь*), по диалектам перед [ę] и носовым [ę̌] (род. ед. *ovьc'ę — ovьc'ę̌*). Эти согласные не употреблялись перед [o], [ě], [ъ], [y].

В дальнейшем [c], [ǯ], [s] — [š] и [c'], [ǯ'], [s'] — [š'] совпали и перестали различаться. Это связано было с отвердением аффрикат, со смягчением согласных перед гласными переднего ряда и рядом других фонетических процессов. В современном польском языке представлено различие аффрикат [ǯ] (ср. *nędza*, *sadza*) и [ǯ'] (ср. *dzień*). Но оно более позднего происхождения и не восходит к указанному выше.

§ 45. Древнейшие праславянские изоглоссы. Все рассматриваемые нами процессы происходили в тот период истории праславянского языка, когда в связи со значительным расширением его территории в западном и восточном направлениях началась эпоха диалектного дробления. Мы можем с полной уверенностью говорить о том, что в последние два века до н. э. и в первые века н. э. (I—II вв.) праславянский язык распадался на два больших диалекта: западный и восточный. Они характеризовались рядом отличительных черт.

inslav

а) [tl], [dl]—[l]. В западном диалекте сохранялось сочетание [tl], [dl], в восточном оно упростилось в [l].

б) [kv], [gv]—[cv], [ʒv]. В западном диалекте сохранилось сочетание [kv], [gv] перед гласными переднего ряда, в восточном задненебные в этих сочетаниях изменились в аффрикаты [c], [ʒ].

в) [š]—[s]. В западном диалекте задненебный [x] по условиям второй палатализации изменялся в [š], в восточном — в [s].

г) [š']—[s']. В западном диалекте задненебный [x] по условиям третьей палатализации изменился в [š'], в восточном — в [s'].

д) Выше уже шла речь о том, что согласные [t], [d] в положении перед [j] изменились в [ť'], [ď']. В отличие от всех мягких долгих согласных, очень рано утративших долготу и развивших вторичный палатальный элемент, согласные [ť'], [ď'] долго сохраняли старое качество. Они пережили судьбу всех долгих мягких согласных уже в тот период, когда началась эпоха диалектного дробления праславянского языка. И здесь один результат был в западном диалекте, другой — в восточном.

В западном диалекте долгота взрывных согласных была утрачена путем развития вторичных элементов $^{s', z'}$, в восточном — $^{š', ž'}$. Таким образом возникли мягкие аффрикаты [c'], [ʒ'], [č'], [ǯ']. В дальнейшем эти аффрикаты в славянских языках претерпели различные изменения: утратилась их мягкость, утратился первый затворный элемент, аффрикаты распались на две самостоятельные артикуляции и др. Это были локальные процессы. Речь о них будет идти позже. Южнославянские языки свидетельствуют что [č'] из [k] и [č'] из [tj] произносились различно: судьба их была разной.

е) Мы знаем одну древнюю праславянскую изоглоссу, которая членит восточный диалект на центральный и восточный поддиалекты. Речь идет о так называемом носовом [ę̌].

Конечное сочетание [ons], характеризовавшее в прошлом различные падежные формы, закономерно изменилось в [y]. Этот [y] мы находим в им. ед. *kamy*, *nesy*, им. мн. *nogy*, род. ед. *nogy*, вин. мн. *nogy*, *plody*. После [j] и всех мягких согласных на месте [ons] в диалектах праславянского языка уже находим варианты: [ę̌] и [ę]. Диалектное распределение этих флексий в праславянском таково. Восточный диалект по этому признаку делится на два поддиалекта: центральный и восточный. В первом находим [ę], во втором — [ę̌]. В западном диалекте был [ę̌]. Таким образом, данная изоглосса впервые выделяет в праславянском ту группу, которая лежит в основе южнославянских языков. Эта изоглосса моложе перечисленных выше. Однако определение ее точной хронологии встречает большие трудности. Дело в том, что обе флексии [ę̌] и [ę] невозможно объяснить фонетически из [ons]. Всегда может возникнуть предположение, что первоначально в праславянском существовала иная флексия, которая лишь позже в одних диалектах дала [ę̌], в других изменилась в [ę]. Есть еще древние изоглоссы,

inslav

выделяющие центральный поддиалект из восточного диалекта. К ним следует отнести более последовательное проведение в центральном поддиалекте результатов третьей палатализации. Имеются и морфологические изоглоссы. Это местоимения *tebě*, *sebě*. В других диалектах было *tobě*, *sobě*. И для этой изоглоссы трудно установить хронологию.

И западный диалект не представлял полного единства. По ряду признаков существенно различались северный (лехитский) поддиалект и южный (чешско-словацкий) поддиалект. Различалось произношение носового гласного заднего ряда, иначе шел процесс объединения гласных [ě$_1$] и [ě$_2$], иной была судьба аффрикат [ʒ] и [ʒ'].

Во введении уже шла речь о том, что носители центрального поддиалекта праславянского языка во II—III вв. н. э. начали двигаться в южном направлении и заселили предгорья Карпат. В это время должна была нарушиться старая связь предков болгар с предками поляков и поморян. Вот почему у нас есть все основания полагать, что древнейшие черты болгаро-лехитской изоглоссной области сформировались до II в. н. э. Это дает нам возможность косвенным путем установить хронологию некоторых праславянских процессов.

а) [p$^{l'}$], [b$^{l'}$], [m$^{l'}$], [v$^{l'}$] внутри морфем последовательно во всех диалектах праславянского языка распались на две самостоятельные артикуляции: [pl'] [bl'], [ml'], [vl']. На стыке морфем аналогичный процесс был пережит только восточным диалектом. В западном палатальность была сохранена, но дополнительная артикуляция утратилась: [p$^{l'}$]>[p'], [b$^{l'}$]>[b'], [m$^{l'}$]>[m'], [v$^{l'}$]>[v']. В этом отношении центральный поддиалект восточного диалекта не представляет единства По этому признаку предки болгар объединяются с предками западных славян. Болгарский язык в отношении судьбы так называемого l-epentheticum объединяется с западнославянскими языками. Мы уже говорили, что объяснить болгарские *земя* и под. из *земля* при наличии *бъбля*, *фъфля* невозможно. Думаю, что следует согласиться с осторожным предположением Младенова, что болгарский язык имел говоры, которые никогда не знали [l'] в слове *земля* и под. („Geschichte. . .," 149). Вопрос об употреблении эпентетического [l'] в старославянском языке нужно решать специально.

б) Мы знаем, что в праславянском языке были два различных гласных [ě$_1$], [ě$_2$]. Они имели разное происхождение и различно произносились. Однако очень рано во всех диалектах праславянского языка оба гласных совпали в одной артикуляции. Современные славянские языки никогда не различают [ě$_1$] и [ě$_2$].

Вопрос о произношении праславянского [ě] принадлежит к дискуссионным. Высказывались различные гипотезы. Многие (Фортунатов, Шахматов, Вондрак, Дурново и др.) полагали, что [ě] всякого происхождения произносился как дифтонг типа [i̯e], что доказывалось данными некоторых славянских языков не моложе XII—XIII вв. Привле-

inslav

кались и данные современных говоров. В определении качества дифтонга между сторонниками данной гипотезы не было единства. Так, Фортунатов полагал, что это был обычный для праславянского языка тип нисходящего дифтонга [ie̯], „хотя, быть может, в общеславянском языке существовали диалектические различия в произношении этого **ie**“ („Лекции...“, 10). Однако ученые не располагают фактами, которые давали бы основание говорить о существовании неслогового [e] в праславянском языке. Гласные [a], [o], [e] всегда были слоговыми. Другие ученые предполагали восходящий дифтонг [i̯e], который подтверждается данными славянских языков. Гипотезе о дифтонгическом характере праславянского [ě] противоречили польский и болгарский языки, но это не смущало ее сторонников. Шахматов полагал, что болгарский и польский [a] на месте [ě] „нетрудно объяснить как результат позднейшего изменения дифтонгов“ („Очерк...“, 11). Эту гипотезу принять невозможно. Ее слабые стороны хорошо были показаны Ван-Вейком, Селищевым и Рамовшем. Дифтонг [i̯e] на месте [ě], хорошо известный многим славянским языкам, не отражает исконного состояния. Он появился позже в связи с новыми количественными отношениями. Согласный в положении перед [i̯e] должен был бы в праславянском смягчиться и пережить те же изменения, что и остальные мягкие согласные. Именно так случилось в тех сербохорватских говорах, где [ě] изменился в [je]: *ђѐд*, *ђѐвојка*, *љѐб* и др. Однако в праславянском согласные перед [ě] не были мягкими. Это хорошо доказывается анализом как фонетической системы праславянского языка, так и его морфологического строя. Согласные перед [ě] смягчились в тот поздний период истории праславянского языка, когда все согласные смягчились перед гласными переднего ряда. Но это смягчение уже существенно отличалось от древнего смягчения перед [j].

Однако нельзя согласиться и с теми учеными, которые утверждают, что [ě] в праславянском любого происхождения всегда произносился как [ä]. Наиболее решительно этот взгляд защищал Рамовш. Из этого звука невозможно вывести все то разнообразие современных рефлексов [ě], которое представляют славянские языки.

В решении данного вопроса нужно исходить из того, что в праславянском языке существовало два самостоятельных гласных: [ä] (восходил к [ē]) и [ê] (восходил к [oi̯]). Мы их обозначаем [$ě_1$] и [$ě_2$]. Позже оба этих гласных во всех диалектах праславянского языка совпали в одной артикуляции. Направленность процесса была разной: в одних победил [$ě_1$], в других [$ě_2$]. И этот процесс обособляет отдельные говоры внутри центрального поддиалекта: в языке предков болгар установилось произношение [$ě_1$], т. е. [ä], в языке предков сербов, хорватов и словенцев — [$ě_2$], т. е. [ê]. В восточном поддиалекте праславянского языка победил [$ě_2$]. Совпадение [$ě_1$] и [$ě_2$] имело весьма существенные фонематические последствия. Гласный [ě] во всех случаях уже не имел фонематической долготы. Если по судьбе эпентетического [l] болгар-

inslav

ский язык объединяется со всеми западнославянскими, то в отношении данного процесса он объединяется только с лехитской группой. Итак, данная изоглосса делит славянские языки следующим образом. В одну группу попадают все восточнославянские языки, сербохорватский, словенский, словацкий, чешский, бо́льшая часть серболужицких говоров, в другую — болгарский, македонский, польский, кашубский, полабский, часть серболужицких говоров (восток и северо-восток). Есть основание думать, что различие в судьбе [ě$_1$], [ě$_2$] принадлежит к древнейшей изоглоссе, делящей западнославянские языки.

в) Выше уже шла речь о носовых гласных. В праславянском возникли два носовых гласных, которые предположительно определяются как [ǫ], [ę]. Во всяком случае у нас нет серьезных оснований полагать, что в самом начале носовые гласные произносились по диалектам различно. Однако в дальнейшем произошли существенные изменения по диалектам, которые в конце концов и определили различия, характеризующие современные славянские языки. Особенно существенные преобразования претерпел носовой заднего ряда. Данная изоглосса почти совпадает с изоглоссой [ě$_1$] — [ě$_2$]. Предки восточных славян, сербов, хорватов, словаков, чехов и лужичан носовой гласный заднего ряда произносили как [ụ]. Лишь предки словенцев сохранили [ǫ]. Болгаро-лехитская изоглоссная область характеризуется тем, что здесь произошла значительная делабиализация носового гласного: в лехитском он произносился как [ą^{o}], в болгарском приближался к [ą^{ъ}]. Следует еще обратить внимание на то, что в первом случае носовой гласный стал гласным верхнего подъема [ụ], во втором характеризовался более опущенным образованием. Это обстоятельство также определило разную судьбу носовых в славянских языках. Что касается носового гласного переднего ряда, то здесь столь существенных различий праславянские диалекты не знали. Колебания можно определить только в пределах [ę] — [ä].

г) Как уже было сказано выше, аффриката [ǯ], возникшая в результате первого смягчения задненебного [g], во всех диалектах праславянского языка утратила первый затворный элемент и изменилась в [ž]: *giv-* > *ǯiv-* > *živ-*. Это произошло еще в тот период истории праславянского языка, когда диалектные различия внутри праславянского языка не выявились достаточно определенно. Иной была судьба аффрикат [ʒ] и [ʒ'], возникших в результате второго и третьего смягчения задненебных. И тут произошла утрата затворного элемента, но в отличие от [ǯ] он утратился не во всех диалектах праславянского языка. Здесь четко выделяется область лехитская и болгарская, которая, как указано было выше, представляла ряд общих изоглосс. Именно здесь, в отличие от всех других говоров праславянского языка, сохранились аффрикаты [ʒ] и [ʒ']. На остальной территории праславянского языка обе аффрикаты утратили затворный элемент еще до начала движения славян на юг. Самые древние тексты русского, сербохорват-

inslav

ского, чешского и др. языков свидетельствуют об этом процессе. Нет специальной буквы для обозначения этих аффрикат в Киевских листках. Можно полагать, что большинство современных славянских языков никогда не знало этих аффрикат, так как аффрикаты перешли в [z] и [z'] еще в праславянском языке.

Аффрикаты [ʒ] и [ʒ'] оказались устойчивыми в лехитской группе (главным образом в польском языке). Объяснять это тем, что здесь аффриката [ʒ'] возникла еще и в иных фонетических условиях (на месте [dj]), нельзя, так как эта аффриката была известна и чешскому языку. Нельзя это связывать и с аффрикатой [ʒ'] из [d'], так как данный фонетический процесс историки польского языка датируют только XII—XIII вв. В языке поморских славян аффрикаты [ʒ] и [ʒ'] оказались менее устойчивыми, чем в польском. В ряде кашубских говоров (главным образом в северных) затворный элемент утратился. Важно обратить внимание на то, что в тех же говорах пережит аналогичный процесс с аффрикатой [ʒ'] из [dj]. В полабском языке аффриката [ʒ'] сохранялась устойчиво в течение всего времени: *nodzĕ* (ср. также *núdză*, *nüdza*).

Иной оказалась судьба аффрикат [ʒ] и [ʒ'] в болгарском языке. Есть основание думать, что данная болгаро-лехитская изоглосса не охватила в одинаковой степени всей территории праболгарского языка. В дальнейшем носители болгарского языка оказались в окружении языков, которые не знали этих аффрикат. Как свидетельствуют старославянские памятники, аффриката оказалась наиболее устойчивой в западных (македонских) говорах. В восточных она утратилась гораздо раньше.

§ 46. Метатеза в tort, tolt, tert, telt. Последним этапом в реализации тенденции открытого слога являлись преобразования дифтонгических сочетаний [or], [ol], [er], [el]. Как уже было сказано, здесь дифтонгические сочетания не монофтонгизировались. Закрытый слог переходил в открытый иным способом.

Дифтонгические сочетания [or], [ol], [er], [el] могли составлять слог с предшествующим согласным, но могли составлять слог и без согласного: *gor|dъ*, *gol|va*, *ber|gъ*, *mel|ko; or|dlo* (*or|lo*), *ol|kati*. Сочетания [er], [el] без согласного в слоге встречались в единичных случаях. Изменения раньше начались в тех слогах, в которых данные дифтонгические сочетания шли после согласных; позже изменения наступили в слогах, в состав которых входило только дифтонгическое сочетание.

Изменения данных дифтонгических сочетаний между согласными начались в тот период истории праславянских диалектов, когда славяне заселили Карпаты, Паннонию, когда завершилось заселение современной Чехословакии и когда установился тесный контакт между предками чехов и словаков с предками словенцев, хорватов и сербов. Это III—V вв. н. э. В это же время наметилось и некоторое сближение лехит-

inslav

ского диалекта с восточнославянским. Вот почему изоглосса метатезы **tort ...** по-новому объединяет и группирует диалекты праславянского языка. В одну группу попадают языки южнославянские, чешский и словацкий, в другую — восточнославянские и языки лехитской группы

Дифтонгические сочетания [or], [ol], [er], [el] могли быть носителями акутововой и циркумфлексной интонации: *kórva*, но *gõrdъ*, *bérza*, но *bẽrgъ*, *bólto*, но *gõlsъ*. Различную интонацию имели эти дифтонгические сочетания и в положении начала слога: *órdlo* (*órlo*), но *õrbota*. Однако к данной эпохе количественные отношения в структуре дифтонгических сочетаний претерпели существенные изменения. В положении между согласными эти дифтонгические сочетания в системе одного языка или диалекта уже не представляли древних отношений между количеством и интонацией. Так, в первой группе (языки южнославянские, чешский и словацкий) гласный всегда был носителем фонетической долготы под обеими интонациями: *kárva*, *gãrdъ*, *bẽrza*, *bẽrgъ*, *bálto*, *gãlsъ*. В этой же группе аналогичное положение было с дифтонгическими сочетаниями в начале слога: *árdlo*, *ãrbota*. Иное положение было во второй группе (языки восточнославянские, лехитская группа западнославянских языков). Здесь дифтонгические сочетания после согласного всегда имели краткий гласный и долгий сонант *kórva*, *gõrdъ*, *bérza*, *bẽrgъ*, *bólto*, *gólsъ*. И лишь в начале слога языки этой группы, а также чешский язык долго сохраняли связь древнего различия интонаций с древними количественными отношениями: под акутом представлены были сочетания [ār], [āl] под циркумфлексом [or], [ol]. Впервые в истории праславянского языка в отдельных его диалектах могли возникнуть долгие согласные сонанты. Это косвенно может свидетельствовать о начале распада старого количества, всегда связанного только с гласными. Возможно, что здесь сказалось влияние новых слоговых плавных, которые были носителями долготы.

Южнославянские языки, языки чешский и словацкий на месте **tort, tert, tolt, telt** всегда представляют **trat, trět, tlat, tlět:** ст.-сл. крава, градъ, брѣза, брѣгъ, блато, млѣко; болг. *крава*, *град*, *бреза*, *бряг*, *блато*, *мляко*, схр. *кра̏ва*, *гра̑д*, *бре̏за*, *бре̑г*, *бла̏то*, *млѐко*; слов. *kráva*, *grâd*, *bręza*, *brę̑g*, *bláto*, *mlękǫ;* чешск. *kráva*, *hrad*, *bříza*, *břeh*, *bláto*, *mléko;* слвц. *krava*, *hrad*, *breza*, *breh*, *blato*, *mlieko*. В восточнославянских языках во всех этих случаях представлено так называемое полногласие: *коро́ва*, *го́род*, *бере́за*, *бе́рег*, *боло́то*, *молоко́*. В языках лехитской группы в данном случае найдем **trot, tret, tlot, tlet:** ср. польск. *krowa*, *ogród*, *brzoza* (< *br'eza*), *błoto*, *mleko*. Случаи типа *władza*, *własny*, *Władysław* — в польском, *страна*, *время*, *возглас*, *млечный* — в русском не нарушают указанные соотношения в славянских языках, так как в польском — это чехизмы, а в русском — старославянизмы.

Было предложено очень много гипотез, объясняющих развитие **tort, tolt, tert, telt** в славянских языках. После Торбьёрнссона об этом

inslav

писали Фортунатов, Миккола, Эндзелин, Ильинский, Розвадовский, Милевский, Розов, Экблом, Лер-Сплавинский, Селищев, Пециар и и многие другие. Было предложено такое количество взаимоисключающих схем развития, что многие современные слависты вообще отказались от всяких попыток реально представить данный процесс. Они просто ограничиваются сопоставлением начальной праформы и фактов современных языков. Так поступает, например, Нахтигал, а Вайан ограничивается лишь самыми общими соображениями.

Мне, однако, положение представляется не столь безнадежным. Схема Селищева отличается простотой и, как мне кажется, дает верный ответ на вопрос о природе метатезы.

В одних диалектах праславянского языка носителями долготы слога в дифтонгических сочетаниях были гласные, а в других — сонанты. Так возникло различие между сочетаниями [ar], [ěr], [al], [ěl] и [or̄], [er̄], [ol̄], [el̄]. Когда в этих сочетаниях начала действовать тенденция открытого слога, сочетания распались: слогораздел пошел между гласным и сонантом. Сонант в начале слога перед согласным должен был развить побочную слоговость, которую, однако, в данной позиции удержать ему было трудно. Дальнейшие процессы уже различались по диалектам. Это зависело от количества сонанта, так как долгие и краткие сонанты различным способом избавлялись от слоговости. Краткий слоговой сонант не смог удержать слог и развить новый вокальный элемент, который стал бы носителем слога. Вот почему он вновь примкнул к предшествующему слогу, что вызвало затем перестановку: **a/r̥ > ar > ra**. Этим объясняются южнославянские, чешские и словацкие *krava*, *glava*, *brěgъ*, *mlěko*. В других праславянских диалектах сонанты были долгими. Однако слоговое качество они также не удержали. Оно перешло на новый вокальный элемент, который затем развился в полноценный гласный. Так возникли новые слоги [ro], [re], [lo], [le]. В одних диалектах развитие нормального гласного из вокального элемента было связано с постепенной редукцией гласного предшествующего слога, в других — гласный предшествующего слога не редуцировался. С этим связано различие между лехитскими и восточнославянскими фактами: *krova* — *корова*, *bregъ* — *берегъ*, *glova* — *голова*. Таким образом, в польских *krova*, *brzeg*, *gtowa* и т. д. перестановки не было. Это можно считать окончательно установленным после того, как Розвадовский открыл, что предлоги перед данными словами имели сверхкраткие гласные в „сильной" позиции (ср. *we gtowie)*. Это свидетельствует о том, что в древнепольском языке в слове *gtowa* между [g] и [l] был гласный, который позже утратился (ср. *we Lwowie*, но *w Krakowie*).

Все указанные изменения произошли в славянских языках в разное время. Завершение процесса в южнославянских языках, в чешском и словацком относится к более раннему периоду, нежели, например, формирование восточнославянского полногласия. Полное со-

inslav

впадение гласных в **oro, ere, olo** произошло поздно (не раньше X в.).

Некоторая общность процессов в **tort...** между восточнославянскими языками и языками лехитской группы свидетельствует о наличии определенного сближения между этими диалектами в тот период истории праславянского языка, когда южнославянские диалекты продвинулись далеко на юг и когда установились тесные связи между ними и древними чешскими и словацкими диалектами. Возможно, что у восточнославянского диалекта теснее связи были с теми лехитскими говорами, которые занимали более северное положение, т. е. говорами, которые лежат в основе языка поморских славян, а через них — языка полабян. Именно к этому времени относится формирование одной важной праславянской изоглоссы, которая свидетельствует, что уже в середине I тысячелетия н. э. пралехитский диалект не представлял полного внутреннего единства. Речь идет о том, что восточнославянские языки, кашубский и полабский не различают древних сочетаний [ol] и [el] (ср. русск. *голова*, *молоко*, кашуб. *głova*, *młoc* 'молоть', полаб. *glăvə mlăkə*). Не различают эти языки и праславянских гласных [ъ̥] и [ь̥]. В русском они всегда будут отражены как [ol] (ср. *полк*, *волк*, *полный*), в кашубском также (ср. *vωᵗk*, *mωᵗčec*, *pωᵗnï*), в полабском как [åu̯], реже как [u] (ср. *vău̯ckə*, *vuk*, *dåu̯g*, *pău̯nə*). Во всех этих языках был пережит процесс веляризации гласного переднего ряда под воздействием [l], который в данных позициях произносился при активной работе губ. Историки польского языка с полным основанием относят эту восточнославянско-поморско-полабскую изоглоссу к древнейшим внутрилехитским изоглоссам.

Некоторое отличие по праславянским диалектам представляла судьба дифтонгического сочетания [el] после [č], [ž], [š]. Под воздействием этих согласных был пережит (непоследовательно) процесс лабиовеляризации гласного [e]. Отсюда старославянские примеры **жласти** 'платить' (< *želdti*), 1 л. ед. **жладѫ**, но и **жлѣдѫ**; ст.-сл. **члѣнъ** (< *čelnъ*, ср. родственное *kol-ěno*), но схр. *члâн*, чешск. *člen* (диал. *član*), *článek*. Примечательно, что именно в этой позиции восточнославянские языки сохранили следы древнего различия между дифтонгическими сочетаниями [el] и [ol], т. е. после [č], [ž], [š] сочетание [el] в [ol] обычно не переходило: укр. *челéн* (в русском слово *член* — старославянизм), русск. *железá*, но чешск. *žláza* (устар. *žléza*), слвц. *žľaza*; др.-русск. *шеломъ* (совр. *шлем* — старославянизм).

Указанные колебания в судьбе **čelt, želt, šelt** до сих пор еще не получили удовлетворительного объяснения. Селищев полагал, что определяющим фактором была твердость или мягкость последующего согласного: лабиовеляризация [e] в сочетании [el] происходила лишь перед твердым согласным. Это, во-первых, не подтверждается фактами (мы находим колебания в совершенно тожественных условиях), во-вторых, в эпоху метатез согласные перед гласными переднего ряда не были

inslav

мягкими, в-третьих, явлений веляризации гласных перед согласными твердыми праславянский язык не знал. Гласные переднего ряда в положении перед твердыми согласными веляризовались тогда, когда в результате утраты сверхкратких гласных твердость стала фонематической. Но это была уже совсем другая эпоха.

В среднеболгарских текстах встречаются слова, в которых отсутствует метатеза: **малдичиѥ, зал'таринъ, пал'тьць, халдодавецъ, бал'тина, салнось** и др. К этим и аналогичным фактам мы вернемся в следующем параграфе.

Своеобразна была судьба дифтонгического сочетания [or] в полабском, кашубском, отчасти в древнепольском языках. В полабском в данном случае метатезы не было: древнеполабское **tort** изменилось в **tart**, откуда позже в долгих слогах снова **tort** ([ā] изменилось в [ō]): *vórtə*, *vortáidlə*, *vornó*, *morz*, *korvó*, *gord*, *bórnə* и др. В кратком слоге **tərt**: *kå stərné*. Лишь в двух однокоренных словах находим *brŏdə* и *brò̇dəvái̯ćə*. Примеры без метатезы хорошо известны кашубскому языку: *mωrs* 'мороз', *varna* и др. Отдельные примеры с **tart** встречаются в древнепольском: *zgardzenie*, *charpa*, *rozgard*, *zagardywali*. Об этом см. следующий параграф.

Топонимия и древние заимствования свидетельствуют, что славянские языки не допускали слогов **tor, ter, tol, tel** до VIII—IX вв. Во всех случаях эти слоги автоматически преобразовались по существующим в данном языке моделям: ср. *Albis* > *Laba*, *Arban* > *Raban*, *Serdica* > *Sredьcь*, *Aldeigia* > *Ladoga* и мн. др. Имя Карла Великого (умер в 814 г.) закономерно отразилось в виде *краль* — *король* — *krolь*. Греч. μάρμαρος закономерно преобразовалось в южнославянских языках в *мраморъ*. Подобные преобразования могли происходить не только в период действия тенденции открытого слога, но и позже. Селищев как-то привел случай, когда его собеседник в одном поволжском селе вместо *Албания* сказал *Лабания*.

§ 47. Метатеза в ort, olt. В период действия метатезы в **tort**... дифтонгические сочетания в начале слога еще не изменялись. Здесь метатеза наступила в более поздний период. Об этом убедительно свидетельствуют исторические данные. Эта метатеза происходила в тот период, когда произошло обособление древних чешских диалектов, когда начала формироваться словенско-словацкая изоглоссная область.

Как было сказано выше, в южнославянских диалектах носителем долготы в дифтонгическом сочетании под обеими интонациями был гласный. Отсюда **art-, alt-.** И здесь закономерно произошла перестановка: **rat-, lat-.** Так возникли южнославянские *ralo*, *rabota*, *ravьnъ*, *rastъ; lakati*, *ladiji*. В других славянских диалектах под акутовой интонацией представлены были сочетания [ār], [āl], под циркумфлексной — [or], [ol]. И здесь произошла перестановка, так как в обоих случаях сонант был кратким. Так возникли восточнославянские и западносла-

inslav

вянские *ralo* (*radlo*), *robota*, *rovьnъ*, *rostъ*; *lakati*, *lodija* (*lodъka*). По данному признаку чешский язык объединяется с языками лехитской и восточнославянской групп: *rádlo*, *robota*, *rovný*, *rostlina; lákati*, *lokati*, *lod'ka; рало*, *робота* (диал.), *ровный; лакать*, *лодка*. Этот процесс происходил в тот период, когда в результате указанных во введении исторических событий древнечешские племена обособились от южнославянских и словацких и сблизились с лехитскими племенами.

Иначе сложилась судьба древнего словацкого диалекта. Вместе со всеми древними южнославянскими диалектами здесь была пережита метатеза **art-, alt-** в **rat-, lat-** под обеими интонациями: *rást'*, *ražeň*, *rázštep*, *rázvora*, *rakyta; laní*, *lanský*, *laket'*. Такой же результат находим в топонимии: *Ravne*, *Ráztočno* и др., в древних текстах: *obili w lepssi rast puogde*, *gest zarastena* и др. (см. Stanislav. Dejiny..., I, 266). После распада словенско-словацкой изоглоссной области и сближения древнего словацкого диалекта с древним чешским словацкий испытал сильное влияние со стороны чешского в этом отношении. В результате в словацкий проникло много слов с начальным **ro-, lo-**. (Этот процесс хорошо на богатом материале показан Станиславом). Вот почему в современном литературном языке уже найдем *rovno*, *rovný*, *robota*, *rozvod*, *lod'ka*, *lokat'*, но *laket'* (чешск. *loket*). Сохранилось старое *rakyta*, так как в чешском это слово встречается редко. Русское литературное *ракита* не дает основания считать здесь начальное **ort-** под акутом. В этом слове русская орфография отражает аканье (аналогично *работа*). В северновеликорусских говорах найдем *рокита* (аналогично *робота*), в украинском *рокита*. Совершенно закономерно в польском представлено *rokita*. В западных и восточных словацких говорах под старым циркумфлексом находим **ro-, lo-**. Как уже было сказано, эти говоры генетически не являются словацкими.

Колебания в судьбе начальных **ort, olt** мы можем найти в разных языках. Оно происходит по разным причинам. В ряде случаев морфема **or-** имела разную интонацию в зависимости от словообразования. Так, в *ordlo* (*orlo*) была акутовая интонация (ср. русск. *рало*, чешск. *rádlo*, польск. *radło*), а с суффиксом **-lьja-** циркумфлексная интонация (ср. чешск. *rolí*).

Многочисленные случаи колебаний находим в южнославянских языках. Особенно они многочисленны в старославянском языке, известны и современным языкам. Отклонения от рассмотренного выше процесса двоякого рода: а) находим начальные группы [ro], [lo]; б) встречаем в старых текстах в начале и середине слова [ar], [al]. Рассмотрим случаи первой группы.

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что в Супрасльской рукописи встречаются примеры: **робъ, розвѣ, розбоиникъ, розличьнъ** и др. (см. Marguliés. Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis, 228). Южным славянским языкам хорошо известны начальные [ro], [lo]. Так, в болгарском будет *роб*, *робство*, в сербохорватском *рȍб*,

inslav

ро̀ба, в словенском *ròb*, в болгарском наряду с обычным *лакът* в диалектах известно и *локът*. В сербохорватском находим *ло̀кати*, *ло̀кање*, в болгарском *лока*, *лоча*. Начальное [lo] находим и в топонимии. Так, античное название реки *Almus* в болгарском отражено в виде *Лом*, а не *Лам*. Все эти факты не были до сих пор предметом специального исследования. В Супрасльской рукописи указанные примеры трактовались как западнославянизмы. Хотели видеть и в современных фактах результат простого заимствования. „Слово *rob* 'раб' в современных южнославянских языках, — писал Фортунатов в письме к шведскому слависту Торбьернссону, — я считаю заимствованным, как и современное русское *раб* также заимствовано" („Slavia", II, 297. Эта точка зрения типична для Фортунатова, так как он всегда стремился объяснить все факты только фонетически. Все, что не укладывалось в строгие рамки фонетических законов, должно было рассматриваться как результат заимствования. Ни специалист болгаровед, ни сербист решительно не могут согласиться с Фортунатовым. Сравнение с русским *раб* не может быть признано удачным. Южнославянское *роб* является народным словом. Восточные славяне заимствовали южнославянское рабъ вместе с огромным числом других южнославянизмов. Обычно заимствованное слово имеет или имело вариант восточнославянский (ср. *равный — ровный*, *раз- — роз-*, *ладия — лодка* и др.). Южнославянские варианты обычно являются носителями более высокого стиля, в народных говорах они отражены слабо. Восточнославянское влияние на южнославянские языки началось поздно и в народных говорах болгарского и сербохорватского языков отражено сравнительно слабо. Народные говоры не знают слов *раб*, *рабство*.

Против предположения Фортунатова убедительно свидетельствуют балканские языки. В них мы находим именно *rob*, а не *rab*, ср. алб. *rob*, *roblúfte*, *robëri*; рум. *rob*, *robie*, *robit*.

Вайан высказал смелую мысль, что слово *robъ* проникло на Балканы из чешского языка. Прага была одним из крупнейших центров работорговли. Здесь рабы назывались чешским словом *robъ*. Вместе с рабами это слово проникло и на Балканы (см. Vaillant. Grammaire comparée..., 163). Однако Вайан не подкрепил своего суждения фактами. А исторические факты говорят против этого. Прага вела большую работорговлю в X в. и позднее со странами Западной Европы (главным образом с Испанией). Но балканские страны не поставляли рабов на пражский рынок и не покупали там рабов. Таковы факты. Нет сомнения в том, что южнославянские начальные группы [ro], [lo] являются следствием внутреннего развития данных языков. Супрасльская рукопись отразила особенности того восточноболгарского говора XI в., в котором начальное [ro] получило широкое распространение.

Таким образом, в ряде случаев начальные группы [or], [ol] в южных славянских языках давали не [ra], [la], а [ro], [lo]. Важно обра-

inslav

тить внимание на то, что этот дуализм здесь не был вызван интонацией, что было характерно, например, для других групп славянских языков. Все эти факты могут свидетельствовать лишь о том, что в южнославянских языках до периода действия метатезы спорадически начальный [ā] мог сокращаться. Поэтому *ārbъ* > *orbъ* > *robъ* и подобные.

Теперь рассмотрим примеры второй группы. Давно специалисты в области старославянского языка обратили внимание на случаи типа алкати. Важно отметить, что эти случаи обычно представляют варианты. В старославянских текстах их находим почти рядом. Вот пример из Зографского евангелия: възлакахъ бо сѧ і не дасте ми ѣсти · вьждѧдахъ сѧ і не напоісте мене. страннь бѣхъ. і не въведосте мене. нагъ. і не ѹдѣсте мене. въ тьмьници і не посѣтисте мене. тъгда отъвѣштаѭтъ і ти глѭште. ги. когда тѧ видѣхомъ алꙋѭща. ли жѧждѭща...[63 (42)]

Варианты типа алкати часто встречаются в старославянских текстах: алдаи, алнии и др. В новоболгарском аналогичные примеры почти не встречаются. Мирчев указывает на редкую диалектную форму *alne* 'маленькая серна', которая непосредственно восходит к старославянскому алнии. Известные в современном литературном языке *алчен*, *алчност* книжного происхождения. Возводить современное название города *Варна* к праславянскому *vorna—varna* опасно, еще опаснее это делать с *Каварна*. Розов видит следы рассматриваемых нами случаев в болгарских диалектных *стърна* (*старна*). Это не так. Праславянское *storna* закономерно давшее в болгарском *страна*, в русском *сторона* и т. д., представляло чередование гласного корня: *stьrna*. Болгарское диалектное *стърна* восходит именно к *stьrna*. Аналогичные чередования находим в *vorta* (болг. *врата*, русск. *ворóта*), *vьrta* (болгарское диалектное *върта*), *derv-* (ст.-сл. дрѣво, русск. *дéрево*, польск. *drzewo*), *dorv-* (ст.-сл. съдравъ, болг. *здрав*, русск. *здорóв*, польск. *zdro wy*), *dьrv-* (болг. *дърво*). Праславянское *sъdorv-*, лежащее в основе современных *здрав*, *здоровый*, *zdrowy* и т. д., восходит к древнему переносному значению 'крепкий, сделанный как из дерева'. Древнерусское *сторовый*, *усторобитися* 'вылечиться', польское *postrobić* 'сделать сильным', лужицкое *strowy* 'здоровый' восходят к другому корню — *storbh-* (ср. греч. στέρφος 'крепкая кожа', στερέος 'крепкий, сильный'). (См. Ильинский. „Slavia Occidentalis", IX, 140). Современное болгарское *чърда* (*чарда*) также восходит к *kьrd-*, а не к *kerd-*. Чередование находим и в морфеме *mork-* (ср. болг. *мрачен*, *мрак*, русск. *морока*, польск. *mrok*) и *mьrk-*(ср. болг. диал. *мърчина*). Аналогичное положение находим и в болгарских словах *обръщам*, диал. *обрът*, в сербохорватских *ȍбртати*, *ȍбрт*, которые восходят к ступени **tьrt**, а не **tort**. Иначе в русском (*оборот*), в польском (*obrotny*), в чешском (*obrátiti*, *obrat*), для которых в данных словах нужно предполагать ступень **tort**.

inslav

Рассмотренные нами случаи типа **алкати** очень рано вышли из употребления. Первоначально они были распространены в славянских говорах северной Греции и южной Македонии, откуда и проникли в старославянский язык, затем в русский литературный язык. Надо думать, что говоры большей части Македонии и восточной Болгарии их не знали.

Как объяснить все эти случаи? Широко распространено мнение, что они возникли в результате развития вторичного сверхкраткого гласного (svarabhakti) после сонанта, что якобы и помешало метатезе. Обращают внимание на то, что писцы пишут не только **алкати**, но **алукати** и даже **алъкати**. Это объяснение не может быть признано удовлетворительным. Написания **алукати** и даже **алъкати** не могут свидетельствовать о наличии [ъ] после сонанта. Ведь точно так же писали заимствованные слова **арухиереи, аръхиереи** (греч. 'αρχιερεύς), **анѣелъ, анькѣелъ** (греч. ἄγγελος), **аньдрѣи** (греч. 'Ανδρέας), **альфеовъ** (греч. 'Αλφαίου), **хризъма** (греч. χρῖσμα), **ехидънова**, (греч. ἐχίδνης); **олутарь** — **олътарь** (лат. *altāre*) и др. Никакого гласного здесь не было. Соответствующая орфография хорошо объясняется психологией писцов, в языке которых сверхкраткие гласные уже утратились в „слабой" позиции. Это хорошо подтверждается такими случаями, как **пъсалъмъ** из греч. ψαλμός.

Нет сомнений в том, что отсутствие метатезы в начальной позиции связано с аналогичным явлением в середине слова. Во всяком случае они могут быть объяснены тожественными причинами. В предыдущем параграфе уже речь шла о лехитских примерах типа *varna* и болгарских типа **малдиуие**. Единичные примеры встречаем в сербо-лужицких языках (ср. н.-луж. *pałkaś*, в.-луж. *płokać*).

Все случаи без метатезы были предметом ряда исследований. Об объяснении с помощью *svarabhakti* мы уже говорили. Это толкование мы должны отвергнуть, так как нет никаких следов этого гласного. Отсутствие метатез в южнославянских языках Вайан объяснял романским влиянием, а в лехитских языках — германским влиянием. Это объяснение не нашло поддержки. Недавно Георгиев высказал предположение, что отраженные в болгарских памятниках **балтинъі, залтаринъ** и под. представляют собой фракийские заимствования. С таким толкованием согласиться нельзя. Как мы уже видели, все древнейшие заимствования отражают метатезу. Розов полагал, что метатеза в группах **tort**... происходила только под акутовой интонацией; под циркумфлексной интонацией и в безударной позиции метатезы не происходило. Позже в результате контаминации форм или аналогических образований возникли те рефлексы, которые мы находим в современных славянских языках. Однако эти морфологические процессы не могли носить того универсального характера, который присущ обычно фонетическим процессам. Именно поэтому во всех славянских языках сохранились случаи, когда в группах **tort**... отсутствует метатеза. Это объяснение

inslav

нельзя принять. Метатезы происходили при обеих интонациях. Однако, даже приняв основные положения Розова, нельзя понять, почему отклонения представлены главным образом в лехитской группе и почему отсутствует метатеза именно в группе **tort**.

Розвадовский объяснял лехитское **tart** в связи с судьбой праславянской группы **tᵇr̥t**. Он полагал, что **tort** совпало с **tᵇr̥t** и затем пережило общую судьбу. Таким образом, в *varna* следует видеть тот же рефлекс, что и в *gardło*. Милевский в статье „Przyczynki do fonetiki lechickiej" (PF, XIV) также выводит лехитское **tart** из **tr̥t** (< **tort**). Однако вполне убедительных аргументов польские языковеды предложить не могли. Можно согласиться с Экбломом, что в данном случае мы имеем дело с группой **tort**, которая в северных лехитских языках не пережила метатезы. Конечно, в случаях типа *alkati*, *varna* перестановки не было. Но в таком случае мы должны признать, что возможно было спорадическое сохранение закрытых слогов. Мне кажется, что удовлетворительный ответ на этот вопрос недавно дал Лампрехт. Он обратил внимание на то, что указанные явления представлены „на окраинах славянской территории, куда не проникли в такой степени общие тенденции развития славянской фонетической системы" („Sborník prací...," V, 21). Действительно, рассматриваемые метатезы происходили поздно. Это было последним по времени проявлением действия тенденции открытого слога. На окраинах (в северных лехитских говорах и южноболгарских) она проявилась с некоторыми (незначительными) отклонениями. Это явление следует отнести к поздним болгаро-лехитским изоглоссам.

Единичные факты свидетельствуют, что начальные дифтонгические сочетания [er], [el] также переживали метатезу. Именно так следует объяснить русские *лебедь* (*elb-*), *лебеда* (из < *elb-*). Топоним *Рязань* (< *erźań*) свидетельствует о возможности метатезы в сравнительно позднее время.

§ 48. Древнейшие восточнославянские изоглоссы. Как мы уже видели, праславянский язык знал ряд изоглосс, объединявших восточнославянский диалект то с южнославянскими, то с западнославянскими, то с лехитскими, то только с севернолехитскими. Все эти изоглоссы формировались в разное время, они отражают различные этапы взаимоотношения праславянских диалектов. Однако восточнославянский диалект обладал и некоторыми признаками, которые выделяли его в особую праславянскую группу. Они формировались в тот поздний период истории праславянского языка, когда произошло территориальное обособление восточных славян, когда прервался контакт между ними и другими славянскими группами. Об этом уже шла речь во введении.

К древнейшим восточнославянским изоглоссам следует отнести полногласие. Начальный этап развития полногласия относится к

inslav

периоду тесных связей между восточнославянским и лехитским диалектами. Однако дальнейшая его история очень специфична, что выделяет все восточнославянские языки в кругу остальных славянских языков. Завершение формирования полногласия относится к позднему периоду.

К восточнославянским изоглоссам относятся полное совпадение [č'] из [k'] и [č'] из [tj], [kt'], изменение [ǯ'] (<[dj]) в [ž'], т. е. полное совпадение рефлексов [g'], [z'], [d']. Аффриката [ǯ], представленная в ряде случаев в украинском языке, не отражает древнего состояния. Она возникла поздно в результате аналогических процессов. Аффриката [ǯ'] сохранялась только в сочетании [ž'ǯ'] из [zdj] и [zgj]. Это сочетание сохранялось долго. Позже оно претерпело ряд изменений по говорам.

Все современные восточнославянские языки, древнейшая письменность на этих языках свидетельствуют, что в восточнославянском диалекте еще задолго до появления письменности утратились слоговые плавные. Очень рано призвук вновь развился в слоговые [ъ], [ь], а сонант стал неслоговым: *tᵊr̥gъ* > *tъrgъ*, *vᵊr̥xъ* > *vъrxъ*, *dᵊl̥gъ* > *dъlgъ*, *vᵊl̥kъ* > *vъlkъ*. Данный процесс мог произойти тогда, когда вопреки тенденции открытого слога в языке в каких-то ограниченных случаях могли появиться новые закрытые слоги. В некоторых древнерусских говорах [r] и [l] могли вновь стать слоговыми. Позже слоговость была утрачена путем развития новых [ъ] и [ь.] Так, из *vъrvъka* (< *vᵊr̥vъka*) возникло *vъr̥vъka*, позже *vъrьvъka*, затем *verevka*. Это явление называется вторым полногласием. Между завершением процессов, связанных с тенденцией открытого слога, и утратой сверхкратких гласных в „слабой" позиции, когда в славянских языках возникли вновь закрытые слоги, имели место отдельные процессы, свидетельствовавшие о том, что указанная тенденция уже начала ослабевать. Это произошло раньше утраты сверхкратких гласных.

Одной из древнейших восточнославянских изоглосс является начальное [о] в словах: *осень*, *олень*, *озеро*, *один*, *осетр* и др. В западных и южных славянских языках в соответствующих случаях находим [je]: ст.-сл. **ѥсень**, болг. *есен*, схр. *jèсēн*, слов. *jesẹ̑n*, польск. *jesień*; ст.-сл. **ѥлень**, болг. *елен*, схр. *jèлен*, слов. *jèlen*, чешск. *jelen*, польск. *jeleń*, в.-луж. *jelenk*; ст.-сл. **ѥзеро**, болг. *езеро*, схр. *jèзеро*, слов. *jẹ̑zero*, чешск. *jezero*, польск. *jezioro*, в.-луж. *jězor*, полаб. *jezérö*; ст.-сл. **ѥдинъ**, болг. *един* (*еден*), схр. *jèdan*, слов. *édən*, чешск. *jeden*, польск. *jeden*, в.-луж. *jedyn*; болг. *есетра*, схр. *jèсетра*, польск. *jesiotr*.

Вопросу отношения восточнославянских фактов к инославянским посвящена большая специальная литература. На эту тему писали Потебня, Соболевский, Ягич, Фортунатов, Шахматов, Брандт, Ильинский, Дурново, Якобсон и др. В решении этого вопроса исследователи видели три возможности. Большинство полагало, что факты западных и

inslav

южных славянских языков отражают праславянское состояние, факты восточнославянские — новообразование. В противоположность этому взгляду некоторые ученые отдавали предпочтение восточнославянским языкам. Наконец, Соболевский, Ильинский и ряд других ученых оба варианта считали равноправными. Здесь они видели результат древних индоевропейских чередований **o** || **e**.

Я не буду здесь излагать все за и против. Отошлю к известной статье Ильинского „К вопросу о чередовании гласных ряда **o, e** в начале слова в славянских языках" („Slavia", II, 232—276). Вслед за Ильинским полагаю, что в данном случае мы имеем дело не с фонетическим процессом праславянской эпохи. Объяснить фонетический переход [je] в [o] в словах *озеро* и др. невозможно. В этом отношении очень поучительно проанализировать работы Шахматова, который вынужден был создавать сложные и неубедительные гипотезы.

Против фонетического объяснения свидетельствуют довольно многочисленные случаи „исключений", которые легко могут быть поняты в аспекте морфологическом. Так, в русских диалектах известны *е́сен'*, *е́зеро* и др. Польск. *olcha*, *olsza*, в.-луж. *wólša*, чешск. *olše* (ср. слвц. *jelša*) нарушают фонетические соответствия русского *ольха* и южнославянских *елха* (болг. *елха*, схр. *jѐлша*). Да и в южных языках известен вариант с начальным [o]. Исследователи давно обратили внимание на местное название в Епире Ὄζερος (см. Лавров. Обзор..., 55). Дурново видит в этом отражение греческой фонетики (см. „Slavia", III, 265). Общеславянское *lan'ь* (ст.-сл. **лань**, русск. *лань*, схр. *ланад* 'козлята', чешск. *laň*, *laňka*, польск. *łania*) и *losь* (русск. *лось*, чешск. *los*, польск. *łoś*) свидетельствуют, что морфема [ol] в начальной позиции была хорошо известна всем славянским языкам. Нет сомнений, что слова *олень*, *лань* и *лось* имеют общую корневую морфему [ol]. Сюда же, возможно, относится и русское диалектное *алынья́* 'корова' (ср. ст.-сл. **алнина**). Аналогично восточнославянское *лебедь* свидетельствует о праформе **elb-**, тогда как польское *łabędź* или сербохорватское *лȁбӯд* указывают на праславянскую форму **olb-** (ср. лат. *albus*). Польские *łoboda* и *lebioda* также говорят о морфологических (непозиционных) чередованиях в морфемах **olb-** — **elb-**.

Кроме указанных выше случаев, русский язык представляет ряд параллельных образований. К ним, например, относятся русск. *еж* (<*jež-*) и др.-русск. **ожь**, **ожикъ** (ср. схр. *jѐж*, чешск. *jež*, польск. *jeż*), *ежевика*, *ольха* и диалектное *ёлха* (вят., вологод.), *елховый*, *елошник* и др.

В слове *олово* в славянских языках везде начальное [o]: русск. *олово*, болг. *олово*, схр. *ȍлово*, слов. *ǫ́lovo*, чешск. *olovo*. Однако в среднеболгарском тексте летописи Манассии находим **клоко**, в Синаксаре 1330 г. **кловѣлъ** (Ильинский. „Slavia", II, 263). При обычном для всех славянских языков *orьl-*, *orъl-* (русск. *орел*, польск. *orzeł*, чешск.

inslav

orel, слвц. *orol*, болг. *орел*, схр. *ȍрао*) в н.-луж. находим *herje* или *jerje*.

Несмотря на некоторую противоречивость материала, мы тем не менее можем уверенно отнести рассматриваемое нами явление к древнейшим восточнославянским изоглоссам. Остается очевидным тот факт, что в восточнославянском праязыке указанные морфемы утвердились с гласным [о], тогда как в других диалектах получил господствующее положение гласный [е]. Процесс обобщения происходил уже после завершения метатез в **ort**, **olt**. Сонант [j] перед начальным [е] развился позже. Прав Ягич, который по этому поводу писал: „Если бы не было других примеров, а только следующие три: „одинъ", озеро" „олень" при общеславянских „єдинъ", „єзеро" „єлєнь"... — я думаю, и этого сопоставления было бы достаточно для доказательства, что тут русский язык расходится со всеми остальными славянскими наречиями, а больше нам и не нужно" (Ягич. Критические заметки..., 24).

Почему в данной позиции не сохранилось старое чередование гласных, а произошло обобщение, разное в разных группах славянских языков? На этот вопрос ответить нетрудно. Дело в том, что чередования сохранились в тех морфемах, где они выполняли какую-либо грамматическую функцию. Здесь же чередования были лишены этого. Именно в подобных случаях и происходили различные обобщения.

§ 49. Древнейшие южнославянские изоглоссы. Уже на территории старой прародины центральный поддиалект, лежащий в основе южнославянских языков, характеризовался рядом внутридиалектных черт. О них речь была выше. Это обусловило существенные отличия тех славянских говоров, которые с VI в. н. э. распространились на Балканском полуострове. Многие отличия возникли и здесь, на Балканах, в связи с новыми условиями языкового развития.

Из южнославянских изоглосс, восходящих к более древней эпохе, укажем: наличие эпентетического [l] в западной и его отсутствие в восточной группе, отсутствие аффрикаты [ʒ] в западной и ее сохранение в восточной, гласный [ê] (<[ĕ$_1$], [ĕ$_2$]) в западной, гласный [ä] (<[ĕ$_1$], [ĕ$_2$]) в восточной. Существенно различалось произношение носового гласного заднего ряда. Однако в этом отношении и западная группа не характеризовалась единством.

Следует, однако, обратить внимание не только на различия фонетического развития, но и на общие особенности. К ним прежде всего нужно отнести общность процессов и результатов изменений дифтонгических сочетаний [or], [er], [ol], [el] во всех позициях.

Глубокие отличия представляют южнославянские языки в отношении судьбы аффрикат, восходящих к [tj], [dj]. Эти различия возникли позже, так как исходной позицией для всех южнославянских языков является [tś'], [dź'].

inslav

В западной группе данные аффрикаты сохранились, представляя сильную степень мягкости. В дальнейшем они пережили по говорам некоторые изменения. Отсюда [ħ], [ɧ], [t'], [d'] [č], [j] и др.

Иначе шло развитие в восточной группе. Здесь очень рано перед аффрикатами возникли передненебные палатальные артикуляции [š'], [ž']. Так возникли [štš'], [ždž']. Дальнейшее развитие уже различалось по говорам. В большинстве говоров восточной группы в этой позиции призвук утратился. Так возникли [št'], [žd']. В некоторых южных говорах призвук развился в самостоятельную атрикуляцию. Это дало [štš'], [ždž']. Таким образом, в восточной группе (болгаро-македонской) развитие [tj], [dj] в значительной степени напоминает развитие [stj], [skj], [zdj], [zgj] во всех славянских языках, так как [s] и [z] в положении перед мягким согласным изменились в [š'], [ž'], под воздействием которых и в западнославянских языках свистящий призвук изменился в шипящий. Затем он во всех славянских языках или утратился или развился в самостоятельную артикуляцию. Итак, если в отношении судьбы [tj] и [dj] болгарский и сербохорватский языки существенно различаются, то в отношении [stj], [skj], [zdj], [zgj] глубоких различий нет: ср. схр. *дрȍжда*, *дрȍждина* 'осадок у вина', *дȁжда* 'дождь'; *пȕштати* (сов. вид. *пȕстити*).

§ 50. Древнейшие западнославянские изоглоссы. Мы знаем ряд общезападнославянских изоглосс. Это [tl], [dl], [kv], [gv]; утрата эпентетического [l] на стыке морфем; [tˢ'], [dᶻ']; [š], [š'] на месте [x] по второй и третьей палатализации. Знаем и очень древние внутризападнославянские изоглоссы, которые выделяют две основные группы: лехитскую и чехословацкую. Сербо-лужицкая является переходной между ними. Это произношение носовых, [ě], судьба [ʒ'], судьба дифтонгических сочетаний [or], [er], [ol], [el] в середине слова. Знаем, что древний словацкий диалект по ряду признаков объединяется с южнославянскими языками. Выше речь шла и о древних различиях внутри лехитской группы (судьба дифтонгического сочетания [el] в группе **telt**).

Однако процесс развития внутридиалектных различий продолжался, иногда углубляя прежние различия. В данном случае речь идет о носовых гласных.

В пралехитском диалекте носовые произносились как [ǫ̊] и [ę]. На значительной его территории произошло разложение носовых. Назальная дополнительная артикуляция развилась в самостоятельную артикуляцию [n] или [m] в зависимости от последующего согласного: *rǫ̊ka* > > *rå^{n}ka* > *rånka*; *dǫ̊bъ* > *då^{n}bъ* > *dåmbъ*; *męso* > *me^{n}so* > *menso*; *vodǫ̊* > > *vodå^{n}* > *vodån*. Этот процесс характеризовал значительную область распространения лехитских говоров. Не охвачена этим процессом была юго-восточная область польского языка (так называемый teren bezno sówkowy). Здесь сохранялись носовые гласные, которые затем пережили общий для всех славянских языков процесс деназализации.

inslav

Разложение носовых гласных в лехитской группе, как и утрата слоговых сонантов в восточнославянской, указывает на ослабление действия тенденции открытого слога если не на всей территории славянских говоров, то на некоторой ее части.

§ 51. Сокращение долгих гласных. Теперь мы переходим к рассмотрению тех фонетических процессов, которые происходили уже в период распада праславянского языкового единства, когда на основе праславянских диалектов формировались отдельные славянские языки. Многие из этих процессов были связаны между собою, хотя и вызывались разными причинами.

Мы знаем, что система праславянского вокализма характеризовалась наличием долгих и кратких гласных. В течение значительного периода это различие носило и фонематический характер.

Возникновение сверхкратких гласных не сказалось на фонематической стороне вокализма. Для последнего периода истории праславянского языка в связи с монофтонгизацией дифтонгических сочетаний было характерно большое число долгих монофтонгов, долгота которых не имела, однако, фонематического значения. Если прежде в системе вокализма были четкие противопоставления пар долгих и кратких гласных, то теперь в связи с рассмотренными выше процессами количественные отношения гласных во многих случаях очень усложнились. Были затемнены, а часто и нарушены прежние коррелятивные связи гласных по признаку количества. Перенасыщенность долгими монофтонгами, фактически в системе языка не отличавшимися от кратких, создала предпосылку для фонетического сближения долгих и кратких гласных. Начался процесс, который принято называть сокращением долгих гласных.

Как мы уже знаем, изменения количественных отношений происходили и прежде. В определенных позициях краткий гласный становился долгим, долгие могли сократиться. Но в то время это не нарушало основных противопоставлений внутри системы. Кроме того, количественные изменения всегда были тесно связаны с качественными: гласный [ā] не только становился кратким, но непременно изменялся в [ŏ].

Совсем иной характер теперь носило сокращение долгих гласных. Оно уже не было связано с качественным изменением гласных: в системе языка появились [a], [ĕ], [ę], [ǫ] и т. д., которые не обладали количественными признаками. Вот почему правильнее говорить не о сокращении долгих монофтонгов, а о утрате противопоставления между долгими и краткими монофтонгами.

Обычно говорят о сокращении гласных в определенных позициях. При такой постановке вопроса создается впечатление, что в основном прежние количественные отношения вокализма сохранялись: долгие гласные сокращались лишь в нескольких позициях. Но это не так.

inslav

Глубоко был прав Мейе, видевший в сокращении гласных проявление общей тенденции данной эпохи. Следует начинать не с условий сокращения, а с обзора тех позиций, в которых сохранялось противопоставление долгих и кратких гласных.

Противопоставление долгих и кратких гласных последовательно во всех диалектах сохранилось только в одной позиции: в предударном слоге двухсложных слов. Эта позиция противопоставления оказалась сильной и устойчивой. Ее последовательно отражают те славянские языки, которые содержат следы количества (сербохорватский, словенский, чешский, словацкий, польский, кашубский). Старое место ударения указывает русский язык. Примеры: псл. *travá*, русск. *травá*, схр. *трáва*, слов. *trȃva*, чешск. *tráva*, слвц. *tráva*, польск. диал. *trȧva*; псл. *trǫbá*, русск. *трубá*, схр. *трýба*, слов. *trǫ́ba*, чешск. *trouba*, слвц. *trúba*, польск. *trąba*; псл. *mǫká*, русск. *мукá*, схр. *мýка*, слов. *mǫ́ka*, чешск. *touka*, слвц. *túka*, польск. *mąka*; псл. *žená*, русск. *женá*, схр. *жѐна*, чешск. *žena*, польск. *żona*, в.-луж. *žona*; псл. *nogá*, русск. *ногá*, схр. *нòга*, чешск. *noha*, польск. *noga*, в.-луж. *noha*. Совершенно одинаковая судьба долгого монофтонга в данной позиции в славянских языках, отражающих по-разному акут и циркумфлекс, свидетельствует, что в рассматриваемый нами период различия между восходящей и нисходящей интонациями сохранились только в ударных слогах. В безударной позиции в это время интонационных различий уже не было.

Имеется ряд отклонений от указанных соответствий. Эти отклонения могут быть легко объяснены фактором аналогии. Они представлены в тех случаях, когда место ударения различалось в разных падежных формах. Праславянское *rǫká*, русск. *рукá* требует долготы корневого гласного. Ее и найдем в схр. *рýка*, слов. *róka*. Однако в западнославянских языках в этом слове представлен краткий гласный: чешск. *ruka*, слвц. *ruka*, польск. *ręka*. Это легко понять, если мы вспомним, что в некоторых падежах это слово имело ударение на корне (ср. вин. ед. *рýку*).

Сохранялось в некоторых случаях противопоставление долгих и кратких монофтонгов и под ударением, но здесь славянские языки ведут себя различно. Сохраняют долготу монофтонга под циркумфлексом южнославянские языки (ср. схр. *грâд*, слов. *grâd*); западнославянские языки в данной позиции пережили сокращение монофтонга (ср. чешск. *hrad*). Под акутом представлена долгота монофтонга в чешском и словенском языках. В последнем она, возможно, вторичного происхождения. Сербохорватский, словацкий и польский имеют краткий гласный (ср. слов. *krȃva*, чешск. *kráva*, но схр. *крàва*, слвц. *krava*, польск. *krowa*). Однако в ряде позиций долгий монофтонг сокращался под акутом во всех славянских языках. Так было, например, в словах типа *malina* (слог в середине слова), где долгий монофтонг [i] находился под ударением. Последовательно сокращалась долгота под ударением

inslav

и в начальном слоге многосложных слов (ср. псл. *stárostь*, схр. *стăрост*, чешск. *starost*). Это явилось причиной новых чередований краткого и долгого монофтонга, так как в разных формах слово могло иметь различное количество слогов. Если в чешском в *kráva* сохранялась долгота (слово двухсложное), то в тв. ед. корневой гласный сокращался (слово трехсложное): *kravojǫ* (совр. *kravou*). Ср. еще в чешском *símě*, но *semene*. Нет следов прежней долготы и в конце слова. Она последовательно утрачивалась как под ударением, так и вне ударения. Отдельные случаи сохранения конечной долготы находим только в односложных словах (ср. схр. *mû*, *mû*, *vû*). Утрата конечных долгот существенным образом сказалась на системе флексий.

Речь шла о сохранении долгот в предударном слоге. Однако это наблюдается только в двухсложных словах. В многосложных словах и в предударной позиции перед акутом гласные не сохранили различия долготы и краткости. Это подтверждается такими примерами, как *dǫbina* (ср. чешск. *dubina*, польск. *dębina*), *malina* (ср. чешск. *malina*) и др. Таким образом, в словах типа *malina* по разным причинам сокращались все долгие монофтонги.

Последовательно сократился гласный во втором предударном слоге (ср. псл. *dalekó*, чешск. *daleko*; псл. *tętivá*, польск. *cięciwa*).

Итак, противопоставление долгих и кратких гласных в словах трехсложных и более многосложных фактически устранилось. Оно сохранилось с рядом существенных ограничений в двухсложных и односложных словах. Это сильно упростило систему вокализма. При изучении истории вокализма в отдельных славянских языках нужно исходить именно из данной системы. Нужно всегда помнить, что звуковая система праславянского языка не только все время усложнялась, но и упрощалась. Если мы это забудем, то должны будем вслед за некоторыми современными фонологами говорить о чрезвычайной сложности, перегруженности до предела, асимметричности звуковой системы праславянского языка периода его распада и формирования отдельных славянских языков.

§ 52. Позиционные изменения сверхкратких гласных. Новые процессы в области количества (сокращение долгих монофтонгов) не прошли мимо и сверхкратких гласных [ъ] и [ь]. В определенной позиции эти гласные претерпели дальнейшее сокращение. Эта позиция сверхкратких называется „слабой“. Она определяется следующими условиями: конец слова, слог перед слогом с гласным полного образования или сверхкратким в „сильной“ позиции: *plodъ*, *ženъ*, *konъ*, *vĕmь*; *molьba*, *prosьba*, *kъniga*, *rǫčьka*, *žьrьcь*, *dьnьsь*[1].

В „сильной“ позиции (т. е. в слоге перед слогом со „слабым“ сверхкратким) сверхкраткие сохранялись без изменения: *dǫbъkъ*, *vьsь*, *sъnъ*, *synъmь* и т. д. Таким образом, различия между [ъ], [ь] и [ъ],

[1] Знаками [ъ], [ь] обозначаем сверхкраткие в „сильной“ позиции.

inslav

[ь] были обусловлены определенной позицией. Это вызвало чередования „сильных“ и „слабых“ сверхкратких в составе одних морфем: им. ед. *dǫbъ̥kъ*, род. ед. *dǫbъka*, род. мн. *dǫbъ̥kъ*, дат. мн. *dǫbъkomъ*; им. ед. *sъ̥pъ*, тв. ед. *sъpomь*. Итак, сверхкраткие [ъ̥], [ь̥] и [ъ], [ь] не могли находиться в идентичных условиях и характеризовались полным функциональным тожеством. В дальнейшем, еще в праславянскую эпоху, различие между [ъ̥], [ь̥] и [ъ] и [ь] усилилось. Дело в том, что [ъ] и [ь] стали терять ударение. Ударение со „слабых“ сверхкратких переходило на гласные соседних слогов (полного образования или „сильные“ сверхкраткие). Таким образом, [ъ̥], [ь̥] и [ъ], [ь] стали различаться еще одним признаком: наличием или отсутствием ударения.

Как правило, ударение передвигалось на слог к началу слова. Это наблюдалось не только в позиции конца слова, где была только одна возможность, но и в срединных слогах. Впрочем, в определенных категориях ударение со срединных слогов переходило на конечный слог.

Ударение с конечных [ъ], [ь] переходило на корневой или суффиксальный гласный: *volъ́* > *vólъ*, *bobъ́* > *bóbъ*, *dvorъ́* > *dvórъ*, *nožь́* > > *nóžь*, *konʼь́* > *konʼь*; *orь̥lъ́* > *orь̥́lъ*. Окситонированное ударение в указанной группе слов подтверждается ударением в косвенных падежах в русском языке (ср. род. ед. *волá*, *бобá*, *дворá*, *ножá*, *коня́*, *орлá*). Возможны были и исконно безударные конечные сверхкраткие: *zǫ́bъ*, *dǫ́bъ*, *mǫ́žь*. И это подтверждается данными косвенных падежей русского языка (ср. род. ед. *зýба*, *дýба*, *мýжа*).

Перенос ударения с конечных сверхкратких наблюдаем в различных формах. Он представлен, например, в род. мн. в словах с окситонированным и подвижным ударением: *ženъ́* > *žénъ*, *nogъ́* > *nógъ*, *rǫkъ́* > *řǫ́kъ*, *golovъ́* > *golóvъ*. И в данном случае известно было исконное накоренное ударение: *slávъ*, *sílъ*, *koróvъ* (ср. *síla*, *sláva*, *koróva*).

Рецессия ударения во многих случаях наблюдается со „слабых“ сверхкратких в середине слова. Наблюдаем ее в уменьшительном суффиксе **-ъка(-ька)**, где сверхкраткие могли быть подударными. Это подтверждается ударением в этом суффиксе мужского рода: ср. русск. *дубóк* (< *dǫbъ̥́kъ*), *сучóк* (< *sǫčь̥́kъ*). В связи с ослаблением сверхкратких происходила рецессия ударения в *golovъ̥́ka*, *rǫčь̥́ka*, *nožь̥́ka* на предшествующий слог: *golóvъka*, *rǫ́čьka*, *nóžьka*. В случаях типа *múšьka*, *koróvъka* ударение не рецессивное. Здесь суффиксальные сверхкраткие были безударными. Подробное описание всех случаев переноса ударения в различных грамматических категориях в связи с ослаблением сверхкратких будет дано во втором выпуске „Очерка“.

Сверхкраткие гласные пережили в праславянском языке еще одно важное позиционное изменение: в положении перед [j] они стали более закрытыми, напряженными. Не пережив количественных изменений в этой позиции, они испытали некоторые качественные изменения, так как из гласных среднего подъема перешли в гласные верхнего подъема. Это их приблизило к гласным [i] и [y]. Таким образом, глас-

inslav

ные [ъ] и [ь] в положении перед [j] имели позиционные варианты, которые мы будем обозначать знаками [ĭ], [ŭ]. Они могли быть в „сильной“ позиции [i̯], [u̯], могли быть в „слабой“ позиции [ĭ], [ŭ]. Дальнейшая их судьба в славянских языках не была одинаковой (даже по говорам отдельных славянских языков). Аналогичный процесс пережили исконные [i] и [u] в положении перед [j]. Они также изменились в [ĭ], [ŭ]: *bĭjǫ*, *šĭjǫ*, *mŭjǫ*.

§ 53. Возникновение новых ударений. Выше мы уже видели, что уже в раннюю эпоху было нарушено первоначальное соотношение интонации и количества. По мере того как усиливалась грамматическая роль интонации, слабела связь между количеством и интонацией и усиливалась, укреплялась связь между интонацией и ударением. В период распада праславянского языкового единства интонации (акут и циркумфлекс) различались только в ударных слогах. В предударных слогах, например, *rǫká* и *nogá* количественные различия сохранились: в первом слове слог был долгим, во втором кратким. Однако интонация в этих слогах была утрачена. Вот почему предударная исконная долгота сохраняется одинаково в тех языках, которые по-разному отражают праславянские интонации (например, чешский и словацкий языки). В слове *xvalá* все языки отражают долготу гласного предударного слога (схр. *хвáла*, слов. *hvála*, чешск. *chvála*, слвц. *chvála*). В случаях рецессии ударения новый акут мог возникнуть на месте долгого монофтонга, т. е. на месте старого акута (см. случаи типа *xváliši*, *xválitь* при *xval'ǫ́*, *xvalá*, *xvalǫ́*). Это могло быть только в том случае, если еще до рецессии безударный монофтонг [a] утратил интонацию. Безударные слоги интонации уже не имели. Современные славянские языки отражают различие старых интонаций только под ударением.

Сокращение долгих монофтонгов под ударением нанесло окончательный удар по старым отношениям между интонацией и количеством. Порвалась последняя живая связь между акутом и долгим монофтонгом. С этого времени единственным определяющим условием интонации было ударение, которое в эту эпоху играло важную роль в грамматическом строе языка.

Рассмотренные в предыдущем параграфе изменения места ударения не могли пройти бесследно для интонации. Под новым ударением должна была возникнуть новая интонация, так-как в эту эпоху ударение не было чисто экспираторным. Оно было теперь музыкально-экспираторным. В результате рецессии над новым ударным слогом возникла новая восходящая интонация, которая генетически не была связана со старыми интонациями. Носителем ее мог быть любой монофтонг. Ее принято называть новым акутом. Она была органически связана с ударением. Вот почему вернее будет говорить о новом акутовом ударении, а не о новой акутовой интонации. Это же относится и к новому циркумфлексу. Новый акут возник под перене-

inslav

сенным ударением в род. мн. в старых окситонированных и подвижных парадигмах (*golovъ* > *golóvъ*, *ženъ* > *žénъ*, *rǫkъ* > *rǫ́kъ*). Это должно было привести к совпадению места ударения и интонации со старыми баритонированными основами, в которых был старый акут (*korôvъ*, *sílъ*, *líprъ*). Но этого не произошло. В этих случаях на слогах со старым акутом произошла метатония: возникло новое нисходящее ударение, которое принято называть новым циркумфлексом. Таким образом, в данной категории сохранились старые различия акута и циркумфлекса, но в ином качестве: в одной группе слов был представлен новый акут, в другой — новый циркумфлекс. Аналогичные противопоставления возникли в ряде случаев, когда под новым рецессивным ударением возник новый акут. В таких случаях под старым ударением возникал новый циркумфлекс. Вот почему мы можем полагать, что новые ударения возникли одновременно в силу фонологических противопоставлений. Возникла в языке новая корреляция: новый акут — новый циркумфлекс. Активным (отмеченным) членом корреляции был новый акут. Не могу согласиться с Ван-Вейком в том, что первоначально новый акут являлся фонематическим вариантом старого циркумфлекса. Новые ударения представляли полную самостоятельность в отношении старых интонаций. Трудно согласиться с теми лингвистами, которые не связывают появление нового циркумфлекса с новым акутом и относят возникновение нового циркумфлекса к очень поздней эпохе.

Появление новых ударений не вызвало исчезновения старых интонаций. Они традиционно продолжали сохраняться под ударением в тех случаях, где не было условий для возникновения нового акута. Старые интонации в это время были уже традиционными. Различия между ними не определялись живыми отношениями в системе языка.

Новый акут по-разному отражен в славянских языках. Наиболее ясно и последовательно он выявляется в чакавских, кайкавских говорах и в посавских говорах штокавщины. Старый акут здесь отражен как краткое нисходящее ударение. В этом отношении сербохорватский язык не представляет диалектных различий. Что касается нового акута, здесь обнаруживается коренное отличие. В большинстве штокавских говоров здесь найдем долгое нисходящее ударение. Таким образом, новый акут отражен как старый циркумфлекс (*стра̑жа*, *кра̑љ*). В чакавских, кайкавских и посавских говорах представлено долгое восходящее ударение (*stráža*, *král'*). Это свидетельствует, что новая акутовая интонация в сербохорватском языке возникла в период, когда сформировались современные основные говоры этого языка. В словенском новый акут отражен в виде долгого восходящего (как и старый акут). Данные чешского и словацкого языков совпадают: под новым акутом будет долгота. Долгота представлена и в польском. В русском новую акутовую интонацию отражает **oró**, в украинском **orí**. В русских говорах следы нового акута отражены также в дифтонгическом [u̯o], обычно обозначаемом [ô].

inslav

Новую циркумфлексную интонацию от старой акутовой четко различает чешский язык, в котором это различие отражено в виде чередований краткого и долгого гласного: *krav — kráva*, *slamka — sláma*, *muška — moucha*. В словацком этого различия нет, так как здесь под старым акутом долгота сократилась: *krav — krava*, *slamka — slama*, *muška — mucha*. В отношении отражения нового циркумфлекса чакавские и штокавские говоры уже не различаются. В них найдем долгое нисходящее ударение (аналогично старому нисходящему). Так же отражен новый циркумфлекс и в словенском языке. В русском новый циркумфлекс и старый акут отражены одинаково.

Рассмотрим ряд случаев, в которых последовательно отражено развитие новых ударений.

Русское *корóль — короля́ — королю́* очевидно указывает на старое окситонированное ударение. В результате ослабления конечного [ь] ударение в им. ед. перешло на корень, что вызвало появление нового акута. Это отражено в русском *корóль*, в чешском *král*, в словацком *král*, в польском *król*, в сербохорватском *кра̑љ*, в чакавском говоре сербохорватского языка *král'*, в словенском *králj*.

Рецессивное ударение в словах типа *vólъ* представляет новый акут. Отсюда чешск. *vůl*, слвц. *vôl*, польск. *wół*. Данную долготу следует отличать от той, которая появилась под старым ударением значительно позже в результате утраты конечного сверхкраткого. Она возникла в западных славянских языках при различных условиях (ср. чешск. *dub*, *zub*, польск. *dąb*, *ząb*). Это различие хорошо видно на примере чешск. *kout*, польск. *kąt*, где заместительная долгота в связи с утратой конечного [ъ] не могла возникнуть. Русские диалектные примеры *бôп*, *снôп*, *кôн'*, *двôр* и другие свидетельствуют о долготе под новым акутом. Эти же говоры не представляют следов заместительной долготы после утраты „слабых" сверхкратких. Некоторые историки украинского языка не различают долготы в закрытом слоге под новым акутом и заместительной долготы, возникшей позже в связи с утратой конечных сверхкратких.

В старых окситонированных и подвижных парадигмах в род. мн. найдем рецессию, которая вызвала новый акут. Отсюда в русском *голóв*, *борóд*, *волóс*, в польском *rąk*, *głów*, в чакавском говоре *rúk*, *nóg* и т. д. Под старым ударением здесь будет новый циркумфлекс. Поэтому в чешском языке здесь всегда найдем краткость: *kráva — krav*, *bába — bab*, *jáma — jam*, *rána — ran*, *síla — sil*, *lípa — lip*, *víra — věr*. Краткость здесь представляют и другие западнославянские языки. В чакавском говоре сербохорватского языка будет соотношение краткого нисходящего и долгого нисходящего: *krȁva — krâv*. Хорошо различие между новым акутом и новым циркумфлексом в данной форме представляет украинский язык. При циркумфлексе (*бородá — бóроду*, *головá — гóлову*, *боронá — бóрону*) в род. мн. найдем новый акут, под которым [о] в закрытом слоге стал долгим и через стадию дифтонга перешел в [і]: *борід*, *голів*, *борін*.

inslav

При акуте *коро́ва*, *соро́ка*, *воро́на*, *коло́да* в род. мн. будет новый циркумфлекс, под которым [о] сохраняется без изменений: *коро́в* (диал.), *соро́к*, *воро́н*, *коло́д*.

Находим четкое противопоставление нового акута и нового циркумфлекса под ударением в словах с уменьшительным суффиксом **-ъка (-ька)**. Под рецессивным ударением развился новый акут, под старым ударением — новый циркумфлекс. Отсюда также противопоставления в чешском: *sláma — slamka*, *moucha — muška*, *kráva — kravka*, но *hlava — hlávka*, *brada — brádka*, *ruka — roučka*, в украинском: *соро́ка — соро́чка*, *коло́да — коло́дка*, но *голова́ — голі́вка*, *борода́ — бо́рідка*, *сторона́ — сторі́нка*.

Аналогичного типа противопоставления нового акута и нового циркумфлекса находим в ряде словообразовательных категорий. Так, наблюдаем его в именах с собирательным суффиксом **-ьje**. Имена со старым циркумфлексом в данном случае последовательно представляют новый акут: русск. *дере́вья*, *коло́сья*, *воло́сья*, *побере́жье*, чешск. *doubí*, *proutí*, слов. *prǫ́tje*, чак. *prútje*. Имена со старым акутом отражают новый циркумфлекс: русск. *здоро́в — здоро́вье*, чешск. *zdraví*, *březí* 'березняк' при *zdráv*, *bříza*.

Итак, новые интонации возникли в связи с рецессией ударения со сверхкратких гласных. Рецессия вызвала появление нового акута, который в свою очередь определил возникновение нового циркумфлекса. Однако в дальнейшем новые ударения могли получить широкое распространение и в положениях, не связанных с рецессией. Так возникает новое акутовое ударение в кратких слогах, имевших старое место ударения. Именно такого происхождения новый акут над гласным в словах женского рода основ на **-ja** (типа *vól'a*). Отсюда слов. *vǫ́lja*, чешск. *vůle*, слвц. *vôľa*, русск. диал. *вôл'а*. Следы новоакутового ударения мы находим в глаголах *но́сишь* и под. Обычно здесь видят развитие нового акута под старым ударением. Есть попытка коренным образом пересмотреть этот вопрос. Станг и в данной группе случаев видит рецессию ударения на начальный гласный. Но для этого нужно признать справедливой гипотезу, что ударение в 1 л. ед. (т. е. *ношу́*) является исконным. А против этого свидетельствует многое.

Долготы под новым акутом начинают новую эпоху в истории славянского вокализма. Мы говорили о сокращении прежних долгих гласных. Теперь в ряде славянских диалектов в определенных условиях возникают новые долготы на месте исконно кратких или сократившихся монофтонгов. Очень часто говорят о сохранении долготы под новым акутом. Эта формулировка ошибочна. Следует говорить о возникновении долгот под новым акутом. В дальнейшем долготы возникали во многих других позициях.

Для выяснения судьбы новых ударений в период их возникновения мы оперировали фактами современных языков. Это нужно иметь в виду. Не следует думать, что уже во время возникновения нового акута [ō]

inslav

изменился в [ū] (ср. чешск. *vůl* и под.). Нам важно было только определить причины возникновения долгот в новых условиях. Приведенные примеры отражают результаты длительной эволюции, завершившейся через много столетий после возникновения новых ударений. Об этой эволюции мы будем говорить ниже.

Как мы видели, новые ударения в ряде случаев по-разному отражаются в диалектах славянских языков. Так, чакавские, кайкавские говоры и посавские говоры штокавщины сербохорватского языка вместе со словенским языком под новым акутом развили долгое восходящее ударение, тогда как для остальной штокавщины характерно здесь долгое нисходящее ударение. Эти различия относятся к древнему периоду. Однако далеко не всегда современные диалектные различия можно отнести к периоду возникновения новых ударений. Именно так обстоит дело с отражением нового акута в восточнославянских языках. Здесь процесс шел одинаково во всех говорах. Так, всюду гласный [o] под новым акутом стал долгим. По говорам в дальнейшем различалась уже судьба [ō]. Следы нового акута сохранились там, где [ō] пережил процесс дифтонгизации. Так было во многих северновеликорусских и переходных говорах, так было в украинском языке.

Мы не даем в данном разделе подробного описания всех случаев нового акута и нового циркумфлекса во всех грамматических категориях (например, в прилагательных, числительных и пр.). Это будет сделано позже в соответствующих разделах морфологии.

При изучении отражений древних интонаций и ударений в современных славянских языках нужно иметь в виду, что во многих случаях указанные нами соотношения не подтверждаются примерами. Объясняется это тем, что под воздействием грамматической аналогии часто нарушаются прежние количественные отношения. Особенно часто эти нарушения обнаруживаются в чешском языке.

§ 54. Смягчение согласных перед гласными переднего ряда. Как уже известно из предшествующего изложения, многие согласные перед гласными переднего ряда не были мягкими. Согласный [t] в слогах **ti, tь, te, tě, tę** в фонематической системе языка не отличался от [t] в слогах **ty, tъ, to, ta, tǫ.** В том и другом случае была фонема [t̥]. Надо думать, что в первой позиции (т. е. перед гласными переднего ряда) происходило незначительное смягчение, которое мы определяем как полумягкость. Однако полумягкость не выполняла в языке никакой функции. В период до начала ассимиляции согласных перед [j] данное состояние характеризовало всю систему консонантизма (в том числе задненебные согласные). Однако в дальнейшем, в связи с изменениями согласных перед [j], положение изменилось. Появилась большая группа согласных, которая различала твердость (полумягкость) и мягкость перед гласными переднего ряда. Возьмем для примера согласный сонант [n].

inslav

В одной и той же позиции перед гласными переднего ряда могла выступать как фонема [ň], так и фонема [n']: *sъňi — kon'i*, *dьňь — kon'ь*, *ňebo — n'ego*, *kъňęgyn'i — von'ę* (диал.), *sъňě — von'ě* (диал.). Подобное различие находим и в положении перед некоторыми гласными заднего ряда: *raňa — von'a*, вин. ед. *raňǫ — von'ǫ*, тв. мн. *sъňy — kon'i*, дат. ед. *sъňu — kon'u*. В положении перед [o] и [ъ] известен был только [ň].

Следует, однако, обратить внимание на то, что в этот период между твердыми и соответствующими мягкими согласными (т. е. [ň] и [n'], [ľ] и [l'], [ř] и [r'] и под.) не существовало коррелятивных отношений, так как отсутствовали позиции нейтрализации.

Различалась система твердых и мягких согласных фонем по диалектам праславянского языка. В диалектах с эпентетическим [l'] во всех позициях отсутствовали мягкие губные фонемы. Иное положение было в тех диалектах, где на стыке морфем этого [l'] не было. Здесь губные согласные последовательно различали твердость и мягкость в тожественных позициях: *zima — zem'a*, *zimǫ — zem'ǫ*, *měra — zem'ě* (диал.), *męso — zem'ę* (диал.), *milъ — zem'i*, *mьstь — zem'ь*, *mesti — zem'e*.

Так выражалась категория твердости—мягкости согласных в праславянском языке. В ранний период развития самостоятельных славянских языков начался новый процесс ассимиляционного смягчения согласных перед гласными переднего ряда. Началось сближение полумягких и мягких согласных. Данный процесс шел по-разному в различных языках.

Наиболее последовательно переход полумягких в мягкие осуществился в языках лехитской группы. Пожалуй, только здесь полностью осуществилось смягчение полумягких. Именно это определило в дальнейшем ряд существенных фонетических изменений бывших полумягких, о которых речь будет идти ниже.

Восточнославянские языки (русский, белорусский и даже украинский) свидетельствуют, что и в восточнославянском диалекте был пережит процесс смягчения полумягких. Данный процесс охватил и те говоры, которые лежат в основе украинского языка. Позже в украинском шел процесс отвердения согласных, охвативший и исконно мягкие согласные. Это в дальнейшем определило ряд процессов, которые отличают украинский язык от русского.

Нельзя говорить о полном совпадении полумягких с мягкими и в древнечешском и древнесловацком диалектах. И здесь речь может идти о некотором приближении этих согласных, оно последовательнее было проведено в древнесловацком, нежели в древнечешском (например, в позиции перед [e]).

Пеструю картину в этом отношении представляют южнославянские языки. Болгарский язык свидетельствует, что полумягкость по говорам развивалась в разных направлениях. Так, в восточных болгарских го-

inslav

ворах содержатся многочисленные следы смягчения полумягких. Западные говоры в этом отношении ближе к сербохорватскому языку.

Сербохорватский язык не содержит следов ассимиляции согласных перед гласными переднего ряда. Вот почему мы можем совершенно уверенно говорить о том, что древнесербохорватский язык не пережил процесса смягчения полумягких согласных. Древнесербохорватский язык последовательно различает мягкие и немягкие согласные. Именно это обстоятельство определило ряд специфических для данного языка фонетических процессов (например, вторичное смягчение согласных перед [j] после утраты сверхкратких в „слабой" позиции). Словенский язык стоит близко к сербохорватскому.

Таким образом, сербохорватский и польский языки в отношении истории полумягких согласных представляют два полюса. Остальные славянские языки характеризуют различные переходные стадии.

Различие в степени смягчения полумягких определило ряд существенных отличий по славянским языкам. Так, сохранение гласного [у] в польском и русском связано, конечно, с смягчением согласных перед i. С другой стороны, полное совпадение рефлексов [ъ] и [ь] в сербохорватском определялось тем, что согласные перед этими гласными по данному признаку не различались. Обо всех этих процессах речь будет идти позже.

До смягчения полумягких перед гласными переднего ряда возможны были противопоставления твердых и мягких фонем. Теперь в этой позиции все согласные стали мягкими. Таким образом, в большинстве славянских языков позиция перед гласными переднего ряда стала пунктом нейтрализации для твердых и мягких согласных. Можно предполагать, что одновременно с этим было стремление избежать противопоставления твердых и мягких согласных перед гласными заднего ряда. Гласные [а] и [u] после мягких согласных изменились в направлении к [á], [û]. Данный процесс наиболее последовательно был проведен в древнем чешском языке. Здесь слог стал характеризоваться следующими признаками: согласный твердый — гласный заднего ряда, согласный мягкий — гласный переднего ряда. Таким образом, смягчение полумягких отнюдь не способствовало дальнейшему развитию фонологических противопоставлений твердых и мягких согласных. В положении перед гласными эти противопоставления нейтрализовались. Следует, однако, заметить, что отдельные исследователи слишком категорически формулируют этот „закон" и считают его общеславянским. У нас есть основания думать, что, например, в сербохорватском языке нейтрализации твердых и мягких согласных перед гласными не было. Да и другие славянские языки переживали этот процесс не совсем одинаково.

Смягчение полумягких еще более усилило взаимосвязь согласных и гласных. И до этого твердость и мягкость согласных трудно было „освободить" от последующего гласного (в редких случаях от соглас-

inslav

ного). Это „освобождение“ пришло гораздо позже, после утраты [ь] в „слабой“ позиции. Теперь взаимосвязь между согласным и гласным стала еще теснее. „В качестве различителей значения выступают нерасчлененно сочетания согласный с последующей гласной, т. е. слог в целом“ (Аванесов, ВМУ, 1947, № 1, 48). Эта эпоха силлабем продолжалась до утраты сверхкратких гласных.

Следует признать неудачным термин сингармонизм, которым пользуются некоторые языковеды для характеристики данной структуры слога. Под сингармонизмом следует понимать межслоговую гармонию, а не внутрислоговую. Поэтому вслед за Аванесовым я называю данную структуру слога силлабемой.

Смягчение полумягких относится к одному из ранних процессов того периода, который уже нельзя относить к праславянскому. С ним мы вступаем в новую эпоху, когда началось формирование языков славянских народностей.

§ 55. Носовые гласные. Утрата ринезма. В течение многих столетий во всех диалектах праславянского языка употреблялись носовые гласные, о генезисе которых мы уже говорили. Говорили и о том, что, несмотря на единство их происхождения, они по диалектам произносились неодинаково: носовой гласный заднего ряда колебался от [ą] до [ụ], носовой гласный переднего ряда — от [ę] до [ä]. В отдельных диалектах (на значительной территории лехитских говоров в южных македонских говорах и отдельных словенских говорах) произошло разложение носовых: они вновь распались на сочетания „гласный + носовой сонант“.

Итак, каждый диалект или каждый говор имел в своей системе вокализма два носовых гласных, представлявших по отношению друг к другу полную самостоятельность. Несколько сложнее была картина в южнославянских диалектах. Здесь в определенных грамматических категориях существовал [ę] (род. ед., им.-вин. мн. *dušę*, вин. мн. *kon'ę*), который в системе вокализма четко различался от обычного [ę]. Этот [ę] употреблялся только во флексиях и всегда находился в положении после мягких согласных. Обычный [ę] мог употребляться в корнях и в аффиксах, до смягчения согласных перед гласными переднего ряда согласные перед ним были твердыми (полумягкими). Выше уже шла речь о том, что смягчение полумягких отражено в южнославянских языках слабо и непоследовательно. Сербохорватский язык его вообще не знал. Таким образом, старое различие согласных перед первым и вторым [ę] во многих случаях здесь сохранилось. Гласный [ę] после мягких согласных представлял собою вариант [у] в отдельных грамматических позициях (ср. род. ед., им.-вин. мн. *rǫky*, вин. мн. *plody*). Между обычным [ę] и гласным [у] не существовало никаких точек соприкосновения.

inslav

В результате различных ассимиляционных факторов в славянских диалектах в разное время появлялись носовые гласные там, где они не подтверждаются этимологией. Имел место и противоположный процесс замены носовых гласных неносовыми. Именно этими причинами ассимиляционного характера объясняются такие случаи, как *nuditi* > *nǫditi*; *sǫgubъ* > *sugubъ*.

Все новые элементы в праславянских диалектах (заимствованные слова, топонимия, личные имена) подчинялись существовавшим закономерностям праславянского вокализма: на месте сочетаний гласных с носовыми сонантами всегда возникали носовые гласные. На месте любого гласного заднего ряда с носовым сонантом возникал свойственный данной системе диалекта носовой заднего ряда, на месте любого гласного переднего ряда с носовым сонантом возникал свойственный данной системе диалекта носовой гласный переднего ряда. Таким образом, в данном случае мы имеем дело не с фонетическим процессом, а с фонетической субституцией. Она продолжалась до тех пор, пока в языке существовали только открытые слоги.

Когда славянские племена заселили Балканский полуостров, они познакомились из уст местных жителей с новой топонимией. Нет ничего удивительного в том, что они видоизменили ее по законам своего произношения. Примеров можно привести много. Верхнее течение реки Тунджи носит название *Тъжа*. Уже давно Иречек („Пътувания по България", 373) обратил внимание на то, что *Тунджа* и *Тъжа* одно и то же наименование. Действительно, оба эти варианта восходят к античному названию реки *Tonzus* (*Tonzos*). Первый топоним (*Тъжа*) отразил народное болгарское произношение; второй топоним (*Тунджа*) — книжного происхождения. Аналогичное положение представляет название города Μεσεμβρία. Античное название города сохранилось до наших дней. Однако болгарский народ этот город называет *Несебър*, а в древности называл **Несѧбрь**. Сочетание [em] изменилось в звук [ę], который позже изменился в [e]. Закономерно античное название города *Анхиало* (Ἀγχίαλος) отражено в болгарском в виде *Вахело*. Сербохорватский язык последовательно представляет фонетическую субституцию на месте романских топонимов *sanctus*, *san*: *Sanctus Romanus* > *Suterman* (< *Sǫtъrъmanъ*), *San Pietro* > *Su-Petar*. Аналогичные процессы были пережиты и другими славянскими языками. Козьма Пражский в латинской хронике (XII в.) реку в Баварии называет *Kamb* и *Chub* (немецкое и чешское название). Это свидетельствует, что до утраты ринезма в славянском названии был носовой гласный, который возник в заимствованном слове на месте сочетания [am].

Не может быть сомнений в том, что во время возникновения славянской письменности (IX в.) славянские языки еще знали носовые гласные. Это подтверждается старославянскими азбуками (глаголицей и кириллицей), данными древнеболгарских памятников XI в., древнейшим старославянским памятником чехо-моравского извода Киевским

inslav

Миссалом, отражением славянской топонимии и личных славянских имен в латинских и греческих документах X в., славянскими заимствованиями в венгерском языке. Однако также бесспорно и то, что носовые гласные в славянских языках в эпоху перед деназализацией произносились различно. Нельзя согласиться с часто встречающимся утверждением, что [ǫ] в русском языке утратил ринезм и изменился в [u]. Утрата ринезма произошла на той стадии, когда гласный уже изменился в [u].

В древнерусском перед деназализацией употреблялись два носовых гласных: [ṵ], [ą̈]. Аналогично произносились носовые гласные в древнечешском, древнесловацком и в древнелужицких языках. Ко времени общей деназализации носовых гласных в языках лехитской группы носовых гласных не было. Носовые сохранялись лишь в говорах, которые лежат в основе современных юго-восточных говоров Малой Польши (Сандомир, Кельцы). Здесь были [ą̊] и [ą̈]. Возможно, что подобное образование встречалось спорадически и в других говорах. В основном же в это время в языках лехитской группы представлены были сочетания гласных с носовыми сонантами. В древнесербохорватском языке были представлены [ṵ] и [ẹ], в чакавском [ä], в древнесловенском [ǫ] и [ę], в древнеболгарском [ą^ъ], [ę^ь]. В отдельных болгарских и словенских говорах носовых не было. Вместо них употреблялись сочетания гласных с носовыми сонантами.

Деназализация являлась чисто физиологическим процессом. Произошло выключение носового резонатора, что вызвало утрату носового тембра гласного. Это произошло в связи с тем, что небная занавеска перестала опускаться и закрыла проход в полость носа. Этот важный фонетический процесс не отразился существенно на системных отношениях и не был связан с самим функционированием языка. Он прошел, конечно, бесследно для языкового сознания говорящих.

При установлении хронологии утраты ринезма в славянских языках исследователь сталкивается с известными трудностями. Дело в том, что на начало и полное завершение этого процесса приходится слишком короткий срок.

Мы можем уверенно говорить, что в конце IX — начале X в. славянские языки носовые гласные еще не утратили. В конце IX в. на территории Паннонии появляются кочевники венгры, которые, как мы уже знаем, застают здесь славянское земледельческое население. От местных славян они усваивают многочисленные элементы славянской речи. Многие славизмы в венгерском языке являются результатом ассимиляции славян венграми. Переходя на венгерский язык, коренное население сохраняло в своей речи те элементы славянского словаря, которые не имели эквивалентов в языке завоевателей. Славянские элементы в венгерском языке свидетельствуют, что в конце IX — начале X в. в славянских говорах Паннонии ринезм еще не утратился (во всяком случае, в корневых морфемах). Вот несколько примеров из сло-

inslav

варя славянских заимствований в венгерском языке Книежа: *donga* (< псл. *dǫga*), *galamb* (< псл. *golǫbь*), *gomba* (< псл. *gǫba*), *munka* (< псл. *mǫka*), *péntek* (< псл. *pętъkъ*), *rënd* (< псл. *rędъ*), *szent* (< псл. *svętъ*), *szomszéd* (< псл. *sǫsědъ*), *toromba* (< псл. *trǫba*) и мн. др. А вот, что пишет историк русского языка: „...передача названий днепровских порогов у Константина Багрянородного свидетельствует о том, что к середине X в. носовые гласные уже утратились" (Аванесов. Вопросы истории русского языка, 163). Большинство историков чешского языка полагает, что деназализация в чешском прошла в X в. Станислав для словацкого устанавливает первую половину X в. Латинские грамоты содержат данные, свидетельствующие об отсутствии носовых гласных в сербохорватском языке в XI в. (*Luca* в грамоте 1059 г. *Dubrave* в грамоте 1078 г.). Фрейзингенские отрывки дают основания ряду исследователей и в словенском языке деназализацию датировать X в. В северных говорах словенского языка ринезм утратился позже, нежели в южных говорах. Лишь в болгарском деназализация началась в конце XI в. и продолжалась по говорам до XIII в. включительно.

Таким образом, в конце IX — начале X в. носовые гласные еще сохранялись, а к середине X в. они уже утратились. Это явно противоречит учению многих славистов о том, что процесс деназализации был длительным и сложным. Высказывались вполне основательные суждения, что деназализация раньше обнаружилась в конце слова, нежели в середине слова. Рамовш полагал, что деназализация раньше наступила в безударных слогах, позже в ударных. Высказывались и другие более или менее ценные предположения о сравнительной хронологии деназализации в различных позициях (например, перед взрывными и фрикативными согласными и т. д.). Однако для всего этого требовалось время, длительный период времени, а имеющиеся в нашем распоряжении факты как будто установили очень короткий срок в несколько десятилетий. Конечно, за такой срок весь процесс деназализации пройти не мог. Как же выйти из этого затруднения?

Надо полагать, что деназализация началась раньше X в. Во многих славянских языках процесс шел в течение IX и X вв. (два столетия). Нет фактов, которые мешали бы нам принять эту хронологию для древнерусского языка. Думаю, что эту хронологию можно принять и для древнечешского. Киевский Миссал относится к периоду, когда деназализация еще полностью не завершилась. Завершение процесса хорошо обнаруживают глаголические Пражские отрывки (XI в.), где находим *modlitvu* и под. Не дают нам оснований утверждать об отсутствии начала процесса деназализации и славянские элементы в венгерском. Они могут свидетельствовать лишь о том, что в определенных позициях славянские говоры Паннонии в начале X в. еще сохраняли носовые. Я бы определил эту позицию так: носовые гласные сохранялись в корневых морфемах. Не могут свидетельствовать против

inslav

нашего предположения и встречающиеся примеры с носовыми в латинских грамотах IX—X вв. Во всех случаях носовые встречаются только в корневой морфеме. Следует еще иметь в виду, что почти всегда в данном случае мы имеем дело с топонимией и личными именами. (См., например, данные X в. для древнелужицких языков в статье Коблишке „Nasalvokale im Altsorbischen". — „Slavia", II, 280—281). В этих элементах словаря фонетические процессы протекают замедленно. В кирилло-мефодиевском говоре древнеболгарского языка носовые гласные хорошо сохранялись во всех позициях. Но это не дает нам оснований распространять данное положение на все славянские языки второй половины IX в. Ведь не следует забывать, что болгарские говоры хорошо сохраняли носовые гласные и в XI в., когда в других славянских языках деназализация уже давно завершилась полностью.

Итак, мы можем полагать, что утрата ринезма в славянских языках (кроме болгарского) проходила в течение IX—X вв. К концу X в. носовых гласных славянские языки уже не знали. Раньше всего утрата ринезма началась во флексиях. Рано деназализация прошла в 1 л. ед. в вин. ед. основ на **-а** и др. Здесь она не нарушила морфологических соотношений. Можно предполагать, что носовой гласный дольше сохранялся в *sěmę*. В им.-вин. ед. была нулевая флексия. Гласный [ę] входил в основу и поддерживался основой косвенных падежей: *sěmeni*, *sěmeńtь*... Возможно, что и в корневых морфемах носовые раньше утратили ринезм в случаях типа *rǫka*, позже в случаях типа *pǫto* (ср. *opona*, *prěpona*). Все зависело от того, в какой степени сохранялись в языке старые связи носовых гласных с разнослоговым сочетанием гласных и носовых сонантов: *žęti — žьnetь*, *pǫto — prěpona*. Есть основания предполагать, что старые связи были крепче у гласного [ę].

Болгарский язык занимает особое положение среди всех славянских языков в отношении судьбы носовых гласных. Здесь носовые гласные оказались очень устойчивыми. Первые признаки деназализации обнаруживаются спорадически в памятниках XI в. Резко возрастает число примеров в текстах XII в. В Боянском евангелии находим мъцѣ (ст.-сл. мѫцѣ), събота (ст.-сл. сѫбота). В этом же памятнике находим написания тѫкмо, лѫжь, которые свидетельствуют, что переписчик текста не различал букв ъ и ѫ. В некоторых среднеболгарских памятниках находим на месте ѫ букву ь, что объясняется орфографическими навыками писцов (ср. осьдитъ, застьпление и др.). Ряд среднеболгарских памятников содержит примеры с гласным [а] на месте носового: 1 л. ед. хоща, не боюсь, аз крща сѧ и др. (подробнее см. Мирчев. Историческа граматика..., 101—102). Должен, однако, отметить, что далеко не все приводимые историками болгарского языка примеры из памятников свидетельствуют об утрате ринезма. Примеры из Врачанского евангелия (XIII в.) (създа своѭ храминѫ, видѣ тьшта его, въ ножница своѭ, въ сѫбота и под.) говорят лишь о разрушении старого склонения, а не об изменении артикуляции гласных.

inslav

Процесс деназализации в болгарском шел медленно. Можно предполагать на основании имеющихся в нашем распоряжении фактов, что утратили ринезм раньше южные говоры. Здесь деназализация прошла в течение XII в. В северных говорах процесс шел медленнее. Данные языка семиградских болгар подтверждают, что северо-восточные говоры Болгарии еще во второй половине XIII в. сохраняли носовые гласные в корневых морфемах. Вероятно, весь процесс деназализации в болгарском завершился к XIV в. Во всех славянских языках утрата ринезма проходила до падения сверхкратких в „слабой" позиции. Только в болгарском соотношение этих двух процессов было иным: здесь сверхкраткие гласные утратились значительно раньше, нежели наступил процесс деназализации.

В современном болгарском языке на месте [ą^ъ] находим различные рефлексы: [ъ], [а], [о], [ä] и др. Все они восходят к особому [а], который мы обозначаем знаком [а^ъ]. Это был редуцированный [а]. К редуцированному [е^ь] восходят современные [е], [ä], ['ъ], ['о]. В ряде позиций произошло сближение [ą^ъ] и [ę^ь]. Это определило так называемую среднеболгарскую мену юсов.

Деназализованные гласные в славянских языках органически вошли в систему вокализма. Новый гласный [u] объединился с [u] дифтонгического происхождения и в дальнейшем пережил с ним общие процессы. Для эпохи дифтонгизации [ū] в чешском уже нельзя противопоставлять случаи *moucha* и *doubek* на том основании, что в первом случае [ū] дифтонгического происхождения, а во втором [ū] из носового гласного. Это единый процесс. Он происходил тогда, когда носовых гласных уже не было. Это же касается и других гласных (в частности, гласного [ä]).

Как уже было сказано выше, в период деназализации в языках лехитской группы носовых гласных не было (за исключением отдельных говоров). Однако позже эпохи деназализации на значительной территории начался новый процесс перехода сочетаний гласных с носовым сонантом в новые носовые гласные звуки. Эти новые носовые гласные сохраняются в польском до настоящего времени. Этот процесс проходил разные стадии в различных позициях. Наиболее устойчивыми старые сочетания оказались перед задненебными, а также перед губными. Именно здесь во многих говорах, в литературном произношении варшавского типа находим древнее состояние: *domp* (орф. *dąb*), *žont* (орф. *rząd*), *demba* (орф. *dęba*), *reŋka* (орф. *ręka*), *boŋk* (орф. *bąk*). Дальнейшая стадия [ǫn], [ęn], затем [ǫ^n], [ę^n] и, наконец, [ǫ], [ę]. Современный польский язык (литературный и говоры) представляет все стадии процесса. При определении этих стадий я сознательно игнорирую качество гласного. Мне важно здесь показать характер соотношения гласного и носового элемента. Возникли новые носовые гласные еще до падения сверхкратких. В дальнейшем мы еще вернемся к данному вопросу.

inslav

§ 56. Судьба интервокального [j]. Стяжение гласных. В праславянском языке [j] сохранялся во всех позициях. Сохранялся он всегда и в интервокальном положении, примыкая, естественно, к гласному следующего слога. Однако уже в ранний период истории отдельных славянских языков интервокальный [j] начал утрачиваться. Это было связано с вокализацией сонанта: [j] > [i̯]. Таким образом, утрачивался не [j], а [i̯]. В тех языках, которые не знали перехода [j] в [i̯], интервокальный [j] сохранился.

Раньше всего переход [j] в [i̯] и утрату [i̯] в положении между гласными пережили все западнославянские языки. Трубецкой хорошо показал, что эти процессы здесь прошли до утраты сверхкратких гласных. Нельзя признать убедительной аргументацию Травничка, который полагал, что падение сверхкратких связано с утратой интервокального [i̯] и происходило одновременно. Между этими процессами связи нет. Это хорошо подтверждают различные славянские языки. В западнославянских языках интервокальный [i̯] утратился до падения сверхкратких, в южнославянских — после, а в восточнославянских — значительно позже, нежели в южнославянских. Отличалась хронология утраты [i̯] и по отдельным группам славянских языков. Так, в чешском [i̯] утратился раньше, нежели в словацком, в сербохорватском раньше и последовательнее, нежели в болгарском. Наиболее полно результаты утраты интервокального [i̯] представлены в западнославянских языках, наименее — в восточнославянских.

Интервокальный [j] мог быть представлен в различных позициях слова и между различными гласными: *pojasъ*, *dělajetь*, *ženojǫ*, *dobrajego*, *dobrujemu*, *dobraja*, *dobrǫjǫ*, *dobroje*, *umějetь*, *kostьjǫ* и т. д. Переход [j] в [i̯] и утрата последнего существенно изменили отношения между слогами. Надо сказать, что праславянский язык допускал на стыке морфем соседство двух гласных, разделенных слогоразделом: *berěaxъ*, *bьraaxъ* и под. Однако в ранний период истории отдельных славянских языков слогораздел мог идти уже только между гласным и согласным. Утрата согласного упразднила барьер между слогами. В связи с этим начались процессы объединения двух слогов в один, т. е. процессы стяжения гласных, новая страница в истории славянского вокализма. Это стяжение охватило и те случаи, где интервокального [j] и не было: *berěxъ*, *bьraxъ* и под. (ср. в старославянском молиахъ вм. молиахъ, идѣхъ вм. идѣахъ).

Раньше и быстрее всего произошло стяжение тогда, когда [j] разделял одинаковые гласные: *dobraja* > *dobrai̯a* > *dobraa* > *dobrā*. Однако в большинстве случаев гласные не были тожественными. В этом случае стяжение не могло произойти сразу же после утраты [i̯]. До стяжения один гласный должен был ассимилировать себе другой. Ассимиляция могла быть как прогрессивной, так и регрессивной: *dobraego* > *dobraago* > *dobrāgo*, *dělaetь* > *dělaatь* > *dělātь*, *dobruemu* > *dobruumu* > *dobrūmu*; *poasъ* > *paasъ* > *pāsъ*; *boaznь* > *baaznь* > *bāznь*; *boati* > *baati* > *bāti*.

inslav

Все эти процессы проходили в славянских языках в течение весьма длительного времени. Начались они еще до утраты сверхкратких. Действуют они по говорам и в настоящее время. С ними связан очень важный процесс в истории вокализма — возникновение новых долгих гласных. Сказались эти процессы и на категории твердости—мягкости согласных, так как в результате стяжения перед мягким согласным мог оказаться гласный заднего ряда. Сказались они и на флексиях разных частей речи. Утрата интервокального [i̯] и стяжения гласных существенно видоизменили структуру слова.

§ 57. Судьба сверхкратких в „слабой“ позиции. В истории славянских языков имели место процессы, которые на длительный срок определяли глубокие преобразования всей системы. В иерархии „законов“ они занимают самое главное, определяющее положение. В праславянском языке именно таким „законом“ была утрата закрытых слогов. Переход всех закрытых слогов в открытые вызвал к жизни много самых разнообразных процессов, рассмотрение которых и составило содержание значительной части нашего курса. В истории славянских языков начала II тысячелетия н. э. такое же важное преобразование всей их системы было связано с утратой сверхкратких в „слабой“ позиции. Эта утрата связана с появлением новых закрытых слогов, она знаменовала завершение эпохи силлабем, вызвала ряд важных фонетических процессов, определила глубокие преобразования фонетического характера, наложила печать своеобразия на грамматический строй славянских языков.

В период создания славянской письменности сверхкраткие гласные сохранялись еще во всех позициях. „Слабые“ сверхкраткие только не могли быть носителями ударения, что вызвало различные случаи его рецессии. Об этом уже шла речь выше. Таким образом, еще до утраты „слабых“ сверхкратких эти гласные различались в произношении. „Если бы, — писал Ягич, — основателям древнеславянской письменности пришлось прислушиваться к древнейшему произношению слова «сънъ» у предков нынешних русских славян, в течение IX—X века, я убежден, они не остановились бы на правописании «сънъ», а придумали бы разницу между первым и вторым [ъ]“. Ягич полагал, что „полное равенство обеих гласных в слове «сънъ» заходит далеко за пределы исторического существования отдельных славянских наречий“ (Ягич. Критические заметки..., 31).

Почему же „слабые“ сверхкраткие упорно, в течение длительного времени, несмотря на потерю ударения, держались в языке? Что давало им силу? Они сохранялись потому, что действовала тенденция открытого слога. Пока в языке существовала эта тенденция, „слабые“ сверхкраткие утратиться не могли. После прекращения ее действия они исчезли бесследно. Таким образом, не утрата „слабых“ сверхкратких

inslav

обусловила появление закрытых слогов, а возможность появления закрытых слогов явилась причиной падения „слабых“ сверхкратких.

Потребовался длительный период в истории науки для того, чтобы ученые смогли точно определить условия „сильной“ и „слабой“ позиций. Во многих работах не только XIX в., но и XX в. эти условия определяются сбивчиво и противоречиво. Как мы уже видели, решающим фактором для определения позиций сверхкратких является качество гласного следующего слога: слог со сверхкратким был в „сильном“ положении, если следующий слог имел „слабый“ сверхкраткий; слог со сверхкратким был в „слабом“ положении в конечной позиции, а также в середине слова перед слогом со сверхкратким гласным в „сильной“ позиции или гласным полного образования: *vьsь*, *vьsěxъ*, *šьvьcь*, *šьvьca*, *dъva*, *sъto*, *sьtъ*. В данном случае мы имеем дело с особым случаем слоговой гармонии, когда последовательно чередовались слоги со „слабыми“ и „сильными“ сверхкраткими. Нарушение данной закономерности наблюдаем лишь в начальном слоге под старым ударением. Здесь не могло быть рецессии. Поэтому под ударением сохранился тот сверхкраткий, который по условиям слоговой гармонии должен был быть „слабым“ (ср. вин. ед. *dъskǫ*).

Мейе „слабую“ позицию сверхкратких называет изолированной. Это нельзя считать удачным. „Слабый“ сверхкраткий может чередоваться в одних и тех же морфемах с „сильным“ (*sьnъ—sъna*). Поэтому в данном случае корневой сверхкраткий не был изолированным ни в „сильной“, ни в „слабой“ позициях. Изолированная позиция была лишь частным случаем „слабой“ позиции (например, *mъnogъ*, *kъniga*, *pъtica*, *vьdova* и под.). В этой позиции сверхкраткий всегда был „слабым“ и не чередовался с „сильным“. Именно в изолированной позиции „слабые“ сверхкраткие утрачивались раньше всего. Значительно дольше они сохранялись в тех морфемах, где наблюдалось чередование „сильной“ и „слабой“ позиций. Это было убедительно показано на материале древнерусского языка Фалевым.

Мейе удачно обратил внимание на то, что сверхкраткие раньше утрачивались в служебных словах, в местоимениях и наречиях. Здесь мог рано утратиться и неизолированный сверхкраткий (например, в местоимении *vьse*). Это объяснялось особым характером произношения служебных слов.

Сверхкраткие в „слабой“ позиции исчезали в течение длительного времени. Этот процесс не был в славянских языках синхронным. В болгарском он начался в конце X в. и завершился полностью в XI в. В большинстве славянских языков этот процесс проходил в XI в. В древнерусском языке в XI в. сверхкраткие утрачивались только в изолированной позиции. В основном процесс шел в XII в., а завершился в северных говорах лишь в первой половине XIII в. Необыкновенную устойчивость „сверхкраткие“ обнаружили в полабском языке.

inslav

Здесь они в начальных слогах разделили судьбу „сильных“ сверхкратких, т. е. перешли в гласные полного образования.

При установлении точной хронологии утраты „слабых“ сверхкратких исследователи встречаются с многими трудностями. Как хорошо показал в свое время Шахматов, встречающиеся в русских памятниках XI в. пропуски букв **ъ** и **ь** не всегда говорят об утрате сверхкратких. В этом могло сказаться воздействие старославянских оригиналов. Нельзя с полным доверием при установлении хронологии относиться и к таким факторам, как наличие гласных [u] и [i] в древнейших заимствованиях из славянских языков (ср. фин. *akkuna* < *okъno* и под.). Во-первых, мы обычно в таких случаях не можем установить точную хронологию заимствования. Во-вторых, гласные [u], [i] на месте „слабых“ сверхкратких могли уже вполне самостоятельно возникнуть и на почве чужих языков.

Много трудных вопросов перед нами ставят древние сверхкраткие в „слабой“ позиции. Изучая язык Зографского евангелия, Ягич заметил некоторую закономерность в их употреблении. Так, числительное *два* обычно пишут **дъва**, а *две* — **дьвѣ**. Это подтверждается и рядом других примеров: **ꙁълоба — ꙁьлѣ, вънъ — вьнѣ, въдовица** и др. На основании подобных примеров Ягич высказал предположение, что „слабые“ сверхкраткие до полной утраты успели пережить ассимиляционный процесс: [ь] перед слогом с гласным заднего ряда изменился в [ъ], а [ъ], в свою очередь, перед слогом с гласным переднего ряда перешел в [ь]. Таким образом, в *dъva*, по Ягичу, утратился [ъ], а в *dьvě* — [ь]. Отсутствовали следы данного процесса после задненебных (здесь всегда находим [ъ]) и после исконно мягких согласных (здесь всегда найдем [ь]): **кънѧѕь, къде; чьто, брашьно**. На основе указанных примеров Лескин пришел к другому выводу. Он полагал, что данные написания указывают лишь на твердость или мягкость согласного: в **дъва** согласный [d] был твердым, а в **дьвѣ** — мягким. Согласные задненебные всегда были твердыми. Поэтому и нет написаний **кьде** и под. Наоборот, после старых мягких согласных будет употребляться [ь]. Обе гипотезы нашли своих сторонников. Я склоняюсь к гипотезе Лескина.

В древнерусских памятниках буквы **ъ** и **ь** пишутся правильно в конце слова не только в XI—XII вв., но и значительно позже. И в старославянских текстах редко встречается ошибочное написание еров в конце слова. Это обычно не связывают с произношением конечных сверхкратких. Здесь еры являются знаками твердости и мягкости конечных согласных. Именно в таком значении они употреблялись в русской графике до 1917 г. После реформы 1917 г. сохранилась только буква **ь**. Иначе написание букв **ъ** и **ь** в конце слова в древнерусских текстах интерпретировал Томсон. Он полагал, что конечные сверхкраткие сохранялись очень долго. Он находил следы их в некоторых русских говорах, утверждал, что они до сих пор полностью не утратились в русском литературном произношении. Теория Томсона не нашла поддержки.

inslav

§ 58. Судьба сверхкратких в „сильной“ позиции. „Сильная“ позиция сверхкратких определялась „слабой“ позицией. Это выражалось в том, что ослабление, а затем и полная утрата сверхкратких всегда вызывали соответственно заместительное продление предшествующего сверхкраткого. Гласный сверхкраткий становился гласным полного образования. Этот гласный уже не мог исчезнуть. Таким образом, именно „слабая“ позиция определяла судьбу сверхкратких.

Итак, сверхкраткие гласные в „сильной“ позиции не утратились. Они, однако, и не сохранились как сверхкраткие. Во всех славянских языках они стали гласными нормальной краткости, а в дальнейшем могли стать и долгими. Этот процессс обычно называется вокализацией сверхкратких.

Вокализация сверхкратких наступила позже их утраты в „слабой“ позиции. В древнерусском языке бесспорные случаи вокализации „сильных“ сверхкратких датируются только памятниками второй половины XII в. Вокализации предшествовал гласный или гласные неопределенного тембра, которые, однако, в количественном отношении не являлись сверхкраткими. Эпоха сверхкратких гласных закончилась. С этого времени в славянских языках были только краткие и долгие гласные. Последние употреблялись в ограниченных позициях.

В ряде славянских языков [ъ] вокализовался в гласный [о]. Так было во всех восточнославянских языках, в македонском и в словацком. Это свидетельствует о том, что [ъ] в указанных языках был лабиализованным гласным.

В восточнославянских языках во всех позициях слова [ъ] закономерно вокализовался в [о]. Этот [о] в фонетическом отношении не отличается от этимологического [о]: ср. русск. *нос*, *сон* и т. д. Однако новый [о] в отличие от этимологического является „беглым“: в одной и той же морфеме этот [о] чередуется с нолем звука: *сон — сна*, *мох — мшистый*, *вошь — вши*, *дубок — дубки*, *крепок — крепки* и т. д. В украинском языке „беглый“ [о] в новых закрытых слогах не переживал процесса дифтонгизации. Вот почему при *ніс*, *віз* найдем *сон*, *вошь*, *мох*. Обычно это объясняют тем, что процесс дифтонгизации [о] начался раньше вокализации [ъ] в [о]. Когда [ъ] вокализовался в [о] в словах типа *сон*, в словах типа *нос* [о] уже перешел в дифтонг. Однако можно предложить и другое объяснение, которое мне представляется убедительнее. Процесс дифтонгизации пережил этимологический [о] только в долгом слоге. В словах типа *сон* гласный [о] на мору был короче. Именно поэтому он и не перешел в дифтонг. Следует иметь в виду, что первые свидетельства продления этимологического [о] в новых закрытых слогах находим в памятниках не древнее XIII в. Не может быть сомнения в том, что в это время [ъ] уже перешел в [о].

Во всех восточнославянских языках в словах типа *торг*, *первый*, *долгий*, *волк* представлена обычная вокализация сверхкратких. Это свидетельствует о том, что старые слоговые плавные раньше вокали-

inslav

зации утратили слоговой характер и на их месте образовались обычные сверхкраткие в сочетании с неслоговыми сонантами [ъr], [ьr], [ol]. В других славянских языках положение было иным.

Во многих старославянских памятниках македонского извода на месте [ъ] часто найдем букву **о**: **дождь** при **дъждь**, **ложь** при **лъжь** и т. д. Особенно часто примеры подобной вокализации находим в Ассеманиевом евангелии. Данная вокализация последовательно проведена в македонских говорах и отражена современным македонским литературным языком (ср. *сон*, *дош* и т. д.). В этом состоит одно из древних отличий современных болгарского и македонского литературных языков.

Сложно и противоречиво отражен [ъ] в словацком языке. Здесь, конечно, нужно принимать в расчет только среднесловацкие говоры. Они свидетельствуют, что [ъ] в обычных условиях вокализовался в [о]. Этот [о] мы найдем в корнях слов (*bočka*), в аффиксах (тв. ед. *chlapom*). Однако в среднесловацкие говоры, а через них и в словацкий литературный язык проникло много слов, в которых на месте [ъ] представлен [е]: *sen*, *lebkový* 'черепной' и др. Это результат воздействия соседних моравских говоров. Аналогичные примеры находим на востоке, что связано с влиянием польских говоров. В определенной группе слов на месте [ъ] встречаем гласный [а]: *mach* 'мох', *dážd'* дождь' и др. Этот результат определялся особой судьбой [ъ] в начальном слоге. Об этом речь будет идти в следующем параграфе.

В определенных фонетических позициях находим гласный [о] на месте [ъ] в верхнелужицком языке: ср. *moch*, *son*, *won*, тв. ед. *z wjelkom* 'с волком' и т. д. Однако в данном случае нельзя говорить о вокализации [ъ] в [о]. Дело в том, что в других позициях (в положении перед мягкими согласными) на месте [ъ] будет представлен гласный [е]: *dešć*. Отсюда можно сделать заключение, что [ъ] первоначально изменился в [ȯ], который позже в зависимости от последующего согласного в одних условиях изменился в [о], в других в [е]. В нижнелужицком языке в ряде флексий [ъ] также отражен как [о]: тв. ед. *dubom*, *słowom* и др. Однако по всем данным здесь мы имеем дело с морфологическим фактором. Вне воздействия этих факторов найдем [е]: *mech*, *wen*, *weš*.

Гласный [ь] во всех рассмотренных нами языках изменился в [е]. Так, в русском *день*, в македонском *ден*, в словацком *deň*, в верхнелужицком *dźeń*. Таким образом, в данных языках сохранилось различие [ъ] и [ь]. В первом случае гласный будет заднего ряда, во втором — переднего. В связи с разной судьбой мягких согласных в данных языках различие по твердости и мягкости может быть утрачено. Так, *день* в русском имеет [d'], в украинском — [ď].

Очень своеобразно шла вокализация [ъ] и [ь] в болгарском языке. Как уже было сказано, в этом отношении болгарский сильно отличается от македонского. Часто можно прочитать, что в болгарском

inslav

[ъ̣] сохранился без изменения, а [ь̣] вокализовался в [е]: *сън*, *въшка*, *ден*. В эту формулировку необходимо внести ряд коррективов. Нельзя ставить знак равенства между [ъ̣] и современным болгарским [ъ]. И для болгарского следует говорить о вокализации. Современный болгарский [ъ] не ближе к [ъ̣], нежели македонский [о]. В болгарском [ъ̣] изменился в нормально-краткий гласный, который в транскрипции можно обозначать знаком [а^{ъ}]. Таким образом, он сблизился с носовым гласным заднего ряда. Они различались только наличием и отсутствием ринезма. В дальнейшем в связи с утратой ринезма эти два различных в этимологическом отношении гласных совпали.

Гласный [ь̣] вокализовался в [е^{ь}]. И он совпал с носовым гласным переднего ряда [ę^{ь}]. Позже [е^{ь}] по говорам претерпел различные изменения, во многом параллельные изменениям [а^{ъ}]. Разная судьба по диалектам зависела прежде всего от степени палатальности предшествующих согласных. На месте [е^{ь}] находим [е], [ъ], [о] и др.

В сербохорватском [ъ̣] и [ь̣] совпали в одном гласном. Следует помнить, что перед [ь̣] согласные в этом языке были твердыми. Именно поэтому гласный переднего ряда перешел в гласный заднего ряда. Новый гласный также можно транскрибировать как [а^{ъ}] В отличие от болгарского этот звук не имел соответствующей пары [е^{ь}] и не имел ничего общего с носовым гласным заднего ряда. Гласный [а^{ъ}] в древнесербской письменности передавался буквой **ь**. В XIV в. впервые на месте сверхкратких пишут **а**: **начетакь**, **добитакь**. Это написание отразило живой процесс изменения [а^{ъ}] в [а]. Именно гласный [а] и представлен в сербохорватском языке на месте [ъ̣] и [ь̣]: *са̏н*, *ра̑ж*, *да̑н*, *ла̏ко* 'легко'. В черногорских говорах на месте сверхкратких произносят [ъ^{е}], в призренско-тимочских — [ъ].

В словенском языке и в некоторых чакавских говорах сербохорватского языка представлены различные рефлексы на месте [ъ̣] и [ь̣] в зависимости от количества. Но это результаты более поздних процессов. И здесь первоначально [ъ̣] и [ь̣] совпали в одном звуке типа [ъ]. Историки словенского языка его передают обычно знаком [ə]. Данный звук в долгом слоге на большей части территории словенского языка изменился в [ā]. Этот процесс отражает и литературный язык: *mâh*, *dân*, *lân*. В северо-восточных говорах здесь найдем [ē]. В кратком слоге это будет глухой [ə] или [е]: *rež*, *ləž*, *sen*. И в некоторых чакавских говорах [ъ̣], [ь̣] в долгих слогах представляют [ā], в кратких — [о] или [е].

В польском языке гласные [ъ̣], [ь̣] также совпали в одном гласном неопределенного тембра [ə]: *sən*, *d'ən'*. Однако следы прежнего различия сохранились. Перед гласным [ə] из [ъ̣] согласный был твердым, перед гласным [ə] из [ь̣] согласный был мягким. В дальнейшем этот гласный изменился в [е]: *sen*, *dzień*. Это изменение произошло поздно. Гласный неопределенного тембра [ə] сохранялся еще тогда, когда [ky], [gy] изменялись в [ki], [gi] и когда [е] перед твердонебно-зуб-

inslav

ными переходил в [о]. Вот почему в польском представлено тв. ед. *bokiem* (< *bokъmь*), *bogiem* (< *bogъmь*) (ср. *kinąć*, *ginąć*); *pies* (ср. *siostra*). Аналогично процесс шел в кашубском языке. У полабян [ъ], [ь] претерпели ряд сложных преобразований. Здесь гласный неопределенного тембра [ə] изменился в большинстве случаев в [å], перед которым согласные были твердыми и мягкими: *dåzd* 'дождь', *vås* вошь'; *p'ån*, *l'ån*. Однако в отличие от польского языка [ə] после мягких согласных переходил в [å̯] только перед твердыми согласными. Позже [ə] после мягких согласных изменился в [е] или [ä] Перед [ä] согласные позже отвердели. После отвердения согласных [ä] изменился в [а]: ср. *dan* (< *dьnь*), *vas* (< *vьsь* 'деревня'). И в полабском языке задненебные согласные перед [ə] из [ъ] смягчились. Здесь этот процесс охватил и согласный [х]. В польском [х] не смягчался (ср. *chytry*, *wężchem*).

В чешском история [ъ] и [ь] была аналогична польской. И здесь гласный неопределенного тембра [ə] позже изменился в [е]. Однако в дальнейшем в связи с утратой мягкости рядом согласных исчезли следы различия между [ъ] и [ь]. После некоторых согласных они сохраняются: ср. тв. ед. *bratrem* (< *bratrъmь*). Перед гласными переднего ряда [r] будет мягким (ср. зв. *bratře*). В некоторых юго-западных говорах Чехии в отдельных случаях на месте [ъ] находим [о]: *von* (< *vъnъ*), *došt'*.

§ 59. Частные случаи изменения сверхкратких гласных. Все славянские языки в той или иной степени представляют многочисленные случаи сохранения сверхкратких в „слабой" позиции и их утраты в „сильной". Это обнаруживается в разных положениях и объясняется разными причинами, преимущественно причинами морфологического характера. Эти „исключения", как правило, наблюдаем в тех морфемах, в которых возможны чередования „сильной" и „слабой" позиций. Чаще обнаруживаем сохранение сверхкратких в „слабой" позиции, нежели их утрату в „сильной". Рассмотрим несколько наиболее типичных случаев.

Русское *доска́*, чешское *deska*, болгарское *дъска́* и т. д. представляют вокализацию [ъ] в „слабой" позиции: *dъská*. Здесь [ъ] должен был утратиться. Эту утрату хорошо отражают те русские говоры, в которых находим слово *cka* (*dъska* > *dska* > *tska* > *cka*). И древнечешские памятники представляют слово *cka*. Однако в большинстве говоров славянских языков утвердилась под влиянием ряда косвенных падежей форма *dъska* (ср., например, вин. ед. *dъskǫ*). Указанный дуализм можно обнаружить еще в словах *доща́тый*, но *чан* (*dъskjan-*).

Чешское *čest* (< *čьstь*) закономерно представляет в род. ед. *cti* (*čsti* > *tsti* > *cti*). В русском под влиянием прямого падежа во всех случаях сохраняется корневой гласный. Ср. также в болгарском *чести́т*.

inslav

Утрата сверхкратких гласных в **trъt, tlъt, trьt, tlьt** привела к новой фонетической ситуации: согласные сонанты [r] и [l] оказывались в положении между согласными. В этой позиции они должны были стать гласными. Однако, например, в русском языке гласных сонантов давно не было. Не возникали и здесь новые гласные сонанты. Язык избежал их, сохранив сверхкраткие в „слабой" позиции: *кровь*, *крови́*, *крова́вый* и т. д.

Последовательное проведение в слове „сильной" и „слабой" позиций приводило часто к сложным чередованиям внутри основы, которые язык стремился утратить. Так, в слове *žьpьсь* в разных падежах меняется „сильная" и „слабая" позиции: род. *žьpьса*, дат. *žьpьси*, вин. *žьpьсь*, тв. *žьpьсеть* (*žьpьсьть*), мест. *žьpьсі*. В современном русском языке это должно было бы быть отражено в виде им. *жнец*, род. *женца*, дат. *женцу*, вин. *женца*, тв. *женцем*, мест. *о женце*. Однако произошло обобщение по прямому падежу: *жнец*, *жнеца*, *жнецу*, *жнеца*, *жнецом*, *о жнеце*. Случаев подобного выравнивания в славянских языках очень много.

Наибольший интерес вызывает сохранение „слабых" сверхкратких в начальной позиции слова перед слогом с гласным полного образования. Из этого нужно исключить случаи типа русск. *теща* (< *tьstja*), где сверхкраткие находились под ударением. Сохранение „слабых" сверхкратких в начальном слоге представлено наибольшим числом случаев в полабском, словацком и болгарском языках. Отдельные спорадические примеры встречаются и в других языках (например, в нижнелужицком). Чаще всего сверхкраткие сохраняются в положении между согласными **d—n, s—p, t—m, t—k, m—st, m—zd, m—g, d—št, l—st, l—ž** и др. Примеры: полаб. *dånü̆*, *såpót* 'спать', *tăkət* ткать', *t'ămə*; болг. *дъно*, *дъщеря*, *мъгла*, *лъжа*, *тъка* и др. В этом случае не различаются рефлексы [ъ] и [ь]. Не всегда совпадает вокализация обычных „сильных" сверхкратких с вокализацией начальных „слабых". В этом отношении очень показателен, например, словацкий язык. При обычной вокализации [ъ̥] через [o] здесь будет представлен гласный [a]. Отсюда по аналогии [a] был перенесен в ряде слов в „сильную" позицию: *machu*, отсюда *mach*, *l'anu*, отсюда *l'an*.

В русском литературном языке имеется ряд старославянизмов, в которых на месте сверхкратких в „слабой" позиции находим [o]: *собо́р*, *уповать*, *сотворить* и т. д. Здесь отразилось искусственное, чисто книжное произношение старославянских слов, чуждое закономерностям живого языка (ср. *сбор*).

Известны случаи исчезновения „сильных" сверхкратких. Это обычно наблюдается в суффиксах, где идет выравнивание по „слабой" позиции. Много примеров можно найти в кашубском языке: *dobátk* (< *dobytek*), *łokc* (< *łokieć*), *kʷȯńc* (< *koniec*), *u̯ȯvs* (< *ovies*). Аналогичные случаи отмечены в древних польских текстах. Отдельные примеры спорадически встречаются и в других славянских языках.

inslav

Утрата сверхкратких в „слабой“ позиции и их вокализация в „сильной“ привели, как уже было сказано выше, к чередованиям в морфемах гласных полного образования с нулем звука. В ряде слов по аналогии с этими чередованиями возникли тожественные чередования на месте исконных гласных [е], [о]. В качестве примера можно указать слово *лед*, которое восходит к *ledъ*, а не к *lьdъ*. Несмотря на это, в русском найдем *лед — льда*. То же самое произошло в слове *ров — рва* (др.-русск. ровъ — рова). Известны случаи так называемого беглого [а] на месте [ę]: русск. *заяц — зайца*.

К особому случаю относится употребление [ь] после начального [j]: *jьskra*, *jьmę*, *jьgъrati*, *jьgъlъka* и под. Начальные [jь] отражены различно. В древних памятниках славянских языков найдем всегда букву и: игра, искра, имѧ, иго и т. д. Именно так начальные [jь] отражены в русском языке: *искра*, *игра*, *иго*, *иголка*, *имя*, в болгарском и ряде других языков. Однако уже, например, в украинском начальные [jь] могут быть утрачены: *грати*, *граю*, *граття* 'игра, забава', *голка*, но *ім'я*, *іду*. Колебания наблюдаются не только в разных словах. Одни и те же слова могут иметь варианты: *грати* и *іграти*, *ігла* и под. Аналогичную картину видим в польском *igra — gra*, *iskra — skra*, *imać — mieć* и т. д. Пожалуй, наиболее последовательно произошла утрата начальных [jь] в чешском, но и здесь известны колебания. По данной черте словацкий язык существенно отличается от чешского и объединяется с южнославянскими языками.

Удовлетворительного объяснения всем этим фактам пока нет. Не установлена точно и хронология явления. Очень трудно определить географические зоны вариантов по причине их факультативности в ряде случаев. Можно лишь сказать, что утрата начального [jь] широко представлена в западнославянских языках, украинском и белорусском. Известно это явление чакавским говорам сербохорватского и говорам словенского языков. Без всяких оснований данные различия внутри восточнославянских языков Трубецкой относил к праславянскому периоду. Против этого свидетельствуют многочисленные варианты. Эти же варианты убедительно говорят и против чисто фонетического объяснения явления. Здесь мы, конечно, имеем дело с различными процессами аналогического характера. Есть попытка объяснить варианты синтаксическими условиями: в абсолютном начале предложения [jь] > [i], в ином положении сперва утратился [ь], а позже [j]. И это предположение нельзя считать доказанным.

§ 60. Судьба сверхкратких [ў], [ĭ]. Выше уже шла речь о так называемых напряженных сверхкратких [ў] и [ĭ]. И эти „сверхкраткие“ могли находиться в „сильной“ и в „слабой“ позициях. В „слабой“ позиции они утрачивались, в „сильной“ вокализовались, т. е. изменялись в обычные [у] и [і]. Такого происхождения [у] и [і] мы находим в сло-

inslav

вах *kryjǫ*, *myjǫ*, *šija*. Таковы результаты процесса почти во всех славянских языках: болг. *крия*, *мия*, *шия*; схр. *крӣјем*, *мӣјем*, *шӣја*, польск. *kryję*, *myję*, *szyja* (< *szija*); чешск. *kryji*, *myji*, *šije*; укр. *крию*, *мию*, *шия*. Резко обособлен в этом отношении русский язык. Здесь в „сильной" позиции не различаются обычные и „напряженные" сверхкраткие: *крою*, *мою*, *шея*. Это проведено последовательно во всех случаях. Известные в литературном языке написания *добрый* (вм. *доброй*), *новый* (вм. *новой*), *синий* (вм. *синей*) являются орфографическими старославянизмами, сохранившимися до наших дней. Они не отражают литературного произношения. Аналогию русским фактам находим и в других славянских языках. Так, в центральных чешских говорах и в западных моравских известны *kreju*, *krej*, *teju*, *tej*.

В науке высказывалось предположение, что в отношении судьбы „напряженных" сверхкратких русский язык представляет древние отличия от других славянских языков (в частности, от украинского и белорусского языков). С этим взглядом согласиться нельзя. Полагаю вслед за Селищевым, что русские [oj], [ej] не восходят непосредственно к [ъj], [ьj], а представляют собою дальнейшее развитие [ўj], [іj]. Следует также иметь в виду, что фонемы [ъ] и [у], [ь] и [і] в положении перед [j] не различались.

§ 61. Последствия утраты сверхкратких гласных. Завершение эпохи силлабем. Новая структура слога. Как уже было сказано, утрата сверхкратких гласных преобразовала коренным образом структуру славянских языков. Возникла целая цепь взаимообусловленных процессов, определяемая в конечном счете утратой сверхкратких в „слабой" позиции.

Закончилась эпоха силлабем. Системы вокализма и консонантизма эмансипировались. Мягкость и твердость согласных освободились от качества последующего гласного, качество последующего гласного освободилось от воздействия предшествующего согласного. Началась новая эпоха в истории славянской звуковой системы. Наступил период равновесия систем вокализма и консонантизма, который, однако, продолжался не так долго. Постепенно начала усиливаться роль консонантизма, что привело к новому нарушению равновесия, к подчиненному положению вокализма. Но об этом речь будет идти позже.

Слог утратил свою прежнюю автономию. Изменение слогораздела в одних формах слов (*plo|dъ* > *plod*), сохранение старого слогораздела в других (*plo|da*) привели к свободному перемещению слогораздела в разных формах одного слова. Это стерло принципиальное различие тавтосиллабических и гетеросиллабических сочетаний, ослабило грамматическое значение слогораздела. Теперь слогораздел не мог служить препятствием для взаимодействия гетеросиллабических звуков: звуки подвергались взаимной ассимиляции через границу слогораздела.

inslav

Только теперь создалась в языке возможность возникновения таких явлений, как диссимилятивное яканье в русском или слоговая гармония в словацком.

Произошли коренные преобразования структуры слога. Изменение слогораздела привело к возникновению новых сочетаний звуков. Слоги теперь могли быть открытыми и закрытыми. Завершилась длительная эпоха открытых слогов.

Закрытые слоги появились прежде всего в связи с утратой конечных сверхкратких: *sto|lъ* > *stol*, *dvo|rъ* > *dvor*, *ko|mъ* > *kom*, *vo|n'ь* > > *von'*, *bo|bъ* > *bob*, *po|pъ* > *pop*, *ro|dъ* > *rod*, *po|tъ* > *pot*, *vo|zъ* > *voz*, *no|sъ* > *nos*, *no|žь* > *nož*, *bo|kъ* > *bok*, *ro|gъ* > *rog* и т. д. Аналогичное явление наблюдаем и в многосложных словах: *sta|ro|stь* > *sta|rost'*, *če|lo|vě|kъ* > *če|lo|věk*. Следует, однако, обратить внимание на то, что утрата конечных [ъ] и [ь] не везде приводила к возникновению закрытого слога и изменению слогораздела. Так, в штокавских говорах сербохорватского языка согласный сонант [l] после утраты сверхкратких становился слоговым: *bě|lъ* > *bě|l̥*, *vo|lъ* > *vo|l̥*. Позже в этой позиции [l̥] изменился в [o].

Должны были появиться новые закрытые слоги и в связи с утратой сверхкратких в середине слова. Однако здесь не всегда легко решить вопрос о слогоразделе. Если в *pravda* (< *pra|vь|da*) слогораздел сохранился, то возник новый закрытый слог: *prav|da*. Но он и здесь мог передвинуться к началу слова. В таком случае условий для возникновения закрытых слогов не было: *pra|vda*. Данный вопрос трудно решить потому, что мы почти не располагаем исследованиями, посвященными проблеме слогораздела в современных славянских литературных языках и в народных говорах. Сравнительное сопоставление соответствующего материала могло бы дать ответ на поставленный вопрос.

Очень ценные наблюдения над слогоразделом в русском литературном языке были проведены Аванесовым. Эти наблюдения показали, что чаще всего слогораздел идет не между согласными, а между гласными и согласными. В этом случае срединный слог является открытым. Это мы наблюдаем в том случае, если оба согласных шумные, или первый из них шумный, а второй сонорный, или оба сонорные: *ко|гда*, *пы|тка*, *ко|чка*, *ма|чта*, *пу|стой*, *ра|зве*, *ка|дры*, *дли|нна*, *А|нна*.

Слогораздел между согласными идет в том случае, если первый согласный сонорный, а второй — шумный: *бан|да*, *бом|ба*, *лам|па*, *тан|ки*, *бан|ка*, *бол|тать*, *поль|за*, *боль|шой*, *тол|стеть*, *гор|дый*, *кор|шун*, *ар|ба*, *чай|ка* и др.

В существенных чертах аналогичную структуру слога находим и в польском языке. И здесь, по свидетельству Шобера, внутренние слоги преимущественно открытые. При наличии двух шумных согласных слогораздел идет между гласным и первым согласным: *kró|tki*, *o|stro|žny*.

inslav

И в польском слогораздел идет между сонорным и шумным: *pał'ka*, *łam|pa*, *ziem|ski*, *pań|ski*, *or|ka*, *al|bo*. При некотором своеобразии слогоделения в чешском и здесь, в основном, внутренние слоги характеризуются возрастанием сонорности.

Данные наблюдения свидетельствуют, что древняя структура слога, характеризовавшаяся возрастанием звучности, не была коренным образом преобразована в связи с утратой сверхкратких. Есть основание полагать, что в славянских языках в срединных слогах и теперь господствует старая праславянская тенденция. Именно она определяет место слогораздела. „Закон восходящей звучности есть основной закон строения слога в русском языке" (Аванесов. ВЯ, 1954, № 6, 101).

§ 62. Категория твердости — мягкости согласных. После утраты [ь] в „слабой" позиции возникла непозиционная мягкость согласных в конце слова или перед твердыми согласными: *kost'ь* > *kost'*, *put'ь* > *put'*, *maz'ь* > *maz'*; *pros'ьba* > *pros'ba*, *mol'ьba* > *mol'ba*. Это было характерно для тех славянских языков, в которых полумягкие согласные (т. е. согласные перед гласными переднего ряда) стали мягкими. В сербохорватском и словенском непозиционная мягкость ограничилась только теми случаями, где согласный был исконно мягким: *кȍњ*, но *дâн*; *kònj*, но *dân*.

Таким образом, в большинстве славянских языков развилось фонематическое противопоставление твердых и мягких согласных фонем. Так, в русском языке стали различаться одиннадцать пар твердых и мягких фонем: [p̊] и [p'], [b̊] и [b'], [v̊] и [v'], [m̊] и [m'], [t̊] и [t'], [d̊] и [d'], [s̊] и [s'], [ẓ] и [z'], [l̊] и [l'], [n̊] и [n'], [r̊] и [r']. Позже появилась еще одна пара: [f̌] и [f']. Остальные согласные фонемы не образовывали соотносительных пар по твердости и мягкости. И чешский знал эти же соотносительные пары твердых и мягких. Однако в дальнейшем большинство согласных утратило это противопоставление. Теперь чешский язык знает лишь четыре пары: [t̊] и [t'], [d̊] и [d'], [n̊] и [n'], [r̊] и [ř']. Каждый из славянских языков представляет те или иные отличия в системе противопоставления твердых и мягких согласных фонем. Это связано с тем, что данная категория развивалась в славянских языках по-разному.

После утраты [ь] непозиционная мягкость не всюду удержалась В конце слова она сохранилась под воздействием позиции, когда в данном слове мягкий согласный мог находиться в положении перед гласной переднего ряда. Таким образом, в словах *путь*, *пять*, *память* мягкость [t] сохранилась под влиянием форм *пути*, *пяти*, *памяти*. Так было и в других случаях. В изолированной позиции мягкость конечного согласного утрачивалась. Вот почему в русском будет *дам* (ср. др.-русск. дамь), *ем* (ср. др.-русск. ъмь), *плодом* (ср. др.-русск. плодъмь). Здесь нельзя объяснять твердость [m] только склонностью губных

inslav

к депалатализации. Ведь в числительных *семь* и *восемь* представлен [m']. Не удержалась в большинстве случаев мягкость конечных согласных в болгарских говорах. Это касается и тех говоров, в которых полумягкие согласные смягчились. Я могу объяснить это лишь утратой падежных форм. Случаи типа *памет*, *път*, *пет* и другие фактически в связи с утратой склонения представляли собою для конечного согласного изолированную позицию, в которой мягкость удержаться не могла.

Утрачивалась мягкость согласного и в середине слова перед согласными в определенных фонетических позициях. В русском и польском языках мягкость сохраняют зубные перед твердыми губными и задненебными. Перед твердыми зубными мягкость утрачивается (в польском непоследовательно). Примеры: русск. *тьма*, *письмо*, *просьба*, *мольба*, *свадьба*, *борьба*, *редька*, *тетенька*, *банька*, *серьга*, но *дня*, *бедный*, *сосна*, *женский*, *летний*, *охотно*, *отца* и др.; польск. *ćma*, *prośba*, но *dnia*, *biedny*, *letni*. Перед суффиксом **ьsk-** мягкость зубного сохраняется: *żeński*. Аналогичные примеры находим в северных русских говорах. И в чешском в аналогичном случае сохраняется мягкость: *koňský*, *loňský*, *sviňský*. Обычно же перед зубными и в чешском мягкость согласного утрачивается: *zeď — zedník — zednář*, *řiť — řitní*. Непоследовательно находим мягкость перед задненебными: *loďka*, *laťka*, *laňka*, *plaňka*, но *čeládka* и под.

Большинство славянских языков утратило полностью или в значительной части мягкость согласных перед твердыми согласными. В этом отразилась тенденция к общему отвердению мягких согласных, которая охватила многие языки. Она нашла свое выражение и в отвердении бывших мягких согласных перед гласными переднего ряда, в разной степени наблюдаемое нами в украинском, чешском, болгарском и других языках.

Противопоставление твердых и мягких согласных в славянских языках находит выражение в разных позициях и в разных позициях нейтрализуется. В русском языке четко различаются твердые и мягкие коррелятивные пары в конце слова: *брат — брат'*, *угол — угол'*, *стол — стол'*, *вон — вон'* и др. В болгарском литературном языке конец слова — позиция нейтрализации: здесь всегда будут только твердые согласные. По-разному в одних условиях может осуществляться и нейтрализация. Так, в русском перед гласным [e] не различается твердость и мягкость: все согласные будут мягкими. И для болгарского языка это будет пунктом нейтрализации: здесь все согласные будут твердыми. Перед гласным [i] в польском все согласные будут мягкими. Для чешских согласных [t], [d], [n] позиция перед [i] не будет условием нейтрализации: перед [i] возможны как [ṭ], [ḍ], [ṇ], так и [t'], [d'], [n']. Наибольшее развитие категория твердости и мягкости согласных получила в польском и русском языках, наименьшее — в сербохорватском и словенском.

inslav

§ 63. Звонкие и глухие согласные фонемы. До утраты сверхкратких звонкие и глухие согласные представляли собою, как правило, независимые ряды. Между, скажем, [b] и [p] отношения были не более тесными, нежели между [b] и [t]. Отдельные случаи нейтрализации звонких и глухих были известны и праславянскому языку, но это ограничивалось лишь зубными [s] и [z]. Она последовательно отражена в древнейших старославянских текстах, в предлогах — приставках **vъz-, jьz-, raz- (roz-), bez-:** **въсхъштаєтъ сѣаноє въ срьдьци єго** [Зогр., 30 (18)]; **да шьдъше ісплѣкємъ ѩ** [Зогр., 31 (18)]; **шьдъ раскопа ѕємлѩ** [Зогр., 61 (37)]. Это же находим и в предлогах: **излѣѕъ іс кораблѣ** [Зогр., 36 (21)]. Примеры позиционного озвончения [s] находим в греческих заимствованиях старославянского языка (ср. греч. καταπετάσμα — ст.-сл. **катапєтаѕма**).

Утрата сверхкратких между согласными и в конце слова создала условия для сближения звонкого и глухого рядов согласных. Звонкие оказывались в положении перед глухими, глухие — перед звонкими. В этом положении в результате регрессивной ассимиляции звонкие переходили в глухие согласные, глухие в свою очередь — в звонкие: *nožьka* > > *nožka* > *nošk*a, *lodъka* > *lodka* > *lotka*; *s'bd'es'b* > *s'd'es'* > *z'd'es'*. Данная ассимиляция привела к существенным изменениям в системе консонантизма: коренным образом изменились отношения звонких и глухих согласных. Возникли позиции, в которых могли употребляться только звонкие или только глухие. Это обусловило четкое коррелятивное противопоставление пар звонких и глухих согласных ([b] — [p], [d] — [t], [z] — [s], [g] — [k] и т. д.), характеризующее консонантную систему современных славянских языков. Так, в современном русском литературном языке представлено одиннадцать пар: [b̊—p̊], [b'—p'], [v̊—f̊], [v'—f'], [d̊—t̊], [d'—t'], [ẓ—s̊], [z'—s'], [ž—š], [ž'—š'], [g—k]. Сонанты ([m̊], [m'], [n̊], [n'], [l̊], [l'], [r̊], [r'], [j]), согласный [x] и аффрикаты [c] и [č] являются внепарными, так как не имеют соответствующих глухих или звонких. По говорам будет представлено некоторое отличие. Так, в говорах с [γ] вм. [g] будут представлены пары [γ] — [x]. Согласный [k] будет внепарным. Существенно от данной системы будет отличаться, например, чешская, что объясняется, однако, не иным характером противопоставления глухих и звонких пар, а иным противопоставлением мягких и твердых фонем. Вот почему в чешском будет не одиннадцать пар, а только восемь: [p—b], [v—f], [d̊—t̊], [d'—t'], [z—s], [ž—š], [g—k], [h—x]. Сонанты [m], [n̊], [n'], [l], [r̊], [ř'], [j] и аффрикаты [c] и [č] являются внепарными. Травничек к коррелятивным парам в чешском относит еще две: [ǯ—č] и [ʒ—c]. С этим согласиться нельзя. Дело в том, что [ǯ] и [ʒ] являются не фонемами, а вариантами фонем [č] и [c]. Ср. в русском *конец года*, *испечь бы*. В сербохорватском языке найдем только семь коррелятивных пар: [b—p], [v—f], [d—t], [z—s], [ž—š], [g—k], [ǯ—č]. В отличие от русского и чешского языков в сербохорватском глухая аффриката [č] имеет парную звонкую фонему [ǯ]. Вне-

inslav

парными в сербохорватском являются сонанты [m] , [ň], [n'], [ľ], [l'], [r], [j], задненебный [x], аффрикаты [č] [ħ], [ħ]. Рассмотренные нами системы противопоставления звонких и глухих согласных фонем дают ясное представление о данной категории. Каждый славянский язык вносит лишь некоторые более или менее существенные отличия. Следует иметь еще в виду, что различия наблюдаются и по говорам отдельных славянских языков.

Указанные выше системы противопоставления звонких и глухих были обусловлены падением сверхкратких, но не возникли сразу же после падения. Это легко можно показать на многих примерах. В польском заместительная долгота гласного в связи с утратой конечных [ъ] и [ь] имела место только перед звонким согласным: ср. *dąb — dęba, dz'åd — dz'ada, chlęb — chleba.* Перед конечными исконно глухими заместительной долготы польский не знал: ср. *chlop, pęk, noc, nos.* Это убедительно говорит о том, что после утраты конечных сверхкратких звонкие не сразу перешли в глухие. Как свидетельствуют памятники польского языка, процесс оглушения звонких занял длительный период с XV в. В некоторых говорах звонкие в конце слова перешли в глухие уже в новое время. В чешском данный процесс начался в XIV в. и также продолжался длительный период.

Переход звонких в глухие согласные представлял собою ассимиляционный процесс: он происходил перед глухими согласными. Это условие распространялось не только на согласные внутри слова, но и на конечные согласные. Звонкие согласные в конце слова переходили в соответствующие глухие в том случае, если данное слово произносилось без паузы перед следующим словом, начинающимся глухим согласным звуком. Это условие являлось факультативным, неустойчивым, здесь возможны были колебания. Говоря об этом явлении, Брок писал: „Но понятное дело, эта сторона описываемого явления не проявляется со столь неотступной правильностью, как уподобление внутри одного и того же слова; вяжутся ли разные слова достаточно тесно для упоминаемой ассимиляции встречающихся согласных, это зависит от смысла и произношения каждого отдельного случая“ („Очерк...“, § 198). Поэтому нельзя признать удачной формулировку Булаховского: „Конечные звонкие стали звучать в случаях, если за ними не следовали во фразе звонкие же, как глухие: *бобъ > боб > боп; городъ > город > горот* и под.“ („Курс русского литературного языка“, II, § 11). Здесь стирается различие между внутрисловной и межсловной фонетикой. Между тем оглушение конечных согласных произошло гораздо позже, нежели оглушение согласных внутри слова. Это подтверждается данными памятников письменности и современными языками.

Памятники русского языка отражают ассимиляцию глухих перед звонкими в середине слова с XIII в. Все это севернорусские памятники. Ассимиляция звонких перед глухими произошла позже. Ее отражают памятники только с XIV в. Оглушение конечных согласных фиксируется

inslav

с XVI в. В некоторых севернорусских говорах звонкие оглушаются только в середине слова. В конце слова аналогичный процесс не отражен.

В этом отношении важно привлечь данные современного сербохорватского языка. В нем переход звонких в глухие полностью осуществлен только в середине слова: *те́шка*, *ду̏пчац*, *сла̀тко*, *сла̀тковина*, *срѝпски* и др. В конце слова полный переход звонких в глухие еще не осуществлен. Здесь находим глухой слабый согласный (lenes), тогда как обычно нормальные глухие в славянских языках являются всегда сильными (fortes). «И в образованной сербской речи можно наблюдать оттенок „lenis"; особенно, повидимому, в случаях, где голосность конечного звонкого, **-ž**, **-d** и под., сохраняется в первой части согласного, а теряется до отвора его; получается тогда условная звуковая картина **-d͡d̑** и под.» (Брок. Очерк..., § 54). Вот почему Караджич, сторонник последовательной фонетической орфографии, писал: *ду̑б*, *зу̑б*, *бо̑б*, *бо̑г*, *бо̑д*, *ду̑г*, *зо̑б*, *но̑ж* и др.

Таким образом, в конце слова, ввиду специфических условий межсловной фонетики, очень долго сохранялись звонкие согласные. Длительный период в этой позиции возможны были варианты. Практически эти варианты в ряде случаев возможны и теперь (ср. в польском *rut l'uck'i* — *rud l'uck'i*, 'ród ludzki'. См. Vaillant. Grammaire comparée..., § 85). По-разному отражен процесс оглушения при произношении предлогов (ср. в русском *в Одессе*, но *ф Киеве*, но в болгарском *ф Одесса*, *ф Киев*).

Наиболее архаичен украинский язык. Большинство говоров этого языка сохраняет звонкие перед глухими и звонкие в конце слова. Таким образом, коррелятивные отношения между звонкими и глухими в украинском языке существенным образом отличаются от соответствующих отношений в русском. Так, в украинском произносят *зуб* (не *зуп* и не *зуб̣*), *д'ід*, *мед*, *хл'іб*, *бабка*, *будка*, *р'ідко*, *казка* (а не *каска*) и т. д. Совершенно закономерно находим в украинском оглушение звонкого [z] в приставках **roz-** и **bez-** (непоследовательно): *роспитати*, а не *розпитати*. Как мы уже знаем, оглушение в приставках **raz-** (**roz-**), **bez-**, **vъz-**, **jьz-** происходило еще в праславянском.

Последовательно проведена ассимиляция согласных в болгарском, словенском, во всех западнославянских языках: болг. *зъп* (орф. *зъб*), *дъп* (орф. *дъб*), *тешка* (орф. *тежка*), *белешка* (орф. *бележка*); слов. *hrip* (орф. *hrib*), *mras* (орф. *mraz*), *vrapci* (орф. *vrabci*), *glatka* (орф. *gladka*); чешск. *gdo* (орф. *kdo*), *modlidba* (орф. *modlitba*), *prozba* (орф. *prosba*), *těšký* (орф. *těžký*), *dup* (орф. *dub*); в.-луж. *lut* (орф. *lud*), *zup* (орф. *zub*), *dup* (орф. *dub*), *bapka* (орф. *babka*), *krušk* (орф. *kružk*) и т. д. Во всех этих языках звонкие и глухие согласные фонемы различаются перед гласными и перед сонантами. В положении перед шумными согласными и в конце слова различие между звонкими и глухими фонемами устраняется, нейтрализуется. Перед глухими и в конце слова известны только глухие фонемы, перед звонкими — только звонкие фонемы.

inslav

§ 64. Новые сочетания согласных. Изменения в этих сочетаниях. Двойные согласные (геминаты). До утраты сверхкратких в „слабой" позиции славянские языки знали очень ограниченное число возможных сочетаний согласных. Теперь после утраты [ъ] и [ь] в языке появилось много новых сочетаний, которых прежде язык не допускал. Многие из этих сочетаний сохраняются в славянских языках без изменений до сих пор (например, [kn]: *kniga*, [mn]: *mnogo*, [pt]: *ptica* и др.). Однако в связи с фонетическими процессами, общими и различными в разных славянских языках, многие новые сочетания не удержались. Выше уже шла речь об ассимиляции согласных по звонкости и глухости, которая существенно ограничила возможные сочетания согласных. Происходило и много локальных процессов. Так, в сербохорватском начальные сочетания [kt], [vs] пережили метатезу: *ткò* (< *kto*), *свȕ*, *свѐ* (< *vsi*, < *vse*). Сочетание [pt] представляет широко утрату первого затворного элемента: *тȉца* (< *ptica*). Существенные преобразования в группах согласных происходили в середине слова. Рассмотрим наиболее типичные случаи.

Группа [zdn] из [zdьn] во всех славянских языках изменилась в [zn]: *prazdьnikъ* > русск. *praznik* (орф. *праздник*), болг. *празник*, схр. *прȃзник*, слов. *práznik*, чешск. *prázniny* (орф. *prázdniny* 'каникулы'), слвц. *prázniny* (орф. *prázdniny* 'каникулы'), польск. (устар.) *praźnik*. Напротив, группа [ts] из [tьs] перед согласным изменилась в славянских языках неодинаково. Так, в русском, польском, чешском, словацком [ts] > [c]: русск. *bogáctvo* (орф. *богатство*), польск. *bogactwo*, чешск. *bohactví* (орф. *bohatství*), слвц. *bohactvo* (орф. *bohatstvo*). В словенском группа [ts] не изменилась в аффрикату [c], так как первый затворный элемент редуцировался: [ts] > [s]: *bogástvǫ*. В сербохорватском найдем оба результата: *bȍgactvo* (орф. *богатство*) и диал. *bȍgastvo*. Сходную картину наблюдаем в русских говорах. Аналогично изменялась группа [dьs], так как после утраты [ь] согласный [d] перед глухим изменился в [t]: *sǫsědьstvo* дало в русском *sosécтvo* (орф. *соседство*), польск. *sǫs'ectvo* (орф. *sąsiedztvo*), чешск. *sousectví* (орф. *sousedství*), словц. *susectvo* (орф. *susedstvo*), но в слов. *sosę̑ska*. Разнообразно по славянским языкам изменялась группа [žs] из [žьs]. В русском языке эта группа пережила лишь регрессивную ассимиляцию [žs] > [šs]: *mužskój* (орф. *мужской*), в русских диалектах, в польском [žs] > [s]: *muskój*; *męski*, в сербохорватском, словенском, болгарском [žs] > [šs] > [š]: схр. *мȕшки*, слов. *móški*, болг. *мъшки* (орф. *мъжки*). В данном случае я не учитываю всего многообразия диалектных данных. Они во многом существенно меняют картину. Так, в родопских говорах болгарского языка на месте [žs] найдем [s]: *mosko dete*. Во всех славянских языках группа [ṛdc[упростилась в [ṛc]: русск. *s'erce* (орф. *сердце*), польск. *serce*, чешск. *sṛce* (орф. *srdce*), словц. *sṛce* (орф. *srdce*), болг. *сърце*, схр. *ср̏це*, слов. *srcę*. Различной была судьба в славянских языках группы [tc] из [tьc]. В русском эта группа изменилась в [cc]: *otec*, род. *оссá* (орф. *отца*), а, например, в чешском и сербохорватском

inslav

[tc] > [c]: *otec*, род. ед. *осе* (орф. *otce*), схр. *ȍтац*, род. ед. *ȍца*. Аналогично эта группа изменялась в болгарском: ср. *деца́* из *dětьca*. Такой же была судьба группы [tč] из [tьč]: ср. русск. *о́ччe* (орф. *отче*), но в чешск. *oče* (орф. *otče*), схр. *ȍче*.

Существенным преобразованиям подвергалась после утраты [ь] аффриката [č]. Во многих позициях происходила утрата затвора: [č] > [š]. В русском языке этот процесс отражен в группах [čьn] > [čn] > [šn] (ср. *скушно*, орф. *скучно*), в местоимении čьto (ср. *што*, орф. *что*), в словенском и сербохорватском также [čьt] > [čt] > [št] (ср. ст.-сл. **поуьтенъ**, но слов. *poštèn*, схр. *пȍштен*). Если [č] оказывался после падения [ь] перед звонким согласным, он естественно изменялся в [ž] (ср. *čьbanъ* в русском дало *жбан*, в сербохорватском *жба̏н*).

Различной была судьба некоторых групп согласных в связи с различной судьбой слоговых сонантов. В слове *sъl̥nьce* ко времени утраты [ь] русский уже не имел [l̥]. В русском здесь была группа [lnc], которая упростилась в [nc]: *sonce* (орф. *солнце*). В русских говорах находим *сон'ц'о*, *сон'цо*. В других славянских языках ко времени утраты [ь] сохранялся еще [l̥], который поэтому утратиться не мог. Вот почему в болгарском находим *слънце*, в сербохорватском *сунце* (из *sl̥nce*), в чешском *slunce* (из *sl̥nce*), слвц. *slnce*.

Каждый из славянских языков представляет многочисленные случаи различного рода изменений в группах согласных. Полный их обзор выходит за пределы наших задач.

В течение длительного периода праславянский язык не знал сочетаний согласных с [j]. Они возникли вновь во всех славянских языках после утраты [ь] в суффиксах **-ьjь, -ьje, -ьja,** в тв. ед. основ женского рода на **-i**: *bratьja* > *bratja*, *žitьje* > *žitje*, *veselьje* > *veselje*, тв. ед. *kostьjǫ* > *kostjǫ* и т. д. Судьба новых сочетаний была различной в разных славянских языках.

Особое место в этом отношении занимает сербохорватский язык, который почти „повторил" праславянские процессы: на месте новых сочетаний согласных с [j] возникли смягченные долгие согласные, которые утрачивали долготу так же, как утрачивал ее праславянский язык. На месте сочетаний губных с [j] возникли сочетания губных с [l] эпентетическим (*zdravьje* > *здра̑вље*, ср. русск. *здоровье*; *korьje* > > *ко̀пље*, ср. русск. *копье*; *snorьje* > *сно̑пље*; *krъvьjǫ* > *кр̏вљу*, ср. русск. *кровью*; *l'ubъvьjǫ* > *љу̏бављу*, ср. русск. *любовью*), сочетания взрывных зубных с [j] также дали праславянский результат (*prǫtьje* > *прȕће* ср. русск. *пру́тья*; *bratьja* > *бра̑ћа*, ср. русск. *братья*; *ladьja* > *ла̑ђа*, ср. русск. *ладья*). Новые сочетания фрикативных зубных [s] и [z] с [j] не пережили аналогичный процесс: *klasьje* > *кла̑сје*, ср. в русском *колосья*; *lozьje* > *ло̑зје*. Изменились перед [j] и группы согласных: *listьje* > *ли̑шће*, ср. русск. *листья*; *grozdьje* > *гро̑жђе*, ср. русск. *гроздья*; *gvozdьje* > *гво̑жђе*, *kostьjǫ* > *кошћу*, ср. русск. *костью*.

Эти процессы объяснялись тем, что сербохорватский язык не пере-

inslav

жил смягчения полумягких согласных. Он не знал мягких согласных [t], [d] и др. Когда твердые согласные оказались в позиции перед [j], они должны были смягчиться. Но в языке еще не прервались связи между [t̊] и [ħ], [d̊] и [ħ]. Вот почему новые сочетания согласных с [j] повторили праславянские процессы. Следует обратить внимание на то, что сербохорватский язык пережил вышеуказанные процессы во всех новых сочетаниях с [j], которые в нем возникали в связи с некоторыми локальными процессами (ср. *дóћи* < *dotji* < *dojti*; *ђѐд* < *djed* < *dědъ*; *vl'ѐra* < *vjera* < *věra*). Ассимиляционное воздействие [j] на предшествующие согласные пережили, однако, не все сербохорватские говоры. Решетар указывает на ряд говоров, в которых представлено *братја*, *прутје* и т. д. (см. Štok. Dial. 140).

Следы ассимиляционного воздействия [j] после утраты [ь] находим в украинском языке. Здесь находим долгие смягченные согласные [ṭ]: *життя*, *сміття*, *почуття*; [d̄]: *суддя*; [n̄']: *знання*, *бажання*, *писання*; [l̄']: *зілля*, *весілля*, *сіллю* (тв. 'солью'); [s̄']: *волосся*, *віссю* (тв. 'осью'); [z̄]: *маззю* (тв. 'мазью'); [š̄']: *піддашшя*; [ž̄']: *збіжжя*; [č̄']: *ніччю*, *клочча*; [č']: *міццю* (тв. 'силой'). Этот процесс имел место только в том случае, если согласный перед [ь] был смягченным. Губные и [r] не были смягченными. Поэтому они не пережили данного процесса (ср. *любов* — тв. *любов'ю*, *подвіря*, *піря*). В отличие от сербохорватского языка в украинском не был пережит ассимиляционный процесс в группах согласных (ср. *щастя*, *радістю*, схр. *рȁдошћу*).

Параллельно с украинским аналогичный процесс пережил и белорусский язык. И здесь мы находим *жыццё*, *суддзя*, *валоссе*, *свацца* (*сватья*), *вяселле*. В отличие от украинского здесь отвердели долгие [š], [ž] и [č]: *узвышша*, *збожжа*, *сучча*.

Утрата [ь] в указанных условиях вызвала в разных славянских языках много локальных и частных процессов, обзор которых не может входить в нашу задачу. Могу указать, например, на македонские диалектные *лозγе* (< *lozje*), *камејне* и др.

После утраты конечных сверхкратких в славянских языках происходили различные изменения в сочетаниях согласных, оказавшихся в конце слова. Здесь наблюдаются разные случаи. Так, в болгарском последовательно утрачивается конечный [t] в группе [st]. Слова *радост*, *хубост* произносят *rados*, *xubos*. Между шумным согласным и сонантом во многих языках развиваются „вторичные" сверхкраткие, которые вокализуются по условиям обычной вокализации. Такими „вторичными" сверхкраткими в русском являются „беглые" гласные в словах *ветер* — *ветра*, *огонь* — *огня*. В праславянском в данных словах сверхкратких гласных не было: *vĕtrъ*, *ognь*. Широкое развитие „вторичные" сверхкраткие получили в южнославянских языках (ср. болг. *добър*, *хитър*, *Петър*; схр. *дȍбар*, *хи̏тар*; слов. *dǫ́bər*, *hítər*). „Вторичный" сверхкраткий развился в вспомогательном глаголе *jestь*: болг. *съм*, схр. *jѐсам*, чешск. *sem*, слвц. *som*, польск. *jestem*.

inslav

Утрата сверхкратких в „слабой“ позиции привела к широкому распространению в системе славянского консонантизма так называемых геминат, т. е. двойных согласных и сонантов (ср. *konьnějь* > *konnějь*). Эти двойные согласные представляли собою две самостоятельные фонемы. Таким образом, с точки зрения фонологической гемината [nn] принципиально не отличалась от, например, [dn] в *plodnějь*. Однако в дальнейшем геминаты в славянских языках претерпели изменения. В положении перед согласным во всех славянских языках все геминаты (т. е. две фонемы) упростились в простые согласные (т. е. в одну фонему). Прежние отношения сохраняются лишь в орфографии некоторых славянских языков (ср. в русской орфографии: *русский* > *rusьskъ*).

Большинство славянских языков упростило геминаты и в положении перед гласными. Однако в этом положении они утрачивались гораздо позже и непоследовательно. Здесь фактором, задерживающим этот естественный процесс, явился литературный язык, который предписывал сохранять двойное произношение на стыке слов, для разграничения слов и т. д. В этом отношении весьма показателен, например, словацкий язык.

В словацком языке все геминаты упростились. Словаки произносят *odich* (орф. *oddych*), *podat'sa* (орф. *poddat'sa*), *štvoruční* (орф. *štvorručný*), *kameni* (орф. *kamenný*), *najasňejší* (орф. *najjasnejší*). Таким образом, словацкая орфография в данном случае уже не отражает современного произношения. Орфоэпическая норма обязывает, однако, сохранять двойные согласные в ряде случаев для дифференциации значений: *poddaný* 'подданный' и *podaný* 'поданный'. Однако это разграничение является искусственным: оно не отражает особенностей народного языка. Вопреки указаниям грамматики словаки не произносят двойных согласных и в формах повелительного наклонения *sad'te* (нужно произносить *sat't'e*, обычно произносят *sat'e*). Станислав отметил, что даже на театре говорят *posat'e sa* вм. *posat't'e sa*, певец в роли Евгения Онегина поет *sút'e sami* вм. *sút'te sami* („Slovenská výslovnosť“, 274).

Аналогичную картину наблюдаем в чешском языке. И здесь геминат нет, несмотря на законы орфографии. Слова *panna*, *Anna*, *kamenný*, *denní*, *oddaný*, *měkký*, *ssáti*, *vyšší*, *rozzlobiti*, *nejjasnější*, *čtyrruký* и т. д. произносятся в настоящее время *pana*, *Ana*, *kamení*, *dení*, *odaní* и т. д.

Нет геминат и в словенском и сербохорватском языках. В словенском простые согласные и сонанты произносятся не только в случаях типа *podanik* 'подданный', *kameno olje* 'нефть', но и в случаях, когда сохраняется двойное написание: *oddati* 'передать, сдать', *oddih*, *oddelek* 'отделение', *izzvati*, *izslediti*, *polleten* 'полугодичный'. Отсутствуют геминаты и на стыке слов: *lep pes* (произносят *lep‿es*), *boš šel* (произносят *boš‿el*), *sem mislil* (произносят *sem‿islil*), *ven ne gre* (произносят *ven‿e gre*), *kar reče* (произносят *kar‿eče*). Схр. *педѐсēт*

inslav

(< *peddeset* < *petdeset*), *pàсипати* (< *rassipati* < *razsipati*); *безáкоње*. В сербохорватском языке отмечают геминату [jj]: *нâjjачи*, *najjȕжниjи*.

Более сложную картину представляет болгарский язык. И здесь действует та же общая тенденция: двойные согласные переходят в простые. Однако в болгарском этот процесс идет медленнее. И в литературном языке и в говорах еще сохраняются в ряде случаев старые геминаты: ср. *конна* (произносят *kónna*), *ранна есен* (произносят *ránna*); *оттам* (произносят *ottám*), *поддържка* (произносят *poddъrška*). Следует, однако, обратить внимание на широкое распространение произношения этих и аналогичных слов с простыми согласными.

Есть основание думать, что геминаты раньше и быстрее утрачивались в середине слова, позже на стыке слов. В современном словацком языке эти позиции не различаются: *mám moc* (произносят *má‿moc*), *pod dubom* (произносят *po‿dubom*), *chlap padá* (произносят *chla‿padá*), *bôb bude* (произносят *bu̯o‿buďe*). Однако в ряде славянских языков это явление проведено менее последовательно на стыке слов, нежели в середине слова.

Иной была судьба геминат в русском и польском языках. Эти языки в положении перед гласными последовательно сохраняют двойные согласные. Это наблюдается как в середине слова, так и на стыке слов. В середине слова двойные согласные встречаются на стыке морфем. Ср. в русском *конный*, *подданный*, *отдел*, *поддержка*, *беззвучный*; в польском *konny*, *poddany*, *oddział*, *bezzębny*. Единичные случаи геминат в середине морфемы в русском и польском языках явления вторичные: ср. русск. *ссора*, польск. *na czczo* 'натощак'. Иногда начальный двойной согласный может быть на стыке морфем (ср. в русском *šyt'* (орф. *сшить*), *zadi* (орф. *сзади*).

Двойные согласные могли возникать позже в отдельных славянских языках в связи с различного рода изменениями в группах согласных. Очень распространенной в говорах славянских языков является ассимиляция [dn] в [nn]: ср. болг. диал. *pánna* (< *padna*), *sénna* (< *sedna*), *glánna* (< *gladna*) и др.

§ 65. Судьба trъt, trьt, tlъt, tlьt. Возникновение новых гласных сонантов. В **trъt, trьt, tlъt, tlьt** сверхкраткие [ъ] и [ь] могли находиться в „сильной" и „слабой" позициях: *krъvь — krъvavъ*, *drъva — drъvъ*, *glъtъka — glъtati*, *slьza — slьzъ*, *krьstъ — krьstiti* и т. д. В „сильной" позиции сверхкраткие вокализовались. Как правило, данные случаи не представляют особых отличий: ср. русск. *крест*, *дров*, *слез* и под. Все известные отклонения связаны с аналогическими образованиями.

Необходимо специально рассмотреть случаи, когда сверхкраткие были в „слабой" позиции. Дело в том, что здесь после утраты сверхкратких согласные сонанты [r] и [l] оказывались в положении между

inslav

согласными: *krvav-*, *drva*, *gltati*, *slza* и т. д. В этой позиции согласные сонанты должны были стать гласными, т. е. приобрести слоговое качество: *kr̥vav-*, *dr̥va*, *gl̥tati*, *sl̥za*. Однако не все славянские языки и не во всех случаях именно так реализовали эту возможность.

Последовательно новые слоговые сонанты возникают в южных славянских языках. В системе этих языков употреблялись старые слоговые сонанты. Однако между старыми и новыми слоговыми сонантами представлены были существенные фонематические отличия. Слоговые сонанты в случаях типа *tᵊr̥gъ*, *pᵊr̥vъ* и под. являлись самостоятельными фонемами. Новые слоговые сонанты (*bl̥xa*, *sl̥za*, *kr̥vavъ* и под.) являлись позиционными вариантами неслоговых плавных. В дальнейшем произошло фонетическое и функциональное сближение старых и новых слоговых сонантов. Так, в болгарском пережита была общая судьба слоговых сонантов в словах типа *търг*, *първи*, *вълк*, *млъкна* и в словах типа *сълза*, *гърми*, *кървав* и т. д. При рассмотрении истории слоговых плавных в болгарском разграничивать указанные два типа слов нет оснований.

Еще в XI в. произошло сближение старых слоговых плавных переднего и заднего рядов. Это хорошо отражено в старославянских памятниках: **сръдьце** вм. **срьдьце**, **пръвъ** вм. **прьвъ**. Новые слоговые плавные с самого начала не различались по рядам.

В дальнейшем [r̥] и [l̥] в болгарском в большинстве говоров не удержали слоговость. Это в одинаковой степени касается старых и новых слоговых сонантов. После сонантов развился новый вокальный элемент, который взял на себя слоговую функцию: *sr̥dce* > *srъdce*, *pr̥vi* > *prъvi*, *kr̥vav* > *krъvav*, *bl̥xa* > *blъxa*, *sl̥za* > *slъza*. Эту древнюю стадию отражает ряд говоров. Однако в некоторых говорах слоговой элемент представлен перед сонантом. Большинство современных говоров характеризуется подвижностью гласного: в одних фонетических условиях (перед одним согласным) он будет стоять перед сонантом, в других (перед группой согласных) — после сонанта: *дърво*, но *дръвник*, *мълча*, но *млъкна*.

И в сербохорватском новые слоговые сонанты пережили общую судьбу со старыми сонантами. Здесь, в отличие от болгарского, слоговое качество сонантов оказалось очень устойчивым. Слоговой [r̥] последовательно удерживается до сих пор: *гр̏ло*, *вр̏ба*, *вр̏зати*, *кр̂в*, *кр̏вав*, *кр̏ст*, *др̏во*. Слоговой [l̥] между согласными в большинстве говоров изменился в [u]: *вȕк*, *пȕн*, *жȕт*, *сȕза*, *гȕтати*, *гȕтљаj*. Слоговой [l̥] после гласного изменился в [o]: *bȍo*, *bȅo*. Примеры типа *кр̂в*, *кр̂ст*, *пȕт* 'плоть' говорят о большой силе аналогического воздействия слоговых сонантов. Дело в том, что здесь слоговые сонанты фонетическим путем возникнуть не могли. В данном случае в сербохорватском должно было быть *krav*, *krast*, *plat*. Но так не получилось. В этих типах примеров в „сильной" и „слабой" позиции утвердились слоговые сонанты. Объяснялось это тем обстоятельством, что новые слоговые сонанты

inslav

в фонематическом отношении слились со старыми слоговыми и потеряли связь с согласными плавными сонантами-фонемами.

Сходно развивались процессы в словенском, словацком и чешском языках. И в этих языках после утраты сверхкратких возникли новые слоговые сонанты, которые совпали со старыми слоговыми: слов. *grmẹ́ti*, *krvâv*, *trstíka*; слвц. *hrmiet'*, *krvavý*, *slza*; чешск. *hřmíti*, *krvavý*, *jablko*. В отличие от южных славянских языков в чешском и словацком не так последовательно проведена аналогия в позиции с „сильными" сверхкраткими. Вот почему в этих языках могут чередоваться в одних морфемах слоговые сонанты и сочетания неслоговых сонантов с гласным (например, в чешск. *krev — krve — krvavý*, *jablek — jablko — jablečný — jablkový*). Однако находим в этих языках и отдельные случаи аналогического выравнивания, которые могут идти как со стороны слоговых сонантов (ср. чешск. *kṛt* < *krъtъ*), так и со стороны гласных (ср. чешск. *blecha* < *blъxa*).

Разная направленность процессов в южных славянских языках, с одной стороны, в чешском и словацком, с другой, определялась фонематическими причинами. В южных славянских языках гласные сонанты являются самостоятельными фонемами, в чешском и словацком они являются позиционными вариантами согласных сонантов. Именно эти обстоятельства и определили разную направленность аналогий в этих языках.

Закончив обзор южных славянских языков, чешского и словацкого, мы выходим за пределы тех языков, в которых, во-первых, оказались очень устойчивыми старые гласные сонанты, во-вторых, новые гласные сонанты совпали со старыми и пережили с ними общую судьбу.

В обоих лужицких языках нет старых гласных сонантов. Они рано утратили слоговое качество. Носителями слога стали предшествующие гласные: в.-луж. *korčma*, *torh*, *smjerć*, *wjerba* (перед твердонебными *sorna*); н.-луж. *kjarcma*, *sḿeṛs*, *ẃerba*. После утраты сверхкратких новые гласные сонанты слогового качества не удержали. В соседстве с сонантом развились гласные [y], [i], [u]: в.-луж. *sylza*, *jabłyko* или *jabłuko*. Если гласные не возникали, то происходили сложные фонетические преобразования. Так, в нижнелужицком в *slьza* утратился не только [ь], но и начальный [s]: *łdza*. Из *blъxa* в верхнелужицком возникло слово *pcha* и даже *tcha*.

В польском сонанты между согласными также не стали слоговыми. Здесь они, как правило, стали произноситься без участия голоса, т. е. стали глухими сонантами, которые затем легко утрачивались. Так, находим глухие сонанты в *kṛwi* (в *krew* сонант [r] будет, конечно, звонким), *jabḷko* или даже *japko*. В *blъxa* после утраты [ъ] сонант [l] стал глухим, перед которым звонкий [b] изменился в глухой [p]: *pḷxa*, а затем *pxa*. Слово *pxa* и находим во многих говорах. Однако в большинстве говоров и в литературном языке будет *pxła*, где [ł] вновь появилось в результате аналогии. В кашубском сонанты между соглас-

inslav

ными произносились с гласным элементом [ə]. И здесь, таким образом, новые слоговые плавные не возникали.

Следует сказать, что во время утраты сверхкратких в положении после сонантов старые слоговые сонанты в польском языке еще существовали. Это, однако, не привело к результату, который был характерен для южнославянских, чешского и словацкого языков. Объясняется это тем, что старые слоговые сонанты в польском в это время произносились не так, как, например, в чешском. Они были дифтонгическими сочетаниями, в которых носителем слога был сонант, а гласный был неслоговым. Слоговой сонант мог быть переднего и заднего рядов.

В полабском языке условий для возникновения новых гласных сонантов было мало, так как „слабые" сверхкраткие гласные сохранялись в начальном слоге. В другом положении (в случаях типа *jablъko*) возникали глухие сонанты.

Ко времени утраты сверхкратких в „слабой" позиции в восточнославянских языках старых гласных сонантов уже давно не было. На их месте были сочетания [ъr], [ьr], [ъl]. В этих сочетаниях сверхкраткие были „сильными" и дали обычный результат для восточнославянских языков: ср. русск. *торг*, *торжище*, *торговля*, *первый*, *смерть*, *смертельный*, *долгий*, *волк*, *волчица* и т. д.

Утрата сверхкратких в словах типа *krъvavъ*, *trьvoga*, *glъtati*, *slьza* имела различные последствия. В русском языке новые гласные сонанты не возникали. В морфемах с данными сочетаниями обычно были представлены чередования „сильной" и „слабой" позиций, в русском во всех случаях утвердился результат „сильной" позиции: ср. *krъvь — krъve — krъvavъ*, *glъtъka — glъtati*, *slьzъ — slьza*, *dvьrь — dvьri*, *plъtь — plъti*, *blъxъ — blъxa* и т. д. Тот же результат представлен и в случаях изолированной позиции: *trьvoga*. Вот почему в русском мы находим последовательно: *кровь*, *глотать*, *тревога*, *слеза*, *блоха*, *двери*, *плоти*, *кресты*, *яблоко*, *греметь*, *крошить* и т. д. Пример *кстить* (диал.) говорит о ином результате. Здесь после утраты [ь] (*крьстить*) сонант [r] стал глухим и затем утратился. Но такие примеры в русском единичны. Особый случай представляет [r] после утраты сверхкраткого в начале слова: *рожь — ржи — ржаной*. В некоторых говорах находим *оржаной*. Ср. более распространенное *вольготный* при *льгота*.

Иначе шел процесс в говорах, которые лежат в основе белорусского и украинского языков. Об этом наглядно свидетельствуют белорусские *кровь*, но *крыві*, *крывавы; глотка*, но *глытаць*, *блошка*, но *блыха*, *блышыны*, *яблыня*, *трывога* и под. Аналогичную картину найдем в украинском: *кров*, но *кривавий*, *блищати*, *глотка*, но *глитати*. Данные белорусского и украинского языков неопровержимо свидетельствуют, что в этих языках возникли слоговые сонанты, которые рано утратили слоговость и в большинстве случаев изменились в [ry], [ly]. По говорам находим и иной результат. Под воздействием аналогии представлены различные новообразования. Например, в древнем украинском законо-

inslav

мерно употреблялось *слиза*. Теперь найдем *сльоза* нефонетического происхождения. *Слиза* сохраняется лишь в некоторых юго-западных говорах. Действовала аналогия и в другом направлении. Таким же образом под влиянием *блищати* древнеукраинское *блеск* изменилось в *блиск*.

Сходные процессы происходили в группах **tvьt, tvъt** после утраты сверхкратких. Здесь утрата гласного должна была привести к возникновению слогового [v]. Так и было в южнославянских языках. Однако здесь слоговость не удержалась. Перед [v] развился новый вокальный элемент, который стал носителем слога. Этим объясняются болг. *цъфти* (ср. ст.-сл. **цвьтѫ**), *съмне* (из *съвне*, ср. ст.-сл. **свьнєтъ**), схр. *цвàсти*, *цвàтети*, *цвàтем* (по аналогии *цвâт*). В македонских говорах встречаем *цутиш* (< *cvьtiš*), что связано с особым произношением [v]. В западнославянских языках слоговость [v] не возникла. Здесь произошла метатеза: ср. др.-чешск. *ktvu* (< *kvtu*); *dvьr'i* > *dvr'i* > *dr'vi* (чешск. *dřvi*, польск. *drzwi*). В восточнославянских языках „слабый" [ь] не утратился: русск. *двери*, *цвела*.

Выше уже шла речь о возникновении слоговых сонантов в конце слова после утраты конечных гласных (ср. схр. *bělъ* > *běl̥* > *běo*). В славянских языках представлены разнообразные случаи возникновения конечных слоговых сонантов и их истории. Так, в болгарском в *dobr̥* в конце возник [r̥]. Однако в этой позиции слоговость не удержалась: между согласными развился вторичный [ъ]: *добър*. В кайкавском говоре сербохорватского языка в конце слова находим [r̥], [l̥], [n̥]: *dòbr̥*, *môdr̥*, *svêkr̥*, *vôzl̥*, *mîsl̥*, *prâzn̥*, *žalòsn̥*.

Здесь слоговость возникла позже по аналогии с косвенными падежами. Это особенно наглядно видно на примерах *prâzn̥*, *žalòsn̥*, где перед [n] был [ь] в „сильной" позиции: *prazdьnъ*, *žalostьnъ*.

§ 66. Заместительная долгота. Историки русского языка Потебня и Соболевский еще в XIX в. обратили внимание на то, что в определенных случаях в древнерусских текстах на месте этимологического [е] находим букву ѣ: камѣнь, шѣсть, учѣние, къ нѣмь и др. Это явление отражено в памятниках XII в. южнорусского происхождения (главным образом в памятниках галицко-волынских). Этот „новый" [ě] находим только перед слогом, который имел [ь]. Именно поэтому „новый" [ě] последовательно чередуется с [е]: пѣщь, но пещи, камѣнь, но камени. Очевидно, что буквой ѣ южнорусские книжники передавали [ē]. Но почему в словах камѣнь, шѣсть возникло [ē]? Легко заключить, что долгота представлена тогда, когда в последующем слоге был [ь] в „слабой" позиции. Таким образом, здесь мы имеем дело с так называемой заместительной долготой.

В одном случае результаты заместительной долготы отражены во всех славянских языках. Речь идет о так называемой «сильной» позиции сверхкратких гласных. Однако в некоторых славянских языках заме-

inslav

стительному продлению подверглись и нормальные гласные. Данное явление хорошо известно, например, украинскому языку, начиная с ранних этапов его самостоятельного развития.

Выше мы уже видели, что долгота корневого гласного могла появиться еще до утраты сверхкратких гласных в „слабой" позиции. Это было связано с рецессией ударения и возникновением нового акута. Именно так следует объяснять долготу корневого гласного в случаях типа *kōn'ь*. Таким образом, укр. *кінь*, чешск. *kůň* и под. не обусловлены явлением заместительной долготы. Однако в украинском языке гласные [о] и [е] в любом новом закрытом слоге представляют продление: *нōс* > *ніс*, *вōз* > *віз*, *дōм* > *дім*, *мōст* > *міст*, *нōч* > *ніч*, *сōл'* > *сіл'*, *захōд* > *захід*, *гōнця* — *гінця*, *стōj* — *стій*, *прōзвище* — *прізвище; пēч* — *піч* — *пічник*, *осēн'* — *осінь*, *сēм'* — *сім*, *лебēд'* — *лебідь*, *ремēн'* — *ремінь*, *камēн'* — *камінь*, *плēч'* — *плічка* — *опліч*. Среди примеров отсутствуют те случаи, где продление гласного вызвано не утратой сверхкраткого, а новым акутом. Все имеющиеся в литературном языке и в говорах отклонения объясняются чаще всего аналогическими причинами. Другие восточнославянские языки данного явления не представляют.

Известно явление заместительной долготы и польскому языку. Однако между украинским и польским языками в этом отношении есть значительное расхождение. В польском появление новых долгот после утраты сверхкратких ограничено рядом условий. Так, долгота гласного наблюдается в слоге только перед звонким согласным: *dąb*, *ząb*, *kråj* — *kraju*, *sól* — *soli*, *chléb* — *chleba*. В прошлом долгота последовательно была представлена перед [n] и [m]: *dōm*, *sām*. В настоящее время в этой позиции представлены результаты долгот только в отдельных говорах. В срединных слогах следов заместительной долготы нет: *owca*, *prędko* и под. В ряде случаев долготу находим, но она возникла не в результате утраты сверхкратких, а под влиянием рецессии ударения: *piątka* (ср. русск. *пятóк*), но *słomka* (ср. русск. *солóмка*). Об этом речь уже шла выше. В положении перед конечными глухими польский язык не знает заместительной долготы: *nos*, *bok*, *kwiat*, *las* и под. Аналогично польскому языку заместительную долготу отражает кашубский язык. Близок польскому в этом отношении верхнелужицкий. Данное явление встречается в тех чешских и словацких говорах, где обнаруживаются следы польского влияния.

Бубрих в монографии „Севернокашубская система ударения" высказал предположение, что утрата „слабых" [ъ] и [ь] могла вызвать заместительное продление гласных не только в предшествующих слогах, но и в последующих. Так, в *sъbožьje* утрата [ь] вызвала долготу конечного [ē], откуда чешское *zboží* (ст.-чешск. *zbožie*). В отношении языков лехитской группы эту мысль поддержал Трубецкой. Не могу согласиться с языковедами, решительно отвергающими такую возможность. Вопрос еще ждет специального изучения.

inslav

На этом мы заканчиваем обзор тех процессов, которые вызваны были к жизни непосредственно утратой „слабых“ сверхкратких. Мы оставляем в стороне ряд частных случаев, имеющих значение для истории отдельных славянских языков. За сравнительно короткий срок существенно видоизменился фонетический облик славянских языков, их фонематическая система, система корреляций фонем, структура слога, словообразование. Утрата конечных сверхкратких сказалась и на флексиях. Получила широкое распространение категория нулевой флексии.

Различная реакция славянских языков на утрату сверхкратких привела к дальнейшему их обособлению. В этом отношении особенно важно обратить внимание на восточнославянские языки. Древнейшие отличительные черты украинского языка в той или иной степени связаны с данным фонетическим явлением. В XII—XIV вв. произошло существенное обособление южных говоров. В это время шел процесс формирования самостоятельного украинского языка. Следует, однако, обратить внимание, что по ряду признаков украинский язык связан с северными русскими говорами.

Многие важнейшие процессы не были обусловлены утратой сверхкратких. Однако они могли наступить только после этой утраты и связанной с ней коренной перестройки структуры слога и изменения фонематических отношений. К таким процессам относятся изменения в артикуляции безударных гласных, утрата музыкального ударения и ряд других.

§ 67. Гласные [i] **и** [y]. Завершение эпохи силлабем „освободило“ вокализм и консонантизм от тесных рамок данной слоговой структуры и вывело их на широкий путь самостоятельного развития. Однако это самостоятельное развитие продолжалось недолго. Скоро равновесие было нарушено. Началась новая эпоха господства консонантизма, которая в той или иной степени продолжается до сих пор. Это господство определялось фонематическими причинами, главным образом категорией твердости — мягкости согласных. Именно фонематическое противопоставление твердых и мягких согласных обусловило переход гласных переднего ряда в гласные заднего ряда. Вот почему данный переход характеризует преимущественно те языки, в которых категория твердости — мягкости согласных получила широкое развитие (например, в русском или польском языках).

До эпохи силлабем гласные [i] и [y] являлись самостоятельными фонемами. В эпоху силлабем были противопоставлены уже не [i] [y], а слоги [t'i], [t̊y]. После завершения эпохи силлабем самостоятельными фонемами стали [t̊] и [t'], а гласные [i] и [y] вариантами одной фонемы. Таким образом, различие между [i] и [y] стало позиционным. В независимой позиции (например, в начале слова) употреблялось только [i]. Отсюда делается справедливое заключение, что гласный [i] является фонемой, а [y] ее позиционным вариантом.

inslav

После утраты конечных сверхкратких начальный [i] мог оказаться после твердого согласного. В этой позиции он в русском языке последовательно изменился в [y]: *pod yzboj* (орф. *под избой*), *nosy rot* (орф. *нос и рот*). В польском на стыке слов [y] не возникает. Здесь перед начальным [i] образуется [j]: *podjizbą*, *nosjibroda*.

Сербохорватский и словенский языки не знали эпохи силлабем, так как в этих языках полумягкие согласные не пережили процесса смягчения. Здесь слоги [ti] и [ty] сблизились еще до утраты сверхкратких, так как согласные в фонематическом отношении не различались.

До сих пор последовательно различаются [i] и [y] в тех славянских языках, где категория твердости — мягкости согласных получила наибольшее развитие (например, польский и русский языки). Раньше всего эти гласные перестали различаться в сербохорватском и словенском языках. В разное время стирались различия между [i] и [y] в болгарском, чешском, украинском и других языках.

Пути сближения этих гласных могли быть разными: гласные [i] и [y] совпали́ в одном [i], они могли совпасть в одном [y], мог возникнуть новый гласный, в котором слились [i] и [y]. Славянские языки демонстрируют все эти возможности.

В русском языке сохраняется различие между гласными [i] и [y]: *зима — зыбкий*, *синий — сын*, *дикий — дым*, *тина — тын*, *бил — был*, *пил — пыл*, *вил — выл*, *мил — мыл*, *нить — ныть*, *риск — рыскать*, *воды — лошади* и т. д. Утрачено различие между этими гласными после тех согласных, которые не различаются по твердости и мягкости. Согласные [š], [ž], [c] отвердели. Поэтому после них всегда найдем только [y]: *žyzn'* (орф. *жизнь*), *šyt'* (орф. *шить*), *otcy* (орф. *отцы*).

Не сохранился гласный [y] после задненебных: ср. *кинуть*, *гибель*, *хитрый*. Процесс изменения [ky], [gy], [xy] в [ki] [gi], [xi] мог начаться только тогда, когда в языке уже существовали задненебные перед гласными переднего ряда. Кроме того, он происходил после изменения [ўj] в [oj], так как он не отражен в случаях типа *vysokъj*. Произношение *vysokij* книжное. Изменение [y] в [i] после задненебных происходило в XIV—XV вв.

Несмотря на возможность употребления задненебных перед гласными переднего ряда, в языке отсутствовало противопоставление фонем [k̆] — [k'], [g̊] — [g'], [x̊] — [x']. Эти различия не были функциональными. Поэтому в этой позиции противопоставление [i] — [y] не могло быть проведено. Здесь мог утвердиться гласный [i] или [y]. Обе эти возможности были реализованы. Внутри морфем возникли сочетания [ki], [gi], [xi]. Эти же сочетания появились и в случаях типа *руки*, *ноги*, *мухи*. На стыке слов (предлогов, имен и союзов) утвердились сочетания [ky], [gy], [xy]: *kyvápu* (орф. *к Ивану*), *volkyslon* (орф. *волк и слон*), *muxyklopóf* (орф. *мух и клопов*).

inslav

Последовательно проведено позиционное разграничение между [i] и [y] и в польском языке: *sinieć — syn*, *zima — zysk*, *bitwa — byt* и под. Эти звуки и здесь не являются самостоятельными фонемами. Их разграничение связано с системой противопоставленных твердых и мягких согласных фонем. Однако имеются в данном пункте и различия между русским и польским языками. Польский [y] более переднего и более опущенного образования, нежели соответствующий русский гласный. Если сочетания [ky], [gy] изменились в [ki], [gi] (ср. *kinąć*, *ginąć*), то сочетание [xy] сохранилось (*chylić*, *chytry*, *chyba*, *muchy*). В кашубских говорах встречаются [xi]: *xiləc* и под. Польский язык не знает сочетаний [ky], [gy], [xy] на стыке слов. Здесь найдем [kji], [xji]: *vilk'jip'es* (орф. *wilk i pies*).

Большинство славянских языков не различает гласных [i] и [y]. Чаще всего они совпали в одном [i]. Этот процесс происходил в разное время. Уже в старославянских текстах XI в. наблюдается начало этого процесса (ср. в Саввиной книге **гризетъ**, **отъкрити**, **ривѣ**, в сборнике Клоца **слишѧ**). Однако подобные примеры единичны. Число их резко увеличивается в памятниках среднеболгарского периода. Это связано с тенденцией отвердения согласных, которая в современном языке уже зашла далеко. Однако до сих пор в болгарских говорах сохраняются следы [y].

Чешский язык различает [i] и [y] только на письме: *siný — syn*, *tichý—týn*, *dítko—dýně*, *řítkati—ryk* и т. д. Во всех случаях произносится только [i], перед которым согласные всегда твердые за исключением [t], [d], [n], [r]. Указанные согласные перед исконным [i] будут мягкими, а перед [i] из [y] твердыми. И в чешском данный процесс был связан с ослаблением фонемообразующей категории твердости и мягкости. Изменение [y] в [i] по говорам происходило в разное время. Во времена Гуса пражане уже не умели произносить [y].

Очень своеобразно шел данный процесс в украинском языке. И здесь не сохранилось различие старых [i] и [y], чем украинский язык существенно отличается от русского и белорусского языков. В результате отвердения согласных перед [i] гласные [i] и [y] совпали в одном гласном, который передается буквой **и**. Но под этим написанием скрывается отнюдь не [i]: *син*, *сила*, *тихо*, *ходити* и под. Украинский [и] не является гласным переднего ряда. Некоторые фонетисты его определяют как гласный передне-среднего ряда. В его образовании представлены некоторые колебания в зависимости от предшествующих согласных. Так, после губных он более заднего ряда, нежели после зубных.

Совпадение гласных [i] и [y] датируется уже памятниками XII—XIII вв. Завершение процесса историки украинского языка относят к XIV в. Однако в некоторых говорах (северных, закарпатских и др.) эти согласные различаются до сих пор.

inslav

§ 68. Изменение гласного [е] **в** [о]. Теперь мы переходим к рассмотрению тех важнейших процессов в области славянского вокализма, которые определялись твердостью последующего согласного. Эти процессы начались в тот период, когда завершилась фонологизация твердых и мягких согласных. Гласные переднего ряда в положении перед твердым согласным становились гласными заднего ряда. Этому процессу могла сопутствовать лабиализация. Данным процессам не препятствовало наличие слогораздела. Это связано было с тем, что после утраты сверхкратких в „слабой" позиции слогораздел приобрел подвижность: *se|lo—sel*, *ve|la—vel*, *ne|sla—nesl* и т. д. Теперь слогораздел не мог уже служить помехой для разнообразных воздействий соседних звуков. После утраты сверхкратких исчезло принципиальное отличие между сочетанием звуков и простым соседством звуков, отделенных слогоразделом.

Процесс перехода [е] в [о] наблюдается в тех славянских языках, где противопоставление твердых и мягких согласных фонем достигло наивысшего развития.

В эпоху существования силлабем в славянских языках были представлены слоги [t̊o] и [t'e]. Слогов типа [t'o] не существовало. Освобождение твердости и мягкости согласного от качества последующего гласного и фонологизация категории твердости — мягкости создали предпосылки для возможности появления гласного [о] после мягкого согласного. Такая возможность была реализована в наиболее благоприятных условиях. Эти условия различались по языкам.

Существует чисто фонетическое объяснение перехода [е] в [о]. Можно было бы предположить следующее: твердые согласные были лабиализованными, именно под влиянием лабиализованных твердых согласных [е] в случаях типа *нес*, *вез*, *плел*, *теплый* и т. д. переходил через стадию [ȯ] в [о], т. е. лабиализовался. Но это фонетическое объяснение принять невозможно. Почему в польском нет перехода [е] в [о] перед губными согласными, где для лабиализации были наиболее благоприятные условия? Почему данный процесс наступил только после утраты сверхкратких? Ведь утрата этих гласных не могла способствовать развитию лабиализации твердых согласных. Скорее можно было бы ожидать противоположного процесса. Почему лабиализованными были твердые согласные только в восточнославянских и лехитских языках? На все эти вопросы удовлетворительного ответа получить нельзя.

Следует иметь в виду, что основным в изменении [е] в [о] является не лабиализация, а переход гласного переднего ряда в гласный заднего ряда. Это особенно хорошо видно на материале польского языка, где в одной позиции (перед [t], [d], [s], [z] [r], [ł], [n]) гласный [е] переходил в гласный [о], гласный [ė] переходил в гласный [а], дифтонгическое сочетание [ьр̥] переходило в [ър̥] и т. д.

Изменение [е] в [о] имело место во всех восточнославянских языках. Однако проходил этот процесс в разное время и в разных условиях.

inslav

Общим условием для его осуществления была позиция [е] после мягких согласных перед всеми твердыми согласными: губными, зубными, задненебными.

Высказывалось предположение, что восточнославянские языки пережили две эпохи в изменении [е] в [о]. Первоначально процесс осуществился после исконно мягких (в случаях типа *žena*), позже — после смягченных согласных (в случаях типа *n'eslъ*). Это лишено всякого основания. Дело в том, что любой переход [е] в [о] мог иметь место только после завершения эпохи силлабем, после завершения фонологизации твердых и мягких согласных. А в эту эпоху исконная мягкость и мягкость новая уже не различались. В положении перед [е] все согласные были мягкими. Что касается древних написаний жона и под., то это легко объяснить возможностями славянского алфавита. В нем не было средств для передачи гласного [о] после мягких губных или зубных. Нельзя было написать *носъ для передачи n'os. В этом случае памятники письменности не могли отразить перехода [е] в [о]. Как известно, букву русского алфавита ё ввел лишь Карамзин.

Раньше всего переход [е] в [о] начался в древнеукраинском языке и в древних северновеликорусских говорах (XII—XIII вв.). Здесь он осуществлялся перед всеми твердыми согласными. Ударение не играло никакой роли. Отсутствовал переход в конце слова. Представленные в северновеликорусских говорах случаи типа *плечó*, *мóр'о*, *úм'о* требуют морфологической интерпретации. Следы данного процесса в украинском языке отражены только в ограниченных позициях: *вчора*, *чоловік*, *мачоха*, *чотирі*, *пшоно*, *жона*, *піджога* и под. В иных условиях украинский язык уже не содержит следов перехода [е] в [о]. Объясняется это отвердением согласных в случаях типа *nebo*, *den'* и дифтонгизацией долгого [о] в закрытых слогах. Отвердение [*n'*] в *n'obo* должно было привести к делабиализации гласного, так как в период действия указанного процесса гласные [е] и [о] после мягкого согласного являлись вариантами одной фонемы. Таким образом, одновременно с отвердением согласного гласный [о] автоматически изменялся в [е].

Переход [е] в [о] перед твердым согласным принадлежит к древнейшей украинско-северновеликорусской изоглоссе. Что касается белорусского языка, то нужно отметить, что в его состав вошли некоторые говоры, близкие украинским и северновеликорусским. Вот почему в ряде случаев украинско-северновеликорусские изоглоссы охватывают и некоторые говоры белорусского языка. Однако в формировании белорусского языка сыграли большую роль говоры, тесно связанные с южновеликорусскими говорами.

Значительно позже наступил данный процесс в южновеликорусских говорах. Здесь ему предшествовало аканье и ряд других процессов. Начало его следует датировать XIV в. О завершении процесса говорить нельзя, так как многие южновеликорусские и переходные говоры не знали перехода [е] в [о]. В результате интенсивной работы над атласом

inslav

русских говоров все больше и больше обнаруживаются говоры, которые ограничивают переход [е] в [о] только флексиями.

Различались здесь и условия осуществления данного процесса. Гласный [е] переходил в [о] только под ударением.

Все современные восточнославянские языки представляют многочисленные случаи изменения [е] в [о] в результате аналогических факторов (ср. русск. *тётя*, под влиянием *тётка*, *на берёзе* под влиянием *берёза*, укр. *бджолі* под влиянием *бджола* и мн. др.).

Начался процесс перехода [е] в [о] в восточнославянских языках не только после утраты сверхкратких в „слабой" позиции, но и после вокализации еров в „сильной". Вот почему этот фонетический процесс охватил не только этимологический [е], но и [е] из [ь]: ср. *пёс*, диал. *дён* и т. д.

Отвердение согласных перед твердыми зубными произошло после завершения действия фонетического процесса. Вот почему в русском найдем *женский*, но *жёны*. Позже отвердела и аффриката [с]: ср. *купец*, *отец* и под. Этот процесс не охватил случаев с [ě]: ср. *лес* (< *лѣсъ*), *вера* (< *вѣра*), *дело* (< *дѣло*), *спелый* (< *спѣлый*) и т. д. Случаи типа *звёзды* (< *звѣзды*) аналогического происхождения. Не отражают в русском языке перехода [е] в [о] старославянские элементы. Фонетический процесс (переход [е] в [о] после мягких согласных перед твердыми) перестал действовать, когда в результате различных процессов [е] и [о] в данных условиях стали различными фонемами. После этого соотношения **е — о** перешли в область чередований.

В своеобразных условиях проходило изменение [е] в [о] в польско-поморской группе. Здесь [е] переходил в [о] только перед твердыми небно-зубными согласными [t], [d], [s], [z], [r], [ł], [n]: *plecie — plotę*, *wiedzie — wiodę*, *niesie — niosę*, *wiezie — wiozę*, *bierze — biorę*, *aniele — anioł*, *żeński — żona*. Перед твердыми губными и задненебными [е] сохранялся без изменений: *ciepły*, *brzeg*. Данное ограничение легко понять, так как именно в области зубных и передненебных наиболее полно может осуществиться фонологизация категории твердости и мягкости согласных. Задненебные согласные ее не отражают. Губные склонны были утрачивать мягкость путем превращения дополнительной задненебной артикуляции в самостоятельную. В польско-поморской группе все случаи перехода гласных переднего ряда в задний ряд связаны именно с положением перед [t], [d], [s], [z], [r], [ł], [n].

Различалась и соотносительная хронология явления. В отличие от восточнославянских языков здесь процесс имел место тогда, когда сверхкраткие в „сильной" позиции еще не изменились в [е] (ср. *pies*, но не **pios*). Отдельные случаи перехода [е] из [ь] в [о] вызваны аналогией (ср. *wioska* из *vьsъka*). Примеров аналогического происхождения много и в других позициях (ср. *czoło*, *na czole* и под.).

Гласный [е] перешел в [о] в тот период, когда действовала в языке тенденция заместительного продления. Поэтому новый [о] подвергся продлению: *m'ed* > *m'od* > *m'ód*, *l'ed* > *l'od* > *l'ód*.

inslav

Очень своеобразно отражено рассматриваемое нами явление в полабском языке. Здесь соотношение будет не **е—о**, а **i—е**. Перед мягким согласным употребляется [*i*], перед любым твердым — [е]: *zíṁə* 'земля', *divąt* 'девять', *gribín* 'гребень', *rict* 'говорить', *sist* 'шесть'; *led*, *métlə*, *teplü*, *sedlü*, *zénə* 'женщина'.

Пережит был процесс перехода [е] в [о] и в лужицких языках. Однако он существенно отличался от аналогичного процесса в польско-поморской группе. Прежде всего, он имел место перед всеми твердыми согласными. В одинаковой степени он охватил как этимологический [е], так и [е] из [ъ]. Таким образом, здесь [е] изменился в [о] не только после исконно мягких согласных, но и после твердых: ср. в.-луж., н.-луж. *žona*; в.-луж. *sotra* 'сестра', н.-луж. *sotša*; в.-луж. *ćopły*, н.-луж. *śopły*; в.-луж. *són*, н.-луж. *soń*, но в.-луж. *krej* 'кровь', н.-луж. *kšej*. Имеется гласный [о] аналогического происхождения: в.-луж., н.-луж. *polo*, *lico*; в.-луж. *morjo*, н.-луж. *moŕo*. В нижнелужицком встречаем еще [а] на месте [е] и [ь]: *jazor* 'море', *bŕaza*, *pas* 'пес'. Изменение гласного [е] в [а] относится к более позднему времени, нежели переход [е] в [о].

§ 69. Изменение гласного [ä]. Гласный [ä] мог быть разного происхождения. В языках лехитской группы и в болгарском языке мы его находим на месте [ė]. В восточнославянских, в чешском, словацком и лужицких языках он представляет старый носовой гласный переднего ряда. В этих позициях данный звук являлся совершенно самостоятельной фонемой. Кроме того, в славянских языках был звук [ä], который являлся вариантом фонемы [а].

Рассмотрим [ä] (<[ė]) в лехитских и в болгарском языках. Выше уже шла речь о том, что совпадение [$ě_1$] и [$ě_2$] в одном [$ě_1$] (т. е. в [ä]) являлось одной из болгаро-лехитских изоглосс. Теперь перед нами стоит задача рассмотреть дальнейшую судьбу этого звука.

В период смягчения согласных перед гласными переднего ряда в лехитской группе все согласные перед [ä] стали мягкими: *v'ära*, *m'ära*, *st'äna* и др. Аналогичный процесс был пережит восточноболгарскими говорами. Как известно, в западных говорах болгарского языка смягчения согласных не было. Именно это обстоятельство и определило два различных направления в истории [ä]: одно в лехитских языках и в восточных говорах болгарского языка, другое — в западных говорах болгарского языка.

В польском языке [ä] перед [ť], [ď], [š], [ž], [ř], [ľ], [ň] изменился в [а], в иных позициях в [е]: *kwiat*, *biada*, *miasto*, *gniazdo*, *miara*, *biały*, *piana; w kwiecie*, *mieścić*, *gnieździć się*, *mierzyć*, *bieleć*, *pienić się*, *chleb*, *chlew*, *bieg*, *śmiech*, *rzeka* и т. д. Отсюда характерное для польского языка чередование **а || е** в составе одних морфем. Эти чередования находим в тех же позициях, в которых чередуются **е || о**.

Аналогичной была судьба [ä] в кашубском языке. И в полабском пережит был тот же процесс в тожественных условиях: гласный [ä]

inslav

перед твердыми зубными согласными изменился в [a], а затем вместе с этимологическим [a] изменился в [o]: *ǵozdə* (< *gv'azdo*), *t'ül'ónə* (< *kolano*), *l'otü̈* (< *lato*), *ḿoró* (< *m'ara*), *st'ónə* (< *st'ana*), но *svéćə* (< *svec'a*), *bélět* (< *belit'*), *sneg* и др. На основании полного тожества Розвадовский считал этот переход пралехитским фонетическим явлением.

Иногда мы находим в польском гласный [e] из [ě] перед твердыми зубными. Эти случаи требуют разного толкования. Так, в *biedny*, *wierny*, *letni* и под. согласные [d], [r], [t] находились перед [ь] и поэтому были мягкими: *běd'ьn-*, *věr'ьn-*, *lět'ьn-*. Как мы уже знаем, все мягкие согласные перед твердыми зубными отвердели. Однако в период действия фонетического процесса данные согласные были еще мягкими. Иногда возможности чередования **a** || **e** используются в языке для дифференциации синонимов: *działo* 'пушка' — *dzieło* 'дело', *biada* межд. 'горе, увы' — *bieda* 'беда, несчастье'. Под действием аналогии в ряде случаев находим [o] перед мягкими согласными: *żona* — *żonisko* — *żonin*, *na czole* 'на лбу'. Многочисленные случаи различных отклонений содержат польские говоры.

Так же как и переход [e] в [o], изменение [ä] в [a] осуществлялось до начала преобразования долгих гласных или во время этого преобразования. Вот почему новый [a] в долгом слоге испытал общую судьбу с этимологическим [a], т. е. стал лабиализованным [å], а затем изменился в [o]: ср. *trava* > *tråva* > *trova*; *gv'azda* > *gv'åzda* > *gv'ôzda* > > *gv'ou̯zda*.

Очень спорной представляется мне абсолютная датировка процесса. Многие историки польского языка относят его к X в. Полное его тожество во всех языках лехитской группы еще не говорит о его глубокой древности. Он мог пройти в совершенно одинаковых условиях и дать одинаковый результат после распада лехитской группы на самостоятельные языки. Не убеждают и ссылки на географа Баварского (IX в.), на хронику Титмара (1015 г.), в которых находим этноним *Dziadoszanie*. Первый автор его передает *Dadosesani*, второй — *Diadosezi*. Буквой **a** они могли передать не только [a], но и [ä]. При установлении хронологии явления необходимо иметь в виду, что оно могло начаться только после утраты сверхкратких и после фонологизации категории твердости и мягкости согласных.

Процесс перехода [ä] из [ě] в [a] после мягких согласных перед твердыми осуществился и в болгарском языке. Это явление отражено на значительной территории восточных говоров. Характеризует оно и болгарский литературный язык. В отличие от языков лехитской группы здесь оно ограничено позицией ударного слога, но осуществляется перед всеми твердыми согласными: губными, зубными и и задненебными. Вот примеры из литературного языка: *хляб*, но *хлéбен*, *лято*, но *лéтен*, *мляко*, но *млéчен* и т. д., *бряг*, но *брегъ́т*, *брегове́*. Данный процесс отражен уже в ранних среднеболгарских текстах, в которых встречаем букву ѣ на месте этимологического [a] после мяг-

inslav

ких согласных перед твердыми: оужѣсъ, чѣсъ. Находим в среднеболгарских текстах и написания тѣло, скатъ, лѣютѫ и под. Известны говоры, в которых гласный [ä] сохранился во всех позициях без изменений. Чаще всего такие говоры встречаются на юге Болгарии. Причина подобной консервации остается неясной. В западных говорах находим последовательное экавское произношение (*лето — летен, бел — бели* и т. д.), что связано с отсутствием смягчения согласных в положении перед гласными переднего ряда.

В некоторых болгарских говорах и в некоторых позициях находим [а] под ударением в конце слова. Здесь его появление связано с так называемой межсловной фонетикой. Первоначально конечный [ä] изменялся в [а] перед твердым согласным последующего слова. Позже могли пройти уже обобщения. Мы знаем говоры, в которых всегда будет *dv'a, zl'a, dobr'á*. Однако сохранились и такие говоры, в которых *dv'a* найдем перед твердым согласным, *dv'e* — перед мягким.

В говорах с чередованием **а** || **е** на месте [ĕ] встречается аналогичное чередование на месте [а]: *žába — žéb'i, šal — šél'če, járka — jér'k'i, tojaga — tojég'i, jatka — jet'k'i, kočán — kočén'i, Stoján — Stojén'e, piján — pijén'i* и т. д. Литературный язык этого фонетического явления не отражает. Однако изоглоссы чередований **а** || **е** на месте [ĕ] и на месте [а] по говорам представляют значительные совпадения. Конечно, в данном случае мы имеем дело с общим процессом изменения [ä] разного происхождения в тожественных условиях. Для восточных болгарских говоров нет оснований непременно разграничивать изменения в случаях типа *b'al — b'él'i* и типа *žába — žeb'i*.

Теперь переходим к рассмотрению гласного [ä] на месте [ę]. Здесь лехитские языки и язык болгарский уже исключаются. Перед нами стоит задача рассмотреть его судьбу в восточнославянских языках и в чешском, словацком, лужицких, в чакавском говоре сербохорватского языка.

В восточнославянских языках [ä] в положении перед твердыми согласными изменился в [а], перед мягкими согласными в [å]. Такой процесс был пережит всеми восточнославянскими языками: *m'äso > m'aso, r'äd > > r'ad, jäzýk > jazyk; p'ät' > p'åt', žät'i > žåt'i, d'ät'el > d'åt'el* и под. Аналогичные преобразования охватили и тот [å], который в период существования силлабем возник из старого [а] после мягкого согласного. В дальнейшем происходили различные локальные процессы. Во многих северновеликорусских говорах между мягкими согласными найдем [е]: *p'et', gr'ez'* и др. Объясняется это тем, что именно в северных говорах вокализм особенно чувствителен к твердости и мягкости соседних согласных. В южных говорах вокализм в этом отношении более автономен. В русском литературном языке и во многих русских говорах гласный [а] после мягкого согласного претерпевает очень сложные артикуляционные изменения. В случаях типа *взял, пять* и под. гласный [а] не является гласным однородной артикуляции. Гласный [а]

inslav

после мягкого согласного перед твердым „в начале своем имеет более переднее и закрытое образование, а затем значительно более заднее и открытое... Таким образом, образование [а] после мягких согласных заключает в себе i-образный приступ: [ⁱа]“ (Аванесов. Русское литературное произношение, 29). В положении между мягкими согласными гласный [а] имеет еще, кроме того, i-образное окончание.

Некоторое своеобразие среди восточнославянских языков представляют северноукраинские говоры. Здесь в безударной позиции на месте [ä] найдем [е] с отвердением предшествующего согласного. Эта фонетическая черта нашла отражение в ряде северноукраинских памятников письменности XV—XVII вв. Данная локальная особенность не связана с характером произношения носового гласного переднего ряда. Здесь гласный [ä] в безударной позиции изменился в [е].

Много общего и своеобразного пережили лужицкие языки. В верхнелужицком [ä] перед твердым согласным изменился в [а]: *jazyk*, *rjad*, *mjaso*, перед мягким согласным и в конце слова — в [е], характеризующийся широким образованием: *pjeć*, *dźewjeć; mje*. В восточных говорах найдем [а] перед любым согласным. В нижнелужицком судьба [ä] зависела от места ударения. Под ударением будет закрытый [ě]: *jězyk*, *rěd*, *měso*, в безударной позиции — [е], который представляет известные отличия перед твердыми и мягкими согласными: *źewěś* 'девять', *źaseś* 'десять', *znaṁe*.

В чешском и словацком языках [ä] был очень устойчивым после губных. В словацком до сих пор в этой позиции в кратком слоге находим [ä]: *mäso*, *mäkko*, *sväzok*, *vädnút'*, *päť*, *päta*, *žriebä*.

В кратких слогах [ä] перед твердым согласным в чешском изменился в [а], перед мягким — в [е]: *maso*, *devatero*, *svazek*, *svatý*, *pata*, *vadnouti*, *tah*, *žatva*, *desatero*, *často*, *jazyk*, *vzatek; těžký*, *zeť*, *pět*, *devět*, *deset*. В конце слова найдем [е]: *kuře*, *tele*, *hříbě*, *sele*, *se*, *mě*, *tě*. В словацком перед любым согласным будет [а]: *ťah*, *ťažký*, *jazyk*, *zať*, *desať*. Аналогично в конце слова: *kura*, *teľa*, *sa*, *ta*, *ťa*.

В долгих слогах перед твердым согласным в чешском будет [á], перед мягким — [í]: *řád — říditi*, *desátý — desítileti*, *devátý — devítina*, *tázati se*, *vázati*, *máta* 'мята', *měsíc*, *vzíti*, *zajíc*.

И в долгих слогах словацкий не различает позиции перед твердым и мягким согласным: *riad — riadiť*, *desiaty*, *deviaty*, *viazať mesiac*, *vziať*, *zajac*. К этому вопросу мы еще вернемся в § 72, где речь будет идти о судьбе долгих гласных.

В чакавских говорах сербохорватского языка гласный [ä] после [č], [ž], [j] изменился в [а]: *žätva*, *počäti*, *jazïk*.

Совершенно особую страницу в истории славянского вокализма представляет судьба [ä] на месте этимологического [а] после мягких согласных в чешском языке. В этом отношении чешский отличается от других славянских языков (в том числе и от словацкого). В положении перед мягким согласным и в конце слова [ä] из старого [а] в чешском пере-

inslav

шел в [e], перед твердым согласным — в [a]: *žär* > *žar*, *ćäs* > *čas*, *žäba* > *žaba*, *vojäk* > *vojak*, *dr̥žäł* > *dr̥žał*, *słyšäl* > *słyšał; v čes'ě*, *dr̥žeti*, *słyšet'i; ulic'ä* > *ulic'e*, *vōn'ä* > *vōn'e; vōl'ä* > *vōl'e*, *kōžä* > > *kōže*, род. *mečä* > *meče*, *pol'ä* > *pol'e* и т. д. В словацком во всех указанных позициях [ä] изменился в [a].

Изменение [ä] в [e] началось в XI в. и завершилось в XII в. В дальнейшем наблюдалось много отклонений и нарушений старых фонетических условий, связанных с действием морфологических и семантических факторов, грамматической аналогии (ср. совр. *v krátkém čase* вм. *čese* и под.). Под их действием часто находим [a] там, где исторически должно быть [e].

Нет сомнения в том, что с изменением [ä] в [e] связан другой фонетический процесс: переход [ü] в [i] после мягких согласных. Мы его последовательно находим в конце слова: 1 л. ед. *piši*, 3 л. мн. *dělají*, дат. ед. *oráči*, *poli*, вин. ед. *práci*, *mezi* и т. д. В эпоху существования силлабем гласный [u] после мягких согласных представлял в своем образовании передвижку вперед. Степень передвижки была по славянским языкам различная от [ů] до [ü]. В языках, рано утративших ринезм, эту же передвижку представлял и новый [u] из носового. После завершения эпохи силлабем, связанного с утратой сверхкратких, [ů] после мягких согласных сохранился. Он представляет собою вариант фонемы [u] после мягких согласных. В русском языке в этой позиции [u] произносится с [i]-образным приступом. Только в чешском языке [ü] изменился в [i]. В отличие от [ä] гласный [ü] переходил в [i] после мягких согласных в любой позиции: *br'üxo* > *br'ixo*, *l'üd* > *l'id*, *kl'ūč* > *kl'īč*, *l'ūt* > > *l'īt*, *jüg* > *jig* > *jih*, *r'ūjen* > *r'ījen*, *čel'üst* > *čelist*. Примеры на позицию конца слова приведены выше.

Памятники чешского языка свидетельствуют, что переход [ü] в [i] наступил позже перехода [ä] в [e]. Однако к концу XIV в. и он завершился. Язык Далимиловой хроники в этом отношении не отличается от современного: *a když náši lidé směji nás vaditi*.

Изменения [ä] в [e] и [ü] в [i] наложили печать глубокого своеобразия на грамматический строй чешского языка. Произошла фонетическая дифференциация прежде единых именных и глагольных флексий: ср. им. ед. *ryba* — *ulice*, род. ед. *jazyka* — *koňe*, 1 л. ед. *nesu* — *piši* и т. д.

Еще в XIX в. высказывались предположения, что рассмотренные нами процессы были вызваны немецким влиянием. О немецком влиянии на переход [ä] в [e] говорил Гебауер, сопоставляя его с аналогичными фактами в немецком языке (ср. *gast* — *gesti*). Однако позже языковеды стали отрицательно относиться к возможности внешнего влияния или субстрата на перегласовку. Обнаружились существенные различия между этой перегласовкой и германским умлаутом. Влияние субстрата отвергалось на том основании, что между периодом его возможного действия и отражением перегласовки в памятниках прошло много столетий. И тем не менее нельзя согласиться с теми, кто решительно

inslav

отвергает возможность действия субстрата. Прежде всего, можно уверенно утверждать, что изменения [ä] в [e] и [ü] в [i] являлись и являются чуждыми славянской фонетической системе. Они обнаруживаются главным образом в чешском языке. Отдельные и изолированные примеры в других славянских языках в счет не идут. Лишь в болгарском находим переход [ä] в [e] в середине слова перед мягким согласным и отдельные случаи изменения [ü] в [i] (ср. диал. *l'id*, *kl'ič*).

Выше уже шла речь о возможном влиянии на чешский язык языка кельтского населения Богемии. Известно, что именно в кельтских языках получила широкое распространение перегласовка (умлаут) гласных. Изменение [u] в [ü] во французском объясняют кельтским субстратом. Не может вызвать недоумения тот факт, что перегласовки проявились сравнительно поздно. Не мог ли кельтский субстрат создать потенциальную возможность перегласовок, которая, конечно, смогла осуществиться лишь после утраты сверхкратких гласных? Ведь многие черты кельтского субстрата во французском проявились через много сот лет после ассимиляции языка коренного населения Франции.

Чешский язык пережил в одной фонетической позиции перегласовку после твердого согласного. Речь идет об изменении [a] перед тавтосиллабическим [j]: *daj* > *dej*, *naj*... > *nej*, *vajce* > *vejce* 'яйцо'. В положении перед гетеросиллабическим [j] перегласовки нет: *ba|jka*, род. мн. *ba|jek*. В некоторых случаях упразднила перегласовку аналогия: *kraj* (< *krej*) под влиянием *kra|je*. Сходное явление находим в польских говорах.

§ 70. Судьба слоговых сонантов в языках лехитской группы. Языки лехитской группы в отношении судьбы гласных сонантов занимали особое место. Здесь рано возникли на месте гласных сонантов дифтонгические сочетания [ъ̯r̥], [ь̯r̥], [ъ̯l̥], [ь̯l̥]. Судьба этих неслоговых сверхкратких отличалась от обычных слоговых.

В положении перед [t̊], [d̊], [s̊], [ż], [ř], [l̊], [n̊] дифтонгическое сочетание [ь̯r̥] перешло в [ъ̯r̥]. Этот переход отразился и на предшествующем согласном: в положении перед [ь̯r̥] он стал твердым. Лишь поморяне и полабяне сохранили мягкость согласного. В связи с этим перестали различаться дифтонгические сочетания в *bъ̯rzo*, *gъ̯rb*, *gъ̯rdlo*, *bъ̯rk*, *kъ̯rčma*, *kъ̯rk*, *tъ̯rg* и *mъ̯rtvy*, *pъ̯rskati*, *mъ̯rzł*, *čъ̯rny*, *tvъ̯rdy*. Не различает эти случаи и современный польский язык: на месте [ъ̯r̥] находим [ar]: *bardzo* (др.-польск. *barzo*), *garb*, *gardło*, *bark*, *karczma*, *kark* и *martwy*, *parskać*, *marznąć*, *czarny*, *twardy*. Мягкость согласного в *ziarno* вторичная. Кашубский и полабский языки сохраняли мягкость согласного перед [ь̯r̥].

Дифтонгическое сочетание [ь̯r̥] в иных фонетических позициях изменилось в [er]. Согласный в этом случае обычно сохраняет мягкость: *śmierć*, *twierdzić*, *mierzić*, *wierzba*, *wierzch*, *pierwszy*, но *serce*. Так будет в литературном языке и в ряде говоров. Однако и в древних

inslav

памятниках, и во многих говорах найдем не [er], а [ir], [yr]. Это может косвенно свидетельствовать о поздней утрате сонантом слогового качества.

Произошло объединение и дифтонгических сочетаний [ъl̥] и [ь̥l̥], но в условиях более широких. Оно представлено перед [ť], [ď], [ś], [ź], [ř], [ľ], [ň], после согласных [č], [ž], [t], [d], [s] и в положении между губными. Гласный перед сонантом [l] не представляет такого единства, как перед сонантом [r].

После зубных [t], [d], [s] на месте сочетаний [ъl̥] и [ь̥l̥] найдем [łu]: др.-польск. *słuńce*, *słup* (< *stъ̥lp*), *długi*, *tłusty*. После [č], [ž] найдем [oł] из [eł]: *czółno*, *żółty*, *żołna*. Перед твердыми зубными будет [eł]: *pełny*, *wełna*, *pełzać*, между губными—[oł]: *mowa* (< *molva*). В иной позиции сочетание [ь̥l̥] дало [il]: *wilk*, *wilknąć*, *wilga*, *wilgoć*, *pilść*.

Аналогию польскому в некоторых позициях представляет чешский. Мы знаем, что чешский хорошо сохраняет гласные сонанты. Однако после [t], [d], [s] найдем также [lu]: *slunce*, *slup*, *dlouhý*, *tlustý*. Сходный процесс после [s] был пережит косовско-ресавскими говорами сербохорватского языка: *slunce*. В отличие от польского в чешском найдем [lu] также после задненебных: *hluk* (ср. польск. *zgiełk*), *chlum* (др.-польск. *chelm*), *kluč* (польск. диал. *k'ełč*).

§ 71. Носовые гласные в языках лехитской группы. Можно говорить уверенно, что в XII в. существовали носовые гласные в польском, возникшие на значительной территории из сочетаний гласных с носовыми сонантами.

Широко распространен взгляд, что носовой гласный переднего ряда [ą̈] перед твердыми зубными согласными [ť], [ď], [ś], [ź], [ř], [ľ], [ň] изменился в носовой гласный заднего ряда [ą̊]. Для доказательства приводят единичные примеры из папской буллы 1136 г. типа *Landa* (<*lęda*). Однако примеров слишком мало. Не подтверждает данного процесса и современный польский язык. Согласные перед заменителем [ą̈] перед твердыми зубными будут мягкими (ср. *rząd*). Не может этот процесс объяснить совпадения носовых, так как он не мог быть перед губными и задненебными.

Итак, в XII в. в польском было два носовых: [ą̊] и [ą̈]. Они могли употребляться в долгих и кратких слогах. Перед [ą̊] согласные были твердыми, перед [ą̈] — мягкими. К XIV в. оба носовых совпали в одном [ą]. Согласные перед [ą] могли быть твердыми и мягкими: *dąb*, *ząb*, *trąba*, *r'ąd*, *p'ąt'*, *vodą*, *s'ą* и т. д. В дальнейшем [ą] в долгих слогах изменился в [ǫ], а в кратких — в [ę]. Это привело к новым чередованиям **ǫ || ę** в составе одних морфем: *dǫb* (орф. *dąb*) — *dęba*, *zǫb* — *zęby*, *krǫg* — *kręgi*, *błǫd* — *błędu*, *błędny*; *p'ęt'* — *p'ǫty*, *d'ev'ęt'* — *d'ev'ǫty*. Различие твердых и мягких согласных сохраняется. Оно служит надежным источником для разграничения исконных различий носовых: *ręka*, *męką*, *tęcza*, *tęgi*, *sędzia*, *sęk*, но *mięso*, *pięć*, *zięć*; *dąb*, *ząb*, *trąba*, *mąka*,

inslav

sąd, *sąsiad*, *mąż*, *mącić*, *pątnik*, *bądź*, но *rząd*, *piąty*, *siąkać*, *miesiąc*, *miąć*.

Судьба носовых гласных в языках лехитской группы была очень сложной в разных позициях. Много было локальных процессов. Рассмотрение всего этого материала, очень важного для изучения истории этих языков, выходит за рамки наших задач.

§ 72. Судьба гласных в долгих слогах. Мы знаем, что утрата различия долгих и кратких гласных не охватила всех случаев. Сохранилась долгота в предударном слоге, если ударный гласный сократился. Сохранялись долгие гласные в южнославянских языках под циркумфлексной интонацией, в чешском под акутовой. Мы систематически рассмотрели те позиции, в которых возникали новые долготы. Важную роль в этом сыграли новый акут, стяжение гласных в связи с утратой интервокального [j], грамматическая аналогия и утрата сверхкратких в „слабой" позиции.

Не все славянские языки одинаково реагировали на возникновение новых долгот. Здесь прежде всего выделяется западнославянская группа. В истории фонетических систем этих языков судьбе долгих гласных уделяется центральное место. Приходится об этом много говорить историку украинского языка. А, например, историк болгарского языка этот вопрос обходит молчанием. И это не потому, что болгарский язык утратил количество. Ведь количество утратил и польский язык. Болгарский язык не содержит следов новых долгот. Новые долгие гласные в этом языке не претерпели изменений в своей артикуляции. Так было и в русском языке. Лишь северные говоры содержат следы долготы под новым акутом.

Во многих случаях новые долгие гласные первоначально являлись вариантами кратких. В дальнейшем произошла фонологизация долгих и кратких фонем. Этому особенно способствовали факты стяжения гласных в корнях и во флексиях. Возникли тожественные позиции для долгих и кратких гласных. И в других случаях утрачивались, стирались фонетические позиции, обусловившие появление долгот. Это привело к морфологическому чередованию долгих и кратких гласных фонем в составе одних и тех же морфем.

В рассматриваемую нами эпоху (XII—XIV вв.) долгие монофтонги оказались в большинстве случаев неустойчивыми. Исключение составляют сербохорватский и словенский языки. Причину следует видеть в сохранении этими языками музыкального ударения. Болгарский язык рано утратил интонационные различия. В связи с этим и все долгие монофтонги стали краткими. Близок в этом отношении болгарскому русский язык. Иначе шел процесс в западнославянских языках. И здесь интонационные различия утратились рано. Однако в этих языках неустойчивость долгих монофтонгов отразилась иначе. Они отнюдь не

inslav

совпали с краткими монофтонгами. Наоборот, они претерпели в большинстве случаев сложные фонетические изменения.

Важнейшим процессом в области долгих монофтонгов являлась дифтонгизация. Впервые в истории славянского вокализма наступила эпоха дифтонгов. Возникли подлинные дифтонги: гласные неоднородной артикуляции, не членимые в фонологическом отношении.

Гласный [ō] перешел в восходящий дифтонг [ᵘo]. До сих пор он хорошо сохраняется в словацком языке: *kᵘon'* (орф. *kôň*), *vᵘol'a* (орф. *vôl'a*). Сохраняют его говоры русского языка: *vᵘól'a*, *kᵘóža*, *nᵘóša*. В начальной позиции неслоговой элемент дифтонга развился в самостоятельную артикуляцию. Отсюда русские *восемь*, *вотчина*, *вобла*, имя *Вольга*, украинские *вівця* и под. В чешском и польском дифтонг [ᵘo] последовательно изменился в [ū]. Позже в польском [ū] утратил долготу (ср. *dvur* [*dwór*], но чешск. *dvūr* [*dvůr*]). В украинском слоговой элемент дифтонга перешел в гласный переднего ряда [ᵘe], затем [ᵘi] и, наконец, [i]. До сих пор промежуточные дифтонгические стадии хорошо сохраняются в северных говорах. Аналогично изменялся в украинском [o] из [e] перед твердым согласным (*v'ezъ* > *v'ōz* > *v'ᵘoz* > > *v'ᵘez* > *v'ᵘiz* > *v'iz*). И в польском подвергся обычной дифтонгизации [ō] из [e]: *lód*.

Гласный [ē] перешел в восходящий дифтонг [ⁱe]. И этот дифтонг сохраняется в словацком: *niesť*, *viesť*, *večierok*, *riecť*. В чешском он дал [í]: *říči*, *večírek*, диал. *níst*, *vísť*. В литературном *nésti*, *vésti* — новообразования. В польском дифтонгизация [ē] проведена была не так последовательно. И здесь известен [i]. Однако в литературном и в некоторых говорах отсутствуют следы дифтонгизации. В украинском закономерно дифтонг изменился в [i]: *піч*, *шість*.

В ряде славянских языков не различается судьба [ē] и [ě]. Так было в чешском, словацком и украинском. В чешском и словацком [ě] в долгом слоге закономерно дал дифтонг [ⁱe], в кратком изменился в [e]: ср. слвц. *biely*, *hriech*, *diel*, чешск. *bílý*, *hřích*, *díl*; слвц. *reka*, *breh*, *les*, чешск. *řeka*, *břeh*, *les*. В украинском [ē] и [ě] также совпали. Однако в украинском [ě] в этот период имел дифтонгический характер в любой позиции. Поэтому [e] изменился в [i] только при условии долготы, а [ě] перешел в [i] во всех случаях: ср. *ліс*, *літо*, *сіно*, *дід*, *хліб*, *сестрі*. Переход [ě] в [i] во многих славянских языках не был связан с долготой. Так, например, было в северо-западных русских говорах (ср. новгородские *lis*, *xlib*, *zvir'*), в икавских говорах штокавского и чакавского диалектов сербохорватского языка (шток. *ríka*, *vîra*, чак. *rikȁ*, *vîra*). Конечно, гласный [i] здесь из дифтонга.

Выше мы видели, что в чешском чередование **í** || **e** представлено перед исторически мягкими согласными и на месте [ä] (< [ä]): *deset* — *desítiletí*. Это говорит о том, что в чешском в определенный период совпали рефлексы [e], [ě] и [ä] в долгих слогах перед мягкими соглас-

inslav

ными. Это связано было с развитием в долгом слоге [i̯] и изменением [ä] в [e]: [ǟ] > [i̯ä] > [i̯e] > [ī] (*r'äditi* > *r'iäditi* > *r'i̯editiditi* > *r'īditi*). В словацком [ä] после [i̯] во всех положениях изменился в [a] (ср. *riadit'*).

Пережита была дифтонгизация гласного [ū] в чешском языке. Гласный [ū] изменился в нисходящий дифтонг [au̯], который затем перешел в [ou̯]. Дифтонгизировался этимологический [ū] и [ū] из носового гласного заднего ряда: *mou̯xa*, *kou̯piti*, *dou̯bek*, тв. ед. *rukou̯*. Этот процесс происходил после изменения [ū] в [ī] после мягких согласных: ср. *klíč*, но *troud*, тв. ед. *ulicí*, но *kravou*. Новый [ū] из [ō] не переживал дифтонгизации. Это говорит о том, что завершение перехода [ō] в [ū] произошло позже дифтонгизации старого [ū].

Не знал дифтонгизации [ū] словацкий язык. Здесь этот гласный сохраняется без изменений. Формы тв. ед. *rukou* и под. не восходят к *rukū*. В словацком после утраты интервокального [j] в данной форме не был пережит процесс ассимиляции и стяжения. Не отражают процесса дифтонгизации [ū] и многие чешские говоры.

Широко отражена в чешском языке дифтонгизация [ȳ] в [ei̯]: *dȳm* > *dei̯m*, *pȳxa* > *pei̯xa*. В словацком спорадически находим следы этого процесса на юге. Представлены следы дифтонгизации [ȳ] в [å i̯] или [oi̯] в полабском языке: *ty* > *toi̯*, *dym* > *dåi̯m*.

Гласный [a] не был подвержен дифтонгизации. В чешском и словацком мы найдем [ā]: чешск. *kráva*, *tráva*, *chám*, *dárek*, *kámen*, *ráz*; слвц. *tráva*, *pál'ava*, *tábor*. Однако в некоторых моравских говорах чешского языка [ā] подвергся лабиализации. Особенно интенсивным процесс лабиализации [ā] был в языках лехитской группы. На значительной территории польских говоров находим на месте [ā] гласные [å] или [o]: *tråva*, *trova*, *provda*, *såmek*, *såm*, *bråma*. Однако ряд говоров (преимущественно восточных) и польский литературный язык не содержат следов лабиализации [ā]: ср. польск. литер. *trawa*, *prawda*, *zamek*, *sam* и др. Последовательно изменение [ā] в [o] отражают полабские тексты: *moskó* (< *mastъka*), *plókət* (< *plakati*), *stórěk* (< *starik*), *brot* (< *brat*), *bóbə* (< *baba*) и под.

О судьбе польских носовых гласных в долгих слогах речь уже шла выше.

Процесс дифтонгизации долгих гласных и другие их изменения происходили в славянских языках в XIV—XV вв. Они привели к глубоким фонетическим и фонематическим преобразованиям вокализма многих славянских языков.

Как мы уже знаем, не во всех славянских языках новая долгота получила широкое развитие. В болгарском она, видимо, ограничивалась стяжением гласных и рядом других частных случаев. В этих языках рано победила старая тенденция сокращения всех долгих гласных. В болгарском рано сократились как все старые долгие гласные, так и новые. Этому способствовала ранняя утрата интонационных различий

inslav

на ударных слогах. Аналогично шел процесс в южновеликорусских говорах и в белорусском языке. В украинском и в северновеликорусских говорах в ряде позиций долготы сохранялись значительно дольше. Именно здесь представлены следы дифтонгизаций [о], [е]. Значительное развитие новая долгота получила в западнославянских языках. Существенно преобразовав звуковой облик этих языков, она, однако, не удержалась всюду. Так, в польском различия долгих и кратких гласных утратились в течение XV—XVI вв. В кашубском языке долготы сохранялись дольше, а в северных говорах кашубского языка дошли до XX в. Особенно устойчивым противопоставление краткости и долготы здесь оказалось у гласных [i] и [u]. В полабских текстах отражено состояние, свидетельствующее о процессе исчезновения долгот. Они отражены только в ударном и в первом предударном слогах. Утратились долготы в лужицких языках.

Иное состояние наблюдаем в чешском и словацком языках. Долгота и краткость гласных является важнейшим фонематическим качеством вокализма этих языков. В некоторых случаях долгота, однако, утрачивается. Так, нет долгих [r̥] и [l̥] почти во всех чешских говорах (кроме юго-запада) и во многих говорах Моравии. В словацких говорах они оказались устойчивее. Это находим и в словацком литературном языке: *krč*, *napĺňat'*. Однако в другом случае утрачивается долгота в словацком. Словацкий язык (аналогичное положение было в северных кашубских говорах) не терпит рядом двух долгих слогов. Утрачивает долготу последующий слог: ср. *krátky* (чешск. *krátký*), *biely* (чешск. *bílý*). Случаи типа *kraví* этому не противоречат, так как здесь в корне долгота не удержалась (ср. в чешском *kraví*). В очень многих позициях и в отдельных словах в чешском и словацком находим долготу там, где она не может быть оправдана данными истории языка. Здесь долгота новая. Она возникла в результате различных аналогий.

Хорошо сохраняет количество сербохорватский язык. Все слоговые звуки в нем могут быть долгими и краткими вне зависимости от ударения. Количество носит фонематический характер. В словенском долгие и краткие гласные различаются теперь только под ударением. В обоих языках сохранение количества тесно связано с интонационными различиями на ударных слогах.

В свое время Дурново высказал предположение, что утрата количественных отношений в ряде славянских языков была вызвана утратой сверхкратких. Это предположение не было подкреплено никакими доказательствами. Я не могу усмотреть между этими явлениями никакой связи. Как мы уже видели выше, все непосредственные следствия утраты сверхкратких шли в одном направлении. Различия определялись тем, что не все языки в одинаковой степени использовали те возможности, которые давали им новые условия. Здесь же, в области количества, мы наблюдаем диаметрально противоположные процессы, которые невозможно объяснить общей причиной.

inslav

§ 73. Редукция безударных гласных. После завершения всех процессов, связанных с утратой сверхкратких в „слабой“ позиции, в ряде славянских языков была пережита редукция безударных гласных. В наибольшей степени она отражена в русском, белорусском, болгарском и словенском языках. Под редукцией безударных гласных понимается не только их сокращение, но и всякое изменение их артикуляции (т. е. не только изменение [о] в [ə], но и изменение [о] в [а] или [u]). Степень редукции может быть разная в зависимости от позиции безударного слога. Необходимо различать предударные и заударные слоги. Для русского вокализма особенно важным представляется позиция первого предударного слога. Ее всегда нужно отличать от второго предударного слога.

Редукция гласных могла наступить только после утраты сверхкратких в „слабой“ позиции. После этого процесса предпосылки для редукции возникли во всех славянских языках. Однако реализованы они были, как мы видели, только несколькими славянскими языками. Решающую роль в возникновении редукции гласных играло ударение (точнее, отсутствие ударения).

В ряде славянских языков после утраты сверхкратких установились особые отношения между ударением и вокализмом. Ударение стало определять важнейшие преобразования гласных. Вспомним, что под ударением в южновеликорусских говорах [е] изменился в [о], в восточноболгарских говорах [ă] перешел в [а]. Именно в этих говорах происходят разные изменения безударных гласных. В тех болгарских говорах (западных), где ударение не повлияло на судьбу [ă], отсутствует и редукция безударных гласных.

Наиболее неустойчивыми в безударной позиции оказались гласные среднего и нижнего подъема. Многие гласные (например, [о] и [а]) в безударном положении перестали различаться (ср. русск. *vadá* — орф. *вода* и *valún* — орф. *валун*).

Южновеликорусский вокализм не различает в безударной позиции гласных неверхнего подъема. Это явление наблюдается как после твердых согласных, так и после мягких. Неразличение [о] и [а] в безударной позиции после твердых согласных называется аканьем. Оно характеризует и русское литературное произношение. Аканье является характерным фонетическим признаком также и белорусского языка. Напомню, что эта фонетическая особенность белорусского языка находит отражение в его орфографии.

Для русского языка типичным является так называемое недиссимилятивное аканье. При таком аканьи характер гласного в первом предударном слоге не зависит от ударного гласного: *vadá*, *vad'é*, *vadý*, *vadój*. Однако в русских говорах встречается и диссимилятивное аканье, при котором в первом предударном слоге возможно [а] только в том случае, если под ударением будет не [а]:

inslav

vad'é, *vadý*, *vadój*, но *vъdá* или *vydá*. Известны различные типы аканья и белорусскому языку.

Неразличение безударных [е], [о], [а] после мягких согласных бывает разного характера. Во многих переходных говорах и в литературном языке на месте всех этих гласных найдем [i] или близкий к нему звук: *n'isú*, *s'istrú*, *vz'ilá*, *p'ití*, *m'isnój*. Это явление называется иканьем. Однако большинство южновеликорусских говоров представляет так называемое яканье. В этих говорах на месте безударных [е], [о], [а] после мягких согласных найдем [а]: *n'asú*, *s'astrú*, *vz'alá*, *p'ati*, *m'asnój* и т. д. Яканье является характерной фонетической чертой белорусского языка. В зависимости от условий и характера изменений гласного различают разные типы яканья: сильное, умеренное, диссимилятивное, ассимилятивное и ассимилятивно-диссимилятивное. Существует еще ряд подтипов.

Аканье возникло и развилось в XIII—XIV вв. Были попытки доказать, что аканье восходит к значительно более древним эпохам. Они делались без учета данных соотносительной хронологии и ясного понимания природы русского аканья.

Иной характер носит редукция безударных гласных в восточноболгарских говорах. Здесь не перекрещиваются гласные [а], [о], [е]. В болгарском наблюдаются три изолированные пары: **ó — u**, **á — ъ**, **é — i**. Этот тип вокализма характеризует многие балканские говоры, в прошлом он был свойствен литературному произношению. В родопских говорах в особых позициях известно так называемое родопское аканье. Здесь в предударном слоге не различают [а] и [о]. Редукция гласных в восточноболгарских говорах наступила после возникновения членных форм и связанных с ними перемещениями ударения. Можно предполагать, что современные типы восточноболгарского безударного вокализма сформировались в XIV—XV вв.

Сильную редукцию безударных гласных находим в словенском языке. Здесь это явление возможно только потому, что долгота сохраняется лишь под ударением. При наличии безударных долгот редукция безударных гласных была бы невозможной. Особенное развитие в словенском получило аканье.

Изолированные случаи изменения артикуляции отдельных безударных гласных мы можем найти и в других славянских языках. Так, некоторым украинским говорам свойственно изменять безударный [о] в [u].

§ 74. Согласные [γ], [h]. Праславянский язык во всех своих диалектах знал только взрывной [g], который и в настоящее время характеризует многие славянские языки. Однако еще очень рано в отдельных языках [g] утратил затвор и изменился в задненебный фрикативный [γ], затем в некоторых языках стал фарингальным [h]. Фарингальный [h] часто ошибочно считают гортанным.

inslav

При определении хронологии этого фонетического явления мы сталкиваемся с большими трудностями. Дело в том, что древние памятники в этом отношении не всегда дают вполне надежные критерии.

Фрикативный [γ] характеризует южновеликорусские говоры: *γəlavá*, *naγá*. В конце слова [γ] переходит закономерно в [x]: *lux* 'луг'. Северновеликорусские говоры сохраняют [g], за исключением, например, онежских, где также широко представлен [γ]. В белорусском найдем фарингальный [h], реже по говорам — [γ].

В говорах украинского языка представлен [h]. Этого же типа согласный характеризует чешский, словацкий и верхнелужицкий языки. Остальные западнославянские языки сохраняют [g].

Наиболее устойчивым [g] оказался в южнославянских языках. Однако и здесь на месте [g] находим [γ] и [h]. По данным Рамовша [γ] широко представлен в западных говорах словенского языка, [h] известен в резьянских селах Lipavec, Njiva, Osoje, Ravenca, Učja: *boga* > *böha*, *ogenj* > *ohòń*, *snega* > *snàha* („Historična gramatika...", II, 233). Брок, наблюдавший словенское литературное произношение еще в 1905 г., отмечал широкое распространение звука [γ] наряду с [g]: „О разграничении вообще нет речи; у одного и того же лица слышно то *za gorô*..., то *za γorâm*, *na γorâx*, *grâd* — *z γrâdom* и т. д.; общая же тенденция идет, кажется, в пользу артикуляции [γ]" (Брок. Очерк..., 67). Иногда [γ] или [h] встречаются в некоторых чакавских говорах сербохорватского языка. Согласный [γ] на месте [g] в говорах на Кварнерских островах еще в 1908 г. обнаружил Белич („Заметки...," 192—193). Последующие исследования значительно расширили территорию чакавских говоров, которые не знают [g].

Следует обратить внимание на то, что во всех славянских языках, переживших изменение [g] в [γ], [h], находим и [g]. Он обнаруживается в заимствованных словах, на месте [k] перед звонким согласным, в некоторых группах согласных (например, в группе [zg]).

Нет никакого сомнения в том, что [g] первоначально изменился в [γ], а уже затем в [h]. Славянские языки содержат факты, которые это подтверждают. Так, в чешских и моравских говорах на месте [g] после [s] находим [x]: *sxoda* < *sγoda* < *sgoda* 'согласие'. Это же подтверждает и конечный [x] на месте [g]. Поэтому мы можем с полной уверенностью говорить о том, что в южновеликорусских говорах [g] утратил затвор гораздо позже, нежели в украинском языке. Все славянские языки, имеющие в настоящее время фарингальный [h], прошли стадию с [γ]. Есть основание предполагать, что [γ] > [h] раньше перед гласными, позже в положении перед согласными. Рамовш для словенского языка предполагал следующие стадии процесса: [g] > [γ] > [x] > [h] („Historična gramatika...", II, 233). Однако убедительных доказательств он не предложил.

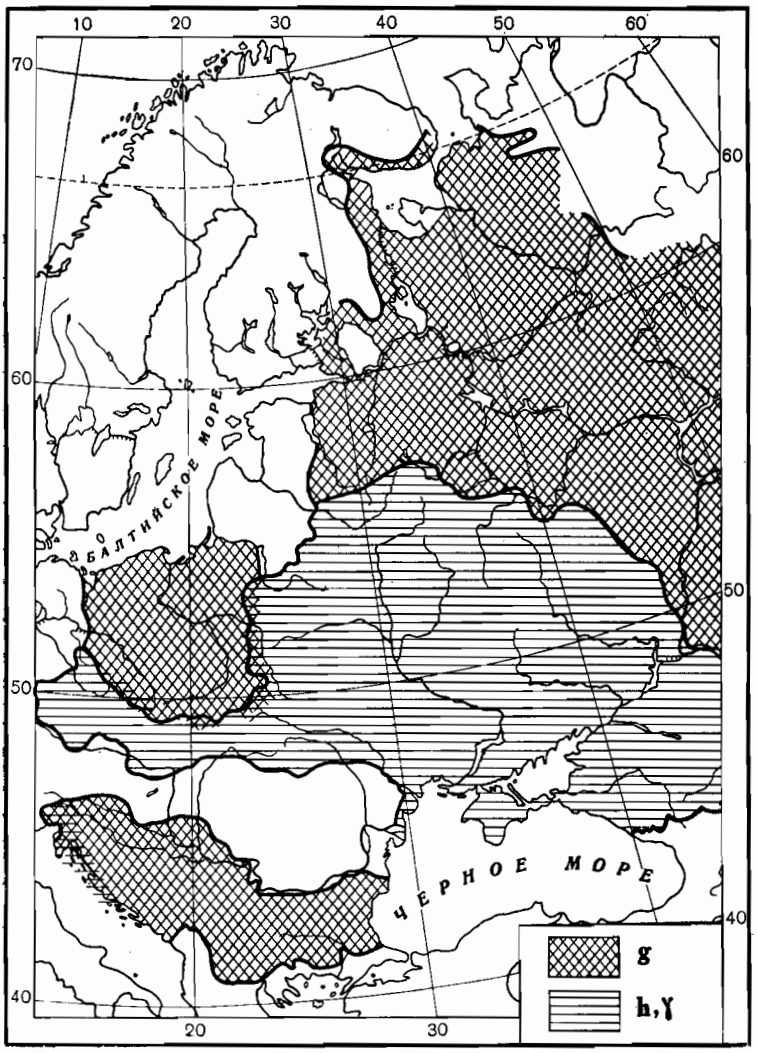
К какому времени следует относить начало данного процесса, т. е. когда [g] изменился в [γ]? Среди ученых по этому вопросу существуют

inslav

глубокие разногласия. Некоторые пытаются отодвинуть этот процесс в праславянский период. Карский в отношении белорусского языка писал „Звук **г** = **h** свойствен белорусскому наречию искони и унаследован, вероятно, от языка племен, легших в его основу“ („Русская диалектология“, 94). Шахматов высказывается по данному вопросу очень осторожно. „Наличность в общеслав. праязыке этого звука (γ. — *С. Б.*) доказывается, как кажется, тем широким распространением, которое он получил в отдельных славянских языках... Возможно, что полное вытеснение **g** через γ произошло уже в диалектах общеслав. праязыка, впрочем, только в позднейшую эпоху его жизни“ („Очерк...“, 35—36). В дальнейшем Шахматов пытается уточнить хронологию данного процесса: „Можно, кажется, заключить о том, что γ во время так называемого второго смягчения еще не заменило g в диалектах общеслав. праязыка“ (там же, 40). Очень противоречиво и неопределенно говорит о хронологии этого процесса Черных: „Можно полагать, что еще в доисторические времена в говорах предков нынешних украинцев, белорусов и южнорусов (южновеликорусов) согласный **g** произносился не как мгновенный, взрывной звук, а как длительный, фрикативный“. Там же дальше читаем: „Когда же произошло изменение **g** (взрывного) в γ (фрикативный заднеязычный) или **h** гортанный? По-видимому, в историческое время, но сравнительно рано“ (Черных. Историческая грамматика..., 145—146). К праславянскому периоду относил изменение [g] в [γ] и Трубецкой. Он считал это явление одной из важнейших праславянских изоглосс. Однако никаких убедительных доказательств этому Трубецкой предложить не мог. Опираясь на различную судьбу [ę] в чешском перед [k] и [h] (ср. *děkuji*, *pěkný*, *měkký*, но *tah*, *táhnouti*), он высказал предположение, что в чешском [g] > [γ] раньше утраты носовых и сверхкратких. Даже если принять эту аргументацию Трубецкого, то и в таком случае мы не будем иметь оснований считать это явление праславянским. Так, например, Нахтигал считал, что в чешском [g] > [γ] до падения сверхкратких, но в то же время он не относил это явление к праславянскому периоду („Slovanski jeziki“[2], 178). Однако и сама аргументация Трубецкого и Нахтигала в данном случае не может быть признана убедительной. Оба автора исходят из априорного положения, что после утраты сверхкратких должны были произойти сразу же те процессы, которые лишь в конечном счете были обусловлены этой утратой. В чешском местоимении *kde* (произносится *gde*) представлен [g]. Если, рассуждает Нахтигал, [g] > [γ] после падения [ъ] (*kъde*), то в чешском это местоимение произносилось бы *hde*. Однако Нахтигал не учитывает того, что озвончение [k] в данном местоимении произошло значительно позже утраты [ъ].

Большинство исследователей относит изменение [g] в [γ] и затем в [h] к XII—XIV вв. И для этого есть все основания. Для чешского языка убедительную аргументацию находим в „Historická mluvnice československá“ (1935) Травничка. Это подтверждается данными латин-

inslav



Карта 5. Изоглосса взрывного и невзрывного *g*

ских текстов, написанных в Чехии, чешской топонимией в древнейшей передаче на немецком и латинском языках: имена в хронике Космы: *Dlygomil*, *Dlugomil*, *Spitignev*; нем. *Prag*, *Iglau (Jihlava)*, *König-grätz (-grätz* из *gradec)*, *Grusbach* (< *Grušovach* — старый локатив), *Göding (Hodonín)*, *Raigern (Rajhrad)*, лат. *Praga* и др. Лишь в текстах не моложе второй половины XII в. [g] передается буквой [h]. „Если бы в чешском и словацком языках, — пишет Травничек, — [γ] был бы исконным звуком, то писцы всегда бы с самого начала писали [h], а не [g]" („Historická mluvnice československá", 123). Травничек относит изменение [g] в [γ] к XII—XIII вв. Аналогичную датировку данного процесса дают и другие ученые (например, Мазон). И историки словацкого языка

inslav

(Бартек, Станислав и др.) относят изменение [g] в [γ], [h] к XII—XIII вв. Станислав полагает, что данный процесс был завершен в первой половине XIII в. („Dejiny...", I, 468). Всесторонне для верхнелужицкого языка этот вопрос был исследован Мукой. Он показал, что здесь данный процесс был очень длительным и продолжался с XIII по XVI в. В некоторых славянских языках этот процесс актуален в настоящее время.

Вслед за Шахматовым некоторые историки русского языка пытались отодвинуть переход [g] в [γ] в русском языке в глубь истории. Дурново полагал, что южнорусы (т. е., по Шахматову, предки современных украинцев) уже в X в. не имели [g]. В доказательство он опирался на данные, которые находим в девятой главе Περὶ ἐθνῶν Константина Багрянородного. На основании передачи византийским историком некоторых названий днепровских порогов (Ὀστροβουνίπραχ, Βουλνηπραχ) Дурново пришел к выводу, что в X в. вместо [g] произносился [γ], так как „*Прах*, очевидно, — 'порог', но в болгарской огласовке" (Дурново. Очерк..., 44). Позже Дурново по этому поводу писал осторожнее. „Конечное χ в Ὀστροβουνιπραχ и Βουλνηπραχ может указывать на ю.-в. фрикативное произношение согласной из о.-сл. **g**; впрочем, допустимы и иные объяснения; в тогдашнем греч. γ было звуком фрикативным, а [g] взрывное могло быть только после носовой согласной" (Дурново. Введение.., 208). Ошибочность всей аргументации Дурново была убедительно показана Селищевым. Второй элемент в славянских названиях днепровских порогов -πραχ- восходит не к псл. *porg-*, а к псл. *pors-* 'пыль', 'брызги', о чем убедительно свидетельствуют параллельные скандинавские названия этих же порогов Οὐλβορσί, Βαρουφόρος. Скандинавское *-fors* восходит к *pors-*. Достоверные свидетельства изменения в древнерусском языке [g] в [γ] относятся лишь к XIV в.

Еще позже данный процесс начался в словенском языке и в чакавском наречии сербохорватского языка. Селищев считал, что известное резьянским говорам словенского языка изменение [g] в [j] происходило раньше изменения [g] в [γ]. Исследователи чакавского говора на островке Сусак обратили внимание на изменение [g] в текстах XVII в. Для современного говора они отметили *γrūbo*, *sveγȁ* („Hrvatski dijalektološki zbornik", т. I. Zagreb, 1958, 86).

Некоторые ученые пытаются установить причину изменения [g] > > [γ] > [h]. В настоящее время получила широкое распространение следующая теория, которая имеет несколько вариантов. В результате так называемой второй палатализации задненебных в некоторых парадигмах склонения на стыке морфем возникли морфологические чередования **к** || **с**, **g** || **ʒ**, **х** || **s** — **š**. Все три пары характеризовались внутренним единством в отношении взрывности и фрикативности. Первые две пары имели только взрывные согласные, третья пара имела фрикативные согласные. Положение изменилось в тех славянских языках, в которых аффриката [ʒ] > [z]. Здесь возникла пара, в которой было нарушено

inslav

старое единство: возникла коррелятивная пара, один член которой имел взрывной согласный [g], другой — фрикативный согласный. Это противоречило системе: взрывной согласный [g] закономерно перешел в фрикативный [γ]. Таким образом, согласно данной теории нужно считать, что [g] перешел в [γ] первоначально на стыке морфем, а уже затем данный процесс охватил все случаи.

Эта теория уязвима со всех сторон. Ни один из славянских языков не подтверждает, что изменение [g] в [γ] первоначально получило распространение только на стыке морфем, т. е. что, например, в слове *noga* [γ] появился раньше, нежели в слове *golova*. Русские говоры, отражающие лишь самое начало спирантизации [g], представляют его в различных позициях слова.

Между процессом [ʒ]>[z] и процессом [g]>[γ] нет непосредственной хронологической связи. Утрата затворного элемента в аффрикате [ʒ] происходила в диалектах праславянского языка на много веков раньше изменения [g] в [γ].

Данная теория родилась прежде всего из наблюдений над западнославянским языковым материалом. Однако даже эти языки в ряде случаев не подтверждают указанной теории. Наблюдаем нарушение этой связи во многих говорах кашубского языка, в них встречаем [z]<[ʒ] и одновременно [g]. Аналогичное положение находим и в нижнелужицком языке, который в отношении [ʒ] разделяет судьбу чешского и словацкого языков, а в отношении [g] ориентируется на языки лехитской группы.

Однако в еще большей степени искусственность гипотезы о связи изменения [ʒ] в [z] и [g] в [γ] подтверждают южнославянские и восточнославянские языки. Так, сербохорватский язык пережил процесс изменения [ʒ] в [z] в глубокой древности. Это, однако, не оказало никакого воздействия на характер [g]. Не различаются в отношении судьбы [ʒ] и говоры русского языка. Однако, как мы видели выше, эти говоры пережили разную судьбу в отношении [g].

Таким образом, переход [g]>[γ]>[h] нельзя объяснить причинами фонологического характера. Это обычный фонетический процесс, причины которого скрываются в области физиологической. Однако этот процесс, как и все фонетические процессы, привел к существенным изменениям в системе языка. Если фонема [g] находилась в коррелятивных отношениях с фонемой [k], то уже фонема [γ] вступила в коррелятивные отношения с фонемой [x]: ср. северновеликорусские *друк — друга*, южновеликорусские *друх — друγа*. В северновеликорусских говорах внепарным задненебным согласным является [x], в южновеликорусских — [k].

§ 75. Согласный [x]. В отношении судьбы задненебного фрикативного звука [x] выделяются южнославянские языки. Именно в этих языках [x] оказался очень неустойчивым. В этом отношении особенно ха-

inslav

рактерен сербохорватский язык, многие говоры которого полностью утратили [x]. Редко встречается этот звук в сербохорватском литературном языке. Хорошо сохраняется [x] в черногорских говорах, в говоре Дубровника.

Наблюдаются многочисленные случаи утраты [x] в болгарском и македонском языках. В болгарских говорах особенно часто утрачивается [x] в интервокальном положении, в начале слова перед гласным. Словенский язык по данному признаку отличается от других южнославянских языков. Здесь звук [x] сохраняется хорошо.

Утрата [x] в интервокальном положении обычно не приводит к стяжению гласных. Очень часто в болгарских говорах находим 3 л. мн. *utidoa* (литер. *отидоха*), *b'áa* (литер. *бяха*). Таким образом, в *b'áa* представлено два слога: *b'á|a*. Нет ничего удивительного в том, что в этой позиции развиваются новые звуки. Чаще всего это будут [j], [v], реже [f], [γ]. Так, в болгарских говорах мы можем найти слова: *tuá*, *tujá*, *tuvá*, *tufá*, *tuγá*. Иногда различие в звуках определяется качеством гласных. В сербохорватских говорах после лабиализованных гласных часто представлен [v], после нелабиализованных — [j]: *tùva*, но *snäja* 'сноха'.

В западных и восточных славянских языках явления утраты звука [x] нет. Встречаются единичные случаи фонетического перехода звука [x] в другие звуки. Так, в южных польских говорах известны случаи перехода конечного [x] в [k].

Утрату [x] в большинстве южнославянских языков пытались объяснять факторами фонологического порядка. Как мы уже видели, для южнославянских языков свойствен тип взрывного [g]. В этом случае задненебные [k] и [g] представляют коррелятивную пару, тогда как заднебный [x] является внепарной фонемой. Изолированные фонемы являются неустойчивыми. Именно в этом якобы и заключается причина утраты [x] во многих говорах южнославянских языков. Данное толкование принять невозможно. Ему противоречат факты других славянских языков. Так, в северновеликорусских говорах звук [x] является таким же устойчивым, как и в южновеликорусских. Вспомним, что звук [g] в этих говорах произносится различно.

Широко развитую тенденцию к утрате [x] в южнославянских языках нельзя рассматривать изолированно от аналогичной тенденции во многих балканских языках (неславянских). Наиболее полно она отражена в румынском языке (в дакорумынском и в языках Балканского полуострова). Она охватывает как исконно румынский фонд, так и славянские элементы этих языков. Это дает нам основание полагать, что утрата [x] определялась артикуляционными особенностями языка балканского этнического субстрата. Здесь звук [x] характеризовался слабой фрикацией из-за широкой теснины. Именно это чисто физиологическое обстоятельство и способствовало утрате звука [x], т. е. полной утрате фрикации.

inslav

§ 76. Согласный [v]. Согласный [v] претерпел в славянских языках различные изменения, связанные с его артикуляционными особенностями. Весьма значительными они были в том случае, если данный звук представлял билабиальный вариант типа [w]. В одних положениях он изменялся в гласный [u], в других в [u̯], в третьих в глухой [φ], в четвертых мог измениться в задненебный звук [x], наконец, в пятых мог утратиться бесследно.

В сербохорватском языке был широко распространен [w]. Это объясняет ряд фонетических явлений, пережитых сербохорватским языком: утрату этого звука в начале слова перед гласными [o], [u], сонантами [r], [l] (ср. диал. *láditi* < *wladiti*, *odòval'a* < *wodoval'a*, 'водосточная труба', *ȕčac* < *wȕčac* 'гангрена'), изменение [w] в [u] в начале слова перед [ъ], [ь] (*ỳнук* < *wъnikъ*, *удòвица* < *wъdovica*, *ỳпити* < *wъpiti*). Конечно, гласный [u] не мог непосредственно возникнуть из [w]. Нужно предполагать промежуточную стадию [u̯]. Наряду с [w] сербохорватский хорошо знал и [v] (т. е. губно-зубной [v]). Именно он и сохраняется в современном языке (ср. в лит. *vòda*, *vêran* и др.).

Широкое распространение звук [w] имел, например, в древнем белорусском языке. Это фиксируется уже памятниками XIII в. Вот почему в современном белорусском языке находим *карова*, но *кароўка*, *галава*, но *галоўка*. При исконном губно-зубном [v] было бы *karófka*, *galófka*

Наличие в ряде древних славянских диалектов [w] и дальнейшая его судьба привела, между прочим, к совпадению двух различных предлогов *u* и *vъ* в одном *u*: ср. русск. *ходить в школу*, *в стране*, *жить у товарища*; блр. *хадзіць у школу*, *у краіне*, *жиць у таварыша*.

В русских говорах известны случаи типа *d'éxka*, *tráxka*, *koróxka* и под. Находим [x] в род. мн.: *stolóx*, *domóx*, *koróx*, *golóx* и под. Во всех этих случаях [x] через стадию [φ] восходит к [w]. Губно-губной [w] отличается от губно-зубного [v] не только передней артикуляцией, но и задней. Так, [w] характеризуется не только губным артикуляционным фокусом, но и задненебным. Именно усилением задненебного фокуса и ослаблением губного Аванесов и объясняет переход [w] в [x] (см. „Очерки...", § 145).

Широко известны в славянских языках случаи оглушения [v] в результате прогрессивной ассимиляции (ср. польск. *twardy*, *kwiat*, которые произносятся *tfardy*, *kf'at*). Аналогичное явление известно южнославянским языкам (ср. болг. *фащам*, из *xvat-* > *xfat-* > *fat*; схр. *фáлити* из *xvaliti* > *xfaliti* > *faliti*). Надо полагать, что данная прогрессивная ассимиляция происходила только при билабиальном [w], который после глухих согласных изменился в [φ], затем в [f]. На билабиальный характер звука указывают и такие случаи, как болг. *сторя* из *sъtvor'ǫ*, болг. *скорец* из *skvorьcь*, слов. *tȓd* из *tvrdъ*.

Вообще [w] в славянских языках был неустойчивым звуком. Он переходил в губно-зубной [v] или претерпевал различные фонетические преобразования.

inslav

§ 77. Согласный [f]. Праславянский язык не знал согласного [f]. Не знали его и отдельные славянские языки в разные периоды своей истории. Впервые он мог появиться в связи с заимствованными словами из греческого и других языков. Однако до утраты сверхкратких гласных в „слабой“ позиции этот звук не мог получить распространения. После утраты сверхкратких возникли условия для перехода звонких согласных в глухие: [d] изменился в [t], [z] в [s], [ž] в [š] и т. д. Звонкий губно-зубной [v] соответствующей глухой пары не имел. Однако это не могло помешать ему пережить аналогичный процесс. Так возник в языке новый звук [f] который, конечно, не являлся самостоятельной фонемой. И после появления звука [f] в случаях типа *lafka* звук [f] не стал осознаваться говорящими. Мы хорошо знаем звук [ʒ] (ср. *koné*ʒ *góda*). Однако мы его не слышим. Поэтому усвоение соответствующего звука в чужом языке представляет для нас большие трудности, что было и с [f]. Нет ничего удивительного в том, что этот звук раньше утвердился в литературных языках. Проникновение его в народное произношение встречало большие трудности. Здесь наблюдалось его приспособление к привычным артикуляциям в словах, которые проникали в народную речь из литературного языка. Так возникли русские диалектные *Pilip*, *panár'*, *xfunt*, *saraxván*, *xfábrika*, *torx*, украинские *Ничипір*, *Опанас* и под. С большим трудом проникал новый звук [f] в те говоры славянских языков, которые имели билабиальный [w]. Именно в этих говорах обычно и утверждалось сочетание [xv] или [xf].

§ 78. Согласный [ɫ]. Судьба звука [ɫ] была различной в славянских языках. В ряде языков этот звук утратил альвеолярно-корональное образование и перешел в ряд так называемого европейского [l]. Акустически этот звук воспринимается как „средний“ [l], известный нам, например, в немецком или французском языках. Именно такой „средний“ [l] мы находим, например, в чешском языке. В словах *lakota*, *láska*, *loď'ka*, *lok*, *luna*, *luňák*, *lýko* звук [l] будет существенно отличаться от звука [l] в русских словах *ласка*, *лодка*, *луна*, *лыко*. Однако многие северновеликорусские говоры также представляют „средний“ [l]. Этот звук часто встречается в вологодских и вятских говорах. Хорошо он известен многим русским говорам Сибири. Спорадически в отдельных случаях „средний“ [l] встречается и в южновеликорусских говорах.

„Средний“ [l] в славянских языках обычно объясняется воздействием иноязычного субстрата. Отрицать возможность подобного объяснения в ряде случаев невозможно. Можно согласиться с Аванесовым, который, вслед за рядом ученых, склонен объяснять наличие „среднего“ [l] в северновеликорусских говорах воздействием финского языкового субстрата. Возможно, что и в чешском языке „средний“ [l] субстратного происхождения. К такому заключению мы можем прийти с тем большим основанием, что в „среднем“ [l] в чешском совпали как [ɫ], так и [l']. Однако в ряде случаев „средний“ [l] возникал без воздействия суб-

inslav

страта. „Средний“ [l] на месте [ł] находим в сербохорватском языке. В данном случае мы лишены возможности ссылаться на субстрат. Возможно, что в словенском „средний“ [l] субстратного происхождения.

„Средний“ [l] представляет по славянским языкам варианты. Так, в сербохорватском он тверже, нежели в чешском.

Утрата альвеолярно-корональных характера [ł] не всегда приводила к возникновению „среднего“ [l]. В ряде славянских языков [l] изменился в [w] или представляет различные стадии перехода к [w]. Этот процесс известен многим славянским языкам. Во многих русских говорах находим [w] или [u̯] на месте [ł] в конце слога. Известно данное явление ряду русских говоров и в положении перед гласным звуком. Последовательно [ł] в конце слога переходит в [u̯] в белорусском языке. Хорошо известно данное явление польскому языку. В литературном польском языке это явление получило широкое распространение сравнительно недавно. Отмечают наличие [u̯] на месте [ł] в черногорских говорах сербохорватского языка (главным образом в положении перед лабиализованными гласными).

§ 79. Судьба мягких согласных. Мягкие согласные (исконно мягкие и смягченные) пережили в славянских языках различную судьбу в зависимости как от общих тенденций развития фонетических систем, так и от многих частных факторов, связанных с особенностями произношения того или иного звука.

Наблюдаются различные последствия в судьбе мягких согласных. В одних случаях они утрачивают дополнительную палатальную артикуляцию и переходят в соответствующие твердые согласные. В других случаях дополнительная палатальная артикуляция развивается в самостоятельную артикуляцию, что в ряде случаев приводит к сложным фонетическим преобразованиям.

а) Аффрикаты [č] и [c], [ʒ]. Аффриката [č] по славянским языкам представляет различные стадии перехода мягкого звука в соответствующий твердый. Надо думать, что исконная степень мягкости этой аффрикаты уже не сохраняется. Мягкой эту аффрикату можно считать в русском и болгарском языках. В чешском она звучит несколько тверже. Дальнейшую стадию на пути отвердения этой аффрикаты обнаружим в сербохорватском. Наибольшую степень отвердения [č] найдем в польском и белорусском языках.

Аффриката [c] в русском отвердела. В говорах известна мягкая аффриката [c] с шепелявым произношением (например, *kúric'a*). Но это явление связано с так называемым мягким цоканьем и не имеет непосредственного отношения к старому мягкому [c']. Отвердела аффриката [c] в белорусском языке. Широко известный белорусскому [c'] восходит к [t']. Существенно от русского и белорусского языков в этом отношении отличается украинский. Здесь мы найдем [c'] как перед гласными (кроме [e] и [и]), так и в конце слова: *vúlic'a*, *prác'a*, *molodíc'a*,

inslav

švec', *molodéc'*. Известен [c'] болгарскому языку перед [a]: *c'ałden*. Обычно же аффриката [c] в болгарском будет твердой. Отвердела аффриката [c] в сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском. Как и белорусский, польский язык знает [c'], но эта аффриката возникла на местной почве из [t'].

Исконная аффриката [ʒ], сохранившаяся в языках лехитской группы и в словацком языке, последовательно отвердела. В кашубском наблюдается отвердение и новой аффрикаты [ʒ] из [d'].

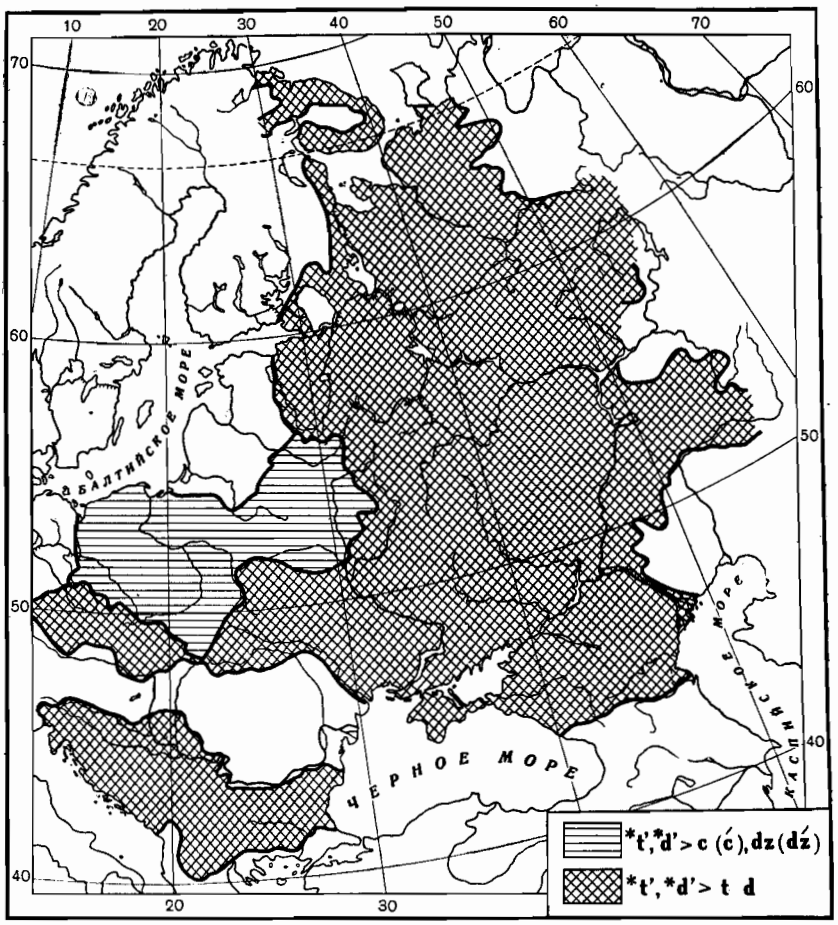
б) Звуки [š], [ž]. И эти исконные мягкие звуки пережили процесс отвердения. Это выражается, в частности, в том, что в русском, белорусском и польском языках гласный [i] после [š] и [ž] изменяется в [y]. Однако в некоторых русских говорах (например, в вятских) звуки [š] и [ž] сохраняют палатальный характер. Известны [š'] и [ž] ряду украинских говоров. Мягкое произношение этих звуков часто встречается в русском языке жителей Одессы, Николаева и других южных городов Украины. Палатальный характер [š] и [ž] явно обнаруживается в болгарском языке. В сербохорватском и словенском они отвердели. Мягкими для русского уха воспринимаются чешские и словацкие [š] и [ž].

в) Звуки [t'], [d']. Речь идет об исконно полумягких зубных взрывных, которые в большинстве славянских языков пережили процесс смягчения. Эти согласные в одних позициях сохранили мягкость, в других — перешли в соответствующие твердые (ср. русск. *t'omnyj*, *t'ma*, *d'en*, но *b'édnəj* < *b'ěd'nyj*; чешск. *t'isīc* (орф. *tisíc*), *t'eško* (орф. *těžko*), но *tele* < *t'ele*, *tes* < *t'es*).

В отношении судьбы [t'] и [d'] выделяется особая группа славянских языков, которая включает в себя языки польский, кашубский, оба лужицких и белорусский. Здесь мягкие взрывные согласные [t'] и [d'] изменились в аффрикаты [c'] и [ʒ'], которые по языкам представляют различия в их образовании. В нижнелужицком [c'] изменился в [s'], [ʒ'] — в [ź]. Данное явление не общелехитское. Можно предполагать, что полабскому языку оно известно не было. Примеры: польск. *ciec* 'течь', *cielak*, *ciemię*, *ciemno*, *cieńki*, *cień*, *czytać*; *dzień*, *dziad*, *działo*, *dziewa*, *chodzenie*; кашубск. *cemńica*, *cemnóta*, *célwk*, *ceńw*, *cepło*; *ʒeń*, *ʒèvčą*, *ʒïv*, *ʒwd*; в.-луж. *ćečenje*, *ćelata*, *ćeta*, *ćežki*, *ćicho*; *dźeń*, *dźěd*, *dźěło*; блр. *цячы* 'течь', *цяля*, *цемя*, *цёмна*, *ціха*, *цягаць*, *цятка*; *дзень*, *дзед*, *дзяльба*, *дзяўчына*, *дзевяць*. Отражен данный процесс и в восточнословацких говорах, что объясняется влиянием польского языка.

Изменение [t'], [d'] в аффрикаты в польском языке произошло в XIII—XIV вв. В белорусском данный процесс протекал в XVI—XVII вв. Впервые результаты процесса отражаются в памятниках белорусского языка XVI в. В свое время некоторые языковеды (например, Бузук и др.) пытались отодвинуть данный процесс в отдаленное прошлое. Высказывалось предположение, что белорусское „цеканье" и „дзеканье" даже праславянского происхождения (Волк-Левонович). Против этого свидетельствуют данные сравнительной хронологии. Так, праславянский [c]

inslav



Карта 6. Территория изменения *t', *d' ≥ c (ć), dz (dź), *t', *d' > t, d

в белорусском утратил свою исконную мягкость. Новый [c'] из [t'] мягкость сохраняет. Стало быть, исконная мягкость утрачивалась тогда, когда [t'] еще не перешел в аффрикату. Случаи типа *дзень — дня* свидетельствуют, что до утраты сверхкратких в „слабой" позиции аффрикаты [ʒ'] на месте [d'] еще не было.

В одной фонетической позиции [c'] из [t'] и из [d'] в польском изменился в [j]. Этот процесс имел место перед [c]: > *otьca* > *oc'ca* > *ojca*, *sъradьca* > *zdrad'ca* > *zdrat'ca*, *zdrac'ca* > *zdrajca*.

В некоторых славянских языках наблюдается изменение [t'] в [k'], [d'] в [g']. Это фонетическое явление хорошо известно ряду болгарских говоров (например, котленскому говору, многим западным говорам). Здесь найдем *k'estó*, *zek'*, *glak'* (*glad*), *g'éver*, *g'éte*. Однако чаще встречается изменение [k'], [g'] в [t'], [d']. Оно хорошо известно многим русским говорам.

г) Звуки [s'] и [z']. Утрачена мягкость этими согласными в ряде

inslav

славянских языков (например, в чешском, словацком, кашубском, лужицких языках). Однако большинство славянских языков сохраняет мягкие зубные фрикативные. В польском языке [s'] и [z'] приобрели шепелявость. Эту же фонетическую особенность наблюдаем в польском и при произношении [c'] и [ʒ'].

д) Губные согласные. Разнообразной по славянским языкам была судьба мягких губных согласных [p'], [b'], [v'], [m']. В одних случаях эти согласные сохранились без существенных изменений, в других отвердели, в третьих дополнительная палатальная артикуляция развилась в самостоятельную. Хорошо сохраняются мягкие губные в русском языке. Однако и здесь наблюдаются различного рода изменения этих согласных. Последовательно отвердели мягкие губные в конце слова в случаях типа 1 л. ед. *dam* (< *dam'ь*), тв. ед. *plodom* (< *plodьm'ь*). Сохранялась мягкость конечных губных в том случае, если в иных грамматических условиях мягкие губные оказывались перед гласными: (ср. *krov'—krov'i* и под.). Однако во многих русских говорах и в этих случаях конечные мягкие губные последовательно утратили мягкость. Утрачена была мягкость губными и перед твердыми согласными (ср. *pravda*<*prav'ьda*). В положении перед мягкими согласными губные будут мягкими (исконно мягкими или смягченными). Значительно шире процесс отвердения губных согласных прошел в белорусском и украинском языках. Здесь наблюдается как отвердение губных, так и развитие дополнительной палатальной артикуляции в самостоятельную артикуляцию. В конце слова в этих языках известны только твердые губные. Твердыми они будут и в положении перед согласными. Для украинского языка характерно развитие [j] в позициях [b'a], [p'a], [m'a] : *риб'ячий, п'ять, м'ясо* (в диалектах *mn'aso*). Известно это и южным белорусским говорам.

Широко процесс отвердения мягких губных отражен в западнославянских языках. Почти всюду отвердели мягкие губные в конце слова. Следы конечной мягкости можно обнаружить в редких случаях в северо-восточных польских и в кашубских говорах. Очень пестрой является картина, характеризующая позиции мягких губных перед гласными. Например, в положении перед [i] найдем мягкие губные (ср. польское литературное *p'ivo*), твердые губные (ср. чешское литературное *pivo*), твердые губные с [j] (ср. польское и чешское диалектное *pjivo*), твердые губные с [s'] (ср. польское диалектное *ps'ivo*, в дальнейшем даже *s'ivo*) и т. д. Развитие вторичной палатальной артикуляции перед гласными особенно характерно для чешского языка (ср. *pjet* — орф. *pět*, *pjena* — орф. *pěna*, *zemn'e*—орф. *země*, *mn'esto*—орф. *město*), для лужицких языков. В словацком губные отвердели без выделения дополнительной палатальной артикуляции. Спорадически в среднесловацких говорах встречаем *mäso*.

В болгарском мягкие губные хорошо известны перед [a] из [ě] : *v'ára*, *m'ára*, *p'ána*. В некоторых говорах мягкие губные встречаются перед гласными [e] и [i]. В литературном языке в данной позиции будет пред-

inslav

ставлена очень слабая степень смягчения. Очень редко находим мягкие губные перед [u] (ср. *мюсюлманин*, *пюре*). Перед согласными и в конце слова мягких губных согласных болгарский язык не знает.

е) Звуки [l'], [r']. Во многих славянских языках [l'] сохраняется. Однако в его образовании по славянским языкам наблюдаются известные различия. В чешском языке [l'] отсутствует. Он совпал с [ł] в одном „среднем" [l]. Аналогичный процесс отражен рядом сербо-лужицких говоров. Известны случаи изменения [l'] в [j]. Это явление хорошо известно, например, чакавским говорам сербохорватского языка, некоторым болгарским говорам (ср. чак. *jûdi*, *zemjä*, *kâšej;* болг. *kjuč*, *pjúva*).

Существенные преобразования в славянских языках пережил [r']. Во многих славянских языках и диалектах был пережит процесс отвердения [r']. Он отражен в белорусском, во многих украинских говорах, в словацком языке. Отвердел исконный [r'] и в сербохорватском и словенском языках. В словенском в положении перед гласными дополнительная палатальная артикуляция преобразовалась в [j] : *búrja*, *zórja*, *morję̂*, *gorję̂*. В чешком и польском дополнительная палатальная артикуляция [r'] изменилась в палатальный шипящий элемент. Возник согласный сложной артикуляции, который в чешском передается буквой ř. Постепенно дополнительная артикуляция переходила в основную, а вибрация утрачивалась. Так возник в польском звук [ž] из [r'] : *žeka* (орф. *rzeka*). Этот процесс связан также с переходом мягкого звука в твердый. В чешском [ř] является мягким звуком, в польском [ž] из [ř] — уже твердый звук. Таким образом, польский язык, так же как белорусский, утратил противопоставление твердого и мягкого [r].

§ 80. Ударение. Об изменении места ударения в праславянском речь шла уже выше. Отметим основные факты и тенденции в области ударения уже после утраты сверхкратких.

Наименьшее число нарушений старого места ударения находим в русском языке и чакавском диалекте сербохорватского языка. Именно этим обстоятельством и объясняются многочисленные случаи совпадения места ударения в этих языках. Для определения исконного места ударения исследователи чаще всего привлекают русский и чакавский материал. Конечно, и в этих языках можно найти отклонения от старого состояния, вызванные рядом причин, главным образом аналогического характера. Следует иметь в виду, что говоры русского языка содержат известные различия в области ударения. Это связано, главным образом, с тем, что много локальных процессов в области ударения в отдельных словах и грамматических категориях пережили южновеликорусские говоры. Значительно лучше старое место ударения сохраняют северновеликорусские говоры. Многочисленные колебания ударения в русском литературном языке хорошо известны. Во всех восточнославянских языках ударение играет большую грамматическую роль и часто является единственным средством дифференциации значения слов. Место ударения

inslav

может изменяться в зависимости от формы слова, от различных словообразовательных элементов.

Из явлений в области ударения в русском языке можно указать на расширение сферы употребления накоренного ударения в им. мн. слов женского рода на **-а** : *жёны* < *жены́*, *и́гры* < *игры́*, *вдо́вы* < *вдовы́*, в мест. ед. двухсложных слов женского рода на **-ь:** *на пло́щади* < *на площади́*, в именных прилагательных: *во́лен* < *волён*, *лёгок* < *лего́к* и ряд других аналогичных процессов.

В болгарском также представлено разноместное ударение, которое во многих случаях отражает праславянское состояние. Именно поэтому русское и болгарское ударение очень часто совпадает. Однако имеются и существенные расхождения, обусловленные некоторыми чисто болгарскими процессами, которые определили в ряде случаев изменения места ударения. Так, двухсложные слова с накоренным ударением циркумфлексного характера при членных формах пережили перенос ударения к концу слова: *tĕsto* > *tĕstóto*, *méso* > *mesóto*, *sĕno* > *sĕnóto*, и т. д. В дальнейшем конечное ударение утвердилось и без членных форм. Аналогичный процесс оттяжки ударения на конец слова был пережит словенским и полабским языками. Однако здесь этот процесс не был связан с членными формами, которых словенский и полабский языки не знали. В болгарском наблюдаются многочисленные случаи рецессии ударения в приставочных образованиях. Это наблюдается в аористе, в повелительном наклонении и в других случаях.

В македонском языке, и в этом состоит его существенное отличие от болгарского, находим различные типы фиксированного ударения. В центральных и западных говорах господствует ударение на третьем слоге от конца слова. Именно этот тип ударения представлен в македонском литературном языке. В ряде южных говоров отмечено ударение на предпоследнем слоге. Известны говоры с ударением на предпоследнем или на третьем слоге от конца слова, а также на предпоследнем или конечном слогах. Генезис македонского фиксированного ударения до сих пор не установлен.

Существенные изменения места ударения пережил штокавский диалект сербохорватского языка. В большинстве говоров этого диалекта была пережита рецессия ударения на слог к началу слова. Это новое ударение всегда будет восходящего типа (краткое или долгое): *жѐна*, *бо̀рба*, *ру̏ка*, *гла́ва*. Был пережит аналогичный процесс и словенским языком, однако с рядом существенных ограничений.

Наиболее значительные преобразования места ударения представляют западнославянские языки. Это языки с фиксированным местом ударения. В чешском, словацком и лужицких языках ударение всегда падает на начальный слог слова. В польском ударение связано с предпоследним слогом. Разноместное ударение сохранялось в полабском языке, сохраняется с рядом весьма существенных ограничений в кашубском.

inslav

БИБЛИОГРАФИЯ
И
УКАЗАТЕЛИ

inslav

inslav

БИБЛИОГРАФИЯ[1]

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958.

Аванесов Р. И. Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности. — Сб. „Вопросы формирования русской народности и языка". М.—Л., 1958.

Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки **і** и **у**. — ВМУ, 1947, № 1.

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии, 1. М., 1949.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1954.

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

„Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей". М., 1952.

Benni T., Łoś J., Nitsch K., Rozwadowski J., Ułaszyn H. Gramatyka języka polskiego. Kraków, 1923.

Безпалько О. П., Бойчук М. К., Жовтобрюх М. А., Самійленко С. П., Тараненко І. Й. Історична граматика української мови. Київ, 1957.

Bezlaj F. Opis slovenskega književnoga izgovora. Ljubljana, 1939.

Белич А. Заметки по чакавским говорам. — ИОРЯС, кн. 3. 1911.

Белић А. О прасловенском језику. — „Slavia", I. 1922.

Белић А. Најмлађа (трећа) промена задњенепчаних сугласника **к, г и х** у прасловенском језику. — ЈФ, књ. II, 1921.

Белић А. Поводом расправе проф. Б. М. Љапунова. — ЈФ, књ. IV, 1924.

Билярский П. О среднеболгарском вокализме по патриаршему списку летописи Манассия. Изд. 2. СПб., 1858.

Богородицкий В. А. Краткий очерк сравнительной грамматики ариоевропейских языков. Казань, 1916.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков. — РФВ. Варшава, 1881 [отдельный оттиск].

Бодуэн де Куртенэ И. А. Лингвистические заметки и афоризмы. По поводу новейших лингвистических трудов В. А. Богородицкого.—ЖМНП, ч. 346, апрель, 1903; ч. 347, май, 1903.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Польский язык в сравнении с русским и древнецерковно-славянским. СПб., 1912.

Бошковић Р. Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници. — ЈФ, књ. XV, 1936.

Брандт Р. Ф. Краткая сравнительная грамматика славянских языков (фонетика и морфология). М., 1915.

Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений, I. Готы и их соседи до V в. 1-й период: Готы на Висле. СПб., 1899.

Брок О. Очерк физиологии славянской речи. — „Энциклопедия славянской филологии", вып. 5, 2. СПб., 1910.

---

[1]) Славянские этимологические, словари указаны в § 18.

inslav

Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg. 1904.
Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, II, 2. Strassburg, 1909.
Бубрих Д. В. Северно-кашубская система ударения. — ИОРЯС, т. XXVII. 1924.
Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
Бубрих Д. В. О названии „анты" и связанных с ним названиях. — ИАН ОЛЯ, V, вып. 6. 1946.
Būga K. Rinktiniai raštai, I. Vilnius, 1958.
Булаховский Л. А. Восточнославянские языки как источник реконструкции общеславянской акцентологической системы. — ИАН ОЛЯ, V, вып. 6, 1946.
Булаховский Л. А. Акцентологический закон А. А. Шахматова. — „Академик А. А. Шахматов". М.—Л., 1947.
Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, II (Исторический комментарий). Изд. 4. Киев, 1953.
Булаховський Л. А. Питання походження української мови, Київ, 1956.
Булаховский Л. А. Болгарский язык как источник для реконструкции древнейшей славянской акцентологической системы. IV Международный съезд славистов. М. ,1958.
Булич С. К. Очерк истории языкознания в России, т. I (XIII в.—1825). СПб., 1904.
Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves, I. Phonétique. Lyon—Paris, 1950.
Ван-Вейк Н. К истории фонологической системы в общеславянском языке. — „Slavia", XIX. 1950.
Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957.
van Wijk N. Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme. Amsterdam, 1923.
van Wijk N. Remarques sur le groupement des langues slaves. — RÉSl, V. 1924.
van Wijk N. Die slavische Metatonien im Lichte der Phonologie.— IF, 59. 1942.
van Wijk N. Les langues slaves. De l'unité à la pluralité [2], Mouton-Gravenhage, 1956.
Vondrák W. Altkirchenslavische Grammatik [2]. Berlin, 1912.
Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik [2], I. Göttingen, 1924.
Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке. Филологические рассуждения А. Х. Востокова. — „Ученые записки 2-го отделения ИАН", кн. II, вып. 1. СПб., 1856.
Ганцов В. Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку. [б. м. и г.]
Георгиев Вл. Въпроси на българската етимология. София. 1958.
Георгиев Вл. Балто-славянский и германский. — „Slavia", XXVIII. 1959.
Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952.
Havránek B. Ein phonologischer Beitrag zur Entwicklung der slavischen Palatalreihen. — TCLP, 8. 1939.
Hirt H. Zu den germanischen Lehnwörtern im slavischen und baltischen. — „Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Litteratur", XXIII. Halle.
Hirtz M. Rječnik narodnih zoologičkih naziva, izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Knj. 3, Ribe (Pisces). Zagreb, 1956.
Horálek K. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955.
Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка, т. I. Киев, 1907.
Гуйер О. Введение в историю чешского языка. М., 1953.
Державин Н. С. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941.
Дурново Н. Спорные вопросы о-сл. фонетики. — „Slavia", III. 1924.
Дурново Н. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924.

inslav

Дурново Н. Введение в историю русского языка, ч. I. Brno, 1927.
Дурново Н. К вопросу о времени распадения общеславянского языка. — „Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929“, sv. II. Praha, 1932.
Ernout A. et Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine[3]. Paris, 1951.
Ziłyński J. Opis fonetyczny języka ukraińskiego. Kraków, 1932.
Иванов В. В. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома. — ВСЯ, III. 1958.
Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
Ильинский Г. А. Проблемы праславянской прародины в научном освещении А. А. Шахматова. — ИОРЯС, XXV. 1922.
Ильинский Г. А. К вопросу о чередовании гласных ряда **о**, **е** в начале слов в славянских языках. — „Slavia“, II, 1923.
Ильинский Г. А. Еще раз о праславянских дублетах типа *jelenь*: *olenь*. — „Slavia“ IV. 1925.
Ильинский Г. А. Сербо-лужицкое strowy „здоровый“. — „Slavia Occidentalis“, IX. 1930.
Исаченко А. В. *Morské oko* — „небольшое горное озеро“. — „Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов“. София, 1957.
Isačenko A. Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen. — „Linguistica Slovaca“, t. I—II. 1939—1940.
Карский Е. Ф. Белорусская речь. Пг., 1918.
Карский Е. Ф. Русская диалектология. М.—Л., 1924.
Кипарский В. О хронологии славяно-финских лексических отношений. — „Scando-Slavica“, t. IV. 1958.
Kiparski V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934.
Klemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.
Komárek M. Historická mluvnice česká. I. Hláskosloví. Úvod napsal Karel Horálek. Praha, 1958.
Kopečný F. K otázce klasifikace slovanských jazyků. — „Slavia“, XIX. 1949.
Kostrzewski J. Stosunki między kulturą łużycką i bałtycką a zagadnienie wspólnoty językowej bałto-słowiańskiej. — “Slavia Antiqua“, t. V. 1956.
Kuraszkiewicz W. Ugrupowanie języków wschodnio-słowiańskich. — „Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego“, XIV. Wrocław—Kraków, 1955.
Кузнецов П. С. Чередование в общеславянском языке-основе. — ВСЯ, I. 1954.
Кузнецов П. С. О поведении сонантов на границе основ глаголов III и IV классов в славянских языках. — СФ, III. 1958.
„Курс сучасної української літературної мови“, I. Київ, 1951.
Курилович Е. О балто-славянском языковом единстве. — ВСЯ, III. 1958.
Kuryłowicz J. L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952.
Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. — „Труды Славянской комиссии“, т. I. Л., Изд-во АН СССР, 1930.
Лавров П. А. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893.
Лампрехт А. Несколько замечаний о развитии фонетической системы праславянского языка. — „Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university“, ročn. V. Brno, 1956.
Лер-Сплавинский Т. Польский язык. М., 1954.
Lehr-Spławiński T. Ze studjów nad akcentem słowiańskim. Kraków, 1917.
Lehr-Spławiński T. O prasłowiańskiej metatonji. Kraków, 1918.
Lehr-Spławiński T. Gramatyka połabska. Lwów. 1929.
Lehr-Spławiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Wydawnictwo instituta zachodniego. Poznan, 1946.

inslav

Lehr-Spławiński T. Problem ugrupowania języków słowiańskich. — "Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego", XIV. Wrocław—Kraków, 1955.
Lehr-Spławiński T. Próba datowania tzw. II palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w języku prasłowiańskim. — "Studia z filologii polskiej i słowiańskiej", I. Warszawa, 1955.
Lehr-Spławiński T. Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko-prasłowiańskich. — RS, t. XVIII, cz I. 1956.
Lehr-Spławiński T., Kuraszkiewicz W., Sławski F. Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich. Warszawa, 1954.
Lehr-Spławiński T., Stieber Z. Gramatyka historyczna języka czeskiego, cz. I. Warszawa, 1957.
Лескин А. Грамматика древнеболгарского (древне-церковно-славянского) языка. Перевод Н. Петровского. Казань, 1915.
Lorentz F. Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache. Berlin und Leipzig, 1925.
Любавский М. К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). Лекции, читанные в Московском университете и на Высших женских курсах в Москве. Изд. 2. М., 1918.
Ляпунов Б. М. Единство русского языка в его наречиях (Пособие к лекциям по истории русского языка). Одесса, 1910.
Ляпунов Б. М. Родственные связи словенцев с сербами и хорватами. — ЈФ, књ. IV. 1924.
Marguliés A. Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis. Texte und Untersuchungen. 4. Heidelberg, 1927.
Martinet A. Langues à syllabes ouvertes: le cas du slave commun. — ZfPh, H. 3-4. 1952.
Matzenauer A. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870.
Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938.
Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
Мейе А. О некоторых аномалиях ударения в славянских языках. — „Сборник статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову". Варшава, 1902.
Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М., 1952.
Meillet A. Les dialectes indo-européennes, éd. 1. Paris. 1908; éd. 2. Paris, 1933.
Mikkola J. Urslavische Grammatik, I. Heidelberg, 1913.
Mikkola J. La question des syllabes ouvertes en slave commun.—RÉSI, 1. 1921.
Mikkola J. Die älteren Beziehungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. 1938.
Milewski T. [Рецензия] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Phonétique. Lyon-Paris, 1950. — RS, t. XVIII, cz. I. 1956.
Милетић Бр. Изговор српскохрватских гласова. Београд, 1933.
Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1958.
Младенов Ср. Старите германски елементи в славянските езици. — СбНУ, XXV. 1909.
Mladenov St. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin und Leipzig, 1929.
Moszyński K. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław—Kraków, 1957.
Nahtigal R. Slovanski jeziki[2]. Ljubljana, 1952.
Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
Niederle L. Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953.
Ниеминен Э. К вопросу о влиянии праславянского языка на прибалтийско-финские языки. — BMSS, Beograd, 1957.
Nieminen E. Ein Beitrag zu der ostslavischen und ostseefinnischen Badeterminologie. — LP, IV.
Отрембский Я. С. Славяно-балтийское языковое единство. — ВЯ, 1954, № 5.
Peciar Š. Kritický prehl'ad prác o tzv. metatéze likvid — „Jazykovedný sborník slovenskej akadémie vied a umení", VI. Bratislava, 1952.

inslav

Пизани В. Общее и индоевропейское языкознание. М., 1956.
„Полное собрание русских летописей". Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846.
Поповић И. Питање хронологије грчких позајмица у источнословенским језицима. — „Зборник радова LIX, Византолошког института", књ 5. 1958.
Поповић И. Историја српскохрватског језика. Нови Сад—Матица Српска, 1955.
Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika, II. Ljubljana, 1924; VII. Dialekti. Ljubljana, 1935.
Ramovš F. Ueber der Stellung des Slovenischen im Kreise der slavischen Sprachen. — „Mélanges de Philologie offerts á M. J. J. Mikkola". Helsinki, 1932.
Ramovš F. Kratka zgodovina slovenskega jezika, I. Ljubljana, 1936.
Rešetar M. Der štokavische Dialekt. Wien, 1907.
Розов В. Еще о формулах *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*. — „Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze 1929", sv. II. Praha, 1932.
Rostafiński J. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach, Kraków, 1908.
Rozwadowski J. Przyczynki do historycznej fonetyki języka polskiego. — RS, V. 1912.
Rozwadowski J. O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckych i słowiańskich. — RS, V, 1912.
Safarewicz J. Pochodzenie trzech szeregów spółgłosek tylnojęzykowych w prajęzyku indoeuropejskim. — SPAU, XLVI, № 1—5, Styczeń-Maj. 1945.
„Сборник документов по социально-экономической истории Византии". М., Изд-во АН СССР, 1951.
Северьянов С. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в., Пг., 1922.
Селищев А. М. Славянское население в Албании. София, 1931.
Селищев А. М. Славянское языкознание., ч. I. М., 1941.
Селищев А. М. Старославянский язык, ч. I. М., 1951; ч. II. М., 1952.
Селищев А. М. [Рецензия] Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М., 1929. — ИОРЯС, XXXII.
Селищев А. М. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. — „Slavia", VII. 1928.
Sławski F. Ugrupowanie języków południowo-słowiańskich. — „Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego", XIV. Wrocław—Kraków, 1955.
Смирницкий А. И. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. Материалы к курсам языкознания. М., Изд-во МГУ, 1955.
Соболевский А. И. Древний церковно-славянский язык. Фонетика. М., 1891.
Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
Соболевский А. И. Русские говоры и польский язык, — РФВ, LXVI. 1911.
Stanislav J. Slovenská výslovnosť. Martin, 1953.
Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka, I. Bratislava, 1956.
Stang Chr. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
Stankiewicz. E. Towards a phonemic typology of the Slavic languages. American contributions to the fourth international congress of slavists, 1958.
„Статьи и материалы по болгарской диалектологии", вып. 5. М., 1955.
Стойков Ст. Български книжовен изговор. София, 1942.
Томсон А. Эпентетическое **л'** в древнеболгарском языке. — „Сборник в чест на проф. Л. Милетич". София, 1933.
Trávníček F. Historická mluvnice československá. Praha, 1935.
Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка, ч. I. Фонетика. Словообразование. Морфология. М., 1950.
Третьяков П. Н. Восточнославянские племена[2]. М., 1953.
Трубецкой Н. С. Старославянское скврьна. — „Сборник в чест на Васил Н. Златарски". София, 1925.

inslav

Трубецкой Н. Об отражении общеславянского ę в чешском языке. — „Slavia". VI. 1928.

Трубецкой Н. К вопросу о хронологии стяжения гласных в западно-славянских языках. — „Slavia", VII. 1929.

Trubetzkoy N. S. Éssai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun. — RÉSL, II. 1922.

Trubetzkoy N. S. Die Behandlung der Lautverbindungen **tl, dl** in den slavischen Sprachen. — ZfslPh, II. 1925.

Trubetzkoy N. Einiges über die russische Lautgeschichte und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit. — ZfslPh, I. 1925.

Trubetzkoy N. Les voyelles nasales des langues léchites, — RÉSL, V. 1925.

Trubetzkoy N. Die sogenannte Entpalatalisierung der ursl. **e** und **ě** vor harten Dentalen im Polnischen vom Standpunkte der Phonologie. — „Księga referatów. II międzynarodowy zjazd slawistów". Warszawa, 1934.

Trubetzkoy N. Gedanken über das Indogermanenproblem. — „Acta linguistica", I, fasc. 2. 1939 [русский перевод: ВЯ, № 1. 1958].

Trubetzkoy N. S. Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen, — „Сборник в чест на проф. Л. Милетич". София, 1933.

Trubetzkoy N. Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem, Wien, 1954.

Ульянов Г. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. I. Варшава, 1891; ч. II. Варшава, 1895.

Ульянов Г. Основы настоящего времени в старославянском и литовском языках. Варшава, 1888.

Фалев И. О редуцированных гласных в древнерусском языке. — „Язык и литература", II, вып. 1. Л., 1927.

Фальк К. Славянское название дуба. — „Scando-Slavica", IV. 1958.

Фортунатов Ф. Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковно-славянского) языка. Пг., 1919.

Fraenkel E. Die baltischen Sprachen. Ihre Beziehungen zu einander und zu den indogermanischen Schwesteridiomen als Einführung in die baltische Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1950.

Цонев Б. История на българский език, т. II. Посмъртно издание под редакцията на проф. д-р Ст. Младенов. София, 1934.

Черных П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950.

Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка[2]. М., 1954.

Шахматов А. А. [Рецензия] И. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911. — ИОРЯС, XVII, кн. 1.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка, — „Энциклопедия славянской филологии", вып. 11, I. Пг., 1915.

Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. ч. I. Пг., 1916.

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Schmidt J. Verwandschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872.

Schwarz E. Zur Chronologie der Slavischen Liquidenumstellung in der deutschen-slavischen Berührungsgebieten. — ZfslPh, Bd. IV. 1927.

Stieber Z. Rozwój fonologiczny języka polskiego. Warszawa, 1952.

Stieber Z. Wzajemne stosunki języków zachodnio-słowiańskich. — „Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego", XIV. Wrocław—Kraków, 1955.

Szober S. Gramatyka języka polskiego. Cz. II. Warszawa, 1931.

Ekblom R. Le développement des voyelles originairement nasalisées dans le moyen bulgare. — „Le monde oriental", XII. Uppsala, 1918.

Ekblom R. Zur Entwicklung der Liquidaverbindungen im Slavischen. I. Uppsala, 1927; II, Uppsala, 1928.

inslav

Ekblom R. Le développement de **dl, tl** en slave. — „Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski", vol. 2. Cracoviae, 1928.
Ekblom R. Le slave* **koldęd'z'ь**. — „Acta Jutlandica", IX. 1937.
Ekblom R. Die frühe dorsale Palatalisierung im Slavischen, Uppsala, 1951.
Эндзелин И. М. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911.
Endzelīns I. Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948.
Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.
Jakobson R. Remarques sur 'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. — TCLP, II. 1929.
Jakobson R. Ueber die phonologischen Sprachbünde. — TCLP, IV. 1931.
Jakobson R. Slavic Mythology. Funk and Wagnalis Standard Dictionary of Folklore, Mithology and Legend, II. New York, 1950.
Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.
Jazdżewski K. Atlas to the prehistory of the Slavs, I. Łódź, 1949.

inslav

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаев В. И. 92
Аванесов Р. И. 124, 126, 241, 244, 258-259, 283, 299-300
Агрель С. (S. Agrell) (1881—1937) 30
Адам Бременский (Adam von Bremen) (неизв. — 1085) 87, 90
Арциховский А. В. 107

Белич А. (А. Белић) (1876—1960) 50, 115, 118, 202, 293
Бернекер. Э. (E. Berneker) (1874—1937) 115, 119
Билярский П. С. (1817—1867) 112, 179
Богородицкий В. А. (1857—1941) 115, 162, 194
Бодуэн де Куртенэ И. А. (1845—1929) 12, 20, 28-29, 38, 115, 117, 149, 208
Бопп Ф. (F. Bopp) (1791—1867) 111
Бошкович Д. (Бошковић Ђурђе) 210
Брандт Р. Ф. (1853—1920) 116, 178, 226
Браун Ф. А. (1862—?) 97
Брок О. (O. Broch) 262-263, 293
Бругман К. (K. Brugmann) (1849—1919) 22, 28-29, 30, 33, 34, 114, 141, 196
Брюкнер А. (A. Brückner) (1856—1939) 5, 30, 56, 88, 119
Бубрих Д. В. (1890—1949) 101, 273
Буга К. (K. Būga) (1879—1924) 63, 135
Бузук П. А. 302
Булаховский Л. А. (1888—1961) 73, 118, 159, 262
Булич С. К. (1859—1921) 9
Бунина И. К. 170

Вайан А. (A. Vaillant) 32, 35, 60, 118, 137, 145, 153, 179, 189, 218, 222, 224, 263
Вальде А. (A. Walde) (1869—1924) 28
Ван-Вейк Н. (N. van Wijk) (1880—1942) 4, 47-48, 82, 117, 118, 127, 175-176, 214, 235
Ван-Гиннекен Я. (J. van Ginneken) (1887—1945) 15
Вей М. (M. Vey) 138
Вентрис М. (M. Ventris) (1922—1956) 183
Вондрак В. (W. Vondrák) (1859—1925) 116, 117, 125, 136, 177-178, 185, 213
Востоков А. Х. (1781—1864) 112, 178

Габеленц Г. (Georg von Gabelenz) (1840—1893) 15
Гавранек Б. (B. Havránek) 118
Ганцов В. 132
Гебауэр Я. (J. Gebauer) (1838—1907) 284
Гельмольд (Helmoldus) (1125—1177) 87
Георгиев В. 26, 27, 32, 34, 103, 183, 224
Георгиев Э. 105
Геродот (484—425 до н. э.) 86
Горалек К. (K. Horálek) 4, 150
Готьо Р. (R. Gauthiot) (1876—1916) 206
Гримм Я. (J. Grimm) (1785—1863) 111
Гринберг Й. Г. (J. H. Greenberg) 15
Гринченко Б. Д. (1863—1910) 92
Гуйер О. (O. Hujer) (1888—1942) 4, 30, 48, 145, 196

Державин Н. С. (1877—1953) 107
Добровский Й. (1753—1829) 41, 111
Долобко М. Г. (1884—1935) 118
Дурново Н. Н. (1876—1934) 40, 44, 50-51, 115, 178, 190, 213, 226, 227, 290, 296
Дювернуа А. Л. (1840—1886) 113

Згуста В. (L. Zgusta) 148
Зенн А. (A. Senn) 31-32
Зубатый Й (J. Zubatý) (1855—1931) 115

Иванов В. В. 57, 126
Иллич-Свитыч В. М. 73, 74
Ильинский Г. А. (1876—1936) 29, 43, 48, 56, 96, 117, 120, 137, 144, 149, 153, 155, 163, 185, 218, 223, 226-227

inslav

Иречек К. (K. Jireček) (1854—1918) 242
Исаченко А. В. 41, 64

Караджич В. (В. Караџић) (1787—1864) 112, 263
Карамзин Н. М. (1766—1826) 278
Карский Е. Ф. (1861—1931) 294
Кипарский В. (V. Kiparsky) 96, 98, 99 101
Кирилл (Константин) (827—869) 49, 104 105, 106
Коблишке А. (A. Koblischke) 245
Козьма Пражский (Cosmas Pragensis, (1045—1125) 87, 242
Константин Багрянородный (905—959) 87, 244, 296
Копечный Ф. (Fr. Kopečný) 41, 120
Копитар Б. (B. Kopitar) (1780—1844) 112
Костшевский Й. (J. Kostrzewski) 36, 59, 60
Кречмер П. (P. Kretschmer) (1866—1956) 146
Кузнецов П. С. 49, 195
Курашкевич В. (W. Kuraszkiewicz) 4
Курилович Ю. (J. Kuryłowicz) 11, 32, 118, 148, 156, 160, 166

Лавров П. А. (1856—1929) 179, 227
Лампрехт А. (A. Lamprecht) 49, 225
Лер-Сплавинский Т. (T. Lehr-Spławiński) 4, 32, 41, 58, 59, 60, 61, 62, 91, 95, 118, 153, 177, 218
Лескин А. (A. Leskin) (1840—1916) 40, 115, 169, 178, 196, 201, 250
Линде С. Б. (S. B. Linde) (1771—1847) 112
Любавский М. К. (1860—1936) 75
Лябуда Г. (G. Labuda) 62
Ляпунов Б. М. (1862—1943) 40, 120, 196, 202

Мазон А. (A. Mazon) 118, 295
Малецкий М. (M. Małecki) (1902—1946) 118
Маргулис А. (A. Marguliés) 221
Мареш Ф. (F. Mareš) 146, 147, 176
Мартине А. (A. Martinet) 27, 49
Махек В. (V. Machek) 118, 120
Маценауэр А. (A. Matzenauer) (1823—1893) 96
Мейе А. (A. Meillet) (1866—1936) 4, 14, 15, 21, 29, 30, 32, 43, 50, 92, 102, 115-117, 126, 132, 137, 144, 150, 153, 155-157, 159, 162, 172, 177, 185, 195-196, 231, 249
Мефодий (неизв. — 885) 49, 104, 106
Мещанинов И. И. 15
Миккола Й. (J. Mikkola) (1868—1943) 33, 43, 101, 115, 196, 218
Миклошич Ф. (F. Miklosich) (1813—1891) 45, 112-114, 116, 119, 125, 136
Милевский Т. (T. Milewski) 61, 144, 218
Мирчев К. 223, 245
Мицкевич А. (A. Mickiewicz) (1798—1855) 10
Младенов С. 73, 80, 96, 118, 120, 180, 213
Мошинский К. (K. Moszyński) (1887—1959) 55, 57, 58, 64, 154
Мука Э. (K. E. Mucke) (1854—1932) 296

Нахтигал Р. (R. Nachtigal) (1877—1958) 4, 48, 79, 118, 190, 201, 218, 294
Нестор (X—н. XII вв.) 91
Нидерле Л. (L. Niederle) (1865—1944) 65, 78
Ниеминен Э. (E. Nieminen) 45, 101
Нитш К. (K. Nitsch) (1874—1958) 118

Отрембский Я. С. (J. Otrębski) 31, 32, 91, 118, 145, 153, 156, 161

Павел Диакон (Paulus Diaconus) (ок. 720 — неизв.) 85
Педерсен Х. (H. Pedersen) (1867—1953) 30, 115, 149, 163
Пециар С. (Š. Peciar) 218
Пигулевская Н. В. 102-103
Пизани В. (V. Pisani) 22, 43
Попович И. (И. Поповић) 100, 192
Поржезинский В. К. (1870—1929) 28, 115
Порциг В. (W. Porzig) 27
Потапов П. О. (1882—1945) 210
Потебня А. А. (1835—1891) 226, 272
Преображенский А. Г. 119

Рамовш Ф. (F. Ramovš) (1890—1952) 118, 177, 190, 214, 244, 293
Решетар М. (M. Rešetar) (1860—1942) 266
Розвадовский Я. (J. Rozwadowski) (1867—1935) 30, 64, 65, 115, 218, 225
Розов В. А. (1886—1940) 218, 223-225
Росетти А. (A. Rosetti) 46
Ростафинский И. (J. Rostafiński) (1850—1928) 55
Рудницкий М. (M. Rudnicki) 63

inslav

Сафаревич Я. (J. Safarewicz) 60, 152
Селищев А. М. (1886—1942) 4, 45, 46, 118, 137, 166, 191, 203, 214, 218-220, 296
Семереньи О. (O. Szemerenyj) 32
Сепир Эд. (E. Sapir) (1884—1939) 15
Середонин С. М. (1860—1914) 89
Скаличка В. (V. Skalička) 15
Славский Фр. (Fr. Sławski) 4, 6, 57, 73, 119
Смирницкий А. И. (1903—1954) 20
Соболевский А. И. (1856—1929), 80, 93, 108, 131, 192, 226-227, 272
Соссюр Ф. (F. de Saussure) (1857—1913) 19, 116-117
Станг Х. (Chr. S. Stang) 36
Станислав Я. (J. Stanislav) 221, 244, 267, 296
Стендер-Петерсен А. (A. Stender-Petersen) 99

Теньер Л. (L. Tesniere) (1893—1954) 41
Тиме П. (P. Thieme) 63
Томсон А. И. (1860—1935) 130, 176, 250
Торнбьернсон Т. (T. Tornbiörnson) (1864—1948) 217, 222
Травничек Ф. (F. Trávníček) (1887—1961) 185, 247, 261, 295
Траутман Р. (R. Trautmann) (1883—1951) 36, 61, 119, 156
Тредиаковский В. К. (1703—1769) 9
Третьяков П. Н. 67, 80
Тромбетти А. (A. Trombetti) (1866—1929) 15
Трубачев О. Н. 58, 92
Трубецкой Н. С. (N. S. Trubetzkoj) (1890—1938), 47, 49-52, 117, 127, 130, 137, 147, 189, 203-205, 208, 247, 256, 273, 294

Уленбек К. (C. C. Uhlenbeck) (1866—1945) 15
Ульянов Г. К. (1859—1912) 33, 115

Фалев И. А. (1894—1942) 249
Фальк К. О. (K. O. Falk) 57
Фасмер М. (M. Vasmer) 118-120, 163
Финк Н. (N. Finck) (1867—1910) 15
Флоринский Т. Д. (1854—1919) 116
Фортунатов Ф. Ф. (1848—1914) 11, 22, 33, 114, 115, 116, 132, 136, 159, 184, 213-214, 218, 222, 226
Френкель Э. (E. Fraenkel) (1881—1958) 36, 118-119, 120

Хирт Х. (H. Hirt) (1865—1936) 22, 30, 95, 152, 196
Хирц М. (M. Hirtz) (1878—1944) 153

Цонев Б. (1863—1926) 45, 72, 81, 179

Чекановский Я. (J. Czekanowski) 41
Черных П. Я. 96, 105, 294

Шафарик П. И. (1795—1861) 96, 112
Шахматов А. А. (1864—1920) 28-29, 30, 33, 53-55, 58, 59, 61, 62, 63, 86, 108, 115-117, 130, 131, 136, 162, 178, 185, 190, 192, 209, 213-214, 226-227, 250, 294, 296
Шварц Е. (E. Schwarz) (1858—1940) 46
Шлейхер А. (A. Schleicher) (1821—1868) 11, 25-28, 34, 112, 113, 114, 115
Шмидт И. (J. Schmidt) (1843—1901) 26
Шобер С. (St. Szober) (1879—1938) 258
Шпехт Ф. (F. Specht) (1888—1949) 30, 114
Штибер З. (Zd. Stieber) 191
Шухард Г. (H. Schuchardt) (1842—1927) 20, 117

Щепкин В. Н. (1863—1920) 115

Экблом Р. (R. Ekblom) (1874—1959) 118, 188-189, 218, 225
Эндзелин И. М. (J. Endzelin) 29, 30, 36, 118, 156, 196, 218
Эрну А. (A. Ernout) 92

Юнгман И. (J. Jungmann) (1773—1847) 112

Ягич И. В. (1838—1923) 105, 113, 196, 208, 226, 228, 248, 250
Яжджевский К. (K. Jażdżewski) 62, 63
Якобсон Р. (R. Jakobson) 15, 47, 93, 117, 226
Яковлев А. И. 10
Якубинский Л. П. (1892—1945) 100

inslav

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аналогия грамматическая 238
Археологические культуры. Лужицкая. Пшеворская (Зарубинецкая) 60, 62, 66-67
Ассимиляция
— гласных 247
— согласных перед j 167-168, 171, 238, 240.
— — перед гласными переднего ряда 168, 238-240
— — звонких перед глухими 262-263
— прогрессивиая 201, 208
— регрессивиая 261-263

Балто-славянские языковые отношения. См. также Праязык балто-славянский 27-37, 59-61, 73-75.
— изоглоссы 32, 34, 36-37, 73-75, 154-155, 166
— интонация 61
— лексические связи 36
— сообщность и ее хронологические границы. См. Балто-славянские языковые отношения, Праязык балто-славянский
Балто-славянский языковый союз 154

Варианты лексические, морфологические, словообразовательные, фонетические 73-75
Вокалический коэффициент 126
Вокализм. Вокализм и ударение 291-292
Вокализм праславянский. См. Система вокализма

Геминаты 141, 188-189, 267-268
Генетические связи языков 15, 71
Германские языки. Сравнительная грамматика германских языков 14
Гласные звуки в праславянском языке. См. также Долгота гласных, Система вокализма в праславянском языке. Сверхкраткие гласные 133-134, 143-149, 172-180, 198-200, 212-215, 225-228

Диалектные различия в славянских языках. Значение диалектов для изучения истории славянских языков 39, 41-42, 109, 111
Диалекты белорусского 109
— болгарского 110
— македонского 110
— польского 111
— праславянского языка и их взаимоотшения 68-70, 183, 191, 202, 211-213, 220-222, 225-229
— русского 109
— серболужицкого 111
— сербохорватского 110
— словацкого 110
— словенского 110
— украинского 109-110
— чешского 110
— славянских языков и литературные славянские языки 111
Дифтонги 132
Дифтонгизация монофтонгов 288-290
Дифтонгические сочетания в праславянском языке 132, 134-135, 141, 157, 163, 167, 177, 192-199, 203-206, 216-220, 228
Долгота звуков. Возникновение долгот 236-238, 262, 272-273
Долгие гласные 204-205, 206, 230-232, 237, 287-290
— — новые 248, 272-273, 287, 289-290
Долгих и кратких гласных противопоставление 230-232
Долгие согласные 130, 168-169, 171, 188-189, 265-266
Долгота и краткость слога 141-142, 192-193, 218, 253

inslav

Единство языковое 31, 40, 81

Заимствования 81-82, 91-101
— балтийские в праславянском 91-92
— германские в праславянском 95-99, 176-177, 194-195
— греческие в праславянском 99-100
— кельтские в праславянском 94-95
— латинские в праславянском 100
— скандинавские в праславянском 98
— славянские в албанском 45-46
— — в финском языке 45, 100-101
— тюркские в праславянском 101
— фракийские в праславянском 93-94
Закон восходящей звучности 259
— фонетический 20-23, 129
— открытых слогов 48-49, 69, 155, 167, 182-185, 192, 207, 216, 226, 248
Звук. Звук и фонема. Физическое и функциональное в звуке 123-124, 125-126, 127, 128, 130
Звуковой состав праславянского языка 133-135, 180-182 См. также соответствующие разделы о гласных и согласных звуках праславянского языка

Изоглоссные области. Понятие изоглоссной области 68-73
— — праславянского языка 68-75
Изоглоссы грамматические, лексические, фонетические 13, 39
— праславянские 189, 202-203, 212-215
Болгаро-лехитские 186, 213, 215-216, 225
Восточнославянские 82, 225-228
Восточнославянско-пралехитские 82, 225, 207
Западнославянские 192, 229-230
Словенско-словацкие 79-80, 191, 202, 220-221
Украинско - белорусско - западнославянские 203
Южнославянские 228-229
Индоевропейская семья языков. Территория распространения
Состав. Классификация 24-27
Интонация 141-142, 158-160, 193, 198, 206-207, 217, 220-221, 234-238
— и количество 160, 193, 231-232, 234
— и ударение 141-143, 158-159, 231, 234-238
История языка. Предмет истории языка 124-125

Категория твердости—мягкости согласных в славянских языках 128, 171-172, 199-200, 201-202, 240-241, 248, 252, 259-260, 274-275, 277
— звонкости—глухости согласных в славянских языках 261-263
Количество. См. также Долгота и Интонация 205-206, 217-218
Контакт языковый 31

Ларингал. Ларингальная теория 18, 126, 135-136, 142, 146-149, 151, 160
Лингвистическая физиология 128
Литературный язык 111

Метатония 159, 234-235
Монофтонгизация дифтонгических сочетаний 171, 176, 192-195, 197, 198, 204-206
Морфема. Морфемы родственные 17-21, 24
Мягкость согласных и смягчение согласных 130, 133, 171-172, 174-175, 182, 201-202, 208, 211-214, 241, 259-260, 301-305

Носовые гласные
Возникновение 193, 204-206, 212, 242-243
Интонация 206
Количество 205-206
Произношение 215, 241-242, 253
Носовые гласные в лехитской группе 286-287
Хронология утраты ринезма в славянских языках 242-246

Общность языковая 31

Палатализация
Первая палатализация 128, 168-170, 177, 200-201, 203, 211
Вторая палатализация и ее результаты 198, 200-204, 208, 211
Третья палатализация и ее результаты 208-209, 211
Соотношение второй и третьей палатализации (различия по диалектам праславянского языка) 201-202, 208, 209-211
Письменность славянская. Происхождение 104-108
Позиция звука. См. также Сверхкраткие гласные:
позиционных изменения
— конца слова 129, 184-185, 188, 206

inslav

— начала слова 136, 138, 185-188
— нейтрализации твердых и мягких согласных 240, 260, 263
— „свободная“ и „зависимая“ в фонетическом процессе 129
Памятники славянской письменности 106-108
Полногласие 218-219, 225-226
Праславянский язык 11, 14-15, 32-33, 52-53
Термин „праславянский язык“ 42-43, 52
Вопросы пернодизации 47-52
Диалектное членение 49-50, 61-62, 66, 68-71, 75
Диалектные особенности 69-71, 77, 191, 202-203, 212-213.
Период существования 43-44, 49, 51-52
Происхождение 51, 53
Территория распространения 56-57, 62-67, 75
Праязыковая форма. Праязык 11-12
Балтийский 159-160
Балто-славянский 27-37, 60-61, 145-146
Восточнославянский 80, 82
Индоевропейский 24-25, 126, 134
Лехитский 77, 82
Романский 17
Южнославянский 75
Приемы изучения истории дописьменного периода 44
Разработка принципов соотносительной хронологии 44
— — внутренней реконструкции 45
Использование заимствований для установления хронологии 45-46
Применение методов лингвистической географии к изучению диалектных различий праславянского языка 47
Последовательное разграничение звуковых позиционных изменений и непозиционных чередований. Изучение перехода звуковых изменений в чередования 46
Последовательное разграничение фонетической эволюции и фонетической субституции 46
Фонологические последствия фонетических процессов 47
Проблема классификации славянских языков и общеславянский лингвистический атлас 41-42
Протетические звуки. Возникновение протетических звуков 185-187
Реконструкция
Внутренняя реконструкция и ее принципы 20-23
Метод реконструкции 9-10, 12-13
Реконструкция прототипов в морфологии 22
— в синтаксисе 22-23
— в фонетике 23
Соотношение внутренней и внешней реконструкции 20-21
Родство языковое 10, 71
Родственные языки 10-13, 81
Близкородственные языки 10
Неродственные языки 13

Сверхкраткие гласные. См. также Сочетание звуковое
Акустическая и физиологическая природа сверхкратких гласных 176-180, 251
Позиционные изменения сверхкратких гласных 232-234, 249-250
Судьба сверхкратких в „сильной“ позиции и хронология изменения сверхкратких 251-256, 268, 272
— — — „слабой“ позиции и хронология изменений сверхкратких 248-251, 254-259, 268-269, 271-274
Утрата сверхкратких гласных 127, 236, 246-247, 257-258, 271-274
Последствия утраты сверхкратких гласных 257-267, 269-274
Силлабема. Эпоха силлабем 126, 241, 248, 257, 274-277, 282, 284
Синхрония. Метод синхронного изучения 125
Сингармонизм слоговой 126, 241, 249
Система языковая. Системные отношения и фонетические процессы 123-125, 127
Система праславянского вокализма и консонантизма 126, 171-176, 199-200, 257, 274
Отношение системы праславянского вокализма к индоевропейскому 143-149
— — — консонантизма к индоевропейскому 150-154
Славяно-германские языковые отношения 95-98
Хронология германо-славянских связей 98-99
Три этапа изучения славяно-германской языковой проблемы 99

inslav

Славяно-финские языковые отношения 100-101
Славянские племена и их названия 86-91
Славянские языки
Состав 37
Территория распространения славянских языков 37
Классификация 37-39, 41-42, 56-57
Славянское языкознание. См. также Сравнительная грамматика славянских языков 39-42, 111-117
Слог. Слог закрытый. См. также Структура слога 141, 257-259
Слоговые плавные 207
Слогораздел
Изменение слогораздела 166, 187-188, 247, 257-259
Последствия изменения слогораздела 187-188
Согласные звуки 184-185, 187-188
Аффрикаты 169, 175-176, 201, 211, 215-216, 226, 228-229, 261, 302-303
Губные 303-304
Свистящие 154
Шипящие 200, 302
Сонанты
— гласные 133-136, 149, 155-156, 207, 271-272
— согласные 133-136, 148-149, 165-166, 269-271
— плавные и носовые 226, 258, 269-272
Сопоставительное изучение языков 10
Сопоставительный метод 24
Сочетание звуковое 137-138
Термин „сочетание“ 131-132
Сочетание и соседство звуков 132
Средства определения состава возможных сочетаний согласных для праславянского языка 138-139
Типы звуковых сочетаний в праславянском языке 131-132
Типы сочетаний согласных 137-141
Сочетания двух согласных tt, ts, tl, dm, dl, dn, ps, pt, pn, bn, ss, kn, kt, bv и судьба их после изменения слогораздела 188-191
— согласных с j 166-169, 265-266
— согласных на конце слова 266
Новые сочетания согласных. Изменения в них 187-192, 264-268
— ort, olt 220-225
— trъt, trьt, tlъt, tlьt 268-271
— tort, tolt, tert, telt 216-220
См. также Дифтонгические сочетания праславянского языка
Сравнительно-историческое языкознание 10, 12, 111-112
Сравнительно-историческое изучение славянских языков в конце XIX в. 116-117
Сравнительная грамматика славянских языков 9, 112
Задачи сравнительной грамматики славянских языков 17, 42
Предмет сравнительной грамматики славянских языков 15-16
Источники сравнительной грамматики славянских языков 15-16
Содержание (состав, объем) сравнительной грамматики славянских языков и исторической грамматики отдельных славянских языков 16-17
Соотношение сравнительной грамматики славянских языков и исторической грамматики отдельного славянского языка 17
Соотношение сравнительной грамматики и этимологии 10, 19
Сравнительная грамматика славянских литературных языков 16
— — — языков и ее отношение к сравнительной грамматике других языков 17
— — Вондрака 116-117, 125
— — Миклошича 112-114
— — индоевропейских языков 10
Сравнительно-исторический метод
Сущность сравнительно-исторического метода 17-23
Сравнительно-исторический метод и метод фономорфологического анализа и этимологического анализа 19, 20
Сравнительно-историческое изучение родственных языков 10-11, 13
Методология и методика сравнительно-исторических изучений. Основной методический принцип сравнения 11-12, 17, 19
Сравнительный метод 10
Старославянизмы 210, 217
Структура языков 13, 23
Структура слога
— — праславянского языка 138-139, 141-143
— — в связи с утратой сверхкратких. См. Силлабема 183
— — в современных славянских языках 183, 257-259

inslav

Стяжение гласных 247-248, 298
Субституция фонетическая 46, 170, 176, 200, 242
Субстрат 13-15
Роль субстрата в праславянском языке 15, 183-184
— — в болгарском языке 13, 85, 298
Воздействие субстрата в области фонетики 128, 183, 301
Сходство языков 12, 15

Теория балто-славянского языка Бругмана 28-29
— прародины славян Розвадовского 64-65
— — — Шахматова 53-55, 58
— этногенеза славян Лера-Сплавинского 58-62
— индоевропейского праязыка Шлейхера 25-26
Терминология в фонетике и фонологии 133
Типология языков 15
Типологическая структура 15
Тожество материальное, структурное (типологическое) и функциональное 23-24
Тожество синхроническое и диахроническое 21
Топонимия
Славянские топонимы в греческих и латинских памятниках 103-104
Транскрипция морфофонематическая 131
— фонетическая 131

Ударение. См. также Интонация 142-143, 158-160, 208-209, 231, 232-238, 273, 305-306

Фонетика. Общие принципы 123-124, 125-126
Фонетическая характеристика звуков праславянского периода 129-130
Фонетические изменения и непозиционные чередования 129
Фонетическая эволюция и замена одного звука другим 128
Предмет исторической фонетики 124, 128
Фонетика межсловная 263
Фонема и вариант фонемы 124-125
Звонкие и глухие согласные фонемы
Фонология. Фонология и фонетика 128-129
Формально-этимологический метод 124

Хронология языковых процессов. Принцип установления соотносительной хронологии 23
— абсолютная языковых процессов 108-109
— соотносительная языковых процессов 109
— процессов в синтаксисе 23

Элементы общие в славянских языках 82
Эпентетический *l* 170, 198, 213, 228, 239, 265
Этимология
Этимологический анализ и принципы его 10, 19
Отношение этимологии к сравнительной грамматике 10, 19
Ложные этимологии 9
Роль этимологии в сравнительно-историческом исследовании 19
Формально-этимологический метод анализа фактов в исторической фонетике 124
Этногенез славян. См. также Теория прародины 53-58, 61

Языковая сообщность. См. Балто-славянская языковая сообщность, см. Балто-славянские языковые отношения
Языковый союз. См. также Балто-славянский языковый союз 13

inslav

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

Славянские языки

Белорусский язык

блошка 271
блыха 271
блышыны 271
бяроза 55

валоссе 266
вянуць 192
вяселле 266

галава 299
галоўка 299
глотка 271
глытаць 271

дзевяць 302
дзед 302
дзень 302
дзяльба 302
дзяўчына 302

жыццё 266

збожжа 266

калóдзеж 99
карова 299
кароўка 229
кветка 203
крывавы 271

свацца 266
студня 99
суддзя 266
сучча 266

трывога 271

узвышша 266

цёмна 302
цемя 302
ціха 302
цягаць 302
цяля 302
цятка 302
цячы 302

яблыня 271

Болгарский язык

абълка 186
агне 186
аз 186

др.-болг. ал(ъ)дии 103
alne 223
алчен 223
алчиост 223

диал. b'áa 298
b'al 282
ср.-болг. балтина 220
бел 282
бележка 263
блато 217
бреза 55, 217
бряг 217, 281
бук 55
бъбля 170, 213
бърна 74
бяха 298

v'àra 304
врата 223
въже 186
възел 186
вълк 269
върта 223
въси 186

газя 94
g'éver 303
g'éte 303
glad 303
glak' 303
диал. glánna 268
град 217
градина 45
грах 163
гръклян 74
гърми 269
гърло 135

да 13
dv'a 282
dv'e 282
десен 74
dete 264
деца 265
джуна 74
длан 190
длето 45, 190
добър 266, 272
dobr'à 282

inslav

драскам 74
дръвник 269
дъб 263
дъно 255
дърво 223
дъска 254
дъщеря 255

едии (еден) 226
езеро 226
елен 226
ср.-болг. ѥлово 227
ср.-болг. ѥловѣлъ 227
елха 227
есен 226
есетра 226

žàba 282
žéb'i 173, 282
заек 210
ср.-болг. залтаринъ 220
ср.-болг. застъпление 245
звезда 202
здрав 223
zek' 303
земя 170, 213
zl'a 282
зъб 263

járka 282
jatka 282
jér'k'i 282
jet'k'i 282

диал. карпа 94
катеря се 94
k'estò 303
кла̀денец 99
kl'ič 285
конна 268
kočán 282
диал. kočéni (*мн. ч.*) 282
крава 217
крия 257
круша 74
диал. krъvav 269
куче 153
кучка 153
кървав 269
kjuč 305

др.-болг. ладии 103
лакът 222
летен 281-282
лето 282
l'id 285
лока 222
локът 222
лоча 222
лудски 197
лъжа 255
ср.-болг. лѭпотѫ 282
лято 281

ср.-болг. малдичиѥ 220
m'ára 304
mesóto 306
мия 257
млечен 281
млъкна 269
мляко 217, 281
мрак 223
мрачен 223
muà 298
muvà 298
mufà 298
mujà 298
muγà 298
мъгла 255
мъжки 264
мълзя 74
мълча 269
мърчина 223
ср.-болг. мъцѣ 245
мюсюлманин 305

обрът 223
обръщам 223
овен 74
олово 227
орел 228
ср.-болг. осьдитъ 245
отидоха 298
отряд 81
оттам 268
ср.-болг. оужѣсъ 282

ср.-болг. пал'тьць 220
памет 260
p'ána 304
pánna 268
пет 260
Петър 266
piján—pijén'i 282
pjuva 305
поддръжка 268
празник 264
път 260
първи 269
пюре 305
радост 266
рало 18
роб, робство 221
руфя 94

ср.-болг. салность 220
ср.-болг. свѭтъ 282
senna 268
sěnóto 306
сетя, сещам 74
скорец 299
слана 74
слънце 265
Stoján—Stojén'e 282
сторя 299
страна 223
стърна (старна) 223
студенец 99
ср.-болг. събота 245
сълза 269
съм 266
съмне (се) 272
сърце 264

тежка 263
těstóto 306
тлака, 190
тласкам 190
tojaga—tojég'i 282
трап 74
трепетлика 75
тъка 255
търг 269
ср.-болг. тяло 282
ср.-болг. тѫкмо 245

utidoa 298

фащам 299
фъфля 213

ср.-болг. халдодавець 220
хитър 266
хлебен 281
хляб 281
хубост 266

цвят 202
цъфтя 203, 272

честит 254
чужд 197
чърда (чарда) 223
ср.-болг. чѣсъ 282
šal, šél'če 282

inslav

шия 257

щене 170

ябълка 186
явление 81
ягне 186

яз 186
яма, ярост 186

Верхнелужицкий язык

babka 263
brěza 55

cuzy 197

dešć 252
dub 263
dźěd 302
dźěło 302
dźeń 252, 302
dźewjeć 283

husańca 187
jabłuko 270
jabłyko 270
jahoda 185
jazyk 283
jedyn 226
jelenk 226
jězor 226

korčma 270
krej 280
krušwa 73
kružk 263

lico 280
lud 263

mjaso 283
mje 283
moch 252
morjo 280

noha 231

pcha 270
pjeć 283
polo 280
płokać 224

rjad 283

smjerć 270
son 252
són 280
sotra 280
strowy 223
studnja 99
sylza 270

tcha 270

torh 270

ćećenje 302
ćelata 302
ćeta 302
ćežki 302
ćicho 302
ćopły 280

wjadnyć 191
wjelk 252
wjerba 270
wobjed 186
wobrjad 186
woči 186
wokno 186
woko 186
wólša 227
won 252
wowca 186
wudra 185

žona 231, 280
zub 263

Македонский язык

ден 252
дош 252

диал. камеjне 266
диал. лозγе 266

сон 252

цутиш 272

Нижнелужицкий язык

bŕaza 55, 280
dub 252

herjoł 228

jazor 280
jerjoł 228
jězyk 283

kjarcma 270
kruša 73
kšej 280
kšuša 73

łdza 270
lico 280

mech 252
měso 283
moŕo 280

pałkaś 224
pas 280
polo 280

rěd 283
słowo 252

sm̕erś 270
soń 280
sotša 280
šopły 280

wen 252
w̕erba 270
weš 252
znam̕e 283
žona 280
źaseś 283
źew̕eś 283

inslav

Полабский язык

bélět 281
bóbə 289
bórnə 220
brődə 220
brödəváiće̯ə 220
brot 289

dan, dånű 254-255
dåu̯g 219
dåzd 254
divąt 280

glăvə 219
gord 220
ǵozdə 281
gräusói 73
gribín 280

jezérö 226

korvó 220

l'ån 254
led 280
l'otű 281

métlə 280
mlăkə 219
ḿoró 281
morz 220
moskó 289

nodzě 216
núdzə̆, nüdza 216
p'ån 254
pă̆u̯nə 219
plókət 289

rict 280

såpót 255
sedlű 280
sist 280

sneg 281
sťaibə̆ 99
st'ónə 281
stórěk 289
stórnə 220
svéćə 281

tă̆kət 255
t'ă̆mə 255
teplű 280
t'ül'ónə 281
zénə 280
zíḿə 280

vås 254
vă̆u̯ckə 219
vornó 220
vortáiḑlə 220
vórtə 220
vuk 219

Польский язык

albo 259
anioł 279

bądź 287
bąk 246
bardzo 285
bark 285
др.-польск. barzo 285
bezzębny 268
biada 280-281
biały 280
bieda 281
biedny 260, 281
bieg 280
bieleć 280
bitwa 276
błąd 286
błędny 286
błoto 217
bóg 254
bogactwo 264
bok 254, 273
bór 57
brać 279
диал. bråma 289
brzeg 142, 218, 279
brzoza 55, 217
byt 276

др.-польск. charpa 220
др.-польск. chelm 286
chleb 262, 273, 280
chlew 280
chłop 262
chodzenie 302
chyba 276
chylić 276
chytry 254, 276
ciec 302
cielak 302
ciemię 302
ciemno 302
cieńki 302
cień 302
ciepły 279
cięciwa 232
cudzy 197
czarny 285
czółno 286
czoło 279, 281
czytać 302
ćma 260

dąb 236, 246, 262, 273, 286
dębina 232
długi 286
dom 273
drzewo 223

drzwi 272
dwór 288
dziad 262, 302
działo 281, 302
dzieło 281
dzień 211, 253, 260, 302
dziewa 302

garb 285
gardło 135, 285
gąsienica 187
gęś 153
ginąć 254, 276
głowa 218, 236
gniazdo 280
gnieździć się 280
gra 256
groch 163
grusza 73
gwiazda 202

jabłko 270
jagoda 185
jary 144
jaź 74
jechać 144
jeden 226
jeleń 226
jesień 226

inslav

jesiotr 226
jestem 266
jezioro 226
jeż 227
igra 256
imać 256
iskra 256

kąt 236
karczma 285
kark 285
k'ełč 286
kinąc 254, 276
konny 268
krąg 286
kråj 273
krew 270
krowa 142, 217-218, 231
król 236
krótki 258
kruša 73
kryć 257
kwiat 202, 273, 280, 299
kwiść 203

łabędź 227
łampa 259
łania 227
las 273
łata 46
lebioda 227
letni 260, 281
łoboda 227
lód 279
łoś 227
łyko 148

martwy 285
marznąć 285
mącić 287
mąka 231, 286
mąż 287
męka 286
męski 264
miara 280
miasto 280
miąć 287
mieć 256
mierzyć 280, 285
mieścić 280
miesiąc 287
mięso 286
miód 279
milczeć 157
mleko 217
mnich 202
mowa 286
mrok 223
mucha 276
myć 257
mydło 189
na czczo 268
nędza 211
nieść 279
noc 262
noga 231
nos 262, 273,
obrotny 223
oddział 268
ogród 217
ojciec 303
olcha 227
olsza 227
orzeł 227
orka 259
ostróżny 258
диал. owca 273
др.-польск. owien 74

pałka 259
pański 258
parskać 285
pątnik 287
pchla, pcha 270
pęk 262
pełny 286
pełzać 286
piana 280
piątka 273
piąty 286-287
pienić się 280
pierwszy 285
pies 254, 276, 279
pięć 286
pilść 157, 286
piwo 304
pleść 279
płużyć 153
poddany 268
postrobić 223
prawda 289
praźnik 264
prędko 273
prośba 260
диал. provda 289
диал. ps'ivo 304

radło 18, 221
ręka 231, 236, 246, 286
rokita 221
rot 275
др.-польск. rozgard 220
rząd 246, 286-287
rzeka 280, 305

sąd 287
sadza 211
sam 273, 289
sąsiad 287
sąsiedztwo 264
sędzia 286
sęk 286
sen 253
serce 264, 285
siąkać 287
sinieć 276
siostra 254
šivo 304
skibka 99
skra 256
słomka 273
др.-пол. słuńce 286
słup 286
śmiech 280
śmierć 285
sól 273
sosna 57
studnia 99
syn 276
szary 202
szyja 257

tęcza 286
tęgi 286
tłusty 286
trawa 289
диал. tråva 231, 289
trąba 231, 286
диал. trowa 289
twardy 285, 299
twierdzić 285

wąs 186
wątroba 186
wełna 286
węch 254
węzeł 186
więdnąć 191
wierzba 285
wierzch 285

inslav

wieść 279
wieźć 279
wilga 157, 286
wilgoć 286
wilk 157, 276, 286
wilknąć 286
wioska 279
Władysław 217
władza 217
własny 217
włoch 202
wół 236
wydra 185
ząb 236, 273, 286
zamek 289
zdrajca 303
zdrowy 223
ziarno 285
ziemski 259
zięć 286
zima 276
др.-польск. zgardzenie 220
zgiełk 157, 286
żeński 260, 279
żołna 286
żółty 286
żona 231, 279, 281
żonin 281
żonisko 281
zysk 276

Русский язык

диал. алынья́ 227
Анна 258
арба 258

банда 258
банка 258
банька 260
b'édnəj 302
béd'nyj 302
бедный 260
беззвучный 268
берег 142, 217
береза 55, 217, 279
бил 124, 275
блоха 271
боб 233, 262
богатство 264
болото 217
болтать 258
большой 258
бомба 258
бôп 236
борода 236
борьба 260
брат 260
брать 260
братья 265
брякать 210
бряцать 210
бузина 56, 152
бук 55-56
был 275

валун 291
варяг 98
вдова 306
везти 277
вера 279
верба 157
верх 158
ветер 266
взять 20, 282
ворон 135
ворона 135
вил 275
вобла 186, 288
вода 159, 275, 291-292
возглас 217
вол 233
вôл'а 237
vʷól'a 288
волен 306
волк 219, 251, 271, 275
волосы 236
волосья 237
волчица 271
Вольга 288
вольготный 271
вон 260
вонь 260
ворота 223
восемь 186, 260, 288.
диал. вôсим 132
восклицать 208, 210
вострый 186
вотчина 186, 288
вошь 251
время 81, 217
выдра 185-186
выкликать 209
выл 275
вымя 186
др.-русск. въ нѣмь 272
вянуть 192

гибель 275
глотать 271
голова 219, 236
гордый 258
горло 135, 156-157
горн 157
город 152, 159, 217, 262
горох 163
горсть 157
горящий 81
gr'ez' 282
греметь 271
гроздья 265
гром 268
груша 73-74
грушка 74
гусеница 186
гусь 153

давлю 195
дам 259
др.-русск. дамь 259
дверь 159, 271-272
двигать 208
двигаться 210
диал. двôр 132, 233, 236
дѣвица 210
дело 279
диал. дён 279
диал. д'ен 302
день 252, 260
дерево 223
деревья 237
d'exka 299
дикий 275
длинна 258
добрый 257
долгий 251, 271
дом 299
доска 254
достигать 209
досягать 210
дощатый 254
дрова 268
друг 297
др.-русск. дрѫзга 204
дуб 233
дубок 233, 251

inslav

душа 159
дым 275
др.-русск. дѣло 279
еж 227
ежевика 227
диал. езеро 227
диал. елошник 227
диал. ёлха 227
диал. елховый 227
ем 259
др.-русск. ѣмь 259
диал. есень 227

ехать 144, 173

жабры 152
жбан 265
железà 219
желчный 157
желчь 152
жена 231, 279, 306
женский 260, 279
жерло 135, 156-157
жизнь 275
жнец 255

запонка 20
запутывать 20
заяц 256
звезда 202, 279
диал. zvir' 288
здоров 223, 237
здоровье 237, 265
здоровый 223
зеркало—зерцало 210
зима 275
злой 152
диал. зород 152
зуб 233
диал. zvir' 288
зыбкий 275

Иван 275
иго 256
игра 256, 306
иголка 256
избавлю 195
диал. и́м'о 278
имя — имена 20, 256
искра 256

кадры 258
др.-русск. камѣнь 272
др.-русск. камени 272
кинуть 275
кликать 208, 210
клоп 275
князь 210
ковать 195
когда 258
диал. кôжа 132
диал. kʷóža 288
колодец 99
колосья 237, 265
конец 21
конный 268
диал. кôнь 132, 233, 236
копье 265
корма 157
корова 142, 153, 217, 299
король 236
диал. корохка 299
коршун 258
кость 158-159, 265
кочка 258
диал. кôшка 132
крепок 251
крест 268, 271
кровавый 255
кровь 255, 265, 271
крошить 271
крыть 257
диал. кстить 271
купец 279
диал. kúric'a 301
кую 195

лавка 300
ладья 265
лакать 221
лампа 258
лань 227
ласка 300
латка 46
лебеда 225
лебедь 225, 227
легок 306
лед 256
лес 279
летний 260
лик 208
листья 265
диал. лис 288
лицо 208
ловлю 195
лодка 221-222, 300
лось 227
лошадь 275
луна 300
лыко 148, 300
льгота 271
любовь 265

мачта 258
мед 158
метнуть 192
мил 275
млечный 217
много 264
молозиво 74
молоко 217, 219
мольба 260
диал. мóр'о 278
морока 223
мост 271
мох 251
муж 233
мужской 264
мука 231
муха 275
мшистый 251
мыл 275
мыло 189
мыть 257
мясной 292

нарикать—нарицать 210
начало 21
начать—начну 20
нельзя 210
нить 275
Ничипор 100, 170
нôв 132
новый 257
нога 231, 275
нож 233
нос 251, 275
носить 237, 277
иôша 132
диал. nʷóša 288
ныть 275

облик 208
оборот 223
овен 74
огонь 266
одежда 81
один 226
др.-русск. ожикъ 227
др.-русск. ожь 227
озеро 226, 227
окунь 153
олень 226-227

inslav

олово 227
ольха 227
орел 227, 233
диал. оржаной 271
осень 226
осетр 226
осквернять 203
особа 273
ѹсязать 210
отдел 268
отец 260, 264, 275, 279
отче 265
охотно 260

память 259
panar' 300
первый 157, 251, 271
пес 279
p'et' 282
печь 158
др.-русск. пѣщь 272
пил 275
диал. Pilip 300
писать 142
письмо 260
пить 292
плести 277
плечо 278
др.-русск. плодъ 259
площадь 306
плоть 271
побережье 237
подвизаться 208, 210
подданный 268
поддержка 268
подушка 19
пол 158
ползать 153
полк 219
полный 219
полои 271
полотно 46
польза 258
ponar' 260
правлю 195
праздник 264
проникать 210
проницать 210
просьба 260
прутья 265
пустой 258
путь 259
пыл 275
пытка 258
пяток 273
др.-русск. пѣщь 272
пять 259

раб 222
рабство 222
равный 81, 222
раз- 222
разве 258
ракита 221
рало 18, 221
редька 260
ржаной 271
риск 275
диал. робота 221
ров 256
ровный 221-222
др.-русск. ровъ 256
рожь 271
роз- 222
диал. рокита 221
рот 275
рука 158, 231, 275
русский 267
рыскать 275
saraxván 300

сбор 255
свадьба 260
семь 260
сердце 264
серьга 260
сестра 292
сзади 268
синий 257, 275
скверно 203
скорбь 135, 156-157
скучно 265
слеза 268, 271
слон 275
смерть 271
смертельный 271
сноп 236
совать—сую 195
собор 255
солнце 265
соломка 273
сон 251
диал. сон'цо 265
диал. сон'ц'о 265
сопло 58
соседство 264
сосна 57, 260
состязаться 210
сотворить 255
др.-русск. спѣлый 279
спелый 279
ссора 268
др.-русск. сторовый 223
ставлю 195
стена 142
стол 260, 299
столь 260
сторона 223
страна 217
сшить 268
сын 275
др.-русск. сънѣдь 182

танк 258
теплый 277
тетенька 260
тетка 279
тетя 279
теща 255
тина 275
тиун 98
t'ma 302
толстеть 258
t'omnyj 302
торг 157, 251, 271
торговля 271
торжище 271
диал. торх 300
трава 231
диал. трахка 299
тревога 271
труба 231
тьма 260
тын 275
тягаться 210

угол 260
уголь 260
уповать 255
др.-русск. устороѹнтися 223
учение 272
ученик 209
ученица 209
ущерб 135, 156
диал. xvir' 289

хитрый 275
диал. hlib 288
диал. xfabrika 300
диал. xfunt 300

цвести 203, 272
цветок 202
диал. ска 254

inslav

чайка 258
чан 254
черемуха 153
член 219
что 265
чужой 197
чур 100
Чурило 100

шелом 219
др.-русск. шѣсть 272
шея 257
шить 275
шлем 219

щенок 169
щерба 157
щербина 157

ябеда 98
яблоко 271
ягода 185
язь 74
якорь 98

Сербохорватский язык

безáконье 268
bëo 269
bìo 269
блäто 217
bljüdo 98
бöб 263
бôг 263
бòгатство 264
диал. bògastvo 264
бôд 263
бòрба 160
брâћа 265
brädva 98
диал. братја 266
брêг 142, 217
брёза 55, 217
бр̏њица 74
бỳк 55

вёнути 192
вêран 299
вй 232
вйдра 185
шток. vìra 288
чак. vìra 288
диал. vl'ëra 266
вô 159
вòда 159-160, 299
кайк. vôzl̥ 272
вр̏ба 269
вр̏зати 269
вр̏х 207
вỳк 269

гвôжђе 265
gléto 190
glijèto 190
грâд 159, 217, 231
гр̏кљан 74
гр̏ло 135, 269
грôжђе 265
гỳба 135
гỳсеница 187
гỳтати 269
гỳтљај 269
дâвим 195

дäжда 229
dân 253, 259
дâр 142, 159
дёсан (дёсни) 74
дйзати 210
длäка 190
длäн 190
длéто 190
др.-сербск. добитакъ 253
дöбар 266
кайк. döbr̥ 272
дóћи 266
дôм 159
др̏во 269
дрòжда 229
дрòждина 229
дỳб 263
дỳг 99, 207
дỳг 207, 263
дỳпчац 263
дỳша 159
ђёд 214, 266
ћёвојка 214
кайк. žalösn̥ 272
чак. žätva 283

жбäн 265
жёна 160, 231
жỳт 269
звéзда 202
здрâвље 265
zemjä 305
зёт 157, 206
чак. znân 166
зоб 263
зỳб 206, 263
зр̏но 207
йзбавим 195
jägода 185
jâz 74
чакав. jazìk 283
jäхати 193
jèdan 226
jêж 227
jёзеро 226
jèлен 226
jёлша 227
jèсам 266
jёсён 226
jèсетра 226
чак. jûdi 305
чак. kâšej 305

клäденац 99
клâсје 265
кôњ 259
кòпље 265
кôст 159
кошћу 265
крäва 142, 217, 231, 236
шток. крâљ 235-236
чак. кайк. посав. král' 235-236
кр̏в, кр̏вав 269
кр̏вљу 265
кр̏йјем, крити 257
кр̏ст 269
крỳшка 74
кỳка 135
кỳпа 135

лäбуд 227
диал. láditi 299
лâђа 265
лäко 253
лäнад 227
лàтица 46
љёб 214
лéцати се 210

inslav

лйко 148
лйшће 265
лòвим 195
лбзје 265
лòкање 222
лòкати 222
љу́бављу 265

мâст 159
мêсо 206
мêд 159
mëtva 98
мй 232
мйјем 257
кайк. misļ 272
мйло 189
млéко 217
чак. mölin 166
кайк. môdţ 272
Мрата 50
mùva 298
му́зем 74
му́ка 231
му̀шки 264

нâјјачӣ 268
најју̀жнији 268
ийцати 210
чак. nóg 236
нòга 231
нôж 263

ȍбрт 223
ȍбртати 223
óван 74
диал. odòval'a 299
ȍлово 227
ȍрао 228
осéзати 210
ostriš 153
ȍтац 265
ȍче 265
пäднути 192
педèсēт 267
пô 159
чак. počäti 283
пòштен 265
прäвим 195

кайк. prâzṇ 272
прâзник 264
прорйцати 210
диал. пругје 266
чак. prútje 237
пру̂ће 265
пу̂н 269
пу̀стити 229
пу̂т 206
пу̀т 269
пу̀то 206
пу́штати 229

рäдошћу 266
рâж 253
рäло 18
рàсипати 268
рйба 142
шток. ríka 288
чак. rikä 288
рȍб, рòба 221-222
ру̀да 160
чак. rúk 236
ру̀ка 160, 231
сäн 253

чак. sän 166
кайк. svêkţ 272
сȅзати се 210
свȅ 264
свй 264
сȅтити се 74
сйн 142, 259
сйто 197
скврнáвити 203
сквр̄на 203
Скрадин 50
скр̄б 135
слáна 74
слàтко 263
слàтковина 263
slunce 286
диал. snäja 298
снȏпље 265
ср̄це 264
srijemuš 153
srijemuša 153

ср̄пски 263
стäвити 195
стâи 159
стäрост 232
стéзати 210
стйцати 210
стра̂жа 235
чак. кайк. посав. stráža 235
студéнац 99
су̀за 269
Сукошан 50
сунце 265
Супетар 50
Сушћепан 50

тéшка 263
тй 232
тйца 264
тйцати 210
ткȍ 264
тлáка 190
тлáчити 190
трáва 231
трäп 74
трепèтљика 74
тр̄зати 210
тру́ба 231
ту̂ђи 197

удòвица 299
у̀нук 299
у̀пити 299
диал. účac 299

фáлити 299

хвáла 234
хйтар 266

цвàсти 203, 272
цвâт 272
цвàтēм 203, 272
цвàтети 272
цвêт 202

члâн 219

шйја 257

Словацкий язык

biely 288
blato 217
bôb 132
bočka 252
bohatstvo 264
breh 142, 217, 288
breza 55, 217
chlap 268
chlapom 252
chvála 234

inslav

dážd' 252
deň 252
desat' 283
desiaty 283
deviaty 283
diel 288

hrad 217
hriech 288
hrmiet' 270
hviezda 202

jazyk 283
jelša 227

kamenný 267
kôň 132, 288
král 236
krátky 290
krava 142, 217, 231, 236
kŕč 290
krvavý 270
kura 283
kvet 202

laket' 221
l'an 255
laní 221
lanský 221
ebkový 252
les 288
lod'ka 221
lokat' 221

mach 252, 255
mäkko 283
mäso 283, 304
mesiac 283
mlieko 217
moc 268
mucha 79, 236
múka 231
muška 236
mylo 191

najjasnejší 267
napĺňat' 290
niesť 288
noha 79
nôž 132

oddych 267
okúň 153
orol 228
ostriež 153

padat' 268
padla 191
padnút' 192
pál'ava 289
päť 283
päta 283
podaný, poddaný 267
poddat' sa 267
prázdniny 264

rakyta 221
rást' 221
rázštep 221
rázvora 221
ražeň 221
reka 288
riad 283
riadit' 283, 289
riect' 288
robota 221
rovno 221
rovný 221
rozvod 221
ruka 79, 231

sa 283
sad't'e 267
salo 191
sebě 79
sedlo 191
sen 252
slama 236
slamka 236
slnce 265
slza 270
sobě 79
som 266
studna 99
susedstvo 264
sväzok 283
šilo 191
štvorručný 267

ta 283
tábor 289
ť'a 283
t'ah 283
ťažký 283
tebě 79
tel'a 283
tobě 79
tráva 231, 289
trúba 231

vädnút' 191, 283
večierok 288
viazat' 283
viedla 191
'viest 288
vôl 236
vôl'a 236-237, 288
vziat' 283
zajac 283
zat' 283
žena 79
žl'aza 219
žriebä 283

Словенский язык

blátǫ 217
bogástvǫ 264
диал. böha 293
brę̨g 142
bręza 55, 217
búrja 305

cvęt 202
dân 253
dę̨sən 74
dláka 190
dlàn 190
dǫ̨bər 266

édən 226
gladka 263
диал. glâka 190
диал. gléto 190
gorję̨ 305
grâd 217, 231
grmę̨ti 270

hítər 266
hrib 263
hvála 234
izslę̨díti 267
izzvati 267
jélen 226
jesę̨n 226
ję̨zerǫ 226

inslav

kameno olje 267
диал. klačiti 190
králj 236
kráva 142, 217, 231
krvâv 270
kučək 153

lân 253
ləž 253

mâh 253
mlękǫ 217
mǫka 231
mółzem 74
morję̂ 305
móški 264
mràz 263

oddáti 267
oddę̂ləк 267
oddìh 267

диал. ohòń 293
ǫlovǫ 227
óvən 74

pádla 191
pâdəl 191
plétla 191
plétəl 191
podanik 267
polleten 267
poštèn 265
práznik 264
prǫtje 237

rež 253
ròb 222
róka 231

sen 253
sętiti se 74
skŕb 135
slána 74

диал. snàha 293
sosę̂ska 264
srcę̂ 264
studénec 99

tláčiti 190
tláka 190
tráva 231
trd 299
trepetljíka 75
trǫba 231
trstíka 270
tûj, tûjəc 197

vęniti 192
vǫlja 237
vrabci 263
vrh 207

zórja 305
zrnǫ 207
zvęzda 203

Старославянский язык

авнатарь 146
азно 74
алдаи 223
*алдьыне 103
алнин 223
алкати 223-224
алъниꙗ 227
альфеовъ 224
анѣелъ 224
аньдрѣи 224
архиерѣй 224
балтина 220, 224
блато 217
брашьно 250
брѣгъ 217
брѣза 217

весло 187
влькъ 157, 173
вонꙗ 167
въдовица 250
вънъ, вънѣ 250
вꙗнжти 192

гн'нда 203
градъ 217
градинкъ 45
грети 187
гризетъ 276
грѣсъ 187

дати 187
десьнъ 74
дождь 252
Драгомиръ 45
дрѣво 223
дрѫгарь 95
дрѫзга 204
дъва, дьвѣ 250
дъждь 252
дъно 187
дъска 204

ехидънова 224
юдинъ 226, 228
юзеро 226, 228
юлень 226, 228
юсень 226
юси 187

жласти 219
жона 278

зълоба 250
зьлѣ 250

иго 256
игра 256
издрѫщи 139
имѧ 256
искра 256

ити 247

катапетазма 261
ключь 203
крава 217
къде 250
кънѧзь 250

лазаръ 146
лазоръ 146
лань 227
летати 187
ложъ 252
лоно 187
лъжь 252
людьсцин 204

масло 187
мести 187
млъзѫ, мльщи 74
млѣко 217
молити (сѧ) 247
мрьцати 207
мѫжь 173
мѫка 245

облако 187
овьнъ 74
овьца 201

inslav

олтарь 224
оса 187
отъца 201, 209
отъкрити 276

плънъ 157
поуьтенъ 265
пръвъ 269
пъсалъмъ 224

риба 276
робъ 221
розбойникъ 221
розвѣ 221
розлиуьнъ 221

рѣхъ 161

свьнетъ 272
скврьна 203
слышати 276
срьдьце 269
стоуденьць 99
сцѣголъ 204
сѣтити сѧ 74
съдравъ 223
сънъ 187, 248
сѫбота 245

тети 187
тоуждь 197

тысѫща 151
тысѧща 151

хризъма 224

цвисти, цвьтѫ 203, 272
црькъі 203

число 187
чисъ 187
члѣнъ 219
чьто 250

щоуждь 197

юнъ 173

Украинский язык

бабка 263
бажання 266
баский 163
басувати 163
бджола 279
бджолі 279
берéза 55
блиск 272
блищати 271-272
борідка 237
борода 236-237
борона 236
босóрка 163
босоркýн 163
будка 263

ватра 92
весілля 266
вівсяний 186
вівця 288
віз 251, 273
вікно 186
віссю 266
волосся 266
ворона 237
восика 186
воша 251
вулиця 186
vúlic'a 301
вчора 278
в'янути 192

глитати 271
глотка 271
голівка 237

голка 256
голова 236-237
грати 256
граття 256
груша 73
дід 263, 288
дім 273

життя 266
жона 278

захід 273
збіжжя 266
зілля 266
знання 266
зуб 263
зябра 152

ігла 256
іграти 256
іду 256
ім'я 256

казка 263
камінь 273
квіт 203
кінь 273
клоччя 266
колода 237
колодка 237
колóдязь 99
корова 237
кривавий 271
крити 257
крию 257

кров 271

лебідь 273
ліс 288
літо 288
любов 266

маззю 266
мачоха 278
мед 263
мити 257
міст 273
міццю 266
molodéc' 302
molodíc'a 301
мох 251
м'ясо 304

нести 251
Ничипір 300
ніс 273
ніч 273
ніччю 266

Опанас 300
опліч 273
осінь 273

писання 266
піддашшя 266
піджога 278
піря 266
піч 273, 288
пічник 273
плічко 273

inslav

подвір'я 266
почуття 266
prác'a 301
прізвище 273
пшоно 278
п'ять 304

радість 266
ремінь 273
риб'ячий 304
р'ідко 263
рокита 221
роспитати 263

сестрі 288
сила 276
сіл' 266, 273
сім 273
син 276
сіно 288
др.-укр. слиза 273
сліза 272
слово 273
сміття 266
сон 251
сорока 237
сорочка 237
сторінка 237
сторона 237
стояти 273
суддя 266

тихо 276

хліб 263, 288
ходити 276

цвісти 203

челен 219
чоловік 278
чотирі 278
švec' 302

шість 288
шия 257

щастя 266

ярий 144

Чешский язык

Anna 267

bába 236
bajka 285
bílý 288, 290
bláto 217
blecha 270
bohatství 264
bosorák 163
bosorovat' 163
brada 237
brádka 237
bratr 254
bratře 254
břicho 284
břeh 142, 217, 288
březí 237
bříza 55, 217, 237

cizí 197
др.-чеш. cka 254
čas 284
často 283
čeládka 260
čelist 284
čest 254
диал. član 219
článek 219
člen 219
čtyrruký 267

daleko 232
dar 142
dárek 289
dej 285
děkuji 294
dělati 284
denní 267
desatero 283
desátý 283
deset 283, 288
desítiletí 283, 288
deska 254
devatero 283
devátý 283
devítina 283
devět 283
děj 284
dělati 283
díl 288
dítko 276
dlouhý 286
Dolás 164
диал. došt' 254
doubek 246, 289
doubí 237
držeti 283
dřvi 272
dub 236, 263
dubina 232
dým 289
dýně 276
dvůr 288

hlava 237
hlávka 237
hluk 286
hrad 217
hrdlo 135
hruška 73
hříbě 283
hřích 288
hřmíti 270
hvězda 202

chám 289
chlum 286
chvála 234

jablečný 270
jablko 270
jablkový 270
jáma 236
jazyk 283-284
jeden 226
jelen 226
jezero 226
jež 227
jih 284

kámen 289
kamenný 267
kde 294
kdo 263
klíč 284, 289
kluč 286
koň 284
koňský 260
koupiti 289
kout 236
kože 284
kraj 284

inslav

král 236
krátký 290
kráva 142, 217, 231-232, 236-237, 289-290
kravka 237
диал. krej, kreju 257
krev 270
krt 270
krvavý 270
kryt' 257
др.-чеш. ktvu 272
kůň 273
kuře 283
květ 202
kvísti 203

lákati 221
laket' 221
lakota 300
laň 227
laňka 227, 260
láska 300
látka 46
lat'ka 260
les 288
lid 284
lípa 236
lít 284
lod'ka 221, 260, 300
lok 300
lokati 221
loket 221
loňský 260
los 227
luna 300
lýko 148, 300
luňák 300

malina 232
maso 206, 283
mast 159
máta 283
mě 283
диал. mej, meju 257
meč 284
meze 284
měkký 267, 294
měsíc 283
městí 284, 286
město 304
mízha 204
mléko 217
modlitba 263
moucha 236-237, 246, 289
mouka 231
muška 236-237
myt' 257

nej 284
nejjasnější 267
nésti 284
диал. nist 286
noba 231
obrátiti 223
obrát 223
oddaný 267
olovo 227
oráč 284
orel 228
olše 227
otče 265

panna 267
pata 283
pěkný 294
pěna 304
pět 283, 304
pivo 304
диал. pjivo 304
plaňka 260
plouhati 153
ploužiti 153
pol'e 284
poli 284
pouta 206
prace 284
prázdniny 264
prosba 263
proutí 237
psáti 284
pýcha 289

rádlo 18, 221
rána 236
ráz 289
robota 221
role 221
rostlina 221
roučka 237
rovný 221
rozzlobiti 267
ruka 237, 289
ryba 142, 284
ryk 276
řad 283
řeka 288
říditi 283, 289
říjen 284
říkati 276
řit' 260
řitní 260
диал. sxoda 293

se 283
sele 283
sem 266
semene 232
síla 236
símě 232
siný 276
ska 254
sláma 236-237
slamka 236-237
slunce 265, 286
slup 286
slyšeti 284
sousedství 264
srdce 264
ssáti 267
sviňský 260
stan 159
starost 232
studna 99
svatý 283
svazek 283
syn 142, 159, 276
šerý 202
šíje 257
šit' 254

tah 283, 294
tahnouti 294
tázati se 283
tě 283
tes 302
tele 283, 302
těžko 302
těžký 263, 283
tichý 276
tisíc 302
tlustý 286
tráva 231, 289
trouba 231
troud 289
týn 276

ulice 284, 289

vadnouti 191, 283
vázati 283
večírek 288
vejce 285

inslav

vésti 288
víra 236
диал. víst 288
vojak 284
vojšče 204
vojště 204
диал. von 254
Vrbčás 164
vůl 237
vůle 173, 236-237, 284
vůně
vyšší 267
vzatek 283
vzíti 283

zajíc 283
zamítnouti 192
zboží 273
др.-чеш. zbožie 273
zdráv, zdraví 237
zed' 260
země 304
zednář 260
zedník 260
zet' 283
zub 206, 236
žaba 284
žar 284
žatva 283
žena 231
žláza 219

Древнеиндийский язык

ákṣa-ḥ 144
aṣṭā́u 144
átharvan- 92
avikā́ 144, 149

bháranti 144
bhrā́tar- 143, 150
dámaḥ 144, 150
damitáḥ 147
dānam 143
dháyati 147
dhūmáḥ 150
dínam 149
dīrgháḥ 150
duhitar- 23, 147-148

jambha-ḥ 144
jīváḥ 149

kám 165
kṣṓdati 164
kṣúdhyati 164
kṣudráḥ 164
kṣuráḥ 164

lúñcati 148

māṃsám 154
márati 165
marut 63
mātar-143

nábhas-165
nas- 144
nā́sā 154
náva-165
nīvíḥ 149

pitar-147
pítṛvyaḥ 138
praśnáḥ 151

sám 165
sphā́yatē 147
sphiráḥ 147
sthā-143
sūnúḥ 154
svápnas 165
śárdhaḥ 152
śásati 152
śatám 26
ś(u)van- 153

tāyúḥ 143
tráyaḥ 149

udráḥ 185

várdhatē 192
vidhávā 149
vītáḥ 149
vlēṣkaḥ 166
vṛ́kād 143

Иранские языки[1]

aϑaurvan- 92
arəša- 56
осет. ars 56
asman- 152

barəzah- 152
brāz- 55

čisti- 189

dugədar- 23, 148

mazga- 154

nabah- 165
др.-иран. pitar- 147

radiy 92

sarəδa- 152
satəm 26, 92, 251
spaēta- 151
stāora- 147
tāyu- 143

udra- 185

Армянский язык

araur 18
dustr 23, 148
sirt 151
šun 153

[1] Примеры из авестийского даются без специальной пометы.

inslav

Греческий язык

Ἀβιάθαρ 146
ἄγγελος 224
ἄγουρος 100
ἀδέρφια 46
ἀδρέφια 46
ἄκμων 152
ἄκρος 144
ἀλδαίνω 103
Αλδανες 103
Ἀλφαίος 224
ἀμέλγω 26, 151
Ἀνδρέας 224
ἄροτρον 18
ἀρχιερεύς 224

βυσσινια 100

γένος 96
γέρανος 150
γιγνώσκω 151
γνωτός 143
γόμφος 144

Δαργομιρος 45
δέκα 151
δίδωμι 143
δολιχός 150
δόμος 144, 150, 165
δύω 143
δῶρον 143

ἑκατόν 26, 151
ἑκυρός 152
ἐνεγκεῖν 151
ἔντερα 186
(F)έτος 148
ἔχιδνα 224

Ζαικα 93
ζωστός 143

θήρ 151
θυγάτηρ 23, 147, 148
θῦμός 148
ἶλύς 149
Ἰατραγόρας 92

κάλαμος 151
καράβιον 100, 146
καρδία 151
καταπέτασμα 261
κλέος 151
κραββάτιον 146
Κυρίλλος 100
κυρίς 100

Λάζαρος 146
Λαός 91
λείχω 151
λινεύς 149
λύκως 143

μάρμαρος 220
μάτηρ (дор.) 143
μέθυ 148
μισθός 149

να 13
νεφέλη 148
νέφος 165

Νικηφόρος 100
οἶκος 151
ὄις 144
ὀκτώ 144, 151
ολορος 93

ὀμίχλη 149
ὄρθρος 192
ὄχος 151

πῖθι 149

Σατανᾶς 146
Σκλάβος 90
Σκλοβενοι 90
Σκλαβηνοί 90
σκόρφα (σκρόφα) 46
Στλαυηνοι 90
στερέος 223
στέρφος 223

τατάομαι (дор.) 143
τορπάδ 46
τροπάδ 46
ὕδρᾱ 185
ὕπνοςισς
дор. φᾱμί 143
дор. φέροντι 144

φέρω 148
φόνος 165
φράτωρ 143, 150

Χαρβάτι 91
χετμα 165, 194
χειμών 151
χήν 152
χόλος 151
χόρτος 144, 152
χρτσμα 224

Χρωβατία 91
ψαλμός 224

Албанский язык

daltë 45-46
gardinë 45-46
karpë 94

rob 222
robërí 222
roblúfte 222
rrufé 94

të 13
turp 46

Латинский язык

acētum 100
ăcus 144
ăger 144
albus 227

altāre 100
angustus 151
ărāre 144
ărātrum 18

ăsĭnus 100
ăvēna 144
axis 144

inslav

branca 92

căballus 144
calendae 100
*canapis 100
cănis 153
căpĕre 19
castrāre 152
centum 26, 151
cervus 151
cluco 151
cognosco 151
cŏr 19, 151
culleus 100
culmus 151

dĕcĕm 151
dextĕr 151
Diēspiter 138
dŏmus 144, 150, 165
dōnum 143

ĕgŏ 151

făber 144
fāgus 56
fāma 143
fĕro 148
fĕrus 151
foedus 163
frāter 143, 150
fūmus 148, 150

gĕnŭs 96
grānum 151
grūs 150

hăbēre 19

hanser 152
hiems 151
hortus 144, 152
hostis 144

ignis 165
leō 100
lingo 151
lingua 151
lupōd 143

măre 62, 144
māter 143
mērior 148
mēsa 100
mŏrior 165
mulgēre 26, 151

nĕbŭla 148, 165
nŏvĕm 165
nox, noctis 144, 149
nūdus 165
nŭrus 148

octō 144 151
ŏculus 144
ŏvis 144, 149

pāgānus 100
pāscō 143
pătruus 138
pictus 151
porcus 151
pōtus 143
precōr 151
prŏcus 144
prospĕr 147

quăttuŏr 147

salmō 152
salsus 144
sătus 147
sēmen 147-148, 154
sŏcĕr 152
sŏcrŭs 154
sŏror 154
spērāre 147
stāre 143, 147
stătus 147
suīnus 149

tū 148

vĕho 151
vĕtus 148
vīcus 151
vīvus 149

Румынский язык

aldan 103
altiță 46

baltă 46

daltă 46

gard 46

rob, robíe, robít 222

povidlă 46
povirlă 46

să 13

Кельтские языки[1]

aiss 144
arathar 18
art 56

braich 94
bráthir 143

daingen 95
drong 95

flesc 166
fuan 95

gort 144
grán 151

корн. gun 95
кимр. gwn 95
кимр. llid 95

muir 62

orc 151
ós, uas 19

táid 143
táis 95
кимр. toes 95
tuath 197

[1] Примеры из ирландского не имеют специальной пометы.

inslav

Западногерманские языки[1]

свн. arl 18

berg 152
bilih 96
birihha 151
brother (др.-сакс.) 143
bruoder 143
buohha 56

gans 152

chamb 144
chursina 96
kuni 96
kuning 206

lewo 100

nasa 154
nebul 165

phenning 206
snur 148
swigar 154

др.-сакс. tehan 98
англ. tell 17
англ. tide 17
др.-сакс. timbron 98
англ. to 17
англ. tongue 17
др.-сакс. twēne 98
др.-англ. þrie 98
др.-англ. wrīon 166
wurgen 151
zobel 96

Древнескандинавский язык

akkeri 98

blōme 143

emboetti 98

serkr 96

þjónn 98

*vāringr 98

Готский язык

ahtáu 144
akeit 100
akran 185
akrs 144
asilus 97, 100
asts 144
*ausihriggs 98, 194

bilaigōn 151
biuþs 97
blōma 143
bōka 98, 152
brōþar 98, 143
daúhtar 23
du-ginnan 169
dulgs 97

fōdjan 143
garþs 152
hairda 152
hairtō 151
handugs 205
hund 151
hunds 153

ik 151

kaisar 204
*kaldiggs 99
kalds 99
*katilus 97
kintus 204, 206

*leiva 97

marei 62, 144
*mēkeis 97, 170
mēs 100
miluks 152

niun 165

salt 144
silba 91
skauts 98, 194
skilliggs 206
smakka 98
snaiws 165
sunus 154
swistar 154

taíhun 98
timrjan 98
twai 98

þiuda 91, 197
þreis 98

ulbandus 97-98

watô 98
weihs 151
wein 98
weinagards 98
widuwō 149
wruggo 166

Литовский язык

akìs 144
akmuõ 27, 152
añkštas 161

árklas 18
árti 144
aš 151

ašìs 144
aštrùs 27, 144
aštuonì 144, 151

[1] Примеры из древневерхненемецкого не имеют специальной пометы.

inslav

atmintìs 156
àuksas 161
ãvinas 74
avìs 144
avižà 144

baisenýbė 163
baisùs 163
bėržas 151
biaurùs 34
blusà 148
brólis 143
burnà 74
burzdùs 156

debesìs 165
dėdė̃ 148
dešimtìs 151
dešimtas 156
dėšinas 74
dešinė̃ 151
devynì 165
dìrti 156
draskýti 74
drebulė̃, drebėti 75
duktė 23, 148
dūmai 148, 150
dúoti 143

ėglė 191
ešerỹs 153
ėžeras 151

gãras 144
gařdas 152
gařsas 161
garšvà 162
gerklė̃ 74
gėrvė 150
giñklas 156
girna 156
gývas 149
graudùs 195
griñdys 156
gumbas 135, 156
gumuliúoti 156
gùmulti 156
gurklỹs 74, 156

ìlgas 150, 156

júosti 143
jūrės 63
jūrios 63

kárvė 153
kaūkas 135
kaūpas 135
keřdžius 152
keturì 147
kulkšnìs 156
kirmìs 156
kriáušė 74
kulkšnis 156

liėžti 151
liežùvis 151
lùnkas 148

mãrės 63
mãrios 144
medùs 148
mėlžti 26, 74, 151
mėsti, mėta 189
miglà 149
mìnkštas 156
minti 156
mirtìs 156
mótė 143
mótina 143

naktìs 144, 149
nasraĩ 144
nėšti 151
nýtis 149
nósis 154

ožíena 74
ožkà 74, 151

pántis 206
parankà 92
paršas 151
piėšti 151
pìlnas 156
pirštas 156
prašýti 144, 151
puotà 143

rankà 92, 158
raūdas 195
riñkti 92
rìšti 166
rūkti 148

saūsas 195, 161
sėmenys 148
sėmens 154
sesuõ 154

siūti 140
skáldyti 165
skujà 165
skuřdas 156
skutìklis 165
slaugà 94
slaugýti 94
spiáuti 34
stìrna 151, 153
stóti 143
stulpas, 156
sūnùs 148, 154
šaivà 152
šalnà 74
šãmas 152
šėrti 152
šėšuras 152
šimtas 26, 151, 156
širdìs 151, 156
šuo 153
švìsti 151

tárpas 74
taūras 147
tautà 197
tingėti 156
trėsti 161

ūdra 148, 185
ùngti 156
ùoga 143, 185

vařnas, várna 135
véidas 194
veřžti 151
vèsti, vėda 189
vėtušas 148
vėžti (vežù) 151
viešėti 151
vilkas 143, 156
vìlna 156
viršùs 161-162
výti 149

žambas 144
žařdis 152
žąsìs 152
žėntas 151, 157, 206
žiáunos 74
žiemà 151
žinóti 151
žìrnis 151, 156
žvaigzdė̃ 153
zvãnas 140
žvėrìs 148, 151

inslav

Латышский язык

ąsaris 153
sas 144
àuns 74
avs 144

b|aūrs 34
brālis 143

debesis 165
debess 165
deviņi 165
duôt 143

egle 191

garaiņi 144
gùrste 156

īls 149

kuce 153
kucēns 153

līnis 149

māte 143
mìesa 154

nīts 149

rùoka 92

sàiva 152
salȉms 151
salȉna 74

skalȉdìt 165
skujas 165
skūties 165
smaids 165
sp|aūdît 34
sp|aūt 34
stràuja 139
stràume 139
šūt 140

tàuta 197

uôga 143, 185
virsū 161

zvāigzne 153
zvans 140

Прусский язык

addle 191
assis 144
awins 74

crausios, crausy 74

dumis 150

gurcle 74

kirsnan 156

lunkan 148

mary 63
meddo 148
mensā 154
mūti 143
muzgeno 154

newints 165

rancko 92
rinkt 92
sansy 152
semen 154
seyr 151
tauris 147
tauto 197

Тохарский язык

känt (A) 151
kante (B) 151

mācar (A), mācer (B) 143

oko (B) 185

paikam (B) 151
pās-(A), pāsk-(B) 143

se (A), soyä (B) 154
sar (A) 154

Хеттский язык

ḫaraš 136
haṵas 136

ḫuḫḫa- 136

nepiš 165
pahš- 143

Финский язык

akkuna 177, 250

karsta 45

palttina 46, 178

turku 178

varpunen 45
vasta 45

inslav

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Αγκίαλος 242
Albis 88, 220
Αλδανες 103
Almus 222

Βαρουφόρος 296
Bohemia 94
Βουλνηπραχ 296
Βρέ 103

Chub 242

Dubrave 244

Γαρδενίκια 45

Göding 295
Grusbach 295

Θεσσαλονίκη 146

Jakinъ 177
Iglau 295
Jihlava 295
Kamb 242
König-grätz 295
Kraków 218

Lipavec 293
Luca 244
Laba 220

Лabinъ 177
Ladoga 220
Lwów 218
Μεσεμβρία 242

Njiva 293

Οζερος 227
Osoje 293
'Οστροβουνιπραχ 296
'Ούλβορσί 296

Pest 76
Prag 295
Praga 295
Raban 220
Raigern 295
Ravenca 293
Ravne 221
Ráztočno 221
Rim 177

Skardinъ 177
Solunь 146
Srědьcь 220
Su-Petar 242
Suterman 242

Tonzus 242

Utus 195
Učja 293

Vipacco 195
Vipava 195
Vytъ 195

Wippach 195

Австралия 24
Адриатика 85, 89
Азия 24
Азия Малая 84
Албания 37 84, 220
Алданци (район Скопья) 103
Альпы 76, 78, 85
Америка 24
Анижа 85
Анхиало 242
Африка 24

Бавария 242
Балатон 76
Балканский п-в 40, 53, 76, 80, 82-85, 89, 98, 242
Балканы 85, 222
Балтийское море 57, 62, 66-68, 86, 97
Банат 111
Бачка 111
Беловежская Пуща 57
Бескиды 75, 77
Бессарабия 80
Бечва 77
Блатенское озеро 90
Бобра 88
Богемия 77, 285
Болгария 81, 98, 100, 101, 104, 106, 224, 246, 282
Борисфен 93
Босния 84
Бранденбург 37
Брест 68
Буг (Западный) 59, 60, 62, 64, 67-68, 70, 75-77
Буг (Южный) 70, 76, 86, 89
Будапешт 76

Вага 88
Варна 223
Варта 88
Вахело 242
Вена 85
Венгрия 37, 47
Византия 83-84, 100
Висла 59, 60, 62, 64, 66, 87-88, 182

inslav

Вит 195
Влтава 88
Воеводина 111
Волга 54, 86, 89
Волхов 86, 89
Врбас 89
Вышеград 88

Галиция 86
Гвизда 88
Германия 37
Герцеговина 84
Горынь 60, 70
Градец Левый 88
Греция 37, 45, 84, 89, 100, 224
Грон 88

Дакия 47, 84, 86, 89
Далмация 84
Далматинское Побережье 50
Двина Западная 53-54, 89
Десна 54, 64-65, 67, 68, 76, 89
Днепр 54, 64-68, 75-76, 86, 89, 93, 97 182
Днестр 70, 76, 80, 89, 93, 97
Дон 89
Драва 85, 90
Дубровник 298
Дунай 53, 75-76, 85, 89, 195

Европа 24-25, 58, 66, 75, 95, 102
Европа Восточная 55, 64, 66, 93, 97
Европа Западная 222
Европа Центральная 62
Енжа 90
Епир 227

Загреб 85, 153
Закарпатье 80
Зилья 85

Изера 88
Ирпень (Киевское Полесье) 64
Испания 222
Истра 76
Йесеник 77

Каварна 223
Калининград 55
Калиш 88
Карпаты 62, 68, 75-77, 94, 182, 213, 216
Кварнерские острова 293
Кельцы 243
Киев 89, 91, 263
Константинополь 84
Корошка 85
Кременец 55
Крит 84
Крым 105

Лаборец 75
Лань 60
Лациум 24
Линц 85
Литва 86
Ловать 86
Лом 222
Луга 89
Лужицы 59
Люблянская котловина 85

Мазовшье 190
Македония 84, 103, 106, 224
Мекленбург 37
Места 89
Мизия 84, 98, 101
Молдавская возвышенность 76, 84
Морава 77, 84, 89
Моравия 59, 77-78, 88, 90, 110, 290
Моравские ворота 77
Мста 89
Мура 85, 90

Неретва 89, 90
Несебър 242
Нижне-Валашская низменность 82, 84
Нижнедунайская низменность 76
Николаев 302
Нитра 88
Нотец 88

Огра 88
Одер (Одра) 59, 62, 66-67, 68, 77, 88, 90
Одесса 55, 263, 302
Ока 54, 59, 86, 89
Ондава 75

Паннония 47, 75-76, 78, 84, 86, 89, 216, 243-244
Повисленье 53-54
Поднепровье 53-54, 64
Поднестровье 53
Полесье 57
Польша 62, 64, 86, 88, 94
Польша Великая 59
Польша Малая 243
Поморье 38, 49, 88, 90
Прага 88, 222
Преславль 106
Прибалтика 75, 77, 86-87
Прикарпатье 89, 97
Припять 54, 60, 62, 64-65, 75, 89, 182
Припятская низменность 64
Причерноморье (северное) 77, 86, 97
Проход Дукла 75
Пруссия Восточная 60
Прут 76, 80, 89, 93
Птичь 60

Рижский залив 63
Рим 100
Родопы 84
Румыния 37, 47, 66, 111
Русь 81, 105
Рязань 225

Сава 85, 89
Сазава 88
Саксония 37, 59
Сала 88
Сандомир 243
Серадз 88
Сербия 89
Силезия 59, 110
Скадр 84
Скандинавия 25
Слава 91
Славут 91
Слове 91
Словакия 59, 88
Словна 91
Случь 60
Сож 67-68, 76
Сосна 54
Соча 85
Спрева (Шпрее) 88
Среднедунайская низменность (большая) 75

inslav

Среднедунайская низменность (малая) 76
Срем 84
Стоход 60
Струма 89
Стырь 60
Судеты 59
Сула 64, 89
Сусак 296

Тетерев 64
Тимок 89
Тирас 93
Тисса 75-76
Топля 75
Ториса 75
Траун 85
Триест 85
Тунджа 242
Тъжа 242

Уборт 60
Уж 60
Украина 66, 302
Уна 89

Фессалоники 83
Фракия 83-84

Хемус 84
Хорватия 110

Цельская котловина 85
Цетинья 89
Цна 54

Черногория 84
Черное море 76, 93
Чехия 59, 77-78, 88, 94
Чехословакия 77, 94, 216

Шар-Планина 84
Шлезвиг-Гольштейн 55
Штирь 90

Эллада 83
Эльба 55, 62, 66, 77, 86, 88

Югославия 84-85

Ясельда 60

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Условные сокращения в названиях языков 5
Условные сокращения в названиях словарей и журналов 5

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Сравнительная грамматика славянских языков — важнейшая дисциплина в системе высшего лингвистического образования 9
§ 2. Сравнительная грамматика и родство языков 10
§ 3. Сравнительная грамматика и теория субстрата 12
§ 4. Предмет сравнительной грамматики 15
§ 5. Метод сравнительной грамматики 17
§ 6. Тожество материальное, структурное и функциональное 23
§ 7. Индоевропейские языки. Индоевропейский праязык 24
§ 8. Балто-славянские языковые отношения 27
§ 9. Славянские языки. Их классификация 37
§ 10. Праславянский язык. Методы его изучения. Периодизация истории праславянского языка 42
§ 11. Древнейшая территория праславянского языка 52
§ 12. Древнейшие праславянские диалекты 66
§ 13. Расширение территории праславянского языка во II—III вв. н. э. Праславянские изоглоссные области этого периода 75
§ 14. Заселение славянами Балканского полуострова 82
§ 15. Славянские этнонимы 86
§ 16. Лексические заимствования в праславянском языке 91
§ 17. Сведения о славянских языках в неславянских источниках. Древнейшие славянские тексты. Диалекты славянских языков 102
§ 18. История сравнительно-исторического изучения славянских языков 111
Наиболее известные издания по славянскому языкознанию 119

ФОНЕТИКА

§ 19. Общие принципы 123
§ 20. Звуковой состав праславянского языка до периода балто-славянской общности 133
§ 21. Сочетания звуков 136
§ 22. Древнейшая структура слога, интонация, ударение 141
§ 23. Отношение праславянского вокализма к индоевропейскому 143
§ 24. Отношение праславянского консонантизма к индоевропейскому 149
§ 25. Характеристика изменений в праславянском языке, связанных с периодом балто-славянского языкового союза 154

inslav

§ 26. Последствия утраты слоговости сонантов и возникновение [ir], [ur], [il], [ul], [in], [im], [un], [um] 157
§ 27. Изменение [s] 160
§ 28. Изменение [mj] > [n] 165
§ 29. Судьба согласных перед [j] 166
§ 30. Гласные после мягких согласных 172
§ 31. История гласного [ē] 173
§ 32. История гласных [ū], [ŭ], [ĭ] 176
§ 33. Распределение согласных перед гласными 180
§ 34. Утрата закрытых слогов. Диалектное членение праславянского языка . . 182
§ 35. Утрата конечных согласных 184
§ 36. Возникновение протетических звуков 185
§ 37. Изменение слогораздела 187
§ 38. Новые сочетания согласных. Их судьба 187
§ 39. Монофтонгизация дифтонгических сочетаний 192
§ 40. Монофтонгизация дифтонгических сочетаний с сонантами [j̯] и [u̯] 194
§ 41. Вторая палатализация 200
§ 42. Возникновение носовых гласных 204
§ 43. Возникновение слоговых плавных 207
§ 44. Третья палатализация 208
§ 45. Древнейшие праславянские изоглоссы 211
§ 46. Метатеза в tort, tolt, tert, telt 216
§ 47. Метатеза в ort, olt 220
§ 48. Древнейшие восточнославянские изоглоссы 225
§ 49. Древнейшие южнославянские изоглоссы 228
§ 50. Древнейшие западнославянские изоглоссы 229
§ 51. Сокращение долгих гласных 230
§ 52. Позиционные изменения сверхкратких гласных 232
§ 53. Возникновение новых ударений 234
§ 54. Смягчение согласных перед гласными переднего ряда 238
§ 55. Носовые гласные. Утрата ринезма 241
§ 56. Судьба интервокального [j]. Стяжение гласных 247
§ 57. Судьба сверхкратких в „слабой" позиции 248
§ 58. Судьба сверхкратких в „сильной" позиции 251
§ 59. Частные случаи изменения сверхкратких гласных 254
§ 60. Судьба сверхкратких [ŭ], [ĭ] 256
§ 61. Последствия утраты сверхкратких гласных. Завершение эпохи силлабем. Новая структура слога 257
§ 62. Категория твердости—мягкости согласных 259
§ 63. Звонкие и глухие согласные фонемы 261
§ 64. Новые сочетания согласных. Изменения в этих сочетаниях. Двойные согласные (геминаты) 264
§ 65. Судьба trъt, trьt, tlъt, tlьt. Возникновение новых гласных сонантов . . . 268
§ 66. Заместительная долгота 272
§ 67. Гласные [i] и [y] 274
§ 68. Изменение гласного [e] в [o] 277
§ 69. Изменение гласного [ä] 280
§ 70. Судьба слоговых сонантов в языках лехитской группы 285
§ 71. Носовые гласные в языках лехитской группы 286
§ 72. Судьба гласных в долгих слогах 287
§ 73. Редукция безударных гласных 291
§ 74. Согласные [γ], [h] 292
§ 75. Согласный [x] 297
§ 76. Согласный [v] 299

inslav

§ 77. Согласный [f] 300
§ 78. Согласный [ł] 300
§ 79. Судьба мягких согласных 301
§ 80. Ударение 305

БИБЛИОГРАФИЯ И УКАЗАТЕЛИ

Библиография 309
Именной указатель 316
Предметный указатель 319
Указатель слов 324
Топонимический и географический указатель 345

inslav

С. Б. Бернштейн

Очерк сравнительной грамматики славянских языков

*

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. А. Лесскис.* Технический редактор *А. П. Гусева*

РИСО АН СССР № 69—84 В. Сдано в набор 21/XI 1960 г. Подписано к печати 17/V 1961 г. Формат 70×108¹/₁₆ 22 печ. л.=30,14 усл. печ. л. 25,3 уч.-изд. л. Тираж 3200 экз. Т-05462. Изд. № 4852. Тип. зак. № 966.

Цена 1 руб. 67 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12

inslav

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
26	4 сн.	² αμέλγω	αμέλγω
56	1 сн.	ыл	был
57	9 св.	VEM	VEW
66	2 св.	знакома отдельными	знакома с отдельными
96	21 сн.	γενεσις	γένος
102	22 св.	латинских	латинском
134	8 св.	k, g, i̯.	k, g.
224	10 и 12 св.	алγкатн	ал'катн
224	14 св.	арγχнерен	ар'χнерен
224	14 св.	анγħелъ	ан'ħелъ
224	16 св.	олγтарь	ол'тарь
228	1 св.	herje	herjoł
228	2 св.	jerje	jerjoł
248	22 св.	фонетического	фонематического
259	2 сн.	ъмъ	ѣмъ
298	2 сн.	заднебный	задненебный

С. Б. Бернштейн.

inslav

inslav

С. Б. Бернштейн · ОЧЕРК СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ